

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э. Д. ФРОЛОВ

РОЖДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО
ПОЛИСА

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

Фролов Э. Д.

Ф91 Рождение греческого полиса. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — 266 с.
ISBN 5-288-03520-2

Публикуемая вторым изданием книга проф. Э. Д. Фролова — едва ли не единственное в отечественном антиковедении обобщающее исследование, посвященное ключевой проблеме античной истории — рождению полиса, т.е. формированию того типа социально-политической организации, который стал определяющим для классической древности, для древнегреческого общества в такой же степени, как и для римского. Автор предлагает целостную реконструкцию процесса становления полиса, прослеживая его предпосылки в микенское и гомеровское время, а затем исследуя ход так называемой архаической революции (VIII-VI вв. до н. э.), когда окончательно сложилась та форма независимой городской гражданской общины, которая и именуется полисом.

Книга предназначена для историков, для всех, кто интересуется истоками античной, а вместе с тем и всей европейской цивилизации.

ББК 63.3(0)32

Издание осуществлено совместно с Издательством исторического факультета С.-Петербургского государственного университета

ISBN 5-288-03520-2

© Э. Д. Фролов, 2004
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена проблеме формирования государства у древних греков в той его классической форме, которую принято называть полисом. В своем настоящем виде книга эта представляет собой переработанный и расширенный вариант того очерка, который — под тем же названием — был опубликован в рамках коллективной монографии «Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство)» (Л., 1986). В частности, к историографическому вступлению добавлен обширный критический обзор современных зарубежных концепций рождения греческого полиса и греческой цивилизации вообще, концепций оригинальных, но не лишенных парадоксальных крайностей. Воздействие их ощущается и в нашей литературе, а потому разобраться, в каких пределах возможно безболезненное усвоение этих новых теорий, казалось весьма не лишним. Существенной переработке подвергся также центральный исторический раздел, посвященный формированию полиса в ходе архаической революции VIII–VI вв. до н. э. При этом добавлены главы, характеризующие процесс становления полиса в зоне греческой колонизации, что должно доставить дополнительный материал для суждения о локальных особенностях названного процесса.

К сожалению, пришлось отказаться от первоначального намерения снабдить книгу очерком формирования греческой культуры в век архаики. Тогда исследование охватило бы не только проблему греческого политогенеза, но и всю тему рождения классической античной цивилизации. Однако собственно историческая часть, посвященная социально-политическому развитию древнегреческого общества, настолько разрослась, что места для очерка о культуре уже не осталось. Восполнением этому могут служить отчасти начальные главы другой нашей книги «Факел Прометея (очерки античной общественной мысли)» (Л. 1981 [более полное 2-е изд. — 1991; 3-е изд. — 2004]), отчасти же — монография А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.» (Л. 1985).

Как бы там ни было, мы надеемся, что и в нынешнем своем виде эта книга, трактующая о рождении классического античного общества

и государства, будет небесполезна. В этой связи мы хотели бы заранее указать на ряд положений, составляющих основу нашей исторической интерпретации, которые, мы думаем, возбудят интерес у всех, кто обращается к истории античной цивилизации.

Это, во-первых, идея континуитета. Мы убеждены, что восхождение греков к классической цивилизации началось задолго до собственно архаической эпохи (VIII–VI вв.) и что результативность их социально-политического и культурного творчества объяснялась тем, что известные основы были заложены еще в микенское время (II тыс.), а затем в так называемые Темные века (рубеж II–I тыс. до н.э.).

Во-вторых, идея рационализма, т.е. того сознательного творческого начала, воспитанного многовековым культурным опытом, которое сумело внести порядок в стихийное историческое развитие и форсированным образом привести греческое общество на полисную стадию.

Наконец, в-третьих, представление о достаточно раннем (если иметь в виду собственно исторический период, время архаики) осознании греками своей исторической исключительности, что, в духовном плане, проявилось в развитии оппозиции эллинства и варварства, а по существу стало знаком особенной агрессивности античного мира в отношении к массе окружающих его народов. Горделивая эта позиция оказалась исполнена особенного трагизма: опираясь на плечи варваров, античный мир поднялся на недосягаемую высоту с тем, однако, чтобы в конце концов быть поверженным на землю руками этих же самых варваров. Так, собственным историческим опытом античность подтвердила правоту того представления о роковой круговерти, которое сформулировали еще первые греческие мыслители: «Из чего происходит рождение всякого сущего, в то же самое все исчезает по необходимости; ведь все получает возмездие друг от друга за несправедливость и согласно порядку времени» (Анаксимандр).

Февраль 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Изданная полтора десятка лет назад книга «Рождение греческого полиса» давно уже стала библиографической редкостью. Между тем потребность в ней, особенно у молодых историков-античников, у студентов и аспирантов, остается, поскольку она предлагает целостный очерк рождения античной греческой цивилизации и, что особенно важно, реконструкцию процесса формирования полиса, т. е. того типа социально-политической организации общества, той независимой городской гражданской общины, которая стала основой основ греко-римского мира.

Конечно, за время, протекшее с момента первого издания этой книги, много воды утекло. Появилась масса новых исследований, на которые следовало бы отреагировать, если бы это не обернулось необходимостью, в силу множества неизбежных поправок и дополнений, сильно расширить изложение, практически — создать новую работу. Однако к выполнению такой задачи мы в данный момент не готовы.

С другой стороны, едва ли целесообразно перекраивать произведение, главные параметры которого, по нашему убеждению, остаются верными. Поэтому мы сочли за лучшее добавить в конце книги список новых, наиболее важных, с нашей точки зрения, исследований, знакомство с которыми может доставить читателям материал для необходимых частных корректив. Кроме того, мы поместили в виде приложения статью, специально посвященную дополнительному обоснованию наших главных идей с помощью документального, эпиграфического материала. Надеемся, что это приложение существенно дополнит издание и хотя бы частично удовлетворит интерес читателей к новым разработкам.

Февраль 2004 г.

Глава 1.

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

1. КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИСА

Политическая действительность античной Греции в пору ее расцвета (так называемая классическая эпоха, V–IV вв. до н. э.) характеризовалась прежде всего существованием массы независимых городов-государств, полисов, организованных как суверенные гражданские общины, в которых сплоченные в замкнутую привилегированную группу граждане противостояли остальной массе неполноправного или вовсе даже бесправного эксплуатируемого населения — переселенцам из других городов и рабам. Полис — это факт общественной жизни Древней Греции, но вместе с тем это и теоретическое понятие, выдвинутое первоначально самими же древними, а затем возрожденное и развитое наукою нового времени. Центральное положение темы полиса в общественно-политической мысли классической древности, большое внимание, уделяемое этой теме также и учеными нового времени, более того, выдвигание ее в современном антиковедении на первый план как важнейшей исторической проблемы, характеризующей существо античной цивилизации, — все это требует и от нас некоторого предварительного пояснения как самого понятия полиса, так и всей связанной с ним научной проблемы.

Самое слово «полис» означает по-гречески «город». Семантически оно вполне соответствует этому русскому понятию, обладая схожим кругом более конкретных, исторически развившихся значений. Забегая вперед, отметим главные из этих значений в том порядке, как они развились в соответствии с развитием самого древнегреческого общества. Первоначально, в гомеровское время (XI–IX вв. до н. э.), слово «полис» могло означать просто огороженное, укрепленное место, оплот племени во время войны, постепенно становившийся его посто-

янным административным центром, то, что по-русски лучше было бы передать как «городище».

Затем, в архаическую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.), полисом стали называть и то более обширное и более развитое поселение, которое выросло под защитой этого древнего городища. Последнее стало теперь «верхним городом» — акрополем, тогда как разросшийся торгово-ремесленный посад образовал вместе с ним город в собственном, или, как иногда говорят, социологическом, смысле слова, т. е. центральное поселение, средоточие торгово-промышленной и административной деятельности, противостоящее в качестве такового более или менее обширной сельской округе.

Одновременно с этим слово «полис» стало обозначать и государство, поскольку в классической древности оно практически совпадало с городом и контролируемой им территорией, и даже — и это, с точки зрения существа античной цивилизации, самое главное — коллектив граждан, представляющий это государство и совпадающий с ним.

Представление о полисе как о суверенном коллективе граждан, как о гражданской общине, опирающейся на город и воплощающей в себе государство, эмпирически пролагало себе путь уже и в ранней греческой литературе. Так, уже на заре новой греческой цивилизации и, несомненно, в русле проложенного ею нового ценностного отношения к человеческой личности и гражданскому сообществу у лесбосского поэта Алкея находят отражение мысль о решающем значении в государстве не городских стен и башен, а ополчения сограждан:

Ни грозящим кремлем не защититесь вы,
Ни стеной твердокаменной:
Башни, града оплот, — бранники храбрые
(ἀνδρες γὰρ πόλιος πύργος ἀρείοι)

(Alcaeus, fr. 426 Lobel-Page,
пер. Вяч. Иванова).

Позже, в собственно классическое время, в период расцвета полисного строя, мысль, что полис — это в первую очередь гражданский коллектив или совпадающее с ним гражданское ополчение, становится всеобщим убеждением. Мы находим ее у Софокла в трагедии «Эдип-царь» (429 г. до н. э.), в сцене пролога, в словах фиванского жреца, обращенных к правителю города Эдипу:

Коль ты и впредь желаешь краем править,
Так лучше людным, не пустынным правь.
Ведь крепостная башня иль корабль —
Ничто, когда защитники бежали

(ὡς οὐδέν ἐστιν οὔτε πύργος οὔτε ναῦς
ἔρεμος ἀνδρῶν μὴ ξυνοικοῦντων ἔσω)

(Oed. Tyr., 54–57,
пер. С. В. Шервинского).

Этот же взгляд выражен у Геродота в рассказе о перебранке между Фемистоклом и коринфянином Адимантом на военном совете греков накануне Саламинского боя (480 г. до н. э.). В ответ на требование Адиманта лишить Фемистокла голоса, поскольку-де он не представляет никакого города (Афины были взяты персами), афинский стратег горделиво заявил, что «у его сограждан есть и город и земля большие, чем у коринфян, пока имеется у них снаряженными 200 кораблей (ὡς εἶη καὶ πόλις καὶ γῆ μέζων ἢ περ ἔχειν οἰσι, ἐστ' ἂν διηκόσαι νέες σφι ἔωσι πεπληρωμένοι), ибо нет такого эллинского народа, который мог бы отразить их нападение» (Her., VIII, 61). Еще отчетливее это представление выступает у Фукидида, когда он перелагает речь, с которой Никий обращался к афинским воинам накануне вынужденного отступления от Сиракуз (413 г. до н. э.). Афинский полководец уверял, что если им удастся спастись, то, несмотря на все материальные потери, они сумеют восстановить могущество своего города: «Ведь город — это люди, а не стены и не корабли без людей (ἄνδρες γὰρ πόλις, καὶ οὐ τεῖχη οὐδὲν ἕς ἀνδρῶν χεναί) (Thuc., VII, 77, 7).

Но самым, быть может, убедительным подтверждением распространенности такого взгляда было практическое, при случае, следование ему, как это видно на примере знаменитых Десяти тысяч — греческих наемников, участвовавших в попытке Кира Младшего свергнуть с престола персидского царя Артаксеркса II (401 г. до н. э.). В изображении Ксенофонта, очевидца и участника этих событий, оставившего великолепное их описание в специальном сочинении «Поход Кира» («Анабасис»), наемное греческое войско без труда, когда это понадобилось, конституировалось как полис *sui generis*. Оставшись после гибели Кира и предательского захвата персами греческих военачальников совершенно одни, в чужой стране, в окружении враждебных им войск и народов, наемники не растерялись и сумели сорганизоваться и пробыть именно потому, что они ощущали и вели себя как самостоятельный коллектив, вполне способный к самостоятельному существованию даже при отсутствии обычных материальных оснований — земли и города. Впрочем, этот кочующий полис в любой момент мог стать полисом оседлым, стоило только наемникам закрепиться в каком-либо облюбованном ими для поселения месте. Недаром Ксенофонт, бывший во время обратного похода практически единоличным командующим, дважды пытался, используя находившееся под его началом войско, ос-

новать в Южном Причерноморье новый город. И если попытки эти не имели успеха, то виной тому было не отсутствие необходимых сил и возможностей, а всего лишь недостаток желания у привывших к иной жизни наемников (см.: Хеп. *Anab.*, V, 6, 15 sqq. и VI, 4, 1 sqq.).¹

Но вернемся к интересующему нас сюжету — к определению полиса как гражданской общины прежде всего. Несколько позже такое понимание полиса стало нормою и получило теоретическое обоснование. Это случилось в позднеклассический период (IV в. до н. э.), когда мир греческих полисов стал клониться к упадку и наряду с обычной городской республикой все решительнее стали заявлять себя новые политические формы и единства — возродившиеся тирании, федеративные объединения и особенно территориальные державы с монархическим навалившимся, оттенявшие своим усложненным строением простые черты древних гражданских общин, создававшие таким образом необходимый фон и условия для выявления и определения существа традиционного полисного строя. Во всяком случае, не случайно, что именно тогда политической мыслью древних были предприняты наиболее результативные попытки в этом направлении. В особенности велик был вклад, сделанный Аристотелем, крупнейшим философом позднеклассической поры, чье творчество подвело итог более чем двухвековой работе греческой философской мысли. В Аристотеле полис нашел подлинного своего теоретика, который в «*Политике*» глубоко раскрыл историческую и социальную природу этой древней общественной организации.²

¹ Для оценки распространенного взгляда древних на полис преимущественно как на коллектив граждан ср.: Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I / Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Мариневич, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. М., 1983. С. 11 слл.; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Tl. I. Leipzig, 1957. S. 66 ff.; Will Ed. Le Monde Grec et l'Orient. T. I. Paris, 1972. P. 415 ss. — Что при сохранении дееспособного коллектива граждан отсутствие территории, во всяком случае, не мешало политическому единству оставаться и признаваться полисом, — об этом см. специальную работу Ф. Хампля (*Hampfl F. Poleis ohne Territorium // Klio. Bd XXXII. 1939. S. 1–60.*) — В общем плане о соотношении, доходившем до тождества, войска граждан и гражданского коллектива (полиса) см.: *Mossé C. 1) Armée et cité grecque // REA. T. 65. 1963. N 3–4. P. 290–297; 2) Le rôle de l'armée dans la révolution de 411 à Athènes // RH. T 231. 1964. Fasc. 1. P. 1–10; 3) Le rôle politique des armées dans le monde grec à l'époque classique // Problemes de la guerre en Grèce ancienne. Paris; La Haye, 1968. P. 221–229.* — Специально о войске Десяти тысяч как политическом единстве типа полиса: *Мариневич Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 174 слл.* (с оговоркой относительно исключительной ситуации); *Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. Oxford, 1933. P. 23–42; Nussbaum G. B. The Ten Thousand. A Study in Social Organization and Action in Xenophon's Anabasis. Leiden, 1967* — О колонизационных предприятиях Ксенофонта: *Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Учен. зап. Лeningr. ун-та. № 251. Сер. ист. наук. Вып. 28. 1958. С. 55–60.*

² Более обстоятельное обоснование такого взгляда на Аристотеля см. в специ-

Для полисного грека, каким был Аристотель, одинаково естественным, «от природы», было как объединение мужчины и женщины в семью, так и соединение господина и раба в рамках одного домохозяйства. Дом, или семья (οἶκος) выступает у него элементарной общественной ячейкой. Объединение нескольких семей в селение (χώμη) является следующей ступенью, а объединение нескольких селений в город, или государство (πόλις), обладающее необходимой территорией и населением и способное к самодовлеющему существованию и процветанию, объявляется высшей, совершенной формой человеческого общества (κρηνωτάτη, τέλειος κοινωνία) — постольку, конечно, поскольку жизнь объединенных в это государство людей опирается на соответствующие социально, т.е. на гражданство, ориентированные принципы добродетели (ἀρετή), справедливости (δικαιοσύνη) и права (δίκη) (Pol., I, 1). Но если в плане историко-типологическом полис у Аристотеля выступает как завершающая ступень в системе человеческих сообществ, то в другом отношении, собственно политическом, он оказывается просто сообществом граждан (κοινωνία πολιτῶν) — свободных людей, обладающих правом участия в законодательной и судебной власти (ibid., III, 1).

Это определение полиса как вида политического сообщества, представленного коллективом граждан, естественно согласуется у Аристотеля с признанием нормативности некоторых характерных черт современного ему греческого общества, которые могут быть объяснены только его полисной природою. Так, в делах собственности он признает естественным и наилучшим известное сочетание принципов общественного и частного, из которых первый должен обладать относительным, а второй безусловным значением. В противовес идеальному проекту Платона (в «Государстве»), предусматривавшему запрет частной собственности для высшего сословия граждан в совершенном государстве, Аристотель, со свойственным ему реализмом, с одобрением ссылается на укоренившийся у греков порядок, гибко сочетавший два названных противоположных принципа. «Немалые преимущества, — заявляет он, — имеет поэтому способ пользования собственностью, освященный обычаями и упорядоченный правильными законами, который принят теперь: он совмещает в себе хорошие стороны обоих способов, которые я имею в виду, именно общей собственности и собственности частной. Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной (δεῖ γάρ πως μὲν εἶναι κοινὰς [sc. τὰς κτή-

альных работах: *Жебелев С. А.* Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля // Аристотель. Политика. М., 1911. С. 389–465; *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947; *Доватура А. И.* 1) «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965; 2) «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура, Ф. Х. Кессиди. М., 1983. С. 38–52.

σεις], ὅλως δ' ἰδίας)» (Pol. II, 2, 4, p. 1263 a 22–27, пер. С. А. Жебелева — А. И. Доватура).

С другой стороны показательно определение и заглавной политической тенденции. Аристотель усматривает известную связь между ростом правоспособной гражданской массы и видоизменением политических форм — переходом от патриархальной царской власти через аристократию, олигархию и тиранию к демократии. Последняя и признается наиболее естественным видом государственной организации для современных философу разросшихся полисов. «Может быть, — рассуждает Аристотель, — в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политику.³ Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний — демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию. А так как государства увеличились, то, пожалуй, теперь уже нелегко возникнуть другому государственному устройству, помимо демократии (ἴσως οὐδὲ ῥάδιον ἔτι γίνεσθαι πολιτεῖαν ἑτέραν παρὰ δημοκρατίαν)» (Pol., III, 10, 7–8, p. 1286b 8–22).

Мы привели эти рассуждения древнего философа по возможности в целостном виде ввиду их особой значимости, в качестве исторических свидетельств, для наших целей.⁴ Первое отражает как безусловную реальность современного Аристотелю греческого мира характерную особенность античной формы собственности — ее двуединое качество, что, с марксистской точки зрения, как мы увидим, является определяющим моментом в системе отношений античного общества. Что же касается второго, то здесь важно подчеркнуть, что теоретический вывод Аристотеля о нормативном значении демократии опирается также на своего рода реальность, но уже исторического плана — на сделанное им историческое наблюдение о постепенной и закономерной смене

³Под политией подразумевается древняя аристократическая форма правления (см. Доватура А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. С. 22 и 334 [прим. 22]).

⁴На значение этих суждений Аристотеля о собственности и демократии для понимания природы полиса вообще справедливо было указано Г. А. Кошеленко (см. его статью о древнегреческом полисе в кн.: Античная Греция. Т. I. С. 14, 19).

политических форм у греков. Наблюдение это, подведшее итог эмпирическому изучению прошлого самими древними, позднее с полным правом было использовано и положено в основу той схемы социально-политического развития античной Греции, которая была разработана классической историографией нового времени и которая принята и в настоящем очерке.

Завершая этот краткий обзор идей Аристотеля, заметим, что оценку им полиса как совершеннейшего вида человеческого сообщества надо целиком отнести на счет его собственного политического мировоззрения, вполне обусловленного природою того мира, в котором он жил. Тем не менее данное Аристотелем определение полиса как политического сообщества граждан, под которыми понимаются свободные люди, наделенные имущественной и политической правоспособностью, является по существу правильным, как правильны и другие более частные наблюдения философа над особенностями полисного строя — об исконном двойном характере собственности, равно как и о нормативном значении демократии.

Так или иначе, своими изысканиями Аристотель бесспорно наметил то главное русло, по которому пошла теоретическая мысль и античности и нового времени, интересовавшаяся темой полиса. А интерес к этой теме оказался весьма прочным. От классической эпохи он был унаследован временем эллинизма — постольку, поскольку эллинские или эллинизированные города оставались важными элементами безгранично расширившего свои пределы античного мира. Скажем точнее: наряду с греко-македонской армией они стали важной опорой для новых, возникших вследствие завоевания греками Востока территориальных монархий, так что по крайней мере проблема взаимодействия царской власти с полисом должна была приобрести весьма актуальное звучание.⁵

⁵Правда, интерес к этой теме прослеживается скорее в политической литературе предэллинизма, в творчестве писателей IV в. до н.э. Ксенофонта, Исократ и того же Аристотеля. По поводу первых двух см.: Фролов Э. Д. Огни Диоскуров. Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 135 слл.; для Аристотеля: Доватур А. И. 1) «Политика» и «Политии» Аристотеля. С. 37 слл. 326 слл.; 2) «Политика» Аристотеля. С. 45 слл.; Кошеленко Г. А. 1) Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты общественно-политической мысли Греции IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. №1. С. 59-78; 1) Аристотель и Александр (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам» // ВДИ. 1974. №1. С. 22-44; 3) Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. №1. С. 3-26. -- Труднее судить о развитии этого сюжета в литературе собственно эллинистического времени, поскольку она практически не сохранилась. Что, однако, можно извлечь из имеющихся остатков, — об этом можно судить, например, по следующим опытам: Hammond M. City-State and World State in Greek and Roman Political Theory until Augustus. Cambridge (Mass.), 1951; Sinclair T. A. A History of

Более того, интерес к полису не ограничился собственно греческою почвою, но перешел и к римлянам. В Риме республиканского времени этот интерес стимулируется очевидным сходством социально-политической организации римлян и прочих италиков — их гражданской общины, *civitas* — с полисом греков. И недаром на закате римской республики у Цицерона тема гражданской общины вновь оказалась трактована во всей ее полноте. При этом замечательно самое восприятие Цицероном гражданской общины как особого вида человеческого сообщества, существующего наряду с единствами общечеловеческим, племенным и семейным, но еще более — оценка им, прямо вслед Аристотелю, этого вида общения как наиболее драгоценного для человека (ср.: *De off.*, I, 17, 53 и 57).⁶ Впрочем, и позднее, в период все вобравшей в себя Римской империи, тема *civitas*, а соответственно и полиса не исчезла совершенно с горизонта политической мысли, ибо поглощенная империей городская гражданская община продолжала оставаться важной структурообразующей единицей античного общества, с которой центральная власть обязана была вести более или менее конструктивный диалог.

В новое время, как только кончился период идеализированного эстетски-эрудитского отношения к античности и началось осмысление места и роли античности в историческом процессе, а соответственно и ее особенностей как цивилизации, вновь встал вопрос о полисе. Приоритет здесь принадлежал той национальной школе, которая решительнее всех порывала с традициями академического эрудитства и устремляла взор к острой социальной интерпретации истории, — французской школе. Бенжамен Констан, Анри Валлон и Фюстель де Куланж каждый по-своему содействовали новому рождению концепции полиса.

Б. Констан в речи «О свободе древних в сравнении со свободой новых народов» (1819 г.)⁷ впервые поставил вопрос о принципиальных отличиях цивилизаций античности и нового времени. Если в античности малые размеры государств, непрерывные войны и широкое использование рабов обуславливали широкую политическую активность граждан, их прямое участие в управлении государством, но именно в лице их гражданского целого, в жертву которому нередко приносились интересы личности, то в новое время, наоборот, большие размеры государств, развитие предпринимательской деятельности и обслуживание производства свободными людьми ограничивают непосредствен-

Greek Political Thought. London, 1951.

⁶ Подробнее о взглядах Цицерона на полис-*civitas* см.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М. 1977 С. 25-27

⁷ Constant B. De la liberté des anciens comparée à celle des modernes // Constant B. Collection complète des ouvrages etc. T IV. Paris; Rouen, 1820. P 238-274.

ное участие граждан в политике, делают необходимым представительное управление, но зато повышают возможности личной свободы и личного благополучия. Очевидная политическая обусловленность такого подхода к проблеме, буржуазный пафос утверждаемых Констаном идей представительного управления и личной свободы не должны снижать значения самого развитого им исторического воззрения. Его выступлением не только заново был возбужден интерес к общественной жизни античных народов, но и указана важная ее особенность — преимущественное значение коллективистического, общинного начала.

Путь к постижению античного общества как общества гражданского был, таким образом, открыт. При этом от внимания формирующейся буржуазной науки не укрылась своеобразная двуликость античной цивилизации — наличие в ней наряду с фасадной стороной, гражданским обществом с его несравненными достижениями в области политики и культуры, также и стороны теневой, рабства, которое в значительной степени и вскормило это общество. Походя это было отмечено уже Б. Констаном, а немного времени спустя А. Валлон в специальном труде «История рабства в древности» (1847 г.)⁸ обстоятельно показал фундаментальное значение рабства в жизни античного общества. При этом характерная для Валлона оценка античного рабства с позиций не столько исторических, сколько абстрактно-морализирующих, не должна снижать значения сделанного им общего вывода: эксплуатация рабов доставила свободным гражданам античных городов огромный выигрыш в виде избытка свободного времени, материально гарантированного досуга, но за этот выигрыш они должны были заплатить дорогой ценой — абсолютным нравственным разложением.

Сделанное Валлоном имело значение важного зачина, однако еще долго преимущественное внимание историков привлекала именно блестящая фасадная сторона античности. Впрочем, принижать значения исследований в этом направлении не приходится. Ведь для суждения об историческом процессе в целом изучение социально-политического и культурного намерения античного общества столь же необходимо, как и постижение его фундаментальных основ в лице, скажем, рабства. С этой точки зрения чрезвычайно велико было значение книги Фюстель де Куланжа «Древняя гражданская община» (1864 г.),⁹ где тема по-

⁸ *Walton H. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. T. I-III. Paris, 1847 (2-ème éd. Paris, 1879). Русский перевод (неполный) С. П. Кондратьева: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.*

⁹ *Fustel de Coulange N. D. La cité antique. Paris, 1864 (7-ème éd. — Paris, 1879). Русский перевод Н. Н. Спиридонова: Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1895 (изд. 2-е — М., 1903).*

лиса была, наконец, поставлена и развита в чисто научном плане. Как Валлон показал огромную роль рабства в жизни античного общества, так Фюстель де Куланж обосновал фундаментальное значение гражданской общины, природу которой он, правда, односторонне свел к религиозному моменту — к воздействию патриархальных верований, к исконному у греков и римлян культу домашнего очага, предков, собственного органического семейного или племенного единства.

Между тем еще раньше глубокое, обоснованное определение исторической и социальной природы античного общества было предложено с позиций нового тогда материалистического учения — марксизма. В «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) К. Маркс и Ф. Энгельс впервые представили ход мировой истории как последовательную смену социально-экономических формаций, или, что то же самое, специфических, исторически обусловленных форм собственности. Второй в этом ряду, после племенной, или первобытнообщинной, представлена античная форма собственности, отличающаяся своеобразным двуединым характером, сочетанием общинного и частновладельческого принципов, обусловленным, в свою очередь, своеобразным характером античного рабовладельческого общества.

«Вторая форма собственности, — гласит знаменитое определение, — это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой именно развивается недвижимая частная собственность. Разделение труда имеет уже более развитый характер. Мы встречаем уже противоположность между городом и деревней, впоследствии — противоположность между государствами, из которых одни представляют городские, а другие — сельские интересы; внутри же городов имеет место противоположность между промышленностью и морской торговлей. Классовые отношения между гражданами и рабами уже достигли своего полного развития».¹⁰

Античное общество в изображении Маркса и Энгельса — это, таким

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 21.

образом, общество корпоративное. Это прежде всего гражданская община, сложившаяся на основе исконного этнического единства, опиравшаяся уже на город и сохраняющая и развивающая рабство. При этом именно необходимость совместно противостоять чужеземцам-рабам и вынуждает сохранять общинную форму организации, а вместе с тем до известной степени и общинный характер собственности. Граждане обладают правом частной собственности, но это право обусловлено принадлежностью к привилегированному сословию, к гражданскому коллективу, который обладает верховным политическим суверенитетом и верховным правом собственности.

Изложенная таким образом концепция античной формы собственности открывала неограниченные возможности для адекватного постижения как различных сторон античного общества, так и особенностей его исторического развития. Однако воздействие этой марксистской концепции на новейшее антиковедение скажется гораздо позднее, с формированием советской исторической школы, а тогда — в XIX в. — разработка темы античной гражданской общины была продолжена в русле, однажды уже намеченном исторической наукой.

Таких продолжений было собственно два: в западноевропейской литературе — обстоятельный очерк о полисе швейцарского ученого Якоба Буркхардта (в рамках его «Истории греческой культуры»), а в русской — фундаментальный труд М. С. Куторги «Афинская гражданская община по известиям эллинических историков», оба, опубликованные уже после смерти авторов, на самом рубеже столетий.¹¹ При этом, если Буркхардт, по-видимому, уже под влиянием идей немецкой иррационалистической философии, сгущая краски, склонен был представлять греческий полис как некую принудительную общинно-государственную систему, вбиравшую в себя без остатка отдельную личность, то Куторга, наоборот, в характерном для русского либерализма духе подчеркивал вклад древних греческих республик в политическое и духовное развитие человечества: создание ими совершенного, по меркам древнего мира, типа государства — политии (πολιτεία), или граждан-

¹¹Приведенное в тексте название труда Куторги — условное, но, в общем, верное обозначение, данное издателем для ряда монографических работ, составивших содержание посмертного «Собрания сочинений М. С. Куторги» (т. I-II. СПб., 1894-1896). В 1-м томе выделяются «Основы афинской гражданской общины» (с. 77-151) и «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике» (с. 153-560), во 2-м — «Афинская полития. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение» (с. 195-438). Что же касается очерка Буркхардта, то он составляет основное содержание 1-го тома его также посмертно изданной «Истории греческой культуры»: Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd I. Berlin; Stuttgart, 1898 (новейшее издание, в рамках полного собрания сочинений: *Burckhardt J. Gesammelte Werke. Bd V* Berlin: Rutten und Loening. S. a., где раздел о полисе под заголовком «Staat und Nation» занимает с. 51-307).

ской общины, и выработку в рамках этой последней двух бесценных идей — идеи свободы гражданина и идеи свободы мысли.¹²

Впрочем, восторженное отношение к достижениям древнегреческой цивилизации не мешало Куторге видеть и теньевые ее стороны в лице, в частности, того же рабства, исследованию которого он уделил в своем труде много места и внимания.

Если для XIX в. мы легко могли назвать и охарактеризовать отдельных ученых — своего рода пионеров в изучении темы полиса, то для XX столетия это сделать уже не так просто. В этот век тема полиса стала по существу ведущей в историографии античности. Объясняется это столько же зрелостью самой исторической науки, стремящейся сочетать аналитическое исследование фактов с неперменным теоретическим их осмыслением, сколько и характером современной эпохи, насыщенной глубокими общественными переменами и стимулирующей широкие социологические изыскания, — как непрерывное сопоставление различных явлений и категорий, дифференциацию и уточнение общих понятий, так и проблемный подход и системный анализ обществ настоящего и прошлого. Не претендуя поэтому на полноту, отметим — скорее для иллюстрации, чем для исчерпывающего анализа и оценки — некоторые важные направления в изучении темы полиса в новейшем зарубежном антиковедении.

По-прежнему активно исследует проблему полиса французская наука, которая не только сохранила традиционное направление — понимание и изучение полиса прежде всего как гражданской общины, — но и существенно расширила и обогатила его за счет углубленного рассмотрения, с одной стороны, такой особенной формы полиса, как афинская демократия, а с другой — таких существенных его компонентов, или ипостасей, как город и государство (А. Франконт, Г. Глотц, П. Клоше, Эд. Вильль, Р. Мартен, К. Моссе).¹³ С своеобразных, нередко мотивированных иррационалистическими увлечениями позиций трактует тему полиса новейшая немецкая (западногерманская) историо-

¹²Мы перелагаем здесь высказывания Куторги из его письма к византисту Г. С. Дестунису (см.: *Куторга М. С. Собр. соч.* Т. I. С. VII).

¹³*Francotte H.* La polis grecque (Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. Bd I. N. 3/4). Paderborn, 1907; Glotz G. La cité grecque. Paris, 1928 (nouvelle édition — Paris, 1953); Cloché P. La démocratie athénienne. Paris, 1951; Will Ed. Korinthiaika. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. Paris, 1955; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. Paris, 1956 (2-ème éd., — Paris, 1974); *Mossé C.* La fin de la démocratie athénienne. Paris, 1962; *Will Ed.* *Mossé C., Goukowsky P.* Le Monde Grec et l'Orient. T. I-II (Peuples et civilisations. Vol. 2, 1-2). Paris, 1972-1975 (здесь и ниже мы ограничиваемся лишь самым необходимым перечнем имен и работ, на наш взгляд, наиболее показательных; при этом мы вполне отдаем себе отчет в том, насколько любая такая выборка может оказаться субъективной и недостаточной).

графия, много усилий потратившая на решение таких специфических проблем, как взаимоотношения сильной личности с обществом, аристократического лидера — с державным демосом (в Афинах), главенствующего полиса — с его сателлитами, автономного города — с территориальной монархией, не говоря уже о вечно притягательной истории Александра Великого (Р. Пёльман, Ю. Кэрст, У. Вилькен, Г. Берве, А. Хейс, Г. Бенгтсон, Ф. Шахермайр).¹⁴

Более уравновешенный, в лучших традициях академического направления подход к проблеме полиса был продемонстрирован В. Эренбергом, имя которого, впрочем, принадлежит столь же немецкой, сколь и английской историографии.¹⁵ Последняя также теперь богата исследованиями по теме полиса, но особенно велик вклад английских и американских ученых в разработку таких кардинальных проблем, как генезис античной цивилизации, формирование городов-государств в архаическое время, характерные черты полисного строя вообще и афинской демократии в частности, державная политика Афинского государства и начала античного федерализма, судьба города-государства в позднейшую эллинистическо-римскую эпоху, наконец, роль рабства в жизни античного общества (А. Зиммерн, А. Джонс, Дж. Ларсен,

¹⁴ *Pöhlmann R. von. Griechische Geschichte und Quellenkunde*, 5. Aufl. München, 1914 (книга вышла первым изданием еще в 1888 г., но затем подверглась коренной переработке; рус. пер. С. А. Князькова в 4-го нем. изд.: *Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения*. СПб., 1910); *Kaerst J. Geschichte des Hellenismus*, 2. Aufl. Tl. I-II. Leipzig; Berlin, 1916-1926; *Wilcken U. 1) Griechische Geschichte*. München, 1924 (8. Aufl. — Berlin, 1953) 2) *Alexander der Grosse*. Leipzig, 1931 (с примыкающей к этой книге серией статей о политике Филиппа и Александра); *Berve H. 1) Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd I-II. München, 1926; 2) *Griechische Geschichte*, Bd I-II. Freiburg-im-Breisgau, 1931-1933; 3) *Gestaltende Kräfte der Antike*. 2. Aufl., München, 1966 (статьи разных лет); 4) *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd I-II. München, 1967; *Heuss A. 1) Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen (Klio-Beiheft 39)*. Leipzig, 1937; 2) *Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Antike und Abendland*. Bd II. Hamburg, 1946. S. 26-62 (позднее также в кн.: *Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer [Wege der Forschung. Bd 96]*. Darmstadt, 1969. S. 36-96); *Bengtson H. 1) Die Strategie in der hellenistischen Zeit*. Bd I-III (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. H. 26, 32, 36). München, 1937-1952 (Neudruck — 1964-1967); 2) *Griechische Geschichte*. München, 1950 (5. Aufl. — 1977); 3) *Herrschergestalten des Hellenismus*. München, 1975 (рус. пер. Э. Д. Фролова: *Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма*. М., 1982); 4) *Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.* München, 1983; *Schachermeyr F. 1) Griechische Geschichte*. Stuttgart, 1960; 2) *Die frühe Klassik der Griechen*. Stuttgart, 1966; 3) *Alexander der Grosse (SB Wien*. Bd 285). Wien, 1973 (рус. пер. М. Н. Ботвинника и Б. Фуника: *Шахермайр Ф. Александр Македонский*. М. 1984).

¹⁵ *Ehrenberg V. 1) Rechtsidee in frühen Griechentum*. Leipzig, 1921; 2) *Neugründer des Staates*. München, 1925; 3) *Alexander and the Greeks*. Oxford, 1938; 4) *Der Staat der Griechen*. Tl. 1-2. Leipzig, 1957-1958 (2. Aufl. — Zürich; Stuttgart, 1962; англ. изд.: *The Greek State*. Oxford, 1960; 2nd ed. — 1969); 5) *Polis und Imperium*. Zürich; Stuttgart, 1965 (статьи разных лет).

М. Финли, Ч. Старр, У. Форрест, Р. Мейггс).¹⁶ Известный итог зарубежным студиям по теме античного города подводит книга американского ученого Мейсона Хеммонда «Город в древнем мире» (1972 г.).¹⁷ Здесь, в рамках обстоятельного исторического обзора, фиксированы все наиболее важные аспекты полисной проблематики: город, городская гражданская община, город-государство, город в составе территориального государства. Приложенная к этому обзору обширная аннотированная библиография может служить своего рода ориентиром (теперь, впрочем, уже несколько устаревшим) в безбрежном море современных исследований, имеющих отношение к проблеме полиса.

2. НОВЕЙШЕЕ СКЕПТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Разнообразие и продуктивность исследований, осуществляемых зарубежной наукой по кардинальной проблеме полиса, не означает, однако, что дело здесь близится к успешному завершению. Намечены важные линии научного поиска, уточнены многие частные явления, накоплен и непрерывно обновляется богатейший материал исторических наблюдений, и все-таки до окончательного разрешения проблемы еще очень далеко. Более того, в силу целого ряда причин — и объективного характера, ввиду недостаточности или ненадежности исходного исторического материала, и, так сказать, субъективного плана, вследствие пестроты и противоречивости основополагающих историософских или методологических установок — многое в выводах зарубежных ученых является весьма спорным, а многое и вовсе оставлено без объяснения. До какой степени исполнены внутренних противоречий, сомнительных крайностей и прямых искажений и, следовательно, далеки от благополучного завершения зарубежные студии о полисе, можно без труда показать на примере одной конкретной проблемы — той самой, которая

¹⁶ *Zimmern A. E.* The Greek Commonwealth. Oxford, 1911 (5th ed. — 1931 [reprint — 1961]); *Jones A. H. M.* 1) The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937 (2nd ed. — 1971); 2) The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940 (reprint — 1966); 3) Athenian Democracy. Oxford, 1957; *Larsen J. A. O.* 1) Representative Government in Greek and Roman History (Sather Classical Lectures. Vol. 28). Berkeley; Los Angeles, 1955; 2) Greek Federal States. Oxford, 1968; *Finley M. J.* 1) The World of Odysseus. New York, 1954 (4th ed. — 1978); 2) Early Greece. London, 1970; 3) Democracy Ancient and Modern. London, 1973; 4) Ancient Slavery and Modern Ideology. London, 1980; 5) Economy and Society in Ancient Greece. London, 1981; *Starr Ch. G.* 1) The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B. C. New York, 1961; 2) The Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500 B. C. New York, 1977; 3) A History of the Ancient World. New York; Oxford, 1965 (3rd ed. — 1983); *Forrest W. G.* The Emergence of Greek Democracy. London: New York, 1966; *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.

¹⁷ *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972.

и нас сейчас интересует в первую очередь, — проблемы формирования классического полиса.

Остановимся на этом сюжете более подробно. Его рассмотрение окажется полезным не только для характеристики зарубежной историографии по теме полиса, но и для суждения о целом ряде заимствованных из этой историографии и распространенных и в нашей литературе идей и представлений, которые нередко без достаточных на то оснований выдаются за последнее научное слово, за безусловную истину. Мы уже не говорим о том, насколько такой экскурс будет уместным и для обоснования нашего собственного обращения к теме рождения греческого полиса.

Для нашей цели будет довольно нескольких характерных примеров, взятых из двух наиболее влиятельных в наше столетие национальных школ — немецкой и англо-американской. Как легко можно будет убедиться, общей тенденцией, отличающей новейшие направления в этих школах, является переоценка критериев и самих исторических реконструкций, выдвинутых классической, главным образом немецкой историографией рубежа XIX–XX вв. (мы здесь, говоря о классической историографии, имеем в виду не только собственно академическое направление в лице, скажем, Г. Бузольта, Ад. Гольма, Б. Низе, но и таких выдающихся представителей нарождавшегося модернизаторского направления, сохранявших, однако, общую верность тенденциям классического историзма, как К. Ю. Белох, Эд. Мейер, Р. Пёльман).

В новейшей немецкой историографии указанная тенденция к переоценке ценностей нашла выражение в переносе внимания с начала объективного на субъективное, конкретнее, в ранней греческой истории, — с формирования государственных учреждений и сословно-классовых институтов на выступление сильной личности, на роль аристократической элиты, на проблему национального единства. Все это, нетрудно понять, — сюжеты, дорогие сердцу новейшей немецкой историографии, выросшей под знаком подавляющего влияния иррационалистической философии Ф. Ницше и О. Шпенглера. Соответственный сдвиг произошел и в области источниковедения: в противовес Аристотелю и позднейшим античным авторам стали усиленно подчеркивать значение Геродота и ранних поэтов — Солона, Эсхила, Пиндара, в целом, впрочем, оставаясь преимущественно на почве античной письменной традиции.

Зато в англо-американской литературе этот разрыв с установками классической историографии оказался еще более решительным: от скрупулезной реконструкции политической истории стали обращаться к выявлению общих линий культурного развития, — и это, казалось, с тем большим основанием, что состояние источников, с помощью кото-

рых возможно воссоздание политической истории, оставляло желать лучшего. Но именно поэтому естественным стало и перемещение опоры с письменной традиции древних на археологический материал, добытый новейшими раскопками.

Заметим еще, что названным новейшим направлениям, выступающим против классической традиции, присуща особая полемическая заостренность. Недоверие к известной части или даже ко всей письменной традиции древних, отказ, вследствие этого, от реконструкции древнейшей политической истории на основании всей совокупности унаследованных от античности данных, интерпретируемых с помощью сравнительно-исторического метода, сопровождаются характерным приемом — обвинением всех инакомыслящих в модернизаторстве, т. е. в искажающей действительность трактовке архаических явлений вослед позднейшей традиции, каковое обвинение предъясняется равно как древним авторам (например, Аристотелю и Плутарху), так и опирающимся на них современным ученым.

Обвинение это выглядит тем более обоснованным, что и в древности и в новое время оперирование сравнительно-историческим методом и в самом деле не обходилось без известного модернизаторства. Спрашивается, однако: возможно ли вообще какое-либо исследование, направленное на реконструкцию древнейшего прошлого, без сопоставления, без суждения по аналогии, а следовательно, и сближения с более известным позднейшим или даже современным периодом?

Но обратимся непосредственно к избранным примерам. Начнем с тех, кто первым подал пример отхода от традиций классического немецкого антиковедения, — с самих же немцев. Здесь прежде всего надо назвать имя Г. Берве, бесспорно, крупнейшего представителя новейшей немецкой, а после второй мировой войны западногерманской историографии античности.¹⁸

В 1936 г. в специальном этюде, посвященном «аристократическим личностям княжеского типа», Берве подверг критике традиционное понимание политического развития Греции в позднеархаическое и раннеклассическое время, выдвинув в противовес ему собственную оригинальную концепцию.¹⁹ Рационализированной схеме государственного

¹⁸ Для общего представления о немецкой школе антиковедения в новейшее время см. нашу работу: Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917–1975) // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 124–175 (о Берве — с. 133–134, 145–146, 148–150, 158–159).

¹⁹ Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege [1936] // Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike. 2. Aufl. München, 1966. S. 232–267. — К этой работе примыкают и другие, дополняющие ее по отдельным конкретным линиям. См.: Berve H. 1) Militiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit (Hermes-Einzelschriften, H. 2). Berlin, 1937; 2) Perikles [1940] // Berve H. Gestaltende Kräfte. S. 268–289; 3) Wesenszüge der griechischen Tyrannis [1954] // Ibid. S. 208–231, и др.

развития у Аристотеля он решительно противопоставил исполненную реалистических подробностей картину политической жизни у Геродота и других более ранних авторов, установлению перемен в государственных формах в ходе и под воздействием борьбы политических партий — выявление элементарного личностного начала, признание решающего значения в жизни архаического общества за аристократической сверхличностью. Она, эта личность, своим неукротимым стремлением к власти подорвала древний аристократический порядок, безудержной демагогией возбудила энергию народной массы и, наконец, собственными же самовластными выходками, стимулировав реакцию общества на любое нарушение нормы, способствовала, таким образом, утверждению полисных принципов жизни и самого полисного государства.

При этом, подчеркивает Берве, сложный процесс взаимодействия аристократической сверхличности с нарождавшимся гражданским обществом был длительным. Он продолжался вплоть до времени Перикла (середина V в. до н. э.), когда самовластное личностное начало окончательно поглощается гражданским коллективом. Но этим же временем, по мнению Берве, следует датировать и окончательное сложение полисного строя. Поиск его в далеких VII и даже VI вв., равно как и все рассуждения — применительно к этим древним временам — о конституционных переменах и борьбе партий, как это делал Аристотель и как продолжают делать современные ученые, есть явная модернизация.

В обоснование этих главных положений, изложенных уже во вступлении, Берве дает прежде всего обзор общей ситуации в Греции на рубеже VI–V вв.²⁰ Он указывает, что в большинстве районов Греции властью обладали в это время отдельные властители княжеского типа: тираны на востоке, в Малой Азии, и на западе, в Сицилии и Южной Италии, племенные вожди в отдельных областях вроде Фессалии, наконец, цари в Кирене и Македонии. Положение всех этих властителей определялось не официальными, по закону данными, полномочиями, даже если они и занимали какую-либо должность, а реальной силой (*δύναμις*, а соответственно и самое их обозначение у Геродота — *δυνάσται*). Основаниями этого реального их могущества были: богатство, дававшее им возможность обзаводиться группой приверженцев, наемным войском и даже личным доменом (нередко за пределами отечества, как это было у Писистрата и Мильгиада Старшего); широкие династические связи, продолжавшие традиции аристократического быта; наконец, средство, к которому стали все чаще прибегать в борьбе за власть с соперниками, — демагогическая апелляция к народной массе.

²⁰ *Berve H. Fürstliche Herren...*

Таким образом, если, с одной стороны, аристократический индивидуализм питался традициями своего сословия (унаследованное богатство и династические связи), то, с другой — он же явился и мощным фактором их разрушения, постольку именно, поскольку из эгоистических честолюбивых побуждений, в борьбе за власть с себе подобными, аристократические супермены стали апеллировать к низам, развязали их инициативу и, в конце концов, привели их к победе над знатью. Иными словами, аристократические лидеры вольно или невольно помогли утверждению полисного строя. По существу они были первыми вождями народа — демагогами в собственном смысле слова. Однако, подчеркивает Берве, нетрудно убедиться и в обратном — как долго и в какой большой степени руководители общины еще и в V в. оставались людьми княжеской формации.

Конкретизируется эта общая картина на примерах из истории Афин и Спарты.²¹ В частности, в политической жизни Афин с конца VI в. выступает целый ряд таких аристократических деятелей, которые в борьбе за власть с другими аристократами стали обращаться за поддержкой к народу и, таким образом, втянув его в большую политику, подготовили конечное торжество полисного духа. Первым в этом ряду является Клисфен, который из тактических соображений провел радикальную реформу политического строя, имевшую следствием, с одной стороны, дробление окружения знатных родов, а с другой — концентрацию и активизацию политических усилий демоса через народное собрание.

Следующая видная фигура — Мильтиад, спасший отечество от захвата персами в 490 г., но затем своею авантюрой с Паросом, который он пытался захватить, очевидно, в личное владение, возбудивший сильнейшее недоверие в народе. Следствием этого было не только личное устранение победителя при Марафоне, но и учреждение остракизма (именно тогда, настаивает Берве, а не при Клисфене, как следует из традиции, в частности из Аристотеля) и проведение этим новым способом целой серии политических изгнаний.

Место Мильтиада заступил Фемистокл, чье возвышение было обусловлено не какой-либо особенной опорой на демос, — Фемистокл, при всей ущербности своего происхождения, также прежде всего был аристократом, — а двумя внешними обстоятельствами: возмущением народа против засилия аристократических суперменов, чем Фемистокл и воспользовался для устранения своих соперников посредством остракизма, и вновь обозначившейся персидской опасностью, которая дала ему возможность, как до того Мильтиаду, выступить в роли спасителя отечества. Ибо, подчеркивает Берве, мотивом всех действий Фе-

²¹Ibid. S. 242-259 (Афины) и 260-266 (Спарта).

мистокла было именно честолюбие, стремление к власти, а не какой-либо особенный патриотизм, полисный или национальный. Но именно эта неукротимая тяга к власти, не знавшая предела и не считавшаяся с законом, стала причиной падения также и этого героя Персидских войн.

Сменивший Фемистокла сын Мильтиада Кимон выступил уже в тот момент, когда баланс в отношениях сильной личности и государства еще более изменился в пользу последнего. Кимон был в общем послушным внешнеполитическим орудием афинского полиса. Но он оставался верен общеаристократической и чисто семейной традиции дружеских отношений со Спартой, и это привело его к конфликту с собственным гражданством.

Наконец, при Перикле завершается процесс растворения аристократической личности в полисе. Если выходцы из аристократической среды и сохраняют далее известное политическое значение, то лишь постольку, поскольку традиции аристократического воспитания и военной выучки делали их наиболее пригодными к исполнению командных и вообще руководящих функций, но уже на службе и в интересах полисного государства.

Аналогичную ситуацию выявляет Берве и в Спарте, где, в особенности в деятельности царя Клеомена и регента Павсания, проступает все та же неукротимая воля к власти сильной аристократической личности (в Спарте, впрочем, указывает Берве, этот круг аристократических суперменов ограничивался представителями царских родов, которые в общине «равных» одни сохраняли особые привилегии и возможности материального и политического плана). Следствием, однако, и здесь тоже был конфликт гражданского общества с аристократической сверхличностью. В Спарте он даже проходил в более отчетливых и жестких формах, поскольку жестче был здесь контроль общины, резче разрыв традиционных уз честолюбивой личностью и, естественно, суровее общественная кара, постигавшая каждого, кто нарушал закон полиса.

Завершается работа Берве ярким (автор — прекрасный стилист) резюме, где подчеркивается как характерная черта, присущая аристократическим личностям княжеского типа, крайняя степень индивидуализма, в особенности же отсутствие у них обязывающего государственного сознания. Вырвавшись из связей древнего аристократического мира, но и не вросши еще в связи мира нового, полисного, они не желали признавать для себя никакого другого закона, кроме собственной воли к власти. Однако в стремлении реализовать эту свою страсть вопреки притязаниям соперников, они должны были блокироваться с народной массой и содействовать ее политическому росту,

пока, наконец, восторжествовавший с их помощью полис не поглотил и их самих. И в этом, по большому счету, замечает автор, и заключалась историческая трагедия аристократического индивидуализма в Древней Греции...

Мы так подробно остановились на работе Г. Берве потому, что она — не просто первая (или одна из первых), но и наиболее яркая в новом направлении — оказала большое воздействие на последующее развитие западной историографии. Она возбудила целый ряд откликов, в том числе и возражений со стороны приверженцев традиционного подхода, но гораздо более — подражаний и вариаций на однужды, таким образом, заявленную тему роли аристократической сверхличности в формировании греческого полиса.²²

Работе Берве нельзя отказать в собственной внутренней логике, в убежденности и последовательности развиваемых положений, в остроте отдельных наблюдений (в частности, относительно целей и приемов политической игры, которую вели деятели — выходцы из аристократической среды в Афинах и Спарте), наконец, в мастерстве литературного изложения. Но убедительна ли конструкция автора в главных своих положениях? Нет, конечно. Гипертрофированное выдвигание на первый план субъективного, личностного фактора в истории, нарочитое подчеркивание значения индивидуального начала по сравнению с началом общественным и государственным слишком очевидны, чтобы их всерьез надо было опровергать.²³

Впрочем, не было недостатка и в опровержениях. Даже в самой западной литературе явились, как было уже сказано, возражения тезису Берве по существу, в том, что касается оценки сравнительной роли субъективного и объективного факторов в греческом политогенезе. Оппоненты Берве — В. Эренберг и Г. Бенгтсон — указали на непра-

²²См., например: *Schaefer H.* 1) Die Grundlagen des attischen Staates im 5. Jahrhundert [1941] // *Schaefer H. Probleme der alten Geschichte.* Göttingen, 1963, S. 82–98; 2) *Besonderheit und Begriff der attischen Demokratie im 5. Jahrhundert* [1948] // *Ibid.* S. 136–152; 3) *Das Problem der Demokratie im klassischen Griechenland* [1951] // *Ibid.* S. 212–221; 4) *Politische Ordnung und individuelle Freiheit im Griechenland* [1957] // *Ibid.* S. 307–322; *Schachermeyr F.* 1) *Die frühe Klassik der Griechen.* Stuttgart, 1966; 1) *Die griechische Polis zur Zeit der frühen Klassik* // *ААН.* Т. XV. 1967. S. 297–302; 3) *Perikles.* Stuttgart, 1969; *Kiechle F.* *Athens Politik nach der Abwehr der Perser* // *NZ.* Bd 204. 1967. S. 265–304. Для критической оценки ср.: *Фролов Э. Д.* *Немецкая буржуазная историография античности.* С. 165–166, 174; *Kluwe E.* *Das Problem von Einzelpersönlichkeit und athenischem Staat in der modernen Literatur* // *Klio.* Bd 57. 1975. H. 2. S. 477–495.

²³Для суждения о действительном значении аристократической личности в политической жизни Греции позднеархаического-раннеклассического времени ср., впрочем, нашу работу: *Фролов Э. Д.* *Политические лидеры афинской демократии* // *Политические деятели античности, средневековья и нового времени: индивидуальные и социально-типические черты.* Л., 1983. С. 6–22.

вомерность выпячивания политической роли аристократической личности, подчеркнули обусловленность ее успеха интересами и волею формировавшегося гражданского общества, наконец, показали объективный процесс становления греческого полиса, в силу имманентных причин и в русле постепенной институционализации начиная с VIII в. до н. э.²⁴ Причем показали это на вполне объективном, документальном материале, подтверждающем в принципе «рационализированную схему» Аристотеля. Вообще, что касается области источниковедения, то являются очевидными нарочитость и непродуктивность противопоставления одним источникам других: Аристотелю, который, кстати, строил свои обобщения на знакомстве и изучении всех доступных ему материалов, — Геродота. Соответственно неоправданным представляется и противоположение государственно-правовой реконструкции общественной жизни и коллизий, представленных в судьбах выдающихся личностей. Правильнее было бы дополнить здесь одно другим, отчего изучение архаической истории только бы выиграло.

Особым вариантом нового направления в изучении греческой архаики надо считать работу А. Хейса, посвященную принципиальной оценке архаического времени как исторической эпохи.²⁵ Хейс начинает отсчет архаического времени с момента великого переселения народов в конце II тыс. до н. э. и гибели микенской цивилизации. Для него эта последняя еще не была историей греческого народа, поскольку находилась под сильным влиянием чуждой грекам критской культуры. История греков как таковая начинается только после гибели микенского общества, и архаическое время было первым важным этапом их свободного развития.

Три момента выделяет затем Хейс как наиболее существенные в истории архаического времени: возникновение греческой нации, возникновение города-государства, полиса, и, наконец, особую интенсивность внешней жизни архаического общества. Возникновение греческой нации трактуется им как первое, заглавное и наиболее важное достижение архаической эпохи.²⁶ Этот процесс был отчасти обусловлен изобретением общегреческого алфавитного письма, ставшего важной предпосылкой культурного единства, отчасти же — выработкой общегреческих форм религии, мифа и исторического сознания. Процессу этому непосредственно содействовали такие более материальные фак-

²⁴ Ehrenberg V. When did the Polis Rise? // JHS. Vol. 57. 1937. P. 147–159; Bengtson H. Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades (SB München, Jg. 1939, H. 1). München, 1939.

²⁵ Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche [1946] // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer (Wege der Forschung, Bd 96). Darmstadt, 1969. S. 36–96.

²⁶ Ibid. S. 40–57.

торы, как колонизация, столкнувшая греков с миром других народов, возникновение — нередко именно на колониальной периферии — религиозно-политических объединений греческих общин (Ионийский союз в Малой Азии, Дельфийская и Делосская амфикионии и проч.), наконец, организация общегреческих празднеств и состязаний типа Олимпийских игр.

Автор указывает при этом на парадоксальность явления — на развитие у греков национального единства без соответствующего, предваряющего его, единства политического. В самом деле, уточняет он, единственным выражением национального единства у греков было самосознание, т. е. понятие или представление о таком их единстве, а не какая-либо иная реальная форма. И это верно как для народа греков в целом, так и для его подразделений (ионийцы, эолийцы, дорийцы). И то и другое опиралось на сознание принадлежности к некоему целому или его подразделениям, выработанное в архаическое время, между тем как на самом деле ни в архаическое, ни даже в последующее классическое время ни греческого народа, ни племенных его групп в качестве реальных единств не существовало — не было унаследовано от прошлого, да и тогда не сложилось.

Нельзя сказать, чтобы здесь все было выяснено до конца. Загадка образования греческого национального единства без единения политического остается в целом неразрешенной, несмотря на отдельные меткие указания, в частности на роль алфавитного письма и значение колонизации. Но автор, кажется, и не претендует на полное разрешение проблемы, довольствуясь — и вот здесь уже отчетливо чувствуется воздействие Берве — указанием на роль и значение греческой аристократии как своего рода фундамента национального единства. И как сама знать составляла общий физический костяк той структуры — греческого архаического общества, — в недрах которой сформировалось единство, или, правильнее сказать, понятие единства греческого народа, так, заключает Хейс, и ее мифология (и прежде всего генеалогия), ее кодекс чести и ее рыцарские формы жизни (спортивные состязания) образовывали, при всей их сословной заданности или обусловленности, общую культурную подоснову этого единства.

Гораздо более систематичным выглядит у Хейса анализ второго важного явления — возникновения у греков города-государства, полиса.²⁷ Этот процесс рассматривается как диалектическая антитеза предыдущему: становление у греков городов-государств вело к разрушению национального единства, сколь бы ни было оно ограничено культурную сферу, а еще более глубокий процесс — формирование гражданского общества — к умалению политического значения знати.

²⁷Ibid. S. 57–80.

Обращаясь непосредственно к теме греческого политогенеза, Хейс прежде всего намечает основную линию развития — последовательный переход от древнейшего, времени переселений, военного единства типа товарищества (*genossenschaftliche Wehrverband*) к родовому государству (*Geschlechterstaat*), а от этого последнего — к государству гражданскому, полисному (*Bürgerstaat der Polis*). Затем этот процесс уточняется, причем параллельно рассматриваются фазы развития как в области политической, так и в социальной.

Первая фаза характеризуется возникновением города как политического центра (эта фаза отражена у Гомера). Прогресс достигается благодаря тому, что управление делами первоначального военного единства переносится в уже выделившийся и возвышающийся над сельскими поселениями городской центр. Инициатором этой перемены выступает знать (патриархальная царская власть была слаба и не идет в счет), да и в других отношениях отчетливо видна руководящая роль знати: вывод колоний, ведение войн и проч. — все было ее личным делом. Таким образом, государственные акции растворялись в личных предприятиях знатных лиц, а само государство в этот период неограниченного господства аристократии (до конца VII в. до н. э.) было не столько самостоятельной структурой, сколько сословным институтом.

Следующие две фазы, тесно связанные и переходящие одна в другую, — это возникновение государства как такового и формирование гражданского общества (750–500 гг.). Государственная власть в это время перестает быть личным делом или достоянием части общества, она абсолютизируется, обретает самостоятельно-предметный характер и заметно расширяется. Начало этому, собственно, было положено уже в родовом государстве, когда знать устранила царскую власть и распределила ее полномочия по избранным из своей среды должностным лицам. Но теперь, в связи с выступлением новых слоев гражданского общества, процесс расширяется: совершаются перемены в военном деле (учреждение гоплитского ополчения и внедрение тактики фаланги), вводится правильная всеобщая система повинностей, формируются и укрепляются правовые нормы. И творцом всех этих нововведений является новое, гражданское общество.

Здесь тоже у Хейса многое остается неясным. В силу каких причин из сельского материка выделяется городское поселение, которое становится административным центром, местом средоточения государственной власти? В чем заключались причины развития и утверждения гражданского общества? На эти вопросы ясных ответов в работе Хейса мы не найдем. Но опять-таки показательным, что разрешение этих фундаментальных проблем его не очень-то и интересует. Его взор приковывает прежде всего и главным образом судьба греческой

аристократии, этой, в его изображении, носительницы древнейших и основополагающих ценностей.

Интересующий его вопрос Хейс, следуя опять-таки в русле идей Берве, формулирует так: в какой степени на своей заключительной стадии, т. е. в пору становления городов-государств и формирования гражданского общества, архаическая эпоха утратила заглавные свои черты, т. е. перестала быть собственно архаической? С первого взгляда кажется очевидным решительный разрыв с традициями высокой архаики, поскольку сосредоточение политической жизни в новых городах-государствах разрушало прежнее состояние национального единства, пусть даже только в сфере культуры, а возвышение гражданства ослабляло позиции знати. Однако, указывает Хейс, не следует упускать из виду, что новые тенденции и новые формы рождались на древней почве, из унаследованного материала. Свершалось сложное взаимодействие начал нового и древнего, гражданского общества и государства — со знатной личностью (или сословием), так что архаическая эпоха и на этой своей стадии не теряла совершенно древнего характера.

В качестве характерного примера Хейс, прямо уже вслед Берве, приводит старшую тиранию. Эта раннегреческая тирания родилась в разгар социальных смут, столкновений демоса со знатью и, хотя не была собственно или повсеместно демократической формой, много сделала для сокрушения аристократии и подъема гражданства (особенно среднего и мелкого крестьянства). Вместе с тем, подчеркивает автор, эта старшая тирания в целом ряде аспектов была продолжением аристократического порядка. Тирания непосредственно возникала из распрей знати, да и сами тираны, за немногими исключениями, были знатного происхождения. Их правление нередко носило семейный, клановый характер. Политика определялась их личными интересами, подтверждением чему могут служить, в частности, династические браки и породнение с другими властителями. Замечательна также опора тиранов на традиционные связи знати в греческом мире и следование традиционным аристократическим представлениям, что отражалось в их участии в общегреческих празднествах и состязаниях, и проч.

Последней рассматривается проблема особенной интенсивности внешнеполитической жизни архаического общества — и вне Эллады, где это проявлялось в широкой колонизационной экспансии, и в ней самой, в межгосударственных отношениях, отличавшихся особой изменчивостью и пестротой.²⁸ Здесь, в зыбкости политического климата в самой Греции, свою роль сыграли такие факторы, как рыхлость формирующегося полисного государства и широта инициативы ари-

²⁸ Ibid. S. 81–95.

стократической личности, пускавшей во всевозможные авантюры; затем, непрерывные внутренние смуты, сопровождавшие формирование гражданского общества, когда непрерывно призывами о помощи создавались условия для стороннего вмешательства; наконец, с середины VI в. давление персов на малоазийские и островные греческие общины. Следствием всего этого была в греческом мире общая неустойчивость положения: непрочность мирных отношений, практическая непрерывность и повсеместность военных действий, частая смена местожительства (подчас даже целыми общинами) и проч.

Противоядием против этого зла явилось своеобразное, опытным путем найденное взаимодействие новаторской, исполненной радикального рационализма инициативы, носителем которой выступала личность, с некоторыми элементами традиционного плана — своего рода якорями спасения в море непрерывных политических метаморфоз. Первым в этой связи Хейс называет оракул Аполлона Дельфийского, который, сохраняя опору на выработанные ранее общеэллинские культурные ценности (традиции «национального единства»), стал на заключительной стадии архаики важнейшим авторитетом в делах Эллады. Затем — общеэллинская группа «мудрецов» (σοφοί) с выходившими из их среды устроителями гражданских дел — эсимнетами. Деятельность последних заключала в себе реализацию особенного политического разума, опиравшегося не на помыслы отдельного, ограниченного рамками полиса гражданского коллектива, а на традиции и потенциал всей греческой нации.

На этой общеэллинской ноте автор и завершает свой анализ архаического времени. В общем он оценивает это время как важный период в истории греческого народа, исполненный самостоятельного, оригинального содержания. Начальная стадия этого периода была отмечена возникновением общегреческого национального единства (в его культурном выражении), на заключительную падает возникновение микрокосма городов-государств, полисов. Самостоятельное существование этих последних не исключало, однако, сохранения греками известной сущностной целостности, что стало позднее платформой для отражения совместными усилиями персидской агрессии.

Работы Берве и Хейса на первый взгляд выглядят весьма различными. Для Берве характерно концентрированное внимание к вкладу аристократической сверхличности в формирование греческого полиса. У Хейса развитие греческого общества в век архаики очерчено и шире и богаче: тут и тема национального единства, и возникновение городов-государств, и особенное взаимодействие исполненной новаторского порыва личности с элементами старого порядка. Однако, по глубинной своей сущности, обе эти работы — одного плана. Их авторов интересу-

ет не столько объективная история общества в его фундаментальных социальных и политических институтах, сколько роль субъективного творческого начала: аристократической личности — у Берве, аристократической элиты прежде всего, но затем также и отдельной личности, — у Хейса. Этот избирательный подход к элементам исторического процесса, сужающий поле зрения до эффективной, но одинокой фигуры аристократа или, что в принципе не меняет дела, аристократического сословия и соответственно оставляющий в стороне и явления социально-экономической жизни (включая становление города в социологическом смысле слова), и формы политического быта, и роль такого объективного оппонента знати, каким был демос, и самую социальную борьбу, о которой так часто упоминалось в общей форме, — такой подход не может не вести к искажению исторической картины, а стало быть, должен восприниматься не как новая дорога к истине, а как отклонение от нее.

Между тем пример специалистов, представителей ранее наиболее авторитетной школы, оказался заразителен, и вскоре уже целая когорта исследователей из разных стран двинулась на штурм классической концепции античной истории, в частности и архаического времени. Остановимся на трудах М. Финли и Ч. Старра, едва ли не самых крупных представителей лидирующей теперь англо-американской историографии, чьи идеи, в свою очередь, оказали большое воздействие на развитие мирового антиковедения в последнее время.²⁹ Наш обзор целесообразно будет сконцентрировать вокруг двух тем, безусловно наиболее важных в проблематике архаического времени, — темы источников и темы полиса.

Сумму взглядов, развитых новейшим направлением на предмет источниковой базы, великолепно представил Ч. Старр в работе, специально посвященной методу реконструкции архаической эпохи (под этой последней Старр, подобно Хейсу, понимает всю промежуточную эпоху Темных веков — от крушения микенской и до рождения новой греческой цивилизации, приблизительно с 1100 до 650 г. до н.э.).³⁰ Старр начинает с критики утвердившегося в науке метода, который, на его взгляд, характеризуется отходом от принципов строго научного исследования, разработанных некогда Б.-Г. Нибуром и Л. Ранке, и сво-

²⁹ См.: *Finley M. J.* 1) *The World of Odysseus*. New York, 1954; 2) *Early Greece: the Bronze and Archaic Ages*. London, 1970; *Starr Ch. G.* 1) *The Origins of Greek Civilization, 1100-650 B. C.* New York, 1961; 2) *The Economic and Social Growth of Early Greece. 800-500 B. C.* New York, 1977; 3) *A History of the Ancient World*. 3rd ed. New York; Oxford, 1983 (а именно раздел IV — «The Early Greek World». P. 183-272), а также ряд специальных этюдов, которые в силу своего принципиального, теоретического характера представляют особенно удобный объект для обзора и анализа.

³⁰ *Starr Ch. G.* *La storia*

ica // RF. Vol. 92. 1964. Fasc. 1. P. 5-23.

дится к стремлению сохранить сколько возможно из античной (эпической) традиции, интерпретируемой с позиций наивного рационализма, в духе, скажем, Гелланика Лесбосского, а не Геродота и Фукидида.³¹ Старр развивает против этой укоренившейся манеры целый ряд возражений.

1) Ученые во что бы то ни стало пытаются выявить в древнейшей эпической традиции историческое ядро, а между тем совершенно неясен критерий отбора, отделения исторически вероятного от недостоверного (так ли уж совершенно неясен?).

2) Вообще информативное значение эпической традиции, сохраненной, а потому и искаженной, благодаря устной передаче (но почему безусловно устной?), весьма проблематично.

3) В этой связи показательно, продолжает Старр, что среди последователей распространенного метода, в силу субъективных оценок материала традиции, наблюдаются разительные расхождения в определении главных линий, событий и дат архаической истории (примеры не приводятся, а между тем ситуация в стане традиционалистов не столь уж безнадежна: есть согласие относительно факта и времени Троянской войны и дорийского переселения, при расхождениях в датировке Ликурговой реформы побеждает мнение об ее историчности и проч.).

4) Наконец, заключает Старр, для собственно Темных веков мифологическая традиция вообще отсутствует, а позднейшие патристические измышления об основании городов не могут быть ей заменой (но отсутствие для Темных веков мифологического предания как такового не снимает проблемы гомеровского эпоса, по внешности ориентированного на микенское время, но по существу могущего служить источником также и для позднейшего времени, да и с легендами об основаниях городов нельзя расправиться вот так, одним ударом).

И все это сопровождается уже знакомым нам предупреждением против модернизации, т. е. против каких бы то ни было попыток воссоздать древнейшую историю (например, Афин) на основе эпического или легендарного материала, толкуемого с позиций позднейшего, классического времени (например, на основе предания о Тесее).

Вывод Старра: ввиду ненадежности античной (эпической) традиции лучше вовсе отказаться от попыток реконструкции политической истории архаики, тем более, что в то примитивное время какое бы то ни было политическое развитие, выражающееся в значимых событиях и лицах, могло и вовсе отсутствовать.

К счастью, продолжает Старр, историческое развитие не сводится исключительно к политической истории; есть еще история культуры,

³¹ Ibid. P. 7-15.

для реконструкции которой в Темные века имеются известные возможности с помощью иных средств и методов.³² В этой связи он отмечает определенное значение этнографических параллелей, но более всего подчеркивает значение исследований, основанных на археологическом материале. Он указывает, что при практическом отсутствии остатков древних поселений (исключения немногочисленны — например, Смирна) в расчет для Темных веков идет в особенности материал погребений, главным образом сопутствующий захоронению керамический материал. Старр разъясняет, как по отдельным образцам керамического производства можно логически представить себе характер и условия развития в отдельные отрезки времени, а следовательно, и общий ход культурного развития в интересующую нас эпоху.

Для Темных веков, не устает подчеркивать американский ученый, археология доставляет единственное надежное основание для исторической реконструкции.³³ Напротив, античная традиция, испещряющие ее мифы о героях и легенды об основании городов, — материал весьма сомнительный, и любая попытка воспользоваться им для конкретного исторического построения является весьма опасным занятием (*a very dangerous procedure*). Античная эпическая традиция может заключать в себе более или менее верное отражение прошлого, а следовательно, и быть использованной, лишь в самых общих чертах (*only in its broadest outlines*), как, например, в случае с дорийскими вторжениями.

Следуя изложенным принципам, Старр предлагает собственную реконструкцию развития (т. е. главным образом развития культуры) в Темные века.³⁴ Она основана на преимущественном, если не сказать исключительном, использовании археологического материала, и прежде всего тех данных, которые доставили ученым раскопки древнейшего афинского некрополя (в районе Керамика, к северо-западу от Акрополя).

Концепции Старра нельзя отказать в логической стройности, но ей присущ и схематизм, как легко можно будет убедиться из дальнейшего обзора. Оба эти качества — и стройность, и схематизм — объясняются тем, что данные, доставляемые археологией, Старр организует и истолковывает в конечном счете с помощью того, что уже было извлечено из античной традиции классической историографией, только он высушивает и обедняет историческую картину удалением из нее всего того, что составляет, по его мнению, слишком живописный, а потому и неправдоподобный колорит. Уточнение достигается тем, что на место удаленных красочных подробностей традиционного истока

³² *Ibid.* P. 15–20.

³³ *Starr Ch. G. A History of the Ancient World.* P. 202–203.

³⁴ *Starr Ch. G. La storia greca arcaica.* P. 20–23.

(возвращение Гераклидов, реформа Ликурга, синойкизм Тесея и т. п.) внедряются реалии материального плана, разумеется, в ущерб полноте и наглядности воссоздаваемого исторического процесса.

Свою реконструкцию Старр начинает с указания на катастрофу, которая положила предел существованию микенской цивилизации, но, конечно, не самой жизни греческого народа. Все же, продолжает Старр, если судить по данным едва ли не единственного хорошо обследованного памятника той эпохи — афинского Керамика, длительная полоса времени, следующая за гибелью микенского мира, — так называемый субмикенский период (1200–1050 гг. до н. э.) — отмечена печатью абсолютного упадка. Захоронения в ямах прямоугольной формы характеризуются убожеством сопутствующего инвентаря: два-три сосуда, в мужских погребениях — иногда предметы вооружения (из бронзы), в женских — нехитрые украшения (булавки, кольца и т. п.); форма сосудов — застывшая, декор — убогий, подражающий микенским образцам.

Но вот в погребениях Керамика появляется новый тип сосудов с небогатым, но характерным геометрическим орнаментом (четкие окружные линии, полукружные спирали и проч.). Открывается новый период протогеометрического стиля (1050–900), исполненный явных перемен. Более того, по мнению Старра, применительно к этому периоду можно говорить уже о выработке главных черт, отличающих новую греческую и вообще западную цивилизацию. Сосуды, покрытые простейшими геометрическими узорами, отличаются динамическим единством составляющих элементов, обдуманной простотой формы и декора, таящего способность к бесконечным вариациям, наконец, — и это самое главное, — очевидным упором на рациональные принципы построения, на соблюдение правильных пропорций и общей гармонии. При этом, учитывая редкость контактов Греции в тот период с восточным миром, все это надо признать плодом внутреннего оригинального развития.

Новая фаза — период развитого геометрического стиля (900–750). По-прежнему главным центром, доставляющим нам яркие образцы керамики геометрического стиля, остается Аттика. Однако распространение нового стиля в остальных районах Балканской Греции, на островах и по побережью Малой Азии свидетельствует, по мнению Старра, не только об общем прогрессе, но и о складывающемся единстве греческой цивилизации. Впрочем, одновременное возникновение различных местных вариаций геометрического стиля свидетельствует, по-видимому, и о другой, противной тенденции партикуляризма.

Особенными успехами отмечено VIII столетие: появление новых центров обитания указывает на рост населения, богатство некоторых

погребений — на выделение социальной верхушки. Замечательными свидетельствами прогресса в это время надо считать вазы дипилонского стиля (из Аттики) и корреспондирующие с ними по времени и духу гомеровские поэмы. В росписи дипилонских ваз геометрический орнамент разбивается изображениями живых существ и даже целыми сценками — например, погребальных процессий или сражений на суше и на море. Конфигурация и декор этих сосудов свидетельствуют об осознанном проявлении таких качеств греческого ума, как сосредоточенность, уравновешенность и соразмерность. Эти же свойства проступают и в поэмах Гомера, создание которых (их окончательное составление) надо отнести к тому же веку. И все вместе эти произведения творческого духа греков проливают свет на выработку новой (в сравнении с Востоком) концепции человека и божества, на складывание аристократической модели ценностей, наконец, на обозначившееся уже движение к полису.

Рождение полиса, согласно Старру, приходится уже на следующий период, который он именуется веком архаической революции (750–650). В это время в декоре сосудов развивается новый, ориентализирующий стиль, с свободной игрой кривых линий и животных мотивов. Его возникновение, несомненно, стояло в связи с широким распространением греков в Средиземноморье и возобновлением активных сношений с Востоком, однако, подчеркивает Старр, окончательная выработка этого стиля была заслугой самих греков.

Примерно такое же решение проблемы источников находим мы и у М. Финли: то же скептическое отношение к исторической традиции греков, которую Финли считает позднейшим изобретением, та же подчеркнутая опора на археологию.³⁵ Греческая традиция, по мнению Финли, не имела никакого представления о предыстории собственной цивилизации, о характере микенского мира и постигшей его катастрофы; все это открыла только новейшая археология. Греческая традиция совершенно исказила процесс ранней ионийской колонизации, представив его в виде одноактного предприятия ионийских беглецов, скопившихся в Аттике во время дорийского нашествия, а затем разом выселившихся в Малую Азию. Между тем археология устанавливает разрыв по крайней мере в 150 лет между разрушением Пилоса в Мессении, что традиция считала (по мнению Финли, необоснованно) делом рук дорийцев, и началом колонизационного движения в Малую Азию, каковое фиксируется не легендарными историями об основании ионийских городов — они все позднейшего изобретения, — а распространением, впрочем, именно из Аттики, протогеометрической керамики.

³⁵ *Finley M. J. Early Greece. P. 71, 80–81, 86.*

Как и Старр, Финли считает, что древнейшая греческая традиция в лучшем случае может дать лишь самое общее отображение прошлого — не конкретных событий и лиц, а некой отвлеченной картины. Так, гомеровский эпос, опирающийся главным образом на традицию Темных веков (и притом скорее первой их половины, чем второй), отражает в целостном, но весьма лишь приближенном виде картину социальных отношений названной эпохи (т. е. Темных веков): господство мелких царьков и знати, частное аристократическое хозяйство (ойкос) как основу их влияния и силы, простоту политического быта, обходящегося без бюрократического аппарата, без формализованной правовой системы и т. п., наконец, неразвитость социальной структуры, отсутствие четких категорий свободы и кабалы, при ясном, впрочем, различии знати и простого народа.³⁶ Равным образом и в традиции о Великой колонизации за историями личных распрей, убийств и изгнаний, с которыми позднее связывался вывод той или иной колонии, скрывается по крайней мере одно общее воспоминание о глубинном социальном кризисе, характеризовавшем архаическую эпоху и породившем колонизационное движение.³⁷

Нам кажется, что этого аналитического обзора достаточно, чтобы представить логику источниковедческого подхода ученых типа Старра и Финли, его сильные и слабые стороны. Отталкиваясь от критических принципов, разработанных еще классической историографией XIX в. новейшее направление явно преступает разумный предел в своем скептическом отношении к античной традиции. Резко противопоставляя древнему преданию данные, добытые археологией, отказываясь совершенно от попыток извлечь из традиции указания на вехи событийной, политической истории, сводя к минимуму также и возможности воссоздания истории социальной, оно по существу переходит на позиции гиперкритицизма.

При этом опасно не то, что в русле этого направления можно, например, как это делает Финли, поставить под сомнение достоверность предания о Троянской войне — на том именно основании, что, согласно археологии, гибель Трои VIIa (около 1200 г. до н. э.) оказывается частью общей катастрофы, постигшей эгейский мир, когда невозможно было уже никакое крупномасштабное предприятие микенских греков в сторону Малой Азии.³⁸ Повторяем, опасно не столько разрушение новейшими скептиками древнейшего пласта античного исторического предания, которое и в самом деле в большой степени пропитано ми-

³⁶ Ibid. P. 81–87.

³⁷ Ibid. P. 93–99.

³⁸ Ibid. P. 62–63. — В острой дискуссионной форме этот взгляд был развит Финли еще в 1964 г. См.: Finley M. J., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L. *The Trojan War* // JHS. Vol. 84. 1964. P. 1–20.

фологическими и легендарными мотивами, сколько приложение этого разрушительного скепсиса к материалу более позднему, к тому развившемуся уже на новой документальной основе, последовательному и непрерывному историографическому ряду (ранние городские хроники — произведения логографов — Геродот и развитая историография классического периода — Аристотель), который лег в основу распространенной реконструкции архаического времени.

К сожалению, этого опасного увлечения не избежала и наша, отечественная историография. Примерами могут служить работы К. К. Зельина и В. П. Яйленко, где, вослед западным авторитетам, ставится под сомнение принятая версия исторического развития в век архаики, и делается это под тем именно девизом, что позднейшая греческая традиция — в конечном счете и более всего Аристотель — не имела точных и достоверных сведений о раннем времени, а потому и модернизировала его сверх всякой меры. Зельин, критикуя свидетельства Аристотеля и Плутарха, отвергает для Аттики VI в. до н. э. возможность принципиальной политической борьбы, порожденной разностью социально-экономических интересов, и сводит истоки тирании к соперничеству знатных вождей и их кланов.³⁹ В свою очередь Яйленко из недоверия к традиции сначала отказывается от реконструкции социальных отношений в раннюю архаику по Гомеру, а затем для поздней архаики отвергает всю концепцию социальных противоречий, кризиса и революции как базирующуюся исключительно на представлениях позднейших модернизаторов — сначала античных, а затем и новейшего времени.⁴⁰

Но вернемся к основному предмету нашего обзора и посмотрим теперь, как новейшее направление в англо-американской историографии решает другую, собственно уже историческую проблему — проблему рождения полиса. И здесь, на примере работ все тех же Ч. Старра и М. Финли, можно без труда выявить ряд таких характерных особенностей, которые должны предостеречь против некритического следования этим новейшим авторитетам. Первая такая особенность, закономерно вытекающая из охарактеризованной выше методологической позиции, — отвержение распространенного взгляда на рождение полиса уже в VIII в. до н. э. как основанного на модернизаторских представлениях и соответственное снижение этой даты по крайней мере на столетие. Старр посвятил этому вопросу специальный этюд, где дал обзор различных сторон и черт раннегреческого полиса, подчеркнув в качестве главного вывода, что эта важнейшая ячейка классическо-

³⁹ Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

⁴⁰ Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128–193.

го общества поначалу была весьма примитивным и рыхлым образованием.⁴¹

С точки зрения физического своего существования (*physically*), указывает Старр, греческий полис первоначально являл собою, скорее, некую завязь из нескольких деревень, нежели подлинное урбанистическое единство.⁴² Не было ни стен, ни строгой планировки, ни отчетливо обозначенной центральной площади — агоры, ни основательных каменных святилищ (в древнейшую эпоху храмы строились из дерева или кирпича-сырца), и даже некрополь долго оставался в черте складывающегося городского центра.

Равным образом и в духовном плане (*spiritually*), т. е. в качестве политического и идеологического единства, ранний полис весьма еще был далек от классической модели.⁴³ Не было ни развитых норм гражданской справедливости, а соответственно и точных законов, ни правильной структуры управления в лице характерной для позднейшего времени взаимосвязанной системы: народное собрание — совет — магистратуры.

Политическое лидерство долго носило личный характер (цари, а по их устранении — тираны как своего рода рецидив авторитарной власти). Равным образом долго сохранялось значение аристократических связей, что и внутри общин, из-за блокировки или соперничества знатных кланов, и вовне, из-за своеобразной повсеместной солидарности знати, действовало в ущерб связям гражданским, полисным. Характерным было отсутствие целостной государственной политики, и в частности правильных, ведомых государством войн (до конца VIII в.). Наконец, не сразу был достигнут прогресс и в военной организации и тактике, в создании гоплитской фаланги, где нашел свое воплощение корпоративный, гражданский дух.

Принципиальным этапом, когда происходит перелом в развитии и из эмбриональных форм являются более или менее правильные институты, присущие настоящему уже полису, надо, по мнению Старра, признать рубеж VIII–VII вв. Причем он подчеркивает быстроту, взрывной характер свершающейся в этот момент перемены.⁴⁴

Эти наблюдения и предупреждения против модернизации явлений глубокой древности по классическим образцам не лишены известного резона, хотя мы и не убеждены, что необходимо с такой точностью доискиваться до даты рождения полиса. Во всяком случае, едва ли одна такая дата может быть выведена для *всех* греческих полисов. Надо думать, что в экономически развитых районах (например, у Истма

⁴¹ Starr Ch. G. The Early Greek City-State // PP. Fasc. 53. 1957. P. 97–108.

⁴² Ibid. P. 97–101.

⁴³ Ibid. P. 102–107.

⁴⁴ Ibid. P. 107–108.

или в Аттике) процесс формирования полиса проходил быстрее, чем в более отсталых аграрных областях (вроде Беотии). Да и вообще едва ли можно говорить о рождении полиса до завершения архаической революции, что, как известно, падает на VI век. Поэтому, с нашей точки зрения, правильнее было бы вообще отказаться от поисков точной даты, а процесс рождения греческого полиса датировать VIII–VI до н. э.

Однако оставим это. Гораздо важнее другое: как именно новейшая англо-американская историография представляет себе рождение греческого полиса? Из каких исходных форм? Каким образом? В силу каких исторических причин?

Исходной ячейкой справедливо, хотя и самым общим образом, мыслится древнейшая, унаследованная еще от микенской поры, сельская община, но процесс ее превращения из эмбрионального аморфного единства в гражданскую общину сводится более или менее — более отчетливо у Старра, менее определено у Финли — к политической метаморфозе, совпадающей с отменой древней царской власти.⁴⁵ Старр и этому сюжету посвящает специальный этюд.⁴⁶ Он подчеркивает необходимость рассматривать падение царской власти в VIII–VII вв. как важнейший момент в том историческом развитии греков, начало которому было положено разрушением микенской монархии. Тогда перед греками открылась возможность выбора — либо развить общественное, коллективистическое начало (*the intensification of collective action*), либо же сохранить верность принципу единоличного лидерства (*personal leadership*).

В Темные века этот принцип еще сохранялся, правда, в весьма уже ослабленном виде, в лице глав племенных военных товариществ — *басилевсов*.⁴⁷ Ликвидация этой пережиточной царской власти означала для греков окончательный разрыв с тем типом развития, который восходил (в плане именно типологическом) к великим восточным монархиям.⁴⁸ Отныне формой политической жизни греков стала независимая община свободных граждан — полис. Соответственно свершилась перестройка управления: наследственная или пожизненная единоличная власть царей сменилась властью избравшихся на определенный срок магистратов. Функции высшей власти, ранее сконцентрированные в одних руках, оказались рассредоточены по нескольким должностным лицам или даже коллегиям (в Афинах — замена цар-

⁴⁵Ср.: *Starr Ch. G. A History of the Ancient World*. P. 206–207 и *Finley M. J. Early Greece*. P. 90–91.

⁴⁶*Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings // Historia*. Bd X. 1961. H. 1. P. 129–138.

⁴⁷*Ibid.* P. 129–132.

⁴⁸*Ibid.* P. 132–135.

ской власти девятью архонтами, к которым затем добавились и другие коллегии). Наконец, расширились полномочия совета, который из совещательного органа при царях превратился в важнейший, наряду с народным собранием, политический институт с пробулевтическими, контрольными и даже исполнительными функциями.

Мы, продолжает СтARR, плохо осведомлены о том, как именно произошло падение царской власти, но о причинах и устроителях переворота судить можем с большой вероятностью.⁴⁹ Царская власть пала прежде всего ввиду слабости самой монархической традиции (после крушения микенской монархии); далее, из-за материальной или финансовой несостоятельности ее носителей, поскольку их единственной опорой были их личные владения; наконец, вследствие прямой ее нецелесообразности в условиях военной реформы и появления гоплитской фаланги, командиры которой должны были отличаться не столько стратегическим искусством, сколько популярностью в народе. Что же касается устроителей переворота, то ими были не одни аристократы, как обычно считается, а знать вместе с народом.

Здесь мы подходим к центральному пункту построения СтARRа: в архаический период знать выступала совместно с народом, поскольку аристократы толком еще не отделились от простолюдинов, — разве что социально и экономически, но не политически и духовно (эта антитеза показательна для СтARRа, умаляющего значение экономического фактора), — ибо «Греция была все еще, даже в VII в., простой страной (Greece was still, even in the seventh century, a simple land)».⁵⁰ Эта простота, это отсутствие резких общественных градаций по степени богатства и бедности, поясняет СтARR в другом месте, и создавали важную предпосылку для ощущения всеми членами общины своей связанности общими узами.⁵¹ Это духовное единство и стало основой для сплочения членов общины, перед лицом внешнего мира, в свободное гражданское единство, но, разумеется, после устранения того излишнего наворачия, каким являлась царская власть. Таким образом, знать при поддержке народа свергла царей и в новом, полисном обществе смогла реализовать свои идеалы — постольку, конечно, поскольку она оказалась способной гарантировать социальную справедливость для всех, в том числе и для простолюдинов. И лишь там, где эти гарантии не были соблюдены, разразился кризис и являлась тирания.

Увы, эта великолепная картина невозможна. Принять ее препятствует то простое — да простят нам этот невольный каламбур! — обстоятельство, что архаическое общество начисто было лишено той про-

⁴⁹Ibid. P. 135–137

⁵⁰Ibid. P. 137–138.

⁵¹Starr Ch. G. A History of the Ancient World. P. 209.

стоты, о которой говорит Старр. Уже во времена Гомера (рубеж IX—VIII вв.) отчетливо обозначились не только различия в положении свободных и рабов, «мужей доблестных», аристократов, и «худых», простолюдинов, но и естественное их противостояние, выражавшееся у рабов в обычной для них форме — в элементарном нежелании трудиться (ср. знаменитую сентенцию в «Одиссее», XVII, 320–323), а у свободных бедняков — в резкой порою критике своекорыстия и самоуправства царей (сцена с Терситом во 2-й песне «Илиады»). Столетием позже, в век Гесиода, эта картина достигает уже большой остроты, выливаясь в грозные предупреждения «царям-дароядцам», а еще столетие спустя, по свидетельству современников — Алкея, Солона, Феогнида, греческие общины оказались охвачены сильнейшей смутой, в которой открыто и осознанно, с оружием в руках, выступали противоборствующие группировки демоса и знати.

Идеализация социальных отношений, сглаживание противоречий между демосом и знатью доходят у Старра до прямого искажения исторической действительности: рассуждения о руководящей роли аристократии затушевывают фактическое засилие знати, а оговорки о случаях, когда могли возникать конфликты и тирании, — повсеместность и остроту социального кризиса. Этой склонности к «упрощению» социальных отношений соответствует у Старра и другая тенденция — подчеркнутая примитивизация экономического быта, сознательное умаление той роли, которую играли в становлении полиса экономические факторы.

В своем этюде о раннегреческом полисе он дважды недвусмысленно высказывается на этот счет. Подчеркивая физическую рыхлость первых греческих городов, медленность их превращения в настоящие урбанистические центры, напоминая об ограниченности их материальных возможностей, а, кстати, и о позднем — не ранее VII в. — появлении у греков монеты, он предупреждает против преувеличенного представления о роли торговли в формировании города (*we shall do well not to exaggerate the growth of commerce in early Greece, as a factor in city-formation*).⁵² А в конце работы еще раз, и уже самым общим образом, заявляет, что в вопросе о возникновении города-государства он решительно отказывается признавать первенствующее значение за экономическими факторами (...I for one deliberately refuse to put primary weight upon economic factors in the emergence of the city-state).⁵³

Спору нет: греческие города лишь постепенно и, по-видимому, и в самом деле не ранее VII в. до н.э. стали настоящими урбанистическими центрами. Но стали они таковыми в силу естественного со-

⁵² Starr Ch. G. The Early Greek City-State. P. 99.

⁵³ Ibid. P. 108.

циально-экономического развития, важнейшими элементами которого были прогрессирующее отделение ремесла от земледелия и становление торговли как самостоятельного вида занятий. При этом было бы неверно отделять рождение полиса как гражданской общины от формирования города. На самом деле это был одновременный двуединый процесс. Ведь только с формированием города возникла та энергичная прослойка нового демоса, которая стала ферментом общенародного брожения против засилья знати, за построение гражданского общества, полиса. Ибо этот последний сформировался не исключительными усилиями аристократической элиты и даже не идиллическим взаимодействием знати и народа, а в ходе ожесточенной социальной борьбы, развитие которой, как правило, сопровождалось явлением тирании и другими эксцессами.

Важно учитывать и другую сторону экономического прогресса — совершавшееся бок о бок со становлением города, с ростом товарно-денежных отношений и частного богатства развитие рабовладения в его ярко выраженной античной форме, в виде рабства чужеземцев-варваров, захваченных на войне или вывезенных из-за границы. Старр недооценивает это явление: он не отрицает начавшегося использования—особенно в ремесленном производстве — покупных рабов-чужеземцев, но акцент делает на том, что в архаическое время даже это индустриальное рабство только еще делало первые шаги и вообще так никогда и не стало стовым хребтом греческой экономики (*industrial slavery never became the backbone of Greek economic life*).⁵⁴ А между тем переключением — под давлением демоса — неизбежного в ту пору развития рабовладения с кабалы-соотечественников на рабство чужеземцев-варваров и было создано условие для единения свободных эллинов в гражданское общество. Игнорируя этот момент, Старр тем самым упускает из виду один из важнейших факторов становления полисного строя.

Что касается Финли, то он, в отличие от Старра, признает и безусловное засилье знати после устранения царской власти, и вызванные этим обострение социальных отношений и развитие кризиса в архаическом обществе, и практически повсеместное явление тирании.⁵⁵ Он подчеркивает также особенную роль среднего имущественного сословия - сравнительно зажиточных, но незнатных землевладельцев, с вкраплением купцов, судовладельцев и ремесленников, которые в качестве новой военной силы, пришедшей на смену аристократической коннице — гоплитского ополчения, стали главными носителями

⁵⁴ *Starr Ch., G. History of Ancient World. P. 221; cp.: idem. The Economic and Social Growth of Early Greece. P. 90-92.*

⁵⁵ *Finley M.J. Early Greece. P. 91, 99 ff., 105 ff.*

новых коллективистических, полисных начал.⁵⁶ Однако и для него тоже характерно умаление роли экономических факторов в становлении полиса, что находит выражение и в односторонней характеристике первоначальных полисов как простейших урбанистических — не экономических — центров, которые долго не выходили из этого своего эмбрионального состояния, и в утверждении чисто аграрного характера Великой колонизации в противовес мнению о ведущей роли торговых интересов, и, наконец, в абсолютном пренебрежении к теме рабства, поскольку-де это последнее приобретает значение только в классический и послеклассический периоды.⁵⁷

Подобное игнорирование социально-экономического звена — важнейшего в системе факторов, определяющих историческое развитие, — оборачивается неполнотою логического ряда, неудовлетворительностью предлагаемого объяснения, в конце концов, форсированным решением проблемы. Фундаментальная причина возникновения полиса видится Старру в естественном стремлении людей к духовному единению, что у греков, при отсутствии внешней угрозы, привело к образованию свободного — без царя и (поначалу?) без укрепленного стенами города, как это было на Востоке, — гражданского сообщества, сплоченного общим сознательным подчинением закону. Однако Старр и сам чувствует недостаточность такого объяснения и потому, в конце концов, вынужден признать рождение полиса чудом, непостижимым проявлением греческого гения (*its initial crystallization was virtually a miracle, one of the many marks of the Greek genius*).⁵⁸

В свою очередь Финли понимает, что полисный строй жизни у греков лишь отчасти может быть объяснен ссылкой на географические условия, поощрявшие существование отдельных независимых общин. Очевидно, была какая-то более основательная причина, а именно, указывает Финли, убеждение, что полис был единственной подходящей формой для цивилизованной жизни (*clearly there was something far greater at stake, a conviction that the polis was the only proper structure for civilized life*).⁵⁹ Однако истоки этого присущего грекам убеждения остаются у Финли невыясненными точно так же, как у Старра — природа их замечательного гения.

Завершая этот обзор, мы хотели бы подчеркнуть, что нашей целью отнюдь не было стремление во что бы то ни стало раскритиковать и отвергнуть выработанные в западной науке концепции рождения классической греческой цивилизации. Мы далеки от научного нигилизма и отдаем себе отчет в том, что прогресс в такой, по сути своей ин-

⁵⁶Ibid. P. 101–102.

⁵⁷Ibid. P. 91–92, 96–99, 100–101.

⁵⁸*Starr Ch. G. The Early Greek City-State. P. 108.*

⁵⁹*Finley M. J. Early Greece. P. 92.*

тернациональной, научной дисциплине, как антиковедение, обеспечивается усилиями разных национальных школ и направлений. Нашей целью было другое — показать, сколь много остается еще неясного и спорного в построениях зарубежных антиковедов, к каким крайностям подчас приходят новейшие критические направления и как осторожно надо относиться к тому, что нередко выдается за последнее слово современной науки. Осознанное отношение ко всем положениям, которые выдвигаются современной наукой, в частности и зарубежной, — и к тем, что могут претендовать на значение истины, и к тем, что должны быть признаны издержками роста и порождениями тенденций, лежащих вне науки, — является неременным условием дальнейшей успешной разработки проблем античной истории и, в частности, такой ее заглавной темы, как формирование классического полиса.

3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ (СОВЕТСКАЯ) ИСТОРИОГРАФИЯ

Большой вклад в изучение темы полиса внесла и отечественная (советская) историография, причем много было сделано в этом направлении уже в предвоенные годы. Опираясь на марксистскую материалистическую концепцию исторического процесса, на развитое основоположниками марксизма формационное учение, а также на более конкретные их идеи и высказывания, непосредственно относящиеся к античности (в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, в «Капитале» Маркса, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса, в лекции «О государстве» В. И. Ленина), советские ученые определяли социально-политическую организацию древнегреческого общества в пору его расцвета как гражданскую рабовладельческую общину. Идея такого рода была развита, в частности, А. И. Тюменевым в его статьях, вошедших в коллективную монографию «История Древней Греции» (1937 г.).⁶⁰ Однако развернувшиеся уже тогда специальные исследования (например, С. Я. Лурье и К. М. Колобовой) позволяли надеяться на дальнейшую конкретизацию и уточнение этого определения.

В послевоенный период тема полиса стала разрабатываться советскими учеными все более и более активно. Этому способствовало, наряду с развитием конкретно-исторических исследований, также знакомство советских читателей с подготовительными экономическими

⁶⁰ См., в частности: Тюменев А. И. Рабовладельческий город-государство // История Древней Греции. Ч. II (История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева. Т. III). М., 1937. С. 39, 44, 51 и др.

работами К. Маркса и, в частности, с тем их разделом, который условно озаглавлен «Формы, предшествующие капиталистическому производству».⁶¹ Здесь содержится особенно много замечаний, развивающих и уточняющих общее определение античной формы собственности, данное в «Немецкой идеологии». Но важны были, конечно, и конкретные исследовательские импульсы. С разных сторон подошли, в частности, к проблеме полиса А. Б. Ранович и С. Л. Утченко: первый заинтересовался судьбой классического полиса в связи с историей эллинизма, второй обратился к теме античной гражданской общины в ходе своих изысканий по истории гражданских войн в Риме.⁶² Показательно, что в обоих случаях интерес к полису был обусловлен изучением коллизий позднеклассического времени соответственно в Греции и Риме. Как и в древности (ср. время Аристотеля), толчок был дан возможностью сопоставления отживавшей уже формы классического полиса с нарождавшейся новой структурой державно-территориального государства. Вместе с тем для ученых нового времени важным дополнительным стимулом служило наличие — как раз от позднеклассического времени — богатой политической литературы древних, доставлявшей необходимый материал и важные отправные точки для теоретического решения проблемы полиса.

В особенности велико было значение работ С. Л. Утченко.⁶³ Он не только более дифференцированно подошел к оценке социальной структуры античного общества, указав на невозможность сведения ее к двум классам рабовладельцев и рабов и отметив важное значение еще одного класса — мелких свободных производителей, крестьян и ремесленников, но и уточнил и конкретизировал на этой основе самое определение античной гражданской общины. Рассматривая полис как тип общественной организации в античном мире, Утченко видел в нем не столько город-государство — это распространенное определение он находил мало приемлемым, — сколько именно вид гражданской общины. При этом он определенно признавал принципиальное сходство греческого полиса и римской *civitas*, считая их конкретно-историческими вариантами одного социологического типа.

Широко оперируя античным материалом, — греческим в такой же степени, как и римским, — опираясь на идеи и высказывания осново-

⁶¹ Этот отрывок был опубликован на русском языке первоначально в 1939–1940 г. Теперь см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 461–508.

⁶² См.: Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М. Л. 1950; Утченко С. Л.: 1) Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М. 1952; 2) Кризис и падение Римской республики. М. 1965; 3) Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969; 4) Политические учения Древнего Рима. М. 1977.

⁶³ Далее мы в особенности имеем в виду последнюю из только что названных работ Утченко «Политические учения Древнего Рима», где глава 1 — «Феномен античного полиса» (с. 18–41) — содержит всю сумму развитых им взглядов.

положников марксизма, Утченко впервые в советской литературе дал системный анализ античной гражданской общины, выявил ее главные черты, или, как он говорил, «структурообразующие элементы». Такими он считал: специфическую материальную базу — земельную собственность в ее античной противоречивой, двуединой форме; далее, самый институт гражданства с соответственными характерными формами самоуправления гражданского коллектива (народное собрание, по существу совпадающее с ним народное ополчение, выборные органы власти); наконец, определенным образом ограниченные, небольшие размеры территории и населения, при которых только и возможно было осуществление экономического и политического полноправия граждан, равно как и прямого, непосредственного народоправства. К этому, полагал он, надо добавить еще особую идейно-политическую сферу полиса, выработанные им идеи гражданства, демократии и республиканизма, которые и составляют главное наследие, оставленное полисом позднейшим поколениям.

Важным было замечание Утченко о том, что существо полиса состоит в уникальном единстве главных структурообразующих элементов, что лишь полный их набор делает ту или иную общественную структуру настоящим полисом. В этой мысли таилось предупреждение против слишком широкого оперирования понятием полиса за пределами античного мира, против попыток в любом независимо существующем городе или общине видеть полис. Что же касается исторических судеб собственно античного полиса, то Утченко, в полном согласии с положениями Маркса, отмечал, что главным путем образования полиса как городской гражданской общины был синойкизм, а важнейшей причиной его разложения и упадка было прогрессирующее непомерное распространение рабства и соответственно рост питаемого им частного богатства, что подорвало, в конце концов, значение мелкого свободного хозяйства крестьян и ремесленников, этой основы античного гражданского общества в лучшую пору его существования.

Еще один подход к интересующей нас проблеме был продемонстрирован К. М. Колобовой, исследовавшей генезис полиса. В своих работах, посвященных раннегреческому обществу,⁶⁴ Колобова подчеркнула значение таких определявших развитие Греции в послемикенское время факторов, как последовавшее за крушением ахейских государств оживление общинных отношений; распространение железа и обусловленные им интенсификация производства, специализация хозяйствен-

⁶⁴Основная монография К. М. Колобовой — «Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н. э.)» (Л. 1951). К ней примыкают две важные ее статьи: «К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема "переходного" периода в Эгееде (1100–900 гг. до н. э.)» (Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 192. Сер. ист. наук. Вып. 21. 1956. С. 21–51) и «Войкеи на Крите» (ВДИ. 1957. № 2. С. 25–46).

ной деятельности и особенно развитие ремесла; рост частного богатства и в этой же связи переход от примитивных форм коллективного рабства, когда рабы принадлежали родовым или большесемейным общинам, к рабовладению развитого типа, частновладельческому. Колобова проследила рождение города и становление классового общества и государства у греков в архаическую эпоху, с особым вниманием остановившись на итоговой проблеме — формировании полиса.⁶⁵

Признавая обычный перевод слова «полис» как «город-государство» в общем правильным, Колобова, тем не менее, подобно Утченко, находила его недостаточно точным. Полис не был механически тождествен городу. Его значение было более высоко, а состав — более сложным. Полис был средоточием всей общественной жизни страны, включая в себя все ее гражданское население вместе с совокупной территорией государства. Подчеркивая, что «термином “полис” сами греки прежде всего обозначали объединение граждан в правящий коллектив в каждом государстве»,⁶⁶ Колобова вслед за ними трактует полис как особого рода социально-политическое единство, характерными чертами которого были общая рабовладельческая направленность и обусловленность, сложная структура гражданской корпорации, слагавшейся из двух различных классов — крупных собственников-рабовладельцев и мелких свободных производителей, крестьян и ремесленников, наконец, соответствующая этой сложной социальной природе особенная двойная форма собственности, при которой частная собственность отдельных граждан перекрывалась, гарантировалась и регулировалась верховной собственностью всего гражданского коллектива.

Много внимания Колобова уделила дальнейшей дифференцированной оценке и определению различных видов полиса, демократического и олигархического. Их главной отличительной чертой она считала исторически сложившийся характер рабовладения. В олигархических полисах ведущей формой была эксплуатация рабов в сельском хозяйстве, причем рабы комплектовались из местного, некогда покоренного завоевателями, земледельческого населения. Напротив, в демократических полисах земледельческий труд остался привилегией свободных граждан, т. е. отстоявших в ходе социальных смут свою свободу крестьян, тогда как рабство нашло распространение, скорее, в город-

⁶⁵ Результаты специальных исследований К. М. Колобовой по этой проблеме были в конечном счете отражены в написанных ею совместно с Л. М. Глушкиной «Очерках истории Древней Греции» (Л., 1958), где для наших целей особенно важны главы III — «Греция в XI–IX вв. до н. э.» (с. 41–54) и IV — «Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции» (с. 55–79).

⁶⁶ Колобова К. М., Глушкина Л. М. Очерки... С. 74.

ских промыслах, в ремесле, причем здесь пользовались рабами покупными и не из числа своих соплеменников, а ввозимыми из-за границы.

К. М. Колобову и С. Л. Утченко можно считать зачинателями нового, в высшей степени перспективного направления в послевоенной отечественной науке об античности. В последующие годы большая уже группа отечественных антиковедов вела и ведет интенсивную исследовательскую работу по теме полиса, добираясь до исходных моментов его формирования (Ю. В. Андреев, Г. Ф. Полякова, В. П. Яйленко),⁶⁷ вскрывая причины и прослеживая проявления его кризиса в позднеклассический период (Л. М. Глускина, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов),⁶⁸ изучая роль и значение полисных и, шире, общинных начал на эллинистическом Востоке (Е. С. Голубцова, Г. А. Кошеленко, Г. Х. Саркисян, И. С. Свенцицкая, И. Ш. Шифман),⁶⁹ с особенным вниманием относясь к проблеме северо-причерноморского полиса (Ю. Г. Виногра-

⁶⁷ Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис (гомеровский период), Л., 1976; 2) Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 3–17; 3) К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9–29; Полякова Г. Ф. 1) Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма Б). М., 1978; 2) Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тыс. до н. э. // Античная Греция. Т. I. М. 1983. С. 37–88; 3) От микенских дворцов к полису // Там же. С. 89–127; Яйленко В. П. Архаическая Греция // Там же. С. 128–193 (перечень и здесь тоже, как и в случае с зарубежной историографией, носит сугубо выборочный характер).

⁶⁸ Глускина Л. М. 1) О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 27–42; 2) Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975; 3) Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Т. II. М. 1983. С. 5–42; Маринович Л. П. 1) Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; 2) Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Т. II. С. 108–258; Фролов Э. Д. 1) Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л. 1972; 2) Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л. 1979; 3) Младшая тирания // Античная Греция. Т. II. С. 121–156; 4) Панэллинизм в политике IV века // Там же. С. 157–207; 5) Огни Диоскуров: античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984.

⁶⁹ Голубцова Е. С. 1) Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. (независимая сельская община). М. 1962; 2) Сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э. М., 1972; 3) Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. М. 1977; Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; Саркисян Г. Х. 1) Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68–83; 2) О городской земле в Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 59–73; 3) Новые данные о городской земле в Селевкидской Вавилонии // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 185–193; Свенцицкая И. С. 1) Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в провинции Азии // ВДИ. 1969. № 3. С. 130–142; 2) Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазиатских провинций в I–V вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 33–51; 3) Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 43–61; Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М., 1977.

дов),⁷⁰ наконец, выявляя особенности в рождении римского полиса (И. Л. Маяк).⁷¹

В плане общего синтеза большое значение имела опубликованная Институтом всеобщей истории АН СССР двухтомная коллективная монография «Античная Греция» (1983 г.), где обстоятельно прослежено историческое развитие и охарактеризованы главные аспекты полисной цивилизации у греков. В теоретическом отношении особенно важны вошедшие в состав этого издания две работы Г. А. Кошеленко: «Древнегреческий полис» и «Греческий полис и проблемы развития экономики».⁷² В первой, вслед за С. Л. Утченко и в общем с тех же позиций, но детальнее и на ином, более современном уровне, дается системный анализ понятия и сущности полиса, во второй — рассматриваются судьбы полиса в контексте поступательного экономического развития.

Трактовка в этих работах полиса как античной гражданской общины, определение специфики этой общественной структуры, раскрытие ее существенных черт являются вполне убедительными — постольку именно, поскольку последовательно просматривается своеобразная сущность полиса, генетически восходящая к сельской общине, но реализующаяся в новых условиях классового общества и рабовладельческого государства. Вместе с тем некоторые принципиальные положения Кошеленко вызывают у нас возражение, а именно по линии связей полиса с городом и полиса с государством.

Кошеленко различает полис и город настолько, что совершенно противопоставляет их один другому, заявляя даже о «дихотомии» полис — город.⁷³ Полис у него предшествует городу. В недрах полиса, трактуемого как гражданская землевладельческая община, рождается город в качестве центра ремесла и торговли и своим развитием, в особенности же ростом связанных в первую очередь с городскими промыслами частного богатства и рабовладения, разлагает гражданское

⁷⁰ *Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. С. 366–420.* — Эта работа Ю. Г. Виноградова наиболее показательна, благодаря своему концентрированному вниманию к теме полиса, в обширном ряду исследований по проблемам античной цивилизации в Северном Причерноморье. Ценными пособиями для вхождения в круг вопросов, связанных с разработкой названной темы, могут служить также коллективные труды: *Античные города Северного Причерноморья. Т. I / Под ред. В. Ф. Гайдукевича, М. И. Максимовой. М., 1955; Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Под ред. А. П. Смирнова. М. 1959; Античный город / Под ред. А. И. Болтуновой. М., 1963; Античные государства Северного Причерноморья (серия «Археология СССР») / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М. 1984.*

⁷¹ *Маяк И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М. 1983.*

⁷² *Античная Греция. Т. I. С. 9–36, 217–246.*

⁷³ В общей форме этот тезис заявлен уже в первой статье (с. 10–11), а последовательно развит во второй (см. в особенности с. 217–220, 236 слл.).

единство, основанное на принципах относительного равенства, просто воспроизводства и святости традиционного уклада жизни. И определение полиса как преимущественно гражданской землевладельческой общины, и утверждение о рождении у греков в архаическую эпоху города в новом социологическом смысле, в качестве центра ремесла и торговли (равно как и связанная с этим полемика с примитивизирующими воззрениями М. Финли, практически отрицающего товарную направленность античного хозяйства и производственную роль античного города), и выявление обусловленных главным образом развитием городской жизни разрушительных для полиса тенденций — все это совершенно верно. Неверно, однако, отрицание существенной, в идеале, да и на практике доходящей до тождества, связи полиса с городом. Кошеленко игнорирует семантику термина и фактическое состояние дел. Приведенные им примеры с Атикой, где будто бы было два городских центра Афины и Пирей, и с Лаконикой, где такого центра вовсе даже не было, не убеждают, ибо в первом случае допущена передержка, поскольку Пирей всегда был только гаванью Афин, а второй вообще нехарактерен. Но самое главное: Кошеленко совершенно не учитывает того, что исходное социологическое качество полиса заключалось именно в элементарном единстве города и сельской округи, что диктует признание и другого единства, разумеется, диалектического, но все-таки не дихотомии, — общины и города.

Равным образом мы считаем неправомерным отрыв и противоположение полиса государству.⁷⁴ Кошеленко говорит об историческом полиморфизме полиса, выделяет в качестве его главных форм полис гомеровский и полис классический. Первый он, опираясь на исследования Ю. В. Андреева, характеризует отсутствием античной формы собственности и государственности и лишь за вторым признает постепенное, по мере развития рабовладения, обретение государственных функций. Однако на это следует заметить, что гомеровский полис был собственно лишь протополисом, лишь предварением классического полиса, а не самостоятельной равновеликой формой. Термин «полис», которым оперирует гомеровское время, не должен вводить в заблуждение; на самом деле гомеровский (прото)полис так же относится к полису классическому, как, скажем, у древних славян городище — к позднему городу (хотя оба могут фигурировать под именем «град»).

С другой стороны, и формирование классического полиса совершается вполне одновременно и на основе развития античной формы рабовладения, стало быть, с самого начала как рабовладельческого го-

⁷⁴Эта идея проводится в заключение первой из названных статей Г. А. Кошеленко (с. 31–36).

сударства и опять-таки как города, без которого немислимо было бы развитие этого рабовладения. Иными словами, по нашему глубочайшему убеждению, древнегреческий полис был именно единством города, гражданской общины и государства, где развитие, по крайней мере на стадии становления, свершалось как у элементов одного организма — бок о бок и в одно историческое время.

Уже этих замечаний по поводу новейших выдвинутых нашей наукой концепций полиса довольно, чтобы показать, насколько эта проблема в самых своих существенных аспектах остается еще не решенной. Но дело не ограничивается нерешенностью отдельных важных, но все-таки частных вопросов, касающихся природы самого полиса. С концентрацией интереса вокруг этой темы в современной науке древней истории, наряду с несомненными позитивными достижениями в интерпретации античной цивилизации, явились и такие увлечения, такие крайности, которые могут исказить картину всего исторического процесса.

В самом деле, полис как теоретическое понятие, выдвинутое древней философией и вновь развитое наукой нового времени, отличается большой, можно даже сказать, безусловной определенностью в том смысле, что для авторов, трактующих о нем, при всех прочих различиях характерно представление об определяющей роли этого института в жизни античного общества. Общественная мысль древних (напомним в этой связи об Аристотеле и Цицероне) видела в полисе, городе с характерной общинно-государственной организацией, элементарное и вместе с тем совершенное воплощение общественной жизни. Наука нового времени (начиная, во всяком случае, с Фюстель де Куланжа) в стремлении своем раскрыть специфическую особенность античного общества также рано усмотрела эту особенность в своеобразном общинном, полисном быте древних. Особой глубиной и последовательностью отличается в этом отношении подход марксистской историографии: подчеркивая своеобразный общинный характер античной формы собственности, она обосновывает определяющую роль полисного начала в основе основ общественной жизни древних греков и римлян — в сфере социально-экономических отношений. Зачастую, однако, дело не ограничивается утверждением вслед за взглядом, развитому К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», значения полиса как идеальной нормы, характерной особенно для времени становления античного общества. Широко распространено убеждение в безусловно решающем значении полисного начала в античности.⁷⁵ Мало того, об-

⁷⁵Ср. характерное высказывание — подлинное *opinio communis* — в предисловии к новейшему коллективному труду о греческом полисе: «Значение полиса как основной формы политической и социальной организации античного общества, как феномена, определяющего специфику этого общества, признается всеми антикове-

наруживаются стремления расширить сферу действия этого начала за пределы античности и, таким образом, придать полису универсально-исторический характер (для примера можно сослаться на И. М. Дьяконова).⁷⁶

Между тем внимательное рассмотрение истории греческого полиса наводит на мысль о прямолинейности распространенного мнения о безоговорочно определяющей и даже универсальной роли полиса в древности. Не следует забывать, что полис родился в специфических условиях послемикенской Греции (1-я половина I тыс. до н. э.). Именно особенные исторические условия, в которых протекала жизнь греческого народа в послемикенское время, обусловили и своеобразное сплетение исходных моментов, и своеобразную же поэтапность формирования полисного строя. Замечательна была уже самая комбинация тех обстоятельств и факторов, которые определили дальнейшее развитие. Вначале — гибель микенских дворцовых центров и обусловленное этим пробуждение мелких сельских общин к новой жизни. Одновременно или несколько позже — распространение железа с такими важными в перспективе последствиями, как совершенствование технической базы, индивидуализация производства, рост частного богатства, демократизация экономического и военного быта. Далее, при видимом разрыве с традициями микенского времени — известный духовный континуитет, ставший предпосылкой успешного развертывания творческого рационального духа. Наконец, соседство древних передневозточных цивилизаций, чьи достижения (например, алфавитное письмо и метал-

дами независимо от их методологических установок» (Античная Греция. Т. I. С. 6). Показательна, однако, более осторожная трактовка этого вопроса таким знатоком темы полиса, каким был А. И. Доватур. Рассуждая о судьбах греческого полиса в позднее время, взвешивая степень сохранения полисного начала в эллинистических государствах и Римской державе, он довольно смело признание того, что по крайней мере «в сознании самих греков» полис не был совершенно вытеснен новыми политическими образованиями. «Во всяком случае, — заключал он, — «полис» как государственно-правовое понятие не окончил своего существования в IV в. до н. э.» (Доватур А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. С. 14–16).

⁷⁶Ср. следующее, тоже по-своему характерное, высказывание И. М. Дьяконова: «Преувеличение своеобразия государственного строя Востока по сравнению с Западом объясняется, как нам кажется, знакомством большинства невостоковедов лишь с отдельными наиболее резко выраженными формами; в действительности же можно констатировать, что полисный строй, если и не всегда в полностью развитой форме, был не редкостью на всех континентах и не представляет ничего принципиально отличающегося Запад от так называемого Востока» (Дьяконов И. М. Проблемы экономики: о структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 4. С. 31, прим. 126). Аналогичные взгляды развивают и некоторые другие востоковеды (см.: Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 221–222; Лундин А. Г. Городская организация в древнем Йемене // Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). Т. I. Ереван, 1979. С. 149–155).

личные деньги), будучи усвоены греками в начале их нового пути, значительно облегчили движение вперед.

Не менее замечателен был и самый процесс поэтапного формирования полиса. Сначала, в IX–VIII вв., в обстановке экономического подъема, демографического взрыва и обстрившихся столкновений из-за земли, выделение из аморфной массы сельских поселений одного укрепленного центра, своего рода протогорода. Затем, в условиях набравшего темп экономического прогресса и в ходе стимулированного им демократического движения VII–VI вв. рождение настоящего города и опирающейся на него сословной гражданской общины. И одновременно с тем и другим формирование полиса как суверенного политического целого, как классового рабовладельческого государства, существующего в условиях городской автаркии и общинной автономии. Можно ли утверждать, что этот путь, а стало быть, и конечный результат его, был характерен для исторического развития не только греков и, может быть, в известной мере, италиков, но и остальных народов древности?

Но даже отвлекаясь от особенностей генезиса античного полиса, рассматривая этот полис как нечто данное, мы обязаны отдавать себе отчет в своеобразном характере этого выработанного первоначально греками, а затем, отчасти уже под их влиянием, также и италиками типа общественной организации. Свообразие это состоит в неповторимом единстве замечательных в своей простоте и потому особенно жизнестойких качеств. Полис — это элементарное единство города и сельской округи, достаточное для более или менее самодовлеющего существования. Это, далее, простейшая сословно-классовая организация общества, где свободные собственники-граждане, будучи сплочены в искусственно сохраняемую, но выросшую на естественной племенной основе общину, противостоят массе бесправных и несвободных, жестоко эксплуатируемых людей, чье человеческое достоинство принесено в жертву необходимому общественному разделению труда, исторически обусловленному, но воспринимаемому в гражданской среде как естественное с тем большей легкостью, что рабское состояние — удел чужеземцев. Это, наконец, простейшая, но вместе с тем весьма эффективная форма политической организации — республика, с более или менее развитыми принципами народоправства и материальными гарантиями их реализации, с соответственно ярко выраженной самостоятельностью обладающей необходимыми средствами и досугом гражданской массы, с обусловленной всем этим высокой развитостью политической идеологии и культуры. Можно ли утверждать, что подобное же единство всех этих замечательных черт, равно как и обусловленные им неопенимые для развития человечества культурные достижения, бы-

ли свойственны не только собственно античным, но и иным городам, общинам, государствам?⁷⁷

В нерасторжимом единстве отмеченных замечательных качеств и стояла удивительная жизнестойкость греческого полиса. На всем протяжении древней греческой истории полис оставался важным типом организации общества и как самодовлеющий самостоятельный организм в классическую эпоху, и как элементарная частица более ясного политического единства в эпохи эллинистическую и римскую. Однако эта важная, в ранние периоды даже определяющая роль полиса не должна абсолютизироваться. Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя в общем и малоуспешное, стремление к преодолению полиса: непрерывное — в силу несоответствия однажды установившихся полисных принципов (экономическая автаркия, политический партикуляризм, Условная исключительность и т. п.) дальнейшему общественному прогрессу, а малоуспешное — ввиду того, что попытки преодоления полиса долгое время осуществлялись на полисной же основе.

Примерами таких не слишком удачных попыток могут служить уже Пелопоннесский и Афинский союзы, а затем городские тирании и державно-территориальные образования позднеклассического времени (Ферско-фессалийское государство Ясона, Сицилийская держава Дионисия). Более или менее успешное преодоление полисной стадии оказалось возможным лишь с помощью внешнего рычага, отчасти во времена македоно-эллинистических правителей, а по существу только в эпоху Рима, но и тогда полис остался в качестве элементарного ядра, а полисная идеология и культура сохранили свое значение вплоть до самого конца античности.

Общая социологическая причина такого явления понятна: она сводится в конечном счете к консервативной, в условиях рабства, технике производства, к ограниченности, в силу этого, экономического и социального прогресса, так, по сути дела, и не приведшего к спонтанному революционному преобразованию античного мира. Однако понимание этого общего фундаментального момента не исключает для историка необходимости изучения самой жизнедеятельности античного общества, хотя бы для того только, чтобы верно представить себе все

⁷⁷По этому вопросу ср. также: *Андреев Ю. В.* Античный полис и восточные города-государства// *Античный полис* / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1979. С. 8-27. -Здесь в частности, справедливо подчеркнуто, что попытки придать полису универсальный характер связаны с непониманием «проблемы общего и особенного в историческом развитии государств древнего мира», что они «основаны на произвольном смешении двух далеко не однозначных понятий: понятия полиса и понятия города-государства, и что, хотя античный полис представляет собой лишь «разновидность ... распространенной категории городов-государств», не следует упускать из виду именно «своеобычность этого частного случая» (с. 8-9).

многообразие функций и судеб того характерного для античности и удивительного в своей жизнестойкости организма, каким был полис.

Можно сказать, что жизнь древнегреческого общества была жизнью полиса, но что сама эта жизнь проходила в форме непрерывного ее отрицания. Этим в конечном счете объясняется трагическая особенность греческой истории, состоявшая в непрекращающейся междоусобной борьбе полисов с полисами, тиранов — с гражданами своих общин, державных властителей — с подчиненными или свободными городами. Отсюда большая роль войны в истории независимой Греции, политического террора и подавления — в позднейший эллинистическо-римский период.

В дальнейшем полезно помнить об условности подчеркиваемого теорией полисного начала, о парадоксальности реального воплощения этого начала в греческой древности. Интересно было бы, с этой точки зрения, проследить трагические перипетии греческой истории, обусловленные своего рода движением по кругу. В самом деле, отрицающее полисный принцип развитие экономических связей упиралось в суженную основу производства в условиях полисного рабовладения; стремление к политическому единению — в живучесть общинного автономизма; распад полисного гражданского общества и размывание граней между гражданами и негражданами — в стойкость сословной корпоративности, непрерывно питаемой кооптированием новых граждан из числа свободных чужеземцев или отпущенных на волю рабов. И даже в сфере идеологии развитие достаточно радикальных, по существу подрывавших полисное начало идей — например, панэллинской и монархической — уживалось у античных теоретиков с признанием незыблемости самого полиса. В исследовании этой парадоксальной стороны античной истории заключены большие возможности для более всесторонней и более правильной оценки как античной цивилизации в целом, так и ее ядра, начала, столь же житнетворного, сколь и консервативного, — полиса.

Однако все эти парадоксальные особенности развития уже сложившегося античного общества должны быть предметом особого рассмотрения. Пока наша задача состояла лишь в том, чтобы показать, сколько еще не изученного, не установленного, не понятого до конца заключено в проблеме древнегреческого полиса. Тем более оправдано наше обращение к теме формирования этой столь своеобразной формы организации классового общества. Мы уже не говорим о том, насколько изучение этой темы необходимо для выработки научно обоснованного взгляда об общих закономерностях становления и развития раннеклассовых обществ.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИСА
(ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА)**

**1. ИСХОДНЫЙ МОМЕНТ.
СИТУАЦИЯ РУБЕЖА II-I ТЫС. ДО Н. Э.**

Проблема генезиса полиса сложна, как никакая другая проблема античной истории. Она предполагает рассмотрение как самого процесса формирования древнегреческого полиса, так, насколько это возможно, и тех особенных исторических предпосылок, которые подготовили его рождение. По существу необходимо выделить и изучить три сюжета: во-первых, исходный момент; во-вторых, главные факторы и линии того исторического развития, которое привело к рождению полиса; в-третьих, заключительную, решающую фазу становления греческого полиса. Яснее всего обстоит дело с последним пунктом. Это — архаическая революция VIII–VI вв. до н. э., и мы рассмотрим ее позднее самым обстоятельным образом, насколько, конечно, это позволяют источники. Сейчас же обратимся к выяснению первых двух пунктов, что представляет значительную трудность, ибо требует вторжения в такие ранние области греческой истории, где мысль историка чувствует себя особенно неуверенно и где, ввиду всего этого, главные вехи исторического процесса далеко еще не определены со всей необходимой точностью и надежностью.

Где искать исходный момент в рождении греческого полиса? Мы изучаем теперь историю Древней Греции со II тыс. до н. э., когда в районе Эгеиды сложились первые более или менее развитые цивилизации: автохтонов-этеокритян на Крите и мигрировавших откуда-то с севера греков-ахейцев на Балканском полуострове (культуру последних обычно называют микенской по одному из важнейших центров — Микенам в Северном Пелопоннесе). Казалось бы, здесь, в Микенской Греции, и надо искать корни той структуры, которая признается определяющей для античного общества, т. е. полисной структуры. Однако дело осложняется неясностью, существующей в отношении самого микенского общества: какой характер оно носило и каковы были его судьбы? Было ли оно сродни последующему античному обществу? Или, формулируя вопрос более общим образом: в какой степени его качества или достижения могли быть унаследованы последующим временем и, таким образом, стать элементами полисной структуры? На все эти вопросы, к сожалению, нельзя дать вполне определенного ответа.

Начать с того, что все еще неясен характер микенского общества.

Даже после дешифровки в 1952 г. М. Вентрисом древнейшей греческой письменности (линейного письма Б), что открыло возможности для исторического анализа многочисленных документов хозяйственной отчетности, происходящих из различных центров ахейской цивилизации, единого мнения относительно этой цивилизации далеко еще не сложилось. Некоторые западные ученые во главе с Л. Палмером, исходя из убеждения об изначальной приверженности индоевропейцев феодальным отношениям, склонны были определять и микенское общество как феодальное.¹ Однако эта точка зрения, не найдя надлежащей опоры в источниках, ввиду очевидной ее нарочитости скоро была оставлена, после чего западные ученые все более стали склоняться к оценке древнейших государств Эгеиды по аналогии с древневосточными.²

Советская историография, решительно отвергнув концепцию феодального общества в Греции II тыс. до н. э., со своей стороны выступила с обоснованием рабовладельческого существа крито-микенской цивилизации.³ Однако единым был лишь этот принципиальный подход, а далее мнения разошлись. Несогласия обнаружились как по вопросу о характере рабовладения в ахейских центрах, так и в более общей оценке крито-микенской цивилизации. Между тем как Я. А. Ленцман склонен был упоминать в табличках из Пилоса отряды рабынь с их детьми относить к персоналу централизованных дворцовых хозяйств, С. Я. Лурье на основании данных того же пилосского архива пришел к выводу о широком распространении в ахейских государствах II тыс. до н. э. частной собственности на землю и частновладельческого рабства.⁴ Равным образом, если Ленцман склонялся к сопоставлению микенских дворцовых комплексов с царскими и храмовыми хозяйствами древнейших государств Переднего Востока, то Лурье, обращая внима-

¹ *Palmer L. R.* 1) *Achaean and Indo-Europeans*. Oxford, 1955; 2) *Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets*. London, 1961; 3) *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxford, 1963.

² См., например: *Webster T. B. L.* *From Mycenae to Homer*. 2nd ed. London, 1964; ср. также: *Hammond M.* *The City in the Ancient World*. Cambridge (Mass.), 1972 (Ch. XI. Conclusion. P. 129–133).

³ Классовый, рабовладельческий характер крито-микенского общества был признан советской наукой еще до войны, в ходе дискуссии 1940 г. О ней см.: *Шелунова Т. М.* В Академии наук СССР // ВДИ. 1940. № 2. С. 204–218. — Обстоятельную критику выдвинутой Л. Палмером концепции феодализма дает С. Я. Лурье в рецензии на вторую из названных выше работ английского ученого — «*Mycenaeans and Minoans*» (ВДИ. 1964. № 2. С. 176–182).

⁴ См.: *Ленцман Я. А.* 1) Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции // ВДИ. 1955. № 4. С. 41–62; 1) Рабство в микенской и гомеровской Греции. М. 1963. С. 144–190. Ср.: *Лурье С. Я.* 1) Язык и культура микенской Греции. М. Л., 1957. С. 269–285; 2) К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе // ВДИ. 1957. № 2. С. 8–24.

ние на неразвитость монархического начала и большую роль демоса в ахейских государствах, подчеркивал различие между государственным строем ахейской Греции и строем древневосточных государств.⁵ В свою очередь, А. И. Тюменев, радикально противопоставивший Восток и античность как два разных типа рабовладельческого общества с соответствующим преобладанием государственного и частновладельческого хозяйства, в развитии крупного частного землевладения у греков в микенскую эпоху усматривал дополнительный аргумент для обоснования этого своего положения.⁶ И хотя в последнее время точка зрения Ленцмана получила поддержку и развитие в работах некоторых других отечественных ученых (по существу — у Г. Ф. Поляковой, в общей принципиальной форме — у Ю. В. Андреева),⁷ вопрос о характере микенского общества не может считаться окончательно решенным.

В любом случае, независимо от решения вопроса о характере микенского общества, встает проблема исторического преемства, а именно: в каком отношении друг к другу находятся два этапа в развитии греческого народа — микенский и классический? Ибо в том, что мы имеем здесь дело с двумя отдельными историческими этапами, сомневаться не приходится. Традиция и археология свидетельствуют, что в конце II тыс. до н. э., новая волна мигрировавших с севера греческих племен, среди которых особенно выделялись дорийцы (отчего и вся эта миграционная волна обычно называется дорийским завоеванием), сокрушила ахейские государства, разрушила созданную ими цивилизацию и отбросила греческое общество на дальние рубежи — на уровень сельского общинного быта и бесписьменной культуры.

Разумеется, и здесь тоже не обошлось без споров. Традиционная, опирающаяся на древнее предание точка зрения о дорийском переселении, сокрушившем микенский мир, была поставлена под сомнение,

⁵См.: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 185–190, 279–281. Ср.: *Лурье С. Я.* 1) Язык и культура микенской Греции. С. 11–12; 2) Микенские надписи и древний Восток // Проблемы социально-экономической истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве, И. М. Дьяконова, Д. П. Каллистова и др. М.; Л., 1963. С. 179–180.

⁶*Тюменев А. И.* 1) Передний Восток и античность // ВИ. 1957. № 6. С. 50–70; № 9. С. 37–56; 2) Tereta пилосских надписей (к вопросу о происхождении крупного частного землевладения в микенской Греции) // ВДИ. 1959. № 4 С. 24–32; 3) Восток и Микены // ВИ. 1959. № 12. С. 58–74.

⁷См.: *Полякова Г. Ф.* 1) Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М. 1978; 1) Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тыс. до н. э. // Античная Греция. Т. I. М. 1983. С. 37–88; *Андреев Ю. В.* Античный полис и восточные города-государства // Античный полис / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1979. С. 13–15. — Этой же позиции придерживалась исследовательница из ГДР Г. Бокиш: *Bockisch G.* Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise // EAZ. Bd XVI, 1975. S. 215–234.

и было выдвинуто предположение, что гибель микенской цивилизации была вызвана не только и даже, может быть, не столько внешней причиной — переселением племен, сколько собственным внутренним разложением.⁸ Высказывались также мнения, что переселения конца II тыс. до н. э. в свою очередь, не исчерпывались вторжением дорийцев, а были связаны с более широким миграционным движением, ответвлениями которого были и дорийское завоевание Пелопоннеса, и передвижения фракийцев и фригийцев на стыке Юго-Восточной Европы и Малой Азии, и вторжения так называемых народов моря в Сиропалестинском регионе, и проч.⁹

Как бы там ни было, бесспорным является резкий прерыв в развитии греческого народа на рубеже II—I тыс. до н. э. прерыв, который, однако, некоторыми исследователями углубляется до размеров настоящей пропасти, совершенно разделяющей два отрезка греческой истории. При этом подчеркивают обусловленные катастрофой масштабы исторического регресса: вторжением более примитивных племен, сумевших сокрушить ахейские государства, но оказавшихся неспособными усвоить их технические и культурные достижения, Греция была отброшена на несколько веков вспять, низведена обратно на уровень первобытнообщинных отношений и новое свое восхождение к цивилизации должна была начать практически с нуля.¹⁰

⁸Ср.: *Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 53–54; Bockisch G. 1) Voraussetzungen und Anfänge. S. 233–234; 2) Sozialökonomische Probleme des ausgehenden Bronzezeit in Agäischen Raum // Mitteleuropäische Bronzezeit. Berlin, 1978. S. 39–40; Starr Ch. G. A History of the Ancient World. 3rd ed. New York; Oxford, 1983. P. 110, 123.*

⁹Ср.: *Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л. 1976. С. 13–17; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. I. С. 92–104; Bengtson H. GG⁴ S. 50 ff.; Finley M. I. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. London, 1970. P. 58–68; Starr Ch. G. A History of the Ancient World. P. 96, 124–125.*

¹⁰В такой именно резкой форме это мнение формулируется Ю. В. Андреевым. Ср. его статьи: 1) *Античный полис и восточные города-государства // Античный полис / Под ред. Э. Д. Фролова. Л. 1979. С. 20. — «Весь курс политической грамоты и государственного строительства грекам пришлось осваивать практически заново. Микенская бюрократическая монархия исчезла, не оставив после себя никаких следов, кроме неясных воспоминаний, сохранившихся в мифе и эпосе»; 1) *Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах / Под ред. В. В. Мавродина. Л. 1982. С. 4. — «Греческая урбанизация началась практически с нуля. Катастрофы и социальные потрясения, обрушившиеся на Грецию в конце II тыс. отбросили греческое общество далеко назад, едва ли не к той черте, с которой начиналось когда-то развитие древнейших цивилизаций Эгейского мира». И далее снова: Так называемые «темные века» греческой истории (время с XI по IX в.) ознаменовались длительным перерывом в развитии греческого общества, которое в это крайне трудное для него время было отброшено снова на стадию первобытнообщинного строя, растеряв практически все основные достижения, накопленные им за время существования микенской цивилизации».**

Между тем представление о прерыве в историческом развитии не следует абсолютизировать. В данном случае против этого должно предупредить уже то весьма важное обстоятельство, что завоеватели принадлежали к одной с покоренными этнической общности, т. е. что сдвиг на рубеже II-I тыс. до н. э. произошел в рамках исторической жизни одного и того же народа.¹¹ Более того, как мы сейчас увидим, есть основания полагать, что и в плане социальном завоеватели мало чем отличались от основной массы покоренного населения: для тех и других характерно было существование в условиях общинного быта. Но в таком случае очевидный разрыв между микенским временем и последующим в области социально-политической и культурной не исключал преемства в другой и, пожалуй, более фундаментальной области — этносоциальной.

Конкретизировать это общее положение помогает та научная конструкция, которая в марксистской историографии была намечена уже К. М. Колобовой, обстоятельно, в существенном своем звене, разработана Ф. Папазоглу и развита затем Я. А. Ленцманом, Ю. В. Андреевым и Г. Бокиш. Согласно этой гипотезе микенская цивилизация была весьма еще скороспелой, верхушечной. Классовое, именно рабовладельческое, и государственное начало воплощалось и ограничивалось здесь на уровне дворцовых центров, возвышавшихся над морем примитивных поселков, которые продолжали жить своим традиционным общинным бытом. С гибелью дворцовых центров сельские общины выступили на первый план и стали главной основой последующего развития. Именно из их среды и выделились позднее новые центры, которые уже были протополисами.¹²

Впрочем, в опубликованной позднее работе «К проблеме послемикенского регресса» (ВДИ. 1985. № 3. С. 9–29) Ю. В. Андреев значительно уточняет характеристику Темных веков, склоняясь к «компромиссному», т. е. более сбалансированному решению проблемы. «Вполне допустимо предположение, — признает он, — что в каких-то отношениях и на каких-то уровнях “темные века” были периодом остановки или даже разрыва в историческом развитии греческого общества, тогда как в других отношениях и на других уровнях это развитие все же продолжалось» (с. 10). И далее он верно указывает условия и факторы этого развития (с. 18–23). Тем не менее при описании картины упадка (с. 10–18) по-прежнему используются такие сильные выражения, как «страшная катастрофа», «глубокая депрессия», «печать безнадежного отчаяния и духовного тупика» и т. п. Ср. также: *Starr Ch. G. A History of the Ancient World*. P. 110, 189.

¹¹На это справедливо обращает внимание Я. А. Ленцман (см. его книгу: *Рабство в микенской и гомеровской Греции*. С. 194–195).

¹²См.: *Колобова К. М. Греция XI–IX вв. до н. э.* (Лекции по истории Древней Греции. III). Л., 1956. С. 10; *Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции*. Л. 1958. С. 44; *Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции* // ВДИ. 1961. № 1. С. 23–41; *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции*. С. 281–282; *Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис*. С. 17–31; 2) Начальные этапы становления греческого по-

Но даже и в плане социально-политическом и культурном прерыв в развитии, а вместе с тем и последующий регресс вовсе не были столь радикальными, как это подчас представляется (например, тем же Ф. Папазоглу и Ю. В. Андрееву).¹³ Начать с того, что конец микенской цивилизации отнюдь не являл собой однозначной картины повсеместного и единовременного крушения. В одних местах дворцовые центры и в самом деле пали в результате одноактной катастрофы (судьба пилосского дворца на рубеже XIII–XII вв. до н. э.), но в других смена культур — в рамках дорийского переселения — была длительной (борьба, не исключавшая известного этнического взаимодействия, в Лаконике на протяжении трех столетий — с XI по IX в.), а в третьих она свершилась даже без прямого дорийского вмешательства, хотя и не в совершенном отрыве от общего, вызванного падением главных центров, упадка микенской цивилизации (Аттика).

Далее, и в этой же связи, надо заметить, что не все культурные ценности микенского времени погибли безвозвратно. Изучение греческой религии и мифологии, равно как и эпоса, показывает, что в этих заглавных, определяющих областях древней культуры и идеологии развитие свершалось практически непрерывно в одном русле, что и содержание и форма религиозно-мифологических и некоторых иных представлений греков классического времени во многом восходят к микенской поре.¹⁴

Особо следует отметить в контексте этого культурного континуитета выдающуюся роль греческих колоний в Малой Азии. Традиция относит первоначальное возникновение этих колоний — в частности, Милета, Колофона, Эрифр — еще к крито-микенской эпохе, но то были, скорее всего, небольшие опорные пункты или фактории, а многолюд-

лиса. С. 5–7; 3) К проблеме послемикенского регресса. С. 15–17, 19–22; *Bockisch G.* Voraussetzungen und Anfänge. S. 235–240.

¹³Ср.: *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности. С. 40–41; *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса. С. 13–14, 17–18.

¹⁴Подробное обоснование этого см. в работах шведского ученого, крупнейшего знатока истории древнегреческой религии М. Нильссона: *Nilsson M. P.* 1) *The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion.* Lund, 1927 (2nd ed. — 1950); 1) *The Mycenaean Origin of Greek Mythology.* Berkeley; Los Angeles, 1932; 3) *Geschichte der griechischen Religion.* Bd I. München, 1941 (2. Aufl. — 1955, 3. Aufl. — 1967). Ср. также: *Лурье С. Я.* Язык и культура микенской Греции. С. 285–324; *Bengtson H.* GG⁴ S. 49–50. — В плане более широкого истолкования этой культурной преемственности ср. замечание Г. Ф. Поляковой: «Обычно наше внимание привлекает социальный аспект изменений, происшедших в послемикенское время, и мы не останавливаемся на судьбе религии и культа. Между тем религия классической Греции своими корнями уходит в минойско-микенскую эпоху, и, зная, какую роль играли религиозные представления в жизни любого греческого коллектива, ни о каком глубоком разрыве, дисконтинуитете между двумя эпохами по существу нельзя говорить» (*Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису. С. 116, прим. 96).

ными поселениями они стали только в ходе послемикенской колонизации XI–VIII вв.¹⁵ Здесь и нашли себе прибежище те слои или группы ахейского населения, которые после гибели их государств не пожелали оставаться и жить на родине в условиях общей социальной и культурной деградации. Таким образом, вместе с остатками старинной знати в зоне ионийской и эолийской колонизации в Малой Азии смогли сохраниться важные культурные традиции и прежде всего героический эпос с его столько же народной, сколько и индивидуализированно-рационалистической мудростью.¹⁶

И наконец, и все в той же связи, следует подчеркнуть, что выступившие на первый план в послемикенское время сельские общины не могли быть такими примитивными, какими они были до возникновения ахейских государств. Длительное существование этих общин в рамках сложившихся у ахейцев к середине II тыс. до н.э. государственных единств, бок о бок с дворцовыми центрами, оказывавшими на них самое разнообразное воздействие — не только фискально-бюрократическое, но и более продуктивное экономическое, техническое и культурное — не могло пройти для них бесследно.

Надо думать, что к концу микенского периода эти общины далеко уже не были такими примитивными, какими они должны были быть вначале. За это время они, наверное, проделали значительный путь развития и уж, во всяком случае, со стадии простейших родовых поселков перешли на более высокий уровень территориальных, соседских общин, воспринявших до какой-то степени достижения цивилизации. И крушение ахейских государств не могло лишить их совершенно этих достижений.¹⁷ Они должны были сохранить выработанные в

¹⁵Свидетельства античной традиции о выводе колоний на побережье Малой Азии первоначально еще критянами (по-видимому, эллинами-ахейцами): Apollod. Bibl., III, 1, 2; Strab., XIV, 1, 6, p. 634–635; Paus. VII, 2, 5–6 (Милет); 3, 1–2 (Колофон); 3, 7 (Эрифры); о массивном колонизационном движении эллинов (эолийцев и ионийцев) в Малую Азию в субмикенское время: Mimmerm., fr. 12 Diehl³; Her., I, 143, 145–147; V, 65, 97; IX, 97, 106; Strab., VIII, 7, 1–2, p. 383–385; XIII, 1, 3, p. 582, и 3, 3, p. 621; XIV, 1, 3–4, p. 632–634; Paus. VII, 1–4; Marm. Par. ep. 27, vs. 42–44, под 1077 г.; Euseb. Chron., II, p. 176 Karst, под 1036 г. С этими свидетельствами традиции согласуются данные археологических находок на малоазийском побережье — микенской керамики в древнейших слоях, а затем, с середины XI в. до н.э., распространявшейся первоначально из Аттики протогометрической керамики. Для исторической оценки см. также: Блаватская Т. В. Ахейская Греция во II тыс. до н.э. М. 1966. С. 164–165; Кобылина М. М. Милет. М. 1965. С. 15–21; Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Paris, 1960. P. 36–57; Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1964. P. 39–56; Bengtson H. GG⁴ S. 57–60; Finley M. J. Early Greece. P. 75–81.

¹⁶Более обстоятельное развитие этой мысли см. в другой нашей работе: Фролов Э. Д. Факел Прометея: очерки античной общественной мысли Л. 1981. С. 12–25.

¹⁷Это учитывает теперь и справедливо подчеркивает также и Ю. В. Андреев (см.

условиях культуры бронзы достаточно развитые технические и производственные навыки: агрономические приемы, технику обработки металла, традицию различных ремесел и проч.¹⁸ Но самое главное: им было известно частное владение землей, и составлявшие их сельчане жили теперь в сложных условиях одновременно общинного и частновладельческого быта.¹⁹

Отсюда следует, что и процесс имущественной и социальной дифференциации, процесс расслоения и классовообразования в древней сельской общине должен был начаться тогда же с тем, чтобы, продолжаясь естественным образом и в последующий период, дать ко времени Гомера яркую картину общества на пороге новой цивилизации — с реальным преобладанием частновладельческого принципа при гипотетическом сохранении общинных начал, с рельефно обозначившимися классовыми и сословными делениями, с контурами нарождающегося города и государства.²⁰

Таким образом, мы приходим, как нам представляется, к более сбалансированному мнению о корнях полисного строя. В далекой ретроспективе их следует искать уже в микенском обществе: и исходную социальную ячейку — сельскую общину, и главный социально-экономический принцип ее развития — своеобразное взаимодействие общинного и частновладельческого начал, и рациональный импульс ее последующего социально-политического оформления — эпическую мудрость, равно как и носителей этого импульса — представителей старинной, уходящей своими корнями в микенское время знати (можно сослаться, для примера, на Солону в Афинах и Гераклита в Эфесе — оба они происходили из аттического царского рода Кодридов).²¹

его работу: К проблеме послемикенского регресса. С. 19–22).

¹⁸Это признается многими исследователями. Ср., например: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 196; *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису. С. 117; *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса. С. 20.

¹⁹Мы отвлекаемся здесь от сложного и спорного вопроса о степени реализации частновладельческого принципа в микенском обществе и, в частности, от продолжающейся дискуссии о том, существовало ли там уже частнособственническое землевладение (С. Я. Лурье) или же только условное держание земли частными лицами под контролем государства (Г. Ф. Полякова). Равным образом нам необязательно углубляться здесь в вопрос, куда именно могло далее пойти развитие, — в сторону ли укрепления частновладельческого хозяйства в ущерб общине или же в сторону укрепления верховных владельческих прав государства, — поскольку развитие это было прервано катастрофой самого микенского мира. Нам важно подчеркнуть самое наличие частновладельческого быта в сельских общинах микенского времени, что, во всяком случае, не может быть поставлено под сомнение.

²⁰Ср. аналогичный ход рассуждений у Ю. В. Андреева в его работе «К проблеме послемикенского регресса» (с. 20–22).

²¹О происхождении Солона из рода Кодридов — потомков древнего афинского царя Кодра см.: *Plut. Sol.* 1, 2; для Гераклита ср.: *Diog. L., IX., 1, 6* и *Strab., XIV, 1, 3, p. 632–633.* Правление Кодра античной традицией относилось к 1-й половине

Еще раз оговоримся: известного перерыва в поступательном развитии греческого народа — перерыва, обусловленного различными причинами, но, в частности, и дорийским завоеванием, — отрицать не приходится. Важно, однако, подчеркнуть, что этот перерыв, вследствие сокрушения ахейских дворцовых центров и высвобождения из-под их тяжелой опеки сельских общин, в сочетании с некоторыми другими дополнительно явившимися факторами, таил в себе потенцию к новому оригинальному развитию. Можно сказать, что на рубеже II—I тыс. до н. э. в Эгееде, в зоне расселения греков, было расчищено поле и были влиты новые соки для мощного развития только что названных корней полисной цивилизации.²²

Иными словами, мы еще раз убеждаемся в глубокой обоснованности развитой в свое время В. И. Лениным диалектической концепции, равно как и предложенной им образной модели исторического процесса.²³ И здесь тоже, у древних греков, поступательное движение вперед совершалось по своего рода ломаной линии или, лучше сказать, спирали: с перерывом и скачком, с постоянно накапливающейся, а затем высвобождающейся и реализующейся в новых формах потенцией к развитию, с восхождением вверх, но восхождением не прямолинейным, а как бы кругами, при видимом сохранении в течение долгого времени и на новом витке унаследованного от прошлого основного социологического качества, в данном случае — своеобразного общинного начала.

2. НА ПУТИ К ПОЛИСУ. ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Определив исходный момент, перейдем теперь к рассмотрению главных факторов и линий того исторического развития, которое привело к трансформации достаточно примитивной сельской общины, со

ХI в. до н. э. т. е. еще к субмикенской поре. Ср.: *Marm. Par.* ep. 27, vs. 42–44, под 1077 г. (вывод колоний из Аттики в Ионию в 13-й год правления Медонта, сына Кодра); *Euseb. Chron.*, II. p. 175 Karst, под 1069 г. (смерть Кодра).

²²Ср.: *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса. С. 18–19.

²³Мы имеем в виду изложение марксистского учения о развитии, данное В. И. Лениным в статье «Карл Маркс» (1914 г.): «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1961. С. 55).

всеми ее унаследованными от микенского времени устоями и традициями, в высшую форму городской гражданской общины — в полис. Этот процесс совершался в течение длительного времени — более чем половины тысячелетия (с середины XII по VI в. до н.э.). Его главные фазы — начальная и заключительная — соответствуют двум важнейшим эпохам, на которые, согласно достаточно уже традиционной (по крайней мере, в нашей, отечественной литературе) периодизации, подразделяется это время: гомеровской (XI–IX) и архаической (VIII–VI вв. до н.э.).

Гомеровская эпоха (или «Темные века», как предпочитают называть это время те, кто не придает особого значения данным Гомера)²⁴ характеризовалась затянувшимися этнополитическими пертурбациями, видимым регрессом и стагнацией во всех сферах общественной жизни, но вместе с тем и сложным, таившим в себе новые возможности, взаимодействием различных культур — умирающих дворцовых центров, освободившихся от их гнета сельских общин, утверждавшихся на новых местах племен завоевателей. К концу этой эпохи заново накапливавшаяся потенция к развитию реализовалась в возникновении первичных организмов раннеклассового общества — протгородских и протогосударственных центров, протополисов. Следующая, архаическая эпоха была уже отмечена радикальными техническими, социально-экономическими и культурными сдвигами, результатом которых было окончательное формирование полиса.

Усилиями ученых нового времени много уже сделано для прояснения сути и форм общественного развития греков в названные эпохи. В отечественной историографии, в частности, для понимания всего процесса в целом большое значение имеют труды А. И. Тюменева, С. Я. Лурье, К. М. Колобовой, а для суждения об отдельных эта-

²⁴О значении гомеровских поэм как важного исторического источника для реконструкции общественных отношений не только и даже не столько микенского времени, сколько эпохи послемикенской, более близкой ко времени жизни эпического поэта, т.е. XI–IX вв. до н.э. см.: Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис. С. 5–12; 2) Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 3–11; 3) К проблеме послемикенского регресса. С. 23 слл. — Стремясь к дальнейшему уточнению, Ю. В. Андреев соотносит гомеровское время с заключительной стадией Темных веков и соответственно определяет его периодом с середины X до середины VIII (в первых двух работах) или даже IX–VIII вв. до н.э. (в последней работе). Однако нет недостатка в уточняющих определениях иного направления; так, М. Финли склонен относить основной блок исторической информации Гомера скорее к первой половине Темных веков, чем ко второй (*Finley M. J.* 1) *The World of Odysseus*. 3rd ed. Harmondsworth, 1962. P. 49–57; 2) *Early Greece*. P. 84). Нам представляется, что при современном уровне знаний проблема уточнения не может быть решена удовлетворительным образом, а потому мы придерживаемся традиционного мнения: гомеровская эпоха — это условное обозначение всего промежуточного периода от падения микенских дворцов до появления новых городов-государств, с середины XII до начала VIII в. до н.э.

пах — работы Я. А. Ленцмана и Г. Ф. Поляковой (для микенского и субмикенского времени), Ю. В. Андреева (для гомеровской эпохи), К. К. Зельина, В. П. Яйленко и А. И. Зайцева (для архаики). С их наблюдениями и выводами не всегда можно согласиться (и наше несогласие в таких случаях будет, разумеется, оговорено), но сделанное ими в целом создает достаточно надежную опору для дальнейшей работы в этом направлении. Со своей стороны, не претендуя для ранних эпох на изложение всего материала и реконструкцию общественных отношений в их полном объеме, мы хотели бы определить главные параметры интересующего нас исторического движения от первоначальной сельской общины к полису. О фазах этого процесса — гомеровской и архаической эпохах — было уже сказано выше; теперь необходимо конкретнее охарактеризовать его существо, выявить главные факторы и линии развития.

И прежде всего факторы. Из множества обстоятельств, повлиявших на рождение и становление полиса, важнейшими были, по-видимому, следующие.

Во-первых, то, что можно было бы назвать минимумом необходимых предпосылок, — отсутствие или устранение возможных помех. Мы имеем в виду гибель микенских дворцовых центров, избавившую сельские общины от тяжелой опеки монархии и гнета гипертрофированного бюрократического аппарата, и одновременные внутренние пертурбации на Переднем Востоке (из-за державных притязаний хеттов, ассирийцев, мидян, а под конец в особенности персов), отдалившие более чем на полтысячелетия вмешательство восточной деспотии в греческие дела.²⁵

Во-вторых, традиционное стимулирующее воздействие ландшафта, поощрявшего партикуляризацию греческого мира, автаркичное и автономное существование отдельных общин, но вместе с тем, в условиях последующего экономического и демографического роста и обусловленного им усиления борьбы за условия жизни, и прежде всего за землю, указывавшего и другую перспективу — к объединению племен вокруг укрепленного центра. Конкретно это достигалось выделением из массы поселков одного, более других укрепленного природою городища, которое становилось убежищем для племени, а вместе с тем и

²⁵ На эту благоприятную комбинацию необходимых изначальных предпосылок — устранение микенской монархии при одновременном отсутствии воздействия со стороны Востока — справедливо указывают: Андреев Ю. В. 1) Античный полис и восточные города-государства. С. 20; 1) К проблеме послемикенского регресса. С. 18–19, 27–29; Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer (Wege der Forschung, Bd 96). Darmstadt. 1969. S. 39–40; Starr Ch. G. 1) The Decline of the Early Greek Kings // Historia. Bd X. 1961. H. 1. P. 134 ff.; 2) The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B. C. New York, 1961. P. 74, 103–106; 3) A History of the Ancient World. P. 188–190.

его политическим центром, протополисом.²⁶

В-третьих, распространение нового, более доступного и дешевого и вместе с тем более твердого металла — железа (начиная примерно с XII, но особенно в X–IX вв. до н. э.).²⁷ Великое значение обращения человечества к использованию железа было когда-то выразительно подчеркнута Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов».²⁸

В древней истории Восточного Средиземноморья с распространением железа было связано возобновление прогрессивного экономического и социального движения после всех пертурбаций и застоя, вызванных великим переселением народов на рубеже II–I тыс. до н. э.²⁹ В особенности продуктивным оказалось это движение у греков, освободившихся от сковывающего давления микенской монархии и вместе с тем свободных от воздействия традиций восточной деспотии. В самом деле, распространение железа у греков естественным образом повлекло за собой ускорение технического прогресса, интенсификацию производства, углубление разделения труда и оформление ремесла и торговли в самостоятельные отрасли, соответственно, в каждой от-

²⁶ Ср.: Андреев Ю. В. Начальные этапы становления греческого полиса. С. 6; Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 69; Ehrenberg V 1) Griechische Land und Griechischer Staat [1927] // Ehrenberg V Polis und Imperium. Zürich; Stuttgart, 1965. S. 63–82; 2) Der Staat der Griechen. Tl. I. Leipzig, 1957. S. 3–6.

²⁷ О появлении и этапах распространения железа в греческом мире см.: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 195–196; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. С. 118 и 119 (с критикой и отвержением некогда распространенного взгляда о связи появления железа в Греции с дорийским завоеванием). Более подробно — в специальных работах: Burton-Brown T. The Coming of Iron to Greece. Winkle, 1954; Snodgrass A. M. 1) Barbarian Europe and Early Iron Age in Greece // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. XXXI. 1965. P. 229–240; 2) The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 228 ff.; Pleiner K. R. Iron Working in Ancient Greece. Praha, 1969. P. 7–16; Waldbaum J. C. From Bronze to Iron: the Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean (Studies in Mediterranean Archaeology. Vol. 54). Göteborg, 1978.

²⁸ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 162–163.

²⁹ Ср.: Starr Ch. G. A History of the Ancient World. P. 128–129.

дельной области, выделение из сельской округи торгово-ремесленного центра, обычно в качестве посада под защиту стен укрепленного городища-протополиса, что должно было привести — в чисто экономическом плане — к перерастанию этого последнего из протогорода в настоящий город. Но и более общим образом распространение железа революционизировало весь экономический и социальный быт, а именно в сторону индивидуализации и демократизации: в экономике — в сторону развития жизнеспособного парцеллярного хозяйства крестьян и ремесленников, а в социально-политической сфере — в сторону усиления военной мощи и политической роли ополчения вооруженных железным оружием земледельцев-гоплитов.³⁰

В-четвертых, одновременно с укреплением парцеллярного индивидуального хозяйства и утверждением принципа частной собственности — развитие частновладельческого рабства, каковое, как мы увидим, в условиях победы гоплитской, или крестьянской, демократии, не могло быть никаким иным, кроме как рабством чужеземцев.

В-пятых, наконец, с чем нам предстоит еще подробно ознакомиться, — непосредственное воздействие социально-политической борьбы, в ходе которой демос сокрушил господство общинной родовой знати и наложил узду на индивидуализм аристократической сверхличности, но и сам пошел на уступки носителям начал знатности и богатства,

³⁰О революционизирующем воздействии железа на экономический и социальный быт древних обществ подробнее см.: *Чайлд Г.* Прогресс и археология / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1949. С. 76 сл.; *Heichelheim F. M.* An Ancient Economic History. Vol. I. Leiden, 1958. P. 193 ff.; *Schlette Fr.* Zur «früheisenzeitlichen Revolution» der Produktivkräfte // *Klio*. Bd 61. 1979. H. 2. S. 251–275. Специально для Древней Греции: *Колобова К. М.*, *Глушкина Л. М.* Очерки истории Древней Греции. С. 43, 60 сл.; *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса. С. 22–23; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. 239 ff. — Признавая огромное значение «железной революции», было бы, однако, неверно сводить к ней одной как к конечной причине все многообразие факторов, обусловивших рождение классической греческой цивилизации, как это делают, например: *Bakhuizen S. C.* Greek Steel // *World Archaeology*. Vol. IX. 1977. № 2. P. 220–234; *Wason C. R.* Iron and Steel // ААН. Т. XXVI. 1978. Facs. 3–4. P. 269–274; ср. также: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 24 сл. 31 сл. Если верно, что в жизни древних обществ Евразии в I-й половине I тыс. до н. э. происходил коренной сдвиг, и что общая причина этого сдвига заключалась в конечном счете в распространении железа и связанной с этим технологической революции, то все же едва ли возможно объяснить этой общей технической предпосылкой возникновение столь специфической — в сравнении с другими восточносредиземноморскими обществами, где также внедрялось железо, — формы цивилизации, как греческий полис. Справедливые возражения такому генерализирующему подходу, с указанием на вероятную многофакторность исторического процесса и особенную комбинацию условий и причин, определивших формирование греческого полиса, см. в работах: *Согомонов А. Ю.* Технологический базис полиса и колонизации: некоторые современные зарубежные концепции // Античная гражданская община. М., 1984. С. 7–15; *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса. С. 23, прим. 65.

благодаря чему в обществе утвердились принципы социально и сословно обусловленной законности и согласия, а само это общество оформилось в городскую гражданскую общину суверенного типа, в античный полис.

Таковы были главные факторы, под воздействием которых в полиемикенской Греции из сельской общины развился постепенно полис. Что же касается непосредственно самого развития, то оно, очевидно, совершалось по трем основным линиям.

Во-первых, — от сельского общинного поселка к городу как средоточию жизни компактного этнотерриториального единства.

Во-вторых, — от аморфного, хотя уже и разлагаемого силами экономического прогресса на социальные составные, позднеродового общества к правильному классовому обществу античного типа, где консолидированная в гражданский коллектив масса свободного народа четко была отграничена от массы бесправных или неполноправных, более или менее эксплуатируемых чужеземцев.

В-третьих, — от стоящей под властью местных царьков-басилевсов (или других знатных патронов) позднеродовой общины к правильному государству с суверенным народом во главе.

Подчеркнем, что, по нашему убеждению, развитие по этим главным линиям должно было совершаться в тесной взаимной обусловленности и потому практически одновременно. В самом деле, трудно себе представить возникновение античной гражданской общины без формирования инициативного сословия горожан, с одной стороны, и без утверждения классической формы рабства — с другой. Ведь если городская демократия выступила зачинщицей гражданских преобразований, то рабовладение античного типа, при котором рабство развивается как элемент частного богатства, а сами рабы комплекуются из непосредственно захваченных на войне или купленных чужеземцев-варваров, явилось важной предпосылкой для сохранения эллинами-соплеменниками свободного статуса и сплочения их в привилегированные гражданские коллективы. Но и то и другое так или иначе — рабство, может быть, только несколько более опосредованно, чем сословия ремесленников и торговцев, — было связано с рождением города.

Равным образом трудно вообразить себе формирование полисного государства в отрыве от становления гражданской общины, институционализированным выражением которой оно, собственно, и было. Попытки отделить друг от друга во времени эти линии развития и порождаемые ими формы, доказать, что сначала развилась полисная организация, а затем город и государство (Г. А. Кошеленко)³¹ или, на-

³¹ Кошеленко Г. А. 1) Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М. 1983.

оборот, — сначала город и государство, а лишь позднее гражданская организация (А. Ене),³² нам представляются одинаково схематичными и неверными, во всяком случае идущими вразрез с естественным пониманием полиса как органического единства города, государства и гражданской общины.

Разумеется, совершенно отчетливо названные главные направления прослеживаются только на заключительной стадии, в архаическую эпоху. Тогда явственно проступают уже контуры и настоящего античного города, и гражданского общества, и правильного государства. Однако зародыши этих образований обнаруживаются гораздо раньше, в гомеровскую эпоху, которую по праву считают временем переходным, когда от первобытной стихии вновь пролагаются пути к цивилизации, и с этой первоначальной фазы нам и предстоит теперь начать.

В нашу задачу не входит последовательное и подробное рассмотрение исторической жизни греков в переходный период XII–IX вв. Достаточно будет сказать, что после полосы безусловного упадка, вызванного дорийским завоеванием и крушением микенского мира, когда, с гибелью дворцовых центров, жизнь греческого общества лишилась одновременно и важных опорных пунктов и импульсов к развитию и даже как бы обратилась вспять к простейшему сельскому быту, с соответствующими нехитрыми формами выражения, как о том можно судить по скудному инвентарю погребений субмикенского периода (1150–1050 гг.), — после этой вековой полосы застоя примерно с середины XI в. вновь начинается движение вперед. Здесь, в определении начального момента, равно как и в истолковании главных форм и общего смысла возобновившегося развития, мы вполне можем опереться на выводы, делаемые новейшими исследователями на основании археологических данных, и в первую очередь тех, что добыты раскопками в районе афинского Керамика.³³

С. 10–11, 31–36; 2) Греческий полис и проблемы развития экономики // Там же. С. 217–220, 236 слл. — Критику точки зрения Кошеленко ср. также выше, гл. I, §3. Всего лишь модификацией этой концепции является взгляд Ф. Кольба, согласно которому развитие полиса, понимаемого как государство, предшествует рождению города (см.: *Kolb F. Die Stadt im Altertum. München, 1984. S. 58 ff.*).

³² *Jähne A. Drei Grundlinien der Polisentstehung // EAZ. Bd XVI. 1975. S. 305–313.*

³³ Публикации материалов Керамика: *Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. Bd I, IV–VI. Berlin, 1939, 1943–1954; Müller-Karpe H. Die Metallbeigaben der früheisenzeitlichen Kerameikos-Gräber // JDAI. Bd 77. 1962. S. 59–129. — Исследование керамики: *Desborough V. R. d'A. Protogeometric Pottery. Oxford, 1952; Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. New York, 1968.* — Для дальнейшей исторической интерпретации ср.: *Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 26 слл.; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 202 слл.; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. С. 116 слл.; Bengtson H. GG⁴. S. 56 ff.; Starr Ch. G. 1) The Origins of Greek Civiliza-**

Итак, приблизительно с 1050 г. обнаруживается и нарастает волна перемен: в погребениях ингумация сменяется новым обрядом — кремацией, а сопутствующий инвентарь становится все богаче и разнообразнее. При этом все больше встречается оружия, и все чаще оно изготовляется из железа. Распространяется новый тип керамики, с более пропорциональными формами сосудов, с новым, простым, но весьма характерным геометрическим орнаментом. Последний от первоначального незатейливого чередования полос и полукружий (протогеометрический стиль, 1050–900 гг.) постепенно переходит к более сложным композициям, на разные лады комбинирующим излюбленные геометрические узоры со схематичными, но выразительными изображениями птиц, животных и людей. При этом бросается в глаза осознанное стремление к пропорциональности частей, к симметрии элементов, к гармоничности всего художественного построения в целом (геометрический стиль, 900–750 гг.). Своего наивысшего развития этот стиль достигает в VIII в. в монументальных, очевидно, декоративного назначения, дипилонских вазах, на которых чрезвычайно разработанный геометрический декор разбивается и оживляется целыми тематическими сценками, например, изображениями погребальных процессов или сражений на суше и на море.

Эти сдвиги в материальной и духовной культуре вполне красноречивы; они вне всякого сомнения свидетельствуют о возобновившемся общественном движении. Что же касается более глубинного социального смысла этих перемен, то на этот счет могут быть высказаны только предположения, но предположения весьма вероятного свойства. Именно, если в массовом распространении железного оружия можно видеть признак возрастающего значения народного ополчения,³⁴ то производство огромных, причудливо-разукрашенных дипилонских vaz должно указывать на другое полярное явление — на рост значения тех, кто мог заказывать подобные предметы роскоши, т. е. богатых аристократов.³⁵ Более того, появление вновь роскошных гробниц вроде той, что была недавно обнаружена в Лефканди (на Эвбее), может свидетельствовать о выделении из слоя общинной знати отдельных сверхличностей «княжеского типа», главенствующих царей-басилевсов.³⁶

Таким образом, уже на археологическом материале, понятном в рус-

tion. P. 138 ff.; 2) *A History of the Ancient World*. P. 192 ff.; *Finley M. J. Early Greece*. P. 72 ff.

³⁴ *Kraiker W., Kübler K. Kerameikos*. I. S. 172–174; *Bengtson H. GG⁴*. S. 57.

³⁵ *Колобова К. М. Древний город Афины*. . С. 31 слл.; *Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции*. С. 216–217; *Bengtson H. GG⁴*. S. 65–66.

³⁶ О находке в Лефканди см.: *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi // Antiquity*. Vol. 56. № 218. 1982. P. 168–174. — Для оценки ср.: *Андреев Ю. В. К проблеме послемикенского регресса*. С. 17, прим. 39.

ле античных представлений, можно констатировать углубляющееся социальное расслоение в греческом обществе XI–IX вв. Оставляя до поры до времени в стороне вопрос о роли и судьбе основной массы общинников, отметим, как особенно впечатляющее, формирование некой общественной элиты. Признание главенствующего положения этого аристократического слоя, в свою очередь, позволяет лучше понять заглавные черты архаической культуры, а вместе с тем и символику геометрической вазописи, в особенности ваз дипилонского стиля. Можно согласиться с тем, что в тяжелой, но гармоничной монументальности, в пестром, но, без сомнения, рационально разработанном декоре, в самих сценах греческих тризн или схваток нашла свое отражение сформировавшаяся модель аристократических ценностей — та же, что и воплощенная в корреспондирующих с дипилонскими вазами по времени и духу гомеровских поэмах.³⁷

У Гомера отчетливо уже выступает ведущее, господствующее положение знати во всех сферах жизни — в духовной так же, как и в реальной, социально-политической, — а вместе с тем и соответствующий тип протоклассовой и протогосударственной организации — аристократический протополис. Этот последний является как своеобразный итог того общественного развития, которое схематично, но достоверно рисуется по данным материальной культуры начиная с середины XI в. Но если общее направление и итог этого развития нам в принципе ясны, то уточнения требуют отдельные детали, некоторые частные, но все-таки важные вопросы: что могло быть исходным пунктом, или зародышем, этого полисного развития, в каких материальных формах могли запечатлеться его первые шаги и как, собственно, отразились его результаты в образах античной эпической традиции.

Исходным генетическим ядром полиса, как уже указывалось, надо считать древнюю сельскую общину микенского и субмикенского времени, но не всякую вообще, а особенно выдававшуюся своею укрепленностью и жизнеспособностью, способную, в случае необходимости, стать общим убежищем всего племени, — то, что иногда называют эгейским протополисом.³⁸ При этом, помимо ландшафта, свою роль в выделении того или иного поселения в протополис могли сыграть старинные традиции — постольку, конечно, поскольку отдельным древним

³⁷ О временной, сюжетной и духовной перекличке дипилонских vaz и гомеровских поэм ср.: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 62 слл.; *Колобова К. М.* Древний город Афины. С. 31 слл.; *Starr Ch. G.* 1) *The Origins of Greek Civilization.* P. 147 ff. 2) *A History of the Ancient World.* P. 196 ff. Об аристократической тенденции Гомера: *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. М.; Л., 1935. С. 49 слл.; *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. С. 71 слл. 92 слл. *Bengtson H.* GG⁴ S. 64 f.

³⁸ *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса. С. 6.

поселениям удавалось сохранить свои функции и свое значение также и после пертурбаций в конце II тыс. до н.э. на всем протяжении дальнейшего переходного периода. Справедливо замечает по этому поводу Г. Ф. Полякова: «Полисы возникали в различных условиях по отношению к своему культурному прошлому — к микенской культуре. Нельзя не предположить, что на возникновение полисов оказали влияние те культурные традиции и технические навыки и знания, которые никогда полностью не умирали после гибели микенского мира, особенно если учесть, что в ряде поселений прослеживается непрерывность обитания начиная с микенской эпохи». И далее она еще раз разъясняет свою мысль: «Как показывает археологический материал, в “темные века” развитие техники обработки металлов, керамическое искусство начались не на пустом месте, но опирались на стойкие традиции микенского времени. Следует заметить, что рост городов мог происходить не только в результате длительного разложения общины и постепенного отделения ремесла от земледелия, как обычно рисуют образование города при возникновении его в «чистых» условиях разлагающейся земледельческой общины».³⁹

Иными словами, процессу урбанизации в послемикенской, архаической Греции могло содействовать то важное обстоятельство, что в ряде случаев он развивался не на пустом месте, а на основе, унаследованной от микенского или позднейшего, но тоже достаточно еще раннего времени.

В любом случае, однако, переоценивать урбанистические качества первоначальных протополисов не приходится, тем более, что наши сведения о них крайне ограничены. Как бы там ни было, в «темные» XI–IX вв. до н.э., — скорее, впрочем, к концу этого периода, — археологически выявляется не один, как заявляют иногда скептики вроде Ч. Старра,⁴⁰ а целый ряд таких послемикенских протополисов: Смирна на западном побережье Малой Азии (на перешейке, на выступе береговой полосы), Загора на острове Андросе (на отдаленной от моря плоской вершине), Эмпорио на острове Хиосе (на склонах высокого холма поодаль от моря) и др. По своему планировочному типу они были, согласно определению Ю. В. Андреева, либо, чаще, интравертными, когда помещения концентрировались в пределах укрепленной площадки, либо, реже, экстравертными, когда жилые кварталы выносились за пределы цитадели на склоны холма. Первый тип представлен Смирною и Загорой, второй — хиосским Эмпорио. Выбор типа поселения, очевидно, диктовался каждый раз стратегическими соображениями, поскольку главным назначением такого городища было

³⁹ Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. С. 126 и прим. 145.

⁴⁰ Starr Ch. G. La storia greca arcaica // PP. Vol. 92. 1964. Fasc. 1. P. 17.

служить убежищем для некоторой массы населения, сплоченной общностью происхождения и организации в более или менее крупное единство.⁴¹

Эти протополисы были невелики по объему и весьма примитивны по характеру: скопища небольших, как правило, в одно помещение домиков, квадратных или овальных в плане, сложенных из кирпича-сырца, с соломенной кровлей; никаких следов правильной общей планировки или хотя бы четко обозначенного общественного центра. С городом такое раннее городище сближали только компактность застройки и наличие укреплений в виде стены, опоясывавшей все поселение, или акрополя, к которому оно тогда жалось. Однако, будучи центром притяжения для населения округа сначала как убежище, а затем, после сооружения здесь святилища божеству-покровителю и переноса сюда же резиденции правителя, также и как средоточие религиозной и политической жизни, такое городище со временем могло превратиться в настоящий многолюдный город, способный играть роль универсального центра — и религиозного, и военно-политического, и экономического.

Конкретный живой облик такого протополиса отображен у Гомера. Это в особенности Троя, а для несколько более поздней стадии, для зоны ионийской колонизации, как предполагают, еще и город сказочного народа мореходов-феаков на острове Схерии. С городом этот гомеровский протополис роднят его центральное положение, укрепленность и компактность застройки, но ни в социально-экономическом, ни даже в политическом отношении он еще не является городом-государством в собственном смысле слова. Он не выделился из сельской округи и не противостоит ей как центр ремесла и торговли. Его население в принципе совпадает с совокупностью данного народа, с массой составляющих этот народ соплеменников-землевладельцев. В нем нет институтов — учреждений и зданий, — воплощающих власть, отделившуюся от народа, если только не считать такими воплощениями власть и дом патриархального главы племени, Приама в Трое или Алкиноя на Схерии, что, однако, было бы несомненной передержкой.⁴²

Все же надо заметить, что эта характеристика гомеровского протополиса правильна лишь в принципе, поскольку она опирается на главный и по этой именно причине сильно архаизированный образец — Трои. Тот же гомеровский эпос содержит целый ряд таких данных, которые, без сомнения, отражая ситуацию, близкую времени жизни самого поэта, свидетельствуют о начавшемся уже движении в сторону

⁴¹ Подробнее см.: *Андреев Ю. В.* 1) Раннегреческий полис. С. 17–31; 2) Начальные этапы. С. 6–7; *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. S. 66 ff.

⁴² См. также: *Андреев Ю. В.* 1) Раннегреческий полис. С. 32–45; 2) Начальные этапы. С. 7–8.

цивилизации — к городу, к классовому обществу, к государству.⁴³ Показателен в этой связи образ жизни феаков: они не только наделенные участками земли обитатели некоего укрепленного городища, но при том еще и мореходы. И надо думать, что облик этих сказочных мореходов был смоделирован с таких реальных прототипов — греческих общин Архипелага или Ионии, — для которых морские занятия служили средством удовлетворения не только отвлеченных, но и вполне материальных интересов, связанных с морской торговлей.

Соответственно и город феаков, по сравнению с Троей, наделен характерным обликом более развитого приморского поселения. Он обладает не только стенами, отвечавшими его назначению служить центральным убежищем для племени, но и гаванями с соответствующими морскими арсеналами (навесами для кораблей, хранилищами для парусов и снастей, мастерскими для изготовления весел и проч.), что отвечает новейшей жизненной ориентации, и расположенной здесь же площадью — агорой, чье назначение, разумеется, не ограничивалось быть местом народных заседаний, как на том настаивают те, кто занижает уровень социально-экономического развития греков в архаическую эпоху.⁴⁴ Можно не сомневаться, что в обычное время (и у обычного народа) она была также и местом для торжища, как то и понято и вольно, но по существу правильно передано великими переводчиками «Одиссеи» И.-Г. Фоссом и В. А. Жуковским. Но для вящей иллюстрации нашего изложения приведем это место из «Одиссеи» полностью, как оно выглядит в переводе Жуковского. Это — слова Навсикаи, приглашающей Одиссея следовать за нею в город, где живет и правит ее отец Алкиной:

Потом мы

В город прибудем. с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая, вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая⁴⁵ вокруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего;⁴⁶ снасти

⁴³Если при характеристике «эгейского протополиса» и его литературного образа у Гомера мы следовали главным образом Ю. В. Андрееву, то дальнейшее — скорее результат собственного нашего осмысления данных гомеровского предания.

⁴⁴См.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 38; Kolb F. Die Stadt im Altertum. S. 62, 73.

⁴⁵В подлиннике — ἀγορή, что уже Фосс перевел как «ein Markt». См.: Homer. Ilias. Odyssee / Übersetzung von J. H. Voss. Berlin; Weimar, 1965 (воспроизведение 1-го издания 1781–1793 гг.).

⁴⁶Здесь в переводе В. А. Жуковского неточность: последнее определение с камнями относится не к святилищу Посейдона, а к самой площади — агоре: «огромными камнями, врытыми (в землю), снабженная (ῥητοῖσιν λάεσσι κατωρυχέσσ' ἀφ'αρυῖα)».

Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданиях хранятся; там гладкие также готовятся весла.

(Od. VI, 262-269).

В приведенном описании города феаков бросается в глаза выразительная комбинация основных структурообразующих элементов — стен (πύρος, в других местах — τεῖχος, τεῖχεα), гаваней (λιμένες) и примыкающей к этим последним площади (ἀγορά), что все вместе выдает сложение полиса, опирающегося на укрепленное городище, обладающего самостоятельным населением и ориентированного на море (мы отвлекаемся здесь от темы Алкиноева дворца, в которой надо видеть скорее реминисценцию микенского времени). Для сравнения и в подтверждение высказанной мысли приведем еще два отрывка из «Одиссеи», где также отражена общая панорама города феаков. Идущий по городу Одиссей дивится открывающейся его взору картине:

Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красоты, неприступным извне огражденные тыном.

(Od. VII, 43-45).

А вот Алкиной приводит Одиссея в феакийское собрание:

Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На площадь, где невдали кораблей феакийцы собирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с
другом
Рядом они.

(Od. VIII, 4-7).

В гомеровской стране феаков мы стоим, таким образом, на пороге цивилизации. Ведь акцент на морские занятия и роскошный образ жизни феаков подсказывает ту именно цепь рассуждений, которая позднее отчетливо будет представлена у Фукидида: прогресс в мореплавании — рост богатства — развитие городской жизни (см. в начальной части его труда, в так называемой Археологии, и в частности: I, 5, 1; 7; 8, 2-4).

Под этими камнями можно понимать ограду, вымостку или, наконец, что кажется наиболее вероятным, вид сидений. Ср. далее, Od. VIII, 6-7, где говорится, что Алкиной и Одиссей, придя на агору, сели «на гладко обтесанных камнях (ἐπὶ ζεστοῖσι λίθοισιν)»; ср.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 38; Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 38.

Разумеется, картина городской жизни у феаков должна быть соотнесена, как уже указывалось, скорее всего, с зоной греческой колонизации — древнейшей, в Малой Азии, или позднейшей, уже исходившей из этого региона. В первом случае заслуживает внимания отмечаемое некоторыми исследователями сходство города феаков с древнейшей, открытой археологическими раскопками Смирной: то же расположение на берегу моря, та же компактность поселения, заключенного в кольцо стен.⁴⁷ Что же касается параллели с позднейшей колонизацией, то она с очевидностью следует из описания того, как феаки покинули прежнюю свою родину и обосновались на Схерии; здесь именно нашла отражение типическая картина колонизационного предприятия, основания колонистами нового города в заморской земле:

Афиша же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиан,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным
народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.

(Od. VI, 2—10).⁴⁸

В любом случае очевидно значение самого факта появления в «Одиссее» протополиса нового типа, гораздо более прогрессивного, чем тот, что нашел отражение в «Илиаде» в образе Трои. Пример с феаками выразительно подтверждает возникновение такого морского протополиса у греков уже к рубежу IX—VIII вв. И если он был навеян поэту близкой ему исторической ситуацией в Малой Азии, то это лишь подтверждает не раз высказывавшееся положение о том, что в ранний период заселенный греками район малоазийского побережья обгонял в развитии метрополию — Балканскую Грецию.

В этой связи заслуживает внимания предположение о том, что первые полисы вообще возникли у греков в зоне их первоначальной колонизации в Малой Азии, где самое обоснование в иноплеменной, зачастую враждебной греческим поселенцам среде диктовало раннюю

⁴⁷ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 39; Cook J. M. Old Smyrna, 1948—1951 // ABSA. Vol. 53—54. 1958—1959. P. 14, 16; Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 161.

⁴⁸ Ср.: Преображенский П. Ф. «Одиссея» и Гомер [1935] // Преображенский П. Ф. В мире античных идей и образов. М., 1965. С. 27; Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 39.

их консолидацию в укрепленные города-государства. «Непреодолимый антагонизм эллинов и местного анатолийского населения, — пишет Г. Бенгтсон, — постоянно висевшая над вновь основанными поселениями угроза внезапной гибели принудили колонистов с самого начала укрыться под защиту стен укрепленных поселков. Совместное проживание внутри тесно ограниченного кругом стен пространства навязало эллинам на чужой земле способ существования, от которого они были далеки в Греции, где господствовал деревенский строй жизни. Таким образом, в Малой Азии греки пришли к выработке ограниченного, но зато тем более интенсивного городского стиля жизни. В рамках его родились тот дух и тот способ политического мышления, которые так характерны для греков исторического времени: патриотизм, привязанный к ограниченной родине, к полису, необычайная интенсивность внутренней политической жизни новых государственных общин — качества, которые в такой разработанной форме стоят особняком в древнем мире < . . . >. При оценке развития в Малой Азии, особенно в Ионии, речь идет о своеобразном явлении, которое надо объяснять специфическими обстоятельствами, как географическими, так и политическими. Оно значительно, может быть, на несколько столетий, обогнало развитие в метрополии. Таким образом, весьма вероятно, что Греция испытала со стороны своих колоний сильнейшее воздействие не только в культурной, но и в государственной жизни».⁴⁹

Как бы там ни было (ибо мы не склонны в такой категорической форме разделять мнение о первоначальном возникновении полисов именно в Малой Азии), описание города феаков в «Одиссее» можно считать достаточно красноречивым свидетельством начавшегося у греков процесса урбанизации. Но в гомеровских поэмах можно обнаружить и другие, и притом более прямые, указания на то, что их автору был уже известен город в его новом социологическом качестве. Одно такое указание (и самое яркое) — это известное место из 23-й песни «Илиады», где Ахилл на тризне по Патроклу объявляет состязания и призы для участников, и в их числе — массивный железный диск из цельного самородка:

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Этионова крепкая сила;
Но когда Этиона убил Ахиллес градоборец,
Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам;
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких, —
На пять круглых годов и тому на potrzeby достанет

⁴⁹ Bengtson H. GG⁴. S. 59–60.

Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет».

(П., XXIII, 826–835, пер. Н. И. Гнедича).

В этом отрывке отчетливо проступает уже противоположение города и сельской округи, «полей» (πόλις — ἀγροί). И хотя владельцы «тучных полей» обычно проживают в самом городе, а в их сельских усадьбах, «в поле», ютятся лишь их работники, пахари и пастухи (ср.: Od. XI, 187 слл., где проживание Лаэрта, отца Одиссея, в сельской усадьбе, в «поле», которое опять-таки противопоставляется «городу», представлено как нечто необычное), важно то, что город здесь выступает как место, где занимающиеся сельским хозяйством могут приобрести необходимый им металл, т. е. как центр торговли.⁵⁰

Разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что и торговля и ремесло фигурируют у Гомера в очень еще неразвитом виде. Ремесленные занятия представлены отдельными специалистами, кузнецами, плотниками, горшечниками, которые вместе с гадалками, исцелителями, певцами зачисляются в один разряд работающих на народ — демиургов (δημιουργοί) (ср.: Od. XVII, 382–386, и XIX, 134–135). Они являются по вызову, перебираются с места на место и не образуют еще ни самостоятельного класса, ни особого посада.⁵¹ Равным образом и торговля носит еще примитивный меновой характер (см. классическое место — П., VII, 465–475), хотя уже появляются и условные мерилы стоимости: чаще всего скот, когда товар приравнивается к известному количеству быков, иногда отдельные ценные предметы (котлы или треножники) и даже определенного веса слитки драгоценного металла (таланты золота).⁵² Сама торговля не отделилась еще совершенно от

⁵⁰Об отражении у Гомера начальных стадий формирования противоположности город — деревня ср. также: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 40–45.

⁵¹О занятиях ремеслами в гомеровском обществе см. также: Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. Л. 1925. С. 91–102. О понятии «демиург»: Андреев Ю. В. К вопросу о происхождении термина «демиург» // ВДИ. 1979. № 2. С. 110–117; Murakawa K. Demiurgos // Historia. Bd VI. 1957. H. 4. P. 385–415; Qviller B. Prolegomena to a Study of the Homeric Demiurgoi // Symbolae Osloenses. Vol. 55. 1980. P. 5–21.

⁵²Упоминания об этих последних: П., IX, 122; XVIII, 507; XIX, 247; XXIII, 269, 751, 796; XXIV, 232; Od. VIII, 393; IX, 202. Впрочем, как указывал уже Аристотель, талант у Гомера означал известную (собственно, «взвешенную», ибо буквально греческое слово «талант» означает «чашу весов»), но не твердо фиксированную массу золота (см.: Aristot. fr. 164 Rose³); ср. однако: Ridgeway W. The Origin of Metallic Currency and Weight Standards. Cambridge, 1892. P 1–9, где доказывается, что гомеровский золотой талант был в точности равен другому, более древнему мерилу стоимости — быку и потому обладал определенным, фиксированным весом. Ср. также: Кулишер И. М. Очерк экономической истории. . . С. 204–206; Зограф А. Н.

таких свойственных примитивному состоянию форм, как обмен дарами, с одной стороны, и разбой, пиратство — с другой, но тип деловых людей — пректеров (πρηκτῆρες), добывающих прибыль морской торговлей, и притом не обязательно финикийцев, уже известен Гомеру (см.: Od., VIII, 158–164).⁵³

Так или иначе, не приходится отрицать наметившихся важных экономических сдвигов, выражавшихся в постепенном отделении от земледелия специальных ремесленных и торговых занятий. И, очевидно, именно этими сдвигами была обусловлена обозначившаяся тогда же оппозиция город — сельская округа, оппозиция, указывающая на рождение нового, настоящего города.

Соответственно этой уже обозначившейся тенденции к переменам в области экономики, и даже еще более отчетливо, проступают новые тенденции и в сферах социальной и политической. Греческое общество на исходе IX в. до н.э. как оно рисуется нам на основании данных Гомера, — это рождающееся классовое общество, с рельефно выступающей множественной градацией в среде некогда равных общинников-сельчан.

Наверху социальной пирамиды — родовая аристократия, комплектующаяся из «богом рожденных» (διογενέες) и «богом вскормленных» (διοτροφέες), как их определяет эпический поэт, царей-басилевсов и их сородичей, чье реальное господство опирается на традиционное верховенство знатных семей в общинах, на ведущую их роль в делах войны и на предоставленные им от общин и закрепленные в наследственное владение лучшие и большие наделы земли — теменосы (об этих привилегиях царей см.: II, XII, 310 слл.; обстоятельное описание царского надела — *ibid.*, XVIII, 550 слл.). Ниже — масса простого народа, главным образом земледельцев, чье положение свободных общинников — крестьян и воинов — непосредственно зависит от сохранения полученных ими от общины земельных участков — клеров. Еще ниже — утратившие эти однажды данные им наделы «бесклерные мужи» (ἄκλῆροι), бедняки, которых нужда заставляет идти к богатому и знатному соседу в поденщики, превращая, таким образом, в презренных и забитых батраков-фетов. И, наконец, на самом социальном дне — рабы, добытые войною или пиратством, используемые достаточно уже широко и в сельском хозяйстве (в садоводстве и скотоводстве), и в домашних работах, и для личных услуг. Их сравнительно патриархальное положение с точки зрения бытовой не исключает, однако, вполне определенного состояния рабства в принципиальном плане, поскольку

Античные монеты (МИА, № 16). М.; Л. 1951. С. 23–24; Heichelheim F. M. An Ancient Economic History. I. P 213.

⁵³ См. также: Кулишер И. М. Очерк экономической истории. . . С. 159–166.

ку господину, владеющему рабами, возможно и распоряжаться ими, и творить над ними суд и расправу по собственному произволу (ср. расправу Одиссея над своими неверными рабами, *Od.* XXII, 390 сл.).

Множественность и пестрота социальных градаций в гомеровском обществе не должны, однако, затемнять главных, отчетливо различаемых и не раз подчеркиваемых в эпосе классовых отличий. Это, во-первых, в среде свободных людей — противоположение аристократии и простого народа, демоса (см. в особенности в «Илиаде», в сцене испытания войска, II, 188 и 198: царь, знаменитый муж, и человек из народа, βασιλεύς καὶ ἔξοχος ἀνὴρ, и δήμου ἀνὴρ), противоположение, которое оттеняется характерной, весьма разработанной социально-этической терминологией, выдающей аристократическую ориентацию эпического поэта. Знатные для него — мужи хорошие (ἀγαθοί), лучшие (ἀριστῆες), доблестные (ἑσθλοί), герои (ἥρωες) par excellence, тогда как простолюдины — мужи плохие (κακοί), худые (χέρηρες) и т. п.⁵⁴ Во-вторых, не менее отчетливое и по крайней мере столь же важное противоположение свободных и рабов (ср. метафорическое противопоставление в II., VI, 455 и 463: день свободы и день рабства, ἐλευθέρων ἡμᾶρ и δοῦλιον ἡμᾶρ).⁵⁵ Эти две оппозиции не то что намечают, а отчетливо

⁵⁴Невозможно согласиться с Ю. В. Андреевым, когда он, следуя примитивизирующей установке М. Финли, снижает качественную характеристику гомеровской аристократии, объявляя ее всего лишь «верхушечной частью демоса — прослойкой наиболее зажиточных крестьян», поскольку-де «с экономической точки зрения и аристократический ойкос, и семья рядового общинника — «мужа из народа» — были вполне однотипными образованиями» (Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 113, со ссылкой на М. Финли [Finley M. I. The World of Odysseus. Harmondsworth, 1962. P. 68]; то же и в недавней статье Андреева: К проблеме послемикенского регресса. С. 24). Между тем принципиальное отличие аристократического ойкоса от крестьянского хозяйства очевидно — и количественное, поскольку знати превосходили размеры обычных наделов общинников, и качественное, поскольку на первых, в отличие от вторых, широко использовался чужой труд — рабов и батраков. Впрочем, надо заметить, что последовательности в суждениях нет ни у Финли, ни у Андреева. Финли, подчеркивая отсутствие в гомеровском обществе строгих статусных категорий в духе позднего времени, признает все же фундаментальное различие аристократии и демоса — «the fundamental class-line between noble and non-noble is clear enough» (Finley M. I. Early Greece. P. 86). Андреев, объявляя гомеровскую аристократию всего лишь зажиточной частью крестьянства, в другой связи ярко и убедительно показывает изжитие древнего народоправства и абсолютное засилье знати в гомеровском обществе (см. ниже).

⁵⁵Нам важно отметить свойственное гомеровскому эпосу и, очевидно, не чуждое также и гомеровскому времени это принципиальное противопоставление, за которым угадывается известное развитие рабства. Определить точнее уровень этого развития — задача непростая. Однако показательно, что даже такой вдумчивый и осторожный исследователь, как Я. А. Ленцман, подчеркивая амальгамированный характер представленной у Гомера картины социальных отношений, допускал значительное распространение рабства к исходу Темных веков, оговаривал относительность патриархальных черт этого рабства и даже особо отмечал характерные ростки полярной идеологии, как собственников-рабовладельцев (представление о

уже обозначают заглавные социальные водоразделы античного рабовладельческого общества.

Глубокому социальному расслоению гомеровского общества соответствуют и другие важные признаки далеко зашедшего разложения традиционного общинного строя. Перерождение затронуло самую организационную структуру древнего общества: при видимом сохранении общинных форм организации в лице, в частности, таких подразделений верхнего уровня, как фратрия и фила (II, II, 362–366), бросается в глаза отсутствие рода — этой важнейшей низовой ячейки первобытного общества. Род у Гомера — понятие генеалогическое, а не структурное; в общественной жизни его место вполне заступила другая и более прогрессивная ячейка — индивидуальная семья и хозяйство, ойкос.⁵⁶ Соответственно и в сфере собственнических отношений общинное начало сохраняется лишь в качестве некоего суверенного и регулирующего наверх (изначальное распределение земли между соплеменниками — Od., VI, 10; контроль над землевладением и землепользованием *implicite* может подразумеваться в сцене II, XII, 421–423; выделение из общественного фонда теменосов для знати — II, VI, 194–195; IX, 576–580; XII, 313–314; XX, 184–186), между тем как в повседневной реальности утвердился частновладельческий принцип. Причем этот новый прогрессивный тип владельческого права проявляется в отношении не только рабов и прочей движимости, но и земли, что находит выражение и подтверждение в стихийно развивающемся движении земельной собственности (ср. появление «бесклерных» и «многоклерных» людей — Od., XI, 490, и XIV, 211).⁵⁷ Соответственно и в сфере высшей уголовной ответственности наряду и на смену кровнородственной поруке и мести отчетливо выступает новый принцип личной ответственности и штрафа (ср.: для кровной мести — Od., XXIII, 118–122; XXIV, 430–437; для штрафа — II, IX, 632–636).

владении рабами как условия богатой и роскошной жизни — Od., XVII, 419–423 = XIX, 75–79), так и рабов (сентенция Одиссея раба Эвмея — Od., XIV–XVII, *passim*) (см.: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции С. 247–260, 268–277, 285–286).

⁵⁶ Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис. С. 74–78; 2) К проблеме послемикенского регресса. С. 24–25.

⁵⁷ Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее» // ВДИ. 1976. № 1. С. 52–63; Андреев Ю. В. 1) К проблеме гомеровского землевладения // Социальная структура и политическая организация античного общества / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 10–31; 2) К проблеме послемикенского регресса. С. 24–25; Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева (Общая история европейской культуры. Т II). СПб., 1910. С. 11–25; Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and Tenure [1957] // Finley M. I. Economy and Society in Ancient Greece. New York, 1982. P. 213–232; Richter W. Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter (Archaeologia Homerica. Bd II. Kap. H). Göttingen, 1968.

Принимая во внимание совокупность всех этих признаков, можно смело утверждать, что в плане социальном, по крайней мере к исходу периода, гомеровские греки явно находились уже на грани разрыва с традиционным общинным порядком и перехода на стадию цивилизации со всеми присущими ей элементами и качествами — хозяйством индивидуальной семьи, господством частновладельческого принципа и разделением общества по имущественной и правовой градации на более или менее четкие социальные группы.

Равным образом и в сфере политической, хотя до рождения правильного государства дело еще не дошло, о подлинном народоправстве первобытнообщинной поры говорить уже, конечно, не приходится.⁵⁸ Традиционная структура управления в лице известной триады народное собрание — совет старейшин — вождь сохраняется, но сохраняется, скорее, внешне, нежели по существу. Собрания общинников (воинов) созываются от случая к случаю по прихоти знатной верхушки, и служат эти сходки для обоснования и проведения мер, отвечающих интересам прежде всего самой знати. И это верно как для ахейского войска под Троей, так и для мирной Итаки — и там и здесь всем заправляют знатные патроны общины.

Насколько простой народ политически принижен и оттеснен на задний план, видно по знаменитому эпизоду с испытанием войска во 2-й песне «Илиады», в сцене, где Одиссей окриками и ударами скипетра обуздывает ораторов из народа, в частности и Терсита, вздумавшего в общем собрании воинов поносить царей. Эти последние из народных предводителей все более превращаются во всесильных властелинов, чьи автократические замашки и притязания ограничиваются не столько волею народа, сколько ревнивым и заинтересованным отношением к власти прочей знати, добывающейся (и с успехом) установления вместо подозрительной патриархальной монархии собственного корпоративного правления. Реальная власть родовой знати столь велика, что политическая система, современная эпическому поэту, может быть без обиняков определена как аристократическая. И если в рамках следующей, архаической эпохи эта система не утвердилась окончательно и не привела греков к кастовому государству восточного типа, то виною тому был отнюдь не недостаток желания у самой знати, а действие совсем иных, не зависящих от ее воли, объективных факторов.

⁵⁸Здесь снова мы в полной мере можем опереться на доскональное изучение вопроса у Ю. В. Андреева (см. его книгу: Раннегреческий полис. С. 92–110 [глава V — «Цари и народ. К вопросу о “военной демократии”»]).

3. СТАНОВЛЕНИЕ (ПРОТО)ПОЛИСА. СИНОЙКИЗМ

Итак, к исходу так называемой гомеровской эпохи, т. е. приблизительно к концу IX — началу VIII в. до н. э., греческий мир вновь находился в преддверии цивилизации. Насколько интенсивно шло развитие в эту сторону, видно из сличения двух более или менее фиксированных этапов — времени Гомера (рубеж IX–VIII) и времени Гесиода (рубеж VIII–VII вв.). За столетие, разделяющее эти два этапа, как мы скоро сможем убедиться, формирование классового общества, а вместе с тем и города и государства вступило у греков в решающую фазу.

Эгейский протополис становится, наконец, настоящим полисом, т. е. городом-государством, и, хотя мы не в состоянии шаг за шагом проследить этот процесс на его ранних стадиях, общие причины и линии развития рисуются вполне определенно. Впрочем, помимо скудных данных археологии и сложных для интерпретации свидетельств эпоса, в нашем распоряжении имеется важный параллельный материал, доставляемый позднейшей античной историографией (Фукидид, Аристотель, Страбон, Плутарх), который позволяет рельефнее оттенить важнейшие стадии, равно как и конкретные обстоятельства и формы рождения греческого полиса.

В особенности велико значение свидетельств Фукидида, специально изучавшего по всем доступным ему источникам древнейшее прошлое Эллады. В своей Археологии, сжатом историческом очерке греческих дел до Пелопоннесской войны (Thuc., I, 2–19), он выразительно, хотя и не слишком определенно во временном отношении, выделяет две эпохи в жизни греческого полиса. В древности (τὸ πάλαι) города были неукрепленными, лишенными стен (πόλεις ἀτείχιστοι), и являли собой, скорее, группы соседствующих деревень (κατὰ χώρας οἰχοῦμενα), чем города в собственном смысле. Поскольку в то же время, с первыми успехами мореплавания, развилось пиратство, этот подвид характерных для эпохи варварства войн ради добычи, древнейшие города располагались чаще всего в глубине страны, вдали от побережья (ἀπὸ θαλάσσης μᾶλλον ὤκισθησαν) (I, 5, 1; I, 7, в конце). Напротив, в новейшее время (νεώτατα), в эпоху более развитого мореплавания, пришедшей на смену пиратству торговли и возросшего материального достатка, города стали основываться на самом побережье (ἐπ' αὐτοῖς τοῖς αἰγιαλοῖς ἐκτίζοντο), на перешейках, которые жители укрепляли стенами (καὶ τεῖχεσι τοὺς ἰσθμοὺς ἀελάμβανον), ради торговли и защиты от соседей (I, 7, в начале).

Еще раз отметим, что определить в точности временные рамки, в которые Фукидид заключает существование древних, а затем возникновение новых городов, на основании его рассказа не представляется

возможным. Все же естественно было бы сопоставить эпоху древних поселений со временем изначальных эгейских протополисов типа гомеровской Трои или ранних поселений в Смирне, Загоре и Эмпорио, а эпоху новых городов — с периодом становления протогородских центров того типа, который вырисовывается на основании гомеровского описания города феаков и по данным археологии, свидетельствующим о разрастании и укреплении Старой Смирны (в IX–VIII вв.) и о развитии новых, перенесенных с отдаленных холмов ближе к морю, поселений в Загоре, Эмпорио и Эретрии (VIII–VII вв. до н. э.).⁵⁹ Но главное — это предложенное Фукидидом экономическое обоснование прогресса городской и общественной жизни Эллады в древнейший период.

Бросается в глаза подчеркиваемая древним историком принципиальная связь между успехами мореплавания, развитием морских промыслов — сначала пиратства, а затем торговли, — ростом богатства и становлением города у греков. Прочитируем полностью место о новых городах, которое только что передавалось в перифразе — процитируем для того, чтобы читатель мог убедиться в правильности нашего переложения древнего автора. «Все города, — пишет Фукидид, — основанные в последнее время (νεώτατα), когда мореплавание получило уже большее развитие, а средства имелись в большем избытке (καὶ ἤδη πλοῦμωτέρων ὄντων περιουσίας μᾶλλον ἔχουσαι χρημάτων), основывались непосредственно на морских берегах и забирали стенами перешейки в видах торговли и для ограждения себя от соседей (ἐμπορίας τε ἔνεχα καὶ τῆς πρὸς τοὺς προσοίχους ἕκαστοι ἰσχύος» (I, 7, в начале). И та же цепь суждений повторяется в следующей главе: «Взаимные сношения на море усилились (πλοῦμώτερα ἐγένετο πρὸς ἀλλήλους) <...> и приморские жители владели уже большими средствами (μᾶλλον ἤδη τὴν κτῆσιν τῶν χρημάτων ποιοῦμενοι) и потому крепче сидели на местах, а некоторые оградили себя и стенами, потому что становились богаче (καὶ τινες καὶ τεῖχη περιεβάλλοντο ὡς πλουσιώτεροι ἑαυτῶν γινόμενοι). Ведь стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства (περιουσίας ἔχοντες), подчиняли себе меньшие города» (I, 8, 2–3, перевод Ф. Г. Мищенко — С. А. Жебелева с некоторыми нашими изменениями).

Это проливает дополнительный свет на те обрисованные нами выше в общей форме главные факторы, которые определили формирование новой городской цивилизации у греков в 1-й половине I тыс. до н. э. Переводя суждения древнего историка на язык современной науки, мы можем сказать, что основными рычагами этого процесса были соци-

⁵⁹Ср.: *Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1950. P. 106 (ad I, 7, 1); Kolb F. Die Stadt im Altertum. S. 69–71.*

ально-экономический прогресс и обусловленный им на исходе гомеровского времени демографический взрыв. Именно так: не демографический фактор сам по себе, как выходит у некоторых исследователей, и в частности у Ю. В. Андреева,⁶⁰ а сложное взаимодействие социально-экономического развития и вызванного им резкого роста народонаселения дало толчок к выделению из сельского материка многолюдного города как центра экономической и социальной жизни определенной области, населенной гомогенной этнической группой. Оно же, возбуждив острую борьбу соседствующих групп за обладание материальными условиями жизни, и прежде всего землей, содействовало возрастанию роли города-крепости также и как политического центра. И наконец, оно же одновременно с этими социально-экономическими и политическими сдвигами ускорило распад общинно-родовых связей, вызвало глубокое социальное расслоение и рост антагонизма среди новых сословных групп, в ожесточенной борьбе которых и была окончательно выработана классическая форма античного государственного единства — гражданская община, полис.

В этой связи надлежит отвергнуть и всю парадоксальную трактовку Ю. В. Андреевым греческого города как явления в своем роде исключительного, а именно преждевременного, явившегося к жизни в силу крайностей демографического роста и межплеменных военно-политических коллизий, до сложения соответствующих фундаментальных предпосылок — до государства и даже до самого города в точном социологическом смысле этого слова.⁶¹ Конечно, если бы преждевре-

⁶⁰См.: Андреев Ю. В. 1) Раннегреческий полис. С. 114; 2) Античный полис и восточные города-государства. С. 20–21; 3) Начальные этапы становления греческого полиса. С. 8–9, 14–16. — Значение демографического фактора в становлении греческого полиса с некоторых пор стало особенно подчеркиваться в научной литературе. Ср.: *Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C.* New York, 1977. P. 40–46; *Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment.* London, 1980. P. 19–25 (со ссылками на более ранние работы).

⁶¹Ср. характерные высказывания Ю. В. Андреева: 1) в книге «Раннегреческий полис» (1976 г.) — «С точки зрения исторической типологии раннегреческий полис в том его виде, в котором он сложился к концу гомеровского периода, можно определить как позднеродовое варварское общество в его специфическом городском варианте. Такие характерные для этой социальной формации черты и признаки, как сословное деление общества в сочетании с системой гентильных союзов, политическое господство родовой знати, все еще очень сильный родовой партикуляризм, спроецированы здесь на необычный фон “преждевременно” (еще до образования государства) возникшего города. Соответственно и вырастающее в дальнейшем из племенной общины рабовладельческое государство отливается в практически уже готовую форму города-государства» (с. 114); 2) в статье «Античный полис и восточные города-государства» (1979 г.) — «С точки зрения тогдашнего экономического развития греческого общества эта урбанизация носила во многом преждевременный характер. » (с. 20); 3) в статье «Начальные этапы становления греческого полиса» (1982 г.) — «Специфичность античной формы города вытекает уже из са-

менное рождение города связывалось только с гомеровским временем, то можно было бы достичь понимания соответствующим уточнением понятия, отличием гомеровского протогорода (городища) от возникающего в архаическую эпоху настоящего города, но Ю. В. Андреев настаивает именно на применении своего тезиса ко всему периоду формирования античного рабовладельческого общества, а с этим согласится никак нельзя.⁶²

Но вернемся к исторической традиции древних. Она позволяет не только уточнить общие факторы, но и зримо представить конкретные формы становления города-государства. Распространенным способом перерастания протополиса в подлинный город-государство, в полис, был синойкизм, т. е. сселение всех или значительной части жителей данной области в одно большое, более укрепленное и более жизнеспособное поселение, соответственно достижение таким простейшим путем как социально-экономической интеграции, так и политической консолидации всего живущего в этой области этноса.⁶³ При этом процессе консолидации известную роль в качестве естественной предпосылки играло местное, локальное племенное единство; от территориально-племенного сообщества традиционного, хотя и аморфного, рода естествен был переход к более организованному и сплоченному племенному союзу (народности), а от этого последнего — к окончательно консолидированному, правильному единству типа города-государства. В более конкретном плане для формирования самого городского центра — основы и оплота такого полисного единства — несомненное зна-

мого ее генезиса, в котором чисто экономические факторы играли, по-видимому, лишь ограниченную роль, главенствующее же место принадлежало факторам военного и политического характера. . . » (с. 14).

⁶² Впрочем, в более поздней своей работе «К проблеме послемикенского регресса» (1985 г.) Ю. В. Андреев применительно к полису древнейшего (гомеровского) времени делает важную оговорку: «поселение городского или, скорее, квазигородского типа» (с. 26). И более развернутым образом: «... Темные века знали лишь некую зачаточную форму полиса, его архетип (протополис), который еще не был ни городом, ни государством (ввиду отсутствия классов) в собственном значении этих двух слов, хотя потенциально уже заключал в себе обе эти тенденции дальнейшего развития» (с. 26, прим. 82). Но если протополису Темных веков или даже гомеровского времени отказывается в городском качестве, то тогда отпадает и вся теория «позднеродового варварского общества в его специфическом городском варианте».

⁶³ О синойкизме как способе перехода от первичного этнотерриториального единства к городу-государству, полису, см. также: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. Изд. 3-е. СПб. 1897. С. 24–26; *Андреев Ю. В.* 1) Раннегреческий полис. С. 67, 113–114; 2) Начальные этапы. С. 9 слл. *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd I. München, 1920. S. 154–160; *Gschntzer F.* Stammes und Ortsgemeinden im alten Griechenland // WS. Bd 68. 1955. S. 120–144; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Tl. I. Leipzig. 1957. S. 18–20; *Musiölek P.* Zum Begriff und zur Bedeutung des Synoikismos // Klio. Bd 63. 1981. H. 1. S. 207–213.

чение имели узколокальные объединения расположенных по соседству сельских общин-демов.

Консолидация общего плана представлена в традиции, например, синойкизмом Тесея, состоявшим в объединении населения Аттики, жившего независимо по старинным городкам (Кекропово Двенадцатиградие), в один полис с центром в Афинах (см. ниже). Что же касается более элементарной трансформации «гнезда» соседствующих деревень в единое (прото)городское поселение, то об этом процессе можно судить на примере Аркадии, где возникшие в древности объединения демов (*συστήματα δήμων*) в конце концов переросли в городские центры (Strab., VIII, 3, 2, p. 336–337). Возможно, что и в Аттике числившееся среди 12 древнейших центров так называемое Четырехградие (Τετράπολις), куда входили демы Эноя, Марафон, Пробалинф и Трикориф (Strab. VIII, 7, 1, p. 383; IX, 1, 20, p. 397), было одним из таких первоначальных объединений сельских общин. Промежуточной ступенью, когда группа соседствующих деревень уже составляла некое политическое и даже топографическое единство, но еще не оформилась надлежащим образом как урбанистическое целое, могли быть те древние, не укрепленные стенами и заселенные по деревням города, о которых упоминает Фукидид (Thuc., I, 5, 1 — πόλεισιν ἀτειχίστοις καὶ κατὰ χώμας οἰχομέναις). Застывшим образцом таких недоразвитых городов долго оставалась Спарта, которая, по свидетельству того же Фукидида (I, 10, 2), еще и в конце V в. до н. э. являла собой полис несинийкизированный (οὐτε ξυνοικισθείσης <τῆς> πόλεως), не обставленный храмами и другими дорожными сооружениями, заселенный по деревням согласно древнему эллинскому обычаю (κατὰ χώμας δὲ τῶ παλαιῶ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης).

Заметим еще, что синойкизм не был единственно возможной формой становления города-государства. Процесс областной интеграции не исключал и иной, противоположной формы, а именно выделения из первичного большого поселения, по мере его разрастания, ряда дочерних поселений, служивших целям освоения и господства полиса над его округою, над хорою.⁶⁴ Однако такой путь был, скорее, характерен для зоны завоевания и колонизации, а в метрополии наиболее распространенным был все-таки синойкизм.

Ярким конкретным примером такого процесса интеграции и консолидации служил уже для древних и, естественно, продолжает оставаться и для нас так называемый синойкизм Тесея в Афинах (см.: Thuc., II, 14–16; Aristot., fr. 384 Rose³, из недошедшей до нас начальной части «Афинской политики»; Strab., IX, 1, 20, p. 397; Plut. Theseus,

⁶⁴ Андреев Ю. В. Начальные этапы... С. 9.

24–25).⁶⁵ Разумеется, мы не обязаны вместе с древними буквально приписывать осуществление синойкизма в Афинах древнейшему аттическому царю и герою Тесею. Последний — личность легендарная, и хотя не исключено, что с его именем и в самом деле могла быть связана какая-то первичная консолидация Аттики еще в ахейский период,⁶⁶ и что, благодаря этому, за ним по преимуществу и закрепилась роль первоначального объединителя и устроителя Афинского государства, все же тот синойкизм, который ему приписывает позднейшая традиция, был событием, несомненно, послемикенского времени, когда после длительного периода дезинтеграции и упадка, вновь стали набирать силу тенденции к этнополитическому единению.

Согласно преданию, до Тесея единого Афинского государства, да и города Афин, по-настоящему не было. «Дело в том, — повествует Фукидид, — что при Кекропе и при первых царях до Тесея население Аттики жило постоянно отдельными городами (κατὰ πόλεις), имевшими свои пританеи⁶⁷ и правителей (ἄρχοντας). Когда не чувствовалось никакой опасности, жители (этих городов) не сходились на общие совещания к (афинскому) царю, но управлялись и совещались отдельно сами по себе. Некоторые города по временам даже воевали между собою, например Элевсин с Эвмолпом во главе против Эрехтея» (Thuc., II, 15, 1).

Среди этих небольших, но вполне самостоятельных городов, или, лучше сказать, городищ, Афины, совпадавшие тогда, по выразительному свидетельству Фукидида (II, 15, 3–6), с Акрополем, возможно, выделялись только своим срединным положением и большей укрепленностью. «Но, — продолжает древний историк, — после того, как царскую власть (в Афинах) получил Тесей, соединявший в себе силу с умом, он и вообще привел в порядок страну, и, в частности, упразднив булеветерии⁶⁸ и власти (τὰς ἀρχάς) прочих городов, объединил путем синойкизма всех жителей вокруг нынешнего города (ἐς τὴν νῦν πόλιν οἰσαν ζυψήσασθαι πάντας), учредивши один булеветерий и один пританей. Жителей отдельных селений, возделывавших свои земли, как

⁶⁵О синойкизме в Афинах см. также: Колобова К. М., Глушкина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958. С. 102–106; Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 14–15, 21, 23–24, 29; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 206–208; Glotz G. La cité grecque. Paris, 1928. P. 21; Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 84–85.

⁶⁶Античная хронография датировала синойкизм Тесея серединой XIII в. до н. э. См.: Mart. Par., ep. 20, vs. 34–36, под 1259 г. до н. э.

⁶⁷Пританей (πριτανεῖον) — здание, где заседали пританы (πριτανεῖς буквально «правители», «председатели»), высшие должностные лица в некоторых греческих общинах, преимущественно у ионийцев (здесь могут иметься в виду цари, архонты и т. п.).

⁶⁸Булеветерий (βουλευτήριον) — здание, где заседал совет (βουλή).

и прежде, Тесей принудил иметь один этот город (ἤνάγκασε μὴ πόλει αὐτῆ χρησθαι), который, поскольку все уже принадлежали к нему одному (ἀπάντων ἤδη ξυντελοούντων ἐς αὐτήν), стал велик и таким передан был Тесеем его потомкам. С тех пор и еще по сие время афиняне совершают в честь богини (Афины) празднества на общественный счет Синойкии» (Thuc., II, 15, 2).

Тесей выступает, таким образом, в античной традиции как объединитель Аттики и создатель афинского полиса. Он покончил с автономией отдельных аттических городков, закрепив за Афинами роль единого политического центра. Вместе с тем сселением в Афины если и не буквально всех жителей Аттики,— ибо Фукидид определенно свидетельствует, что большая их часть осталась жить в своих старинных селениях (ср.: II, 14, 2; 15, 2; 16, 1–2), — то хотя бы значительной их части, и в первую очередь, очевидно, знати, он сильно содействовал физическому росту Афин как города, становлению их как главного и единственного городского центра Аттики. Еще раз оговорим легендарный характер предания в том, что касается точных обстоятельств проведения афинского синойкизма. Однако независимо от того, кем и как были проведены охарактеризованные выше преобразования, их значение очевидно. Благодаря этим мерам Афины превратились не только в политический центр Аттики, но и в город по преимуществу, перед которым должно было померкнуть городское значение других аттических протополисов.

Археологические данные, со своей стороны, подтверждают эту свершившуюся в жизни древних Афин важную метаморфозу и указывают ее вероятную дату — X в. до н. э. В самом деле, обозначившиеся в этом столетии решительные сдвиги в материальной и духовной культуре Афин, о чем свидетельствуют находки в некрополе Керамика, равно как и датируемое этим же временем возникновение нового поселения у северного склона Акрополя, должны указывать на существенную перемену, которую естественно поставить в связь с общеаттическим синойкизмом.⁶⁹ Разумеется, процесс политической консолидации и интеграции Аттики не был исчерпан этой важной реформой; отдельные районы Аттики долго еще могли жить своей особенной, независимой жизнью, а Элевсин и вовсе был включен в состав Афинского государства только в VII в.⁷⁰ Однако главное было сделано: Аттика в основном была объединена, а Афины стали ее бесспорным и исключительным центром. Внешним подтверждением концентрации всей общественной жизни в Афинах стало параллельное переселению знатных

⁶⁹Ср.: Колобова К. М. Древний город Афины. С. 29; Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. Bd I. S. 176–177

⁷⁰Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. С. 105; Bengtson H. GG⁴. S. 84–85.

аттических родов перенесение сюда же, в Афины, опекавшихся этими родами местных культов и возведение соответствующих святилищ — Посейдона, Деметры и проч.⁷¹

Итак, в какой-то момент архаической истории посредством синонимизма, приписанного позднее Тесею, Афины сделали первый и, может быть, решающий шаг к превращению из протополиса в полис, в город-государство. Надо думать, — и археология прямо наталкивает на такую мысль, — что эта метаморфоза и в данном случае не была обусловлена одними только политическими мотивами, но стояла в связи с более общими социальными и экономическими сдвигами. Подтверждением этому могут служить свидетельства древних, в первую очередь Аристотеля, а позднее также Плутарха, что Тесей был у афинян не только политическим, но и социальным устройтелем, ибо он первый разделил аморфную массу народа на первоначальные сословия. Как пишет Плутарх, опираясь на Аристотеля, «он не оставил без внимания того обстоятельства, что демократия стала неблагоустроенной и смешанной вследствие нахлынувшего не разделенного (на классы) множества народа, но первый выделил особо эвпатридов, геоморов и демиургов и предоставил эвпатридам решать божественные дела, поставлять должностных лиц и быть изъяснителями законов и истолкователями светских и религиозных дел. При всем том он поставил их как бы наравне с остальными гражданами, поскольку эвпатриды, как казалось, превышали остальных славой (δόξη), геоморы — приносимой пользой (χρείς), а демиурги — численностью (πλήθει)» (Plut. Theseus, 25, 2, перевод С. И. Раддига с некоторыми нашими изменениями).

Не все в этом предании звучит одинаково вразумительно: странным представляется определение политического состояния Тесеевых Афин как демократии, равно как и самая тенденция изобразить Тесея едва ли не первым ее творцом; странным выглядит для столь древнего времени и обоснование значения демиургов, т. е. ремесленников, их численностью. Однако все это — частности, которым, впрочем, легко подыскать и объяснения. Так, манера изображать Тесея реформатором или даже творцом афинской демократии может восходить к соответствующей официальной тенденции, укоренившейся в Афинах по крайней мере с V в. (ср. свидетельства об особенном почитании афинянами Тесея начиная со времени Персидских войн — Aristot., fr. 611, 1 Rose³, из эпитомы Гераклида; Plut. Thes., 35, 8–36, 6; Cim., 8, 5–7), а представление о многочисленности демиургов может, в конце концов, опираться на действительно рано обозначившийся рост их значения,

⁷¹ Колобова К. М. Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. С. 105; Колобова К. М. Древний город Афины. С. 23.

как это подсказывается стремительным развитием афинского ремесла начиная с рубежа XI–X вв. до н. э.

Важнее, однако, другое — твердо зафиксированная в традиции синхронизация Тессева синойкизма и упорядочения сословного разделения народа в Афинах. Ведь этим самым выразительно подтверждается высказанная выше мысль о взаимосвязи синойкизма и глубинных социально-экономических перемен. Но это же заставляет нас видеть в синойкизме Тесея не просто первоначальное создание (или воссоздание) этнополитического единства Аттики с одновременным превращением Афин в общеаттический городской центр, но важный исходный момент в более широком движении к цивилизации, в формировании у древних афинян нового классового общества и государства. Так именно оценивал синойкизм Тесея и Ф. Энгельс, чье суждение, крайне ценное для нас, надлежит привести здесь полностью.

«Перемена, — пишет Энгельс, — состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, то есть часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение пребывавшего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из коренных народов Америки: вместо простого союза живущих по соседству племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, возвышавшееся над правовыми обычаями отдельных племен и родов; афинский гражданин, как таковой, получил определенные права и новую правовую защиту также и на той территории, где он был иноплеменником. Но этим был сделан первый шаг к разрушению родового строя, ибо это был первый шаг к осуществленному позднее допуску в состав граждан и тех лиц, которые являлись иноплеменниками во всей Аттике и полностью находились и продолжали оставаться вне афинского родового устройства. Второе, приписываемое Тезею, нововведение состояло в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса, эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении благородным исключительного права на замещение должностей. Впрочем, это разделение не привело к каким-либо результатам, кроме замещения должностей благородными, так как оно не устанавливало никаких других правовых различий между классами. Но оно имеет важное значение, так как раскрывает перед нами новые, незаметно развившиеся общественные элементы. Оно показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на занятие общественных долж-

ностей, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены только еще зарождавшимся государством. Оно, далее, показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось уже настолько, что стало отодвигать на второй план общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому».⁷²

Итак, мы постарались охарактеризовать главные факторы и формы начавшегося на исходе гомеровского времени становления греческого города-государства. С синойкизмом, подобным Тесееву, этот процесс приобретает достаточную определенность и выразительность. Дальнейшее знакомство с материалом, относящимся уже к архаическому времени, позволяет не только зримо представить себе контуры вновь возникающего у греков классового общества и государства, но и понять, почему эта новая городская цивилизация отлилась у них в специфическую форму античной гражданской общины. В конечном счете это было обусловлено ходом социально-политической борьбы в архаическую эпоху, тем своеобразным сочетанием и взаимодействием объективных условий и субъективных творческих импульсов, что составляет специфическое качество архаической революции в Древней Греции. К рассмотрению этой революции как заключительной, решающей фазы формирования греческого полиса мы теперь и обратимся.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 110-111.

ЧАСТЬ II. АРХАИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПОЛИСА

Глава 3.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Архаическая революция — это отнюдь не метафора, не условное обозначение для трехвекового периода греческой истории (VIII—VI вв. до н. э.). Этот период и в самом деле был отмечен грандиозным — масштаба настоящей революции — историческим переворотом, в ходе которого в Греции вторично сложилась цивилизация, но теперь уже в особенной форме суверенных городских общин.¹ Те факторы социального прогресса, которые были заложены в структуре древнегреческого общества вопреки, а отчасти, может быть, и благодаря дорийскому завоеванию, — мы имеем в виду высвобождение сельских общин от тягостной опеки дворцовых центров и распространение железа, — теперь, наконец, сказали свое слово, и результатом было рождение новых, гораздо более прогрессивных форм социально-экономических и

¹ В представлении о революционном характере перехода от позднеархаического общества к классовому, античному, мы следуем взгляду, развитому советской наукой еще в 30-е годы в ходе дискуссий в ГАИМК. См.: Ковалев С. И. Проблема социальной революции в античном обществе // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций (ИГАИМК. Вып. 90) / Под ред. Н. Я. Марра, А. Г. Пригожина. М.; Л., 1934. С. 295–328; Тюменев А. И. Разложение родового строя и революция VII–VI вв. в Греции // Там же. С. 329–377. Тезис об архаической революции был затем обоснован и в других, более специальных исторических работах, принадлежавших перу все того же А. И. Тюменева. См. его труды: 1) История античных рабовладельческих обществ (ИГАИМК. Вып. 111). М.; Л., 1935. С. 42–49; 2) Революция VII–VI вв. Афины в VI в. // История Древней Греции. Ч. I (История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева. Т. II). М. 1937. С. 171–205. Разумеется, дальнейшие исследования расширили наши знания и уточнили представления об отдельных вехах архаической истории, однако мы не видим оснований для отказа от названного выше принципиального положения. В общей форме революционный характер процесса, приведшего к рождению классической полисной цивилизации, признается также и в западной историографии. Ср.: Heichelheim F. M. The Ancient Economic History. Vol. I. Leiden, 1958. P. 280 ff.; Starr Ch. G. A History of the Ancient World. 3rd ed. New York; Oxford, 1983. P. 205 ff.

политических отношений — античного рабовладельческого общества и государства.

Содержание этого поистине революционного процесса слагалось из ряда социально-экономических и политических метаморфоз, важнейшими из которых были радикальные успехи в технике производства и экономической жизни, кризис патриархального общинного строя и борьба демоса со знатью, решение первоочередных социальных проблем посредством законодательной реформы и колонизации, форсированное подавление знати тиранией и, наконец, по устранении этой последней, торжество полисного духа, в идеале — в форме античной демократии, в том ее виде, какой был реализован в Афинах.²

И прежде всего велики были успехи в технике производства и экономике. Еще в X в. до н. э. железо решительно вытеснило бронзу в качестве основного производственного металла. Теперь, с началом архаической эпохи, не только всячески расширяются добыча и ввоз железной руды, но и совершенствуются выплавка железа и изготовление из него различных орудий труда и предметов вооружения. Традиция приписывала Гесиоду сочинение об идэйских дактилях — сказочных карликовых рудокопах и кузнецах, где рассказывалось об истории добычи и обработки железа (Plin. N. h., VII, 56. 6; Clem. Alex. Strom., I, 16, 75). Примечательно также, что в произведениях, несомненно принадлежащих Гесиоду, встречается новое (по сравнению с Гомером) слово «адамант» (ἀδάμαντας), позднее, по-видимому, употреблявшееся для обозначения стали (Theog., 161, 188, 239; Op. et dies, 147; Scut., 137, 231).

²Для последующего обзора основных линий исторического развития Греции в архаическую эпоху нами были использованы, естественно, как материалы, восходящие к самой античности (архаическая поэзия, позднейшая античная историография, философская литература и проч.), так и современные научные пособия. В расчет были приняты прежде всего соответствующие разделы в общих трудах по истории Древней Греции или древнего мира (в советской литературе — у А. И. Тюменева, С. Я. Лурье, К. М. Колобова и Л. М. Глускиной, В. С. Сергеева, в зарубежной — у Эд. Мейера, К. Ю. Белоба, Р. Пельмана, в «Кембриджской древней истории», у Г. Глотца, Г. Бенгтсона, Ч. Старра), а затем и работы, специально посвященные веку архаики, и в частности: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н. э.). Л., 1951; *Ленцман Я. А.* 1) О возникновении товарного производства в Древней Греции // ВДИ. 1953. № 3. С. 46–64; 2) Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции // ВДИ. 1954. № 4. С. 52–71; *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128–193; *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985; *Heuss A.* Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche [1946 г.] // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer (Wege der Forschung. Bd 96). Darmstadt, 1969. S. 36–96; *Finley M. I.* Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. London, 1970; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. London, 1976; *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C. New York, 1977; *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980.

И если даже у Гесиода это слово еще и не обозначает сталь как такую, то все же его употребление свидетельствует о появлении какого-то особенного, усовершенствованного вида железа.³

Но и помимо этого, мы располагаем важными прямыми указаниями традиции на то, что в VII в., во всяком случае, техника обработки металла подверглась радикальному усовершенствованию: в начале этого столетия хиосцем Главком была изобретена сварка железа (Her. I, 25; Euseb. Chron., II, p. 184 Karst, под 691 г. до н. э.), а несколько позже самосцами Рэком и Феодором было освоено искусство художественного литья (Paus. VIII, 14, 8; ср.: Her., I, 51).

Благодаря внедрению новых, изготовленных из железа орудий труда сделалось возможным интенсифицировать производство как в земледелии, так и в ремесле. Углубляющееся общественное разделение труда и обусловленное этим отделение ремесла от земледелия, равно как и выделение в особый вид занятий торговли, привели, наконец, к появлению города в новейшем социологическом смысле слова, как центра тяготеющей к нему сельскохозяйственной округи, как поселения прогрессивного типа, отличного от деревни (признаком такого отличия служит появление самого термина $\chi\omicron\upsilon\pi\eta$ — деревни — впервые у Гесиода, Op. et dies, 639; Scut. 18).⁴

Вокруг первоначальных городищ, служивших главным образом целям защиты племени в случае военной опасности, выросли торгово-ремесленные посады, а вместе с ними сформировалось и новое сословие горожан — ремесленников и купцов, рабочих и матросов. Новые города развернули активную, преимущественно морскую торговлю (кстати, и это понятие морской торговли — $\epsilon\pi\lambda\omicron\rho\acute{\iota}\alpha$ — также впервые является у Гесиода, Op. et dies, 646).⁵ Это, в свою очередь, содействовало дальнейшей специализации отдельных центров на производстве избранных видов продукции и превращению их в подлинные очаги национальной экономики. Так, обработка металлов и производство металлических изделий, в частности оружия, развились в особенности в Халкиде Эвбейской (ср. упоминание у Алкея о халкидских клинках — $\chi\alpha\lambda\kappa\iota\delta\iota\kappa\alpha\ \sigma\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha$, fr. 15, 6 Bergk⁴), а также в городах у Истма — Коринфе, Сикионе, Аргосе, на Хиосе и Самосе, изготовление тканей — в Милете и Мегарах, керамики — в Коринфе и Афинах и проч.⁶

Выражением далеко зашедшего развития торговли и морского дела явились соответственные важные изобретения и усовершенствования.

³Ср. также: Ленцман Я. А. О возникновении товарного производства. С. 59–60; Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950. P. 458 f.

⁴Ср.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л. 1976. С. 41, 43–44.

⁵Ср.: Ленцман Я. А. О возникновении товарного производства. С. 60–62.

⁶Подробнее см., например: BeLoch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 264 ff.

Прежде всего радикальному усовершенствованию подверглись самые типы торговых и военных кораблей. В частности, по-видимому, с конца VIII в. до н. э. началось строительство новых больших военных кораблей с тремя рядами гребцов, триер. По преданию, инициатива в этом деле принадлежала Коринфу. «Говорят, — свидетельствует древний историк, — коринфяне первые усвоили морское дело ближе всех к теперешнему его образцу, и первые в Элладе триеры сооружены были в Коринфе. По-видимому, и для самосцев коринфский кораблестроитель Аминокл сколотил четыре (таких) судна, а с того времени, как он прибыл к самосцам, до окончания этой (т. е. Пелопоннесской. — Э. Ф.) войны прошло по меньшей мере 300 лет» (Thuc., I, 13, 2–3). Последнее указание дает дату — 704 г. до н. э.⁷

Наряду с этим в морском деле не было недостатка и в отдельных новациях. Так, был принят на вооружение современный тип якоря с двумя лапами. Конечно, совсем необязательно вослед древней традиции (Ephor. ap. Strab., VII, 3, 9, p. 303 = FgrHist 70 F 42 и др.) приписывать изобретение этого якоря легендарному мудрецу Анахарсису, однако сомневаться в его появлении уже в первые века архаики не приходится. Если у Гомера упоминаний о якорях нет, — и это естественно, поскольку легкие суденышки той эпохи во время стоянок просто вытягивались на берег и ни в каких якорях не нуждались, — то у Алкея якорь фигурирует уже как неотъемлемый атрибут корабля (см.: fr. 18, 9 Bergk⁴).⁸

Далее, где-то в VII в. до н. э., в значительной степени по восточному образцу, были приняты правильные меры веса и объема: талант для твердых тел (эгинский в 37,1 и эвбейский в 26,2 кг), медуны для сыпучих (52,5 л) и метрет для жидких (39,5 л) с их подразделениями. Одновременно — и тоже, возможно, по примеру восточных соседей, в частности лидян (ср.: Xenophon. ap. Polluc., IX, 83 = DK 20 B 4; Her., I, 94) — начался выпуск первых правильных металлических денег. Пионерами здесь выступили в 1-й половине VII в. быстро развивавшиеся греческие города Ионии (такие, в частности, как Эфес и Милет), причем первые монеты чеканились ими из электрона, природного сплава золота и серебра, и большого достоинства, будучи, очевидно, предназначены для крупных обменных операций или выплаты больших сумм (например, наемным воинам). Затем, с середины VII в., чеканка монет стала распространяться и в Балканской Греции — на Эгине (около 630 г.), в Коринфе (около 610 г.), в Афинах (начало VI в.), причём

⁷Ср. также: Morrison J. S., Williams R. T. Greek Oared Ships 900–322 B. C. Cambridge, 1968. P. 159; Wachsmuth D. Triere // Der Kleine Pauly. Bd V München, 1979. Sp. 957–958.

⁸Ср.: Beloch K. J. GG² I. 1. S. 275; Gross W. H. Ancora // Der Kleine Pauly. Bd I. München, 1979. Sp. 343.

здесь монеты чеканились уже из наиболее популярного в классической древности драгоценного металла — серебра, и не только большого достоинства, но и мелкие, предназначенные, следовательно, для обменных операций различного размера, в том числе и для мелких, повседневных, свершаемых на обычном городском рынке. Последнее, т. е. развитие мелкой розничной торговли, служит важным показателем и подтверждением как общего, достаточно высокого, уровня товарных отношений, так и становления городского рынка.

Начало чеканки монеты в метрополии, равно как и изобретение мер веса и объема, традиция приписывала — трудно сказать, насколько верно — древнему аргосскому царю Фидону, правившему, согласно наиболее надежной версии, в середине VII в. до н. э. (см.: Ephor. ap. Srtab. VIII, 3, 33, p. 358, и 6, 16, p. 376 = FgrHist 70 F 115 и 176; Marm. Par., ep. 30, vs. 45–47; а для датировки — Her. VI, 127).⁹ Так или иначе, в экономической жизни архаической Греции свершилась важная перемена: начеканенные по определенному весовому стандарту из дорогих или драгоценных металлов — меди, серебра, золота — монеты сменили неуклюжие металлические слитки и брусья, которые служили мериллом стоимости на рубеже гомеровского и архаического времени. Эта с первого взгляда чисто техническая перемена революционизировала всю сферу обмена, открыв новые, поистине неограниченные возможности для развития торговых и кредитных операций, для роста торгового и ростовщического капитала.¹⁰

Технический и экономический прогресс повлек за собой резкие перемены в социальных отношениях. С одной стороны, внедрение более совершенных и более доступных железных орудий труда и соответственная интенсификация производства содействовали рентабельности индивидуального хозяйства, что имело следствием решительное утверждение принципа частной собственности. Ведь если даже для

⁹Предание о Фидоне Аргосском, скудное и противоречивое, вызывает много споров; в особенности дискутируется (и сейчас по большей части отвергается) роль Фидона как зачинателя монетного дела. Ср.: *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd I–II. München, 1967 (I, S. 6–7; II, S. 518–519); *Bengtson H. Griechische Geschichte*. 4. Aufl. München, 1969. S. 83–84; *Jeffery L. H. Archaic Greece*. P. 134–136 и 143. Специально о чеканке монет: *Cook R. M. Speculations on the Origins of Coinage* // *Historia*. Bd VII. 1958. H. 3. P. 257–262; *Kagan D.* 1) *Pheidon's Aiginetan Coinage* // *TAPhA*. Vol. 91. 1960. P. 121–136; 2) *The Dates of the Earliest Coins* // *AJA*. Vol. 86. 1982. N 3. P. 343–360 (статьи Д. Кэгена специально посвящены защите традиционного взгляда).

¹⁰О начале выпуска греками правильных металлических денег ср. также: *Зограф А. Н. Античные монеты* (МИА СССР, № 16). М.: Л., 1951. С. 23–24; *Seltman Ch. Greek Coins*. 2nd. ed. London, 1955. P. 13 ff.; *Kraay C. N. Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 20 ff.; *Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece*. P. 108 ff. — Для общей оценки ср. также: *Heichelheim F. M. The Ancient Economic History*. I. P. 212–222.

гомеровского времени невозможно доказать существование общинно-родовой собственности — общинное начало уже тогда едва ли выразалось в чем-то другом, помимо общего контроля за распределением земли и охраны владельческих прав индивидов, — то для века архаики торжество частновладельческого принципа, по крайней мере в экономически и социально развитых регионах, стало фактом. Но вместе с тем стало фактом и высвобождение личности из-под общинной опеки, иными словами — торжество индивидуализма.

Показательна засвидетельствованная уже для середины VIII в. до н. э. свобода человека распоряжаться своим личным достоянием, в частности и земельным наделом. Мы имеем в виду известный эпизод с переселявшимся в Сицилию в составе колонистов, которым предстояло основать Сиракузы, коринфянином Эфиопом. По свидетельству Архилоха, сохраненному Афинеем, он во время плавания из-за крайнего чревоугодия «продал своему сотоварищу по застолью за медовую лепешку клер (ἀλέβοτο τὸν κλήρον), который ему предстояло получить в Сиракузах» (Athen., IV, 63, p. 167d).¹¹

А для чуть более позднего времени, для рубежа VIII–VII вв., мы располагаем уже совершенно аутентичными современными свидетельствами о практически неограниченном праве человека распоряжаться своим достоянием, о свободной купле-продаже земельных владений даже в самых консервативных аграрных областях, вроде Беотии, где общинные начала должны были сохраняться долее всего. Эти свидетельства доставляет нам беотийский поэт Гесиод, который подтверждает и право свободного раздела сыновьями унаследованного от отца имения:

Мы уж участок с тобой поделили (κλήρον ἔδασσάμεθ')¹², —

и куплю-продажу наследственных земельных наделов:

Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку. . . .

Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,

Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие

(ὄφρ' ἄλλων ὠνῆ κλήρον, μὴ τὸν τεὸν ἄλλος)

(Op. et dies, 37 и 336, 340–341,
пер. В. В. Вересаева).

Но люди не только стали свободно распоряжаться своим состояни-

¹¹Разбору этого сюжета посвящен специальный этюд Д. Ашер: *Asheri D. Il caso di Aithiops: regola o eccezione?* // PP. Vol. 29. 1974. P. 232–236. Для оценки ср. также: Яценко В. П. Архаическая Греция. С. 133–134.

¹²Эти слова, как и последующие поучения, адресуются Гесиодом его брату Персу.

ем — они становились в полном смысле слова хозяевами своей судьбы. Чего стоит следующее горделивое заявление того же Архилоха, поэта с Пароса, ведшего жизнь свободного авантюриста (середина VII в. до н. э.):

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же —
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье.

(fr. 2 Diehl³, пер. В. В. Вересаева).

Или его же откровенное признание, бросавшее вызов всему традиционному аристократическому кодексу чести:

Носит теперь горделиво саяец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

(fr. 6 Diehl³).

Эта осознанная индивидуалистическая установка, это восприятие своего «я» как всеопределяющего жизненного начала, а своего достоинства, унаследованного от предков или вновь приобретенного, равно как и любого дела рук своих, как естественного приложения к этому «я», находит свое дальнейшее выражение и в сфере творчества, а именно в утверждении художником своего авторства. Так, в литературных произведениях, явившихся после эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи», писатели все чаще заявляют о своем авторстве, либо прямо, как это сделано в конце гомеровского гимна «К Аполлону Делосскому» (стихи 165 слл.), в начале гесиодовской «Теогонии» (стихи 22 слл.), в первых строках гекатеевских «Генеалогий» (fr. 332 Mueller), либо опосредованно, через обличение других в действительном или мнимом плагиате.¹³ Мы уже не говорим о том, что личность автора вообще становится центральным персонажем явившейся на смену эпосу лирической поэзии. Равным образом и в изобразительном искусстве утверждающееся индивидуалистическое начало обнаруживает себя в характерных заявлениях, которыми мастера свидетельствуют свою работу, например на расписных вазах: «Аристонф сделал» (Ἀριστόνοφος ἐποίησεν, на аргосском кратере 1-й половины VII в.), «Харес меня расписал» (Χαρῆς μὲ ἔγραψε, на коринфской пиксиде 2-й половины VII в.), «Эрготим меня сделал, Клитий меня расписал» (Ἐργότιμος μ' ἐποίησεν, Κλιτίας μ'

¹³Ср.: Зайцев А. И. Культурный переворот... С. 155–156.

ἔϋραφσεν, на афинском кратере — так называемой вазе Франсуа — 2-й четверти VI в.) и др.¹⁴

Разумеется, при оценке этих фактов не следует упускать из виду исторической перспективы в развитии именно древнегреческого общества. Довольно скоро, в рамках все того же архаического времени, охарактеризованные крайние проявления индивидуализма как в делах собственности, так и в иных общественных отношениях будут погашены или, во всяком случае, поставлены под контроль формирующейся гражданской общиной, полисом. Раньше всего личная инициатива и личная собственность будут закованы в жесткие оковы гражданского порядка в Спарте. Но и в других греческих общинах в пору формирования полисного строя будут введены различные ограничения личного начала, например, в делах собственности — запреты на приобретение гражданами земли сверх определенной нормы (закон Солона в Афинах) или, наоборот, на отчуждение, на продажу или даже заклад своей собственности и прежде всего своих первоначальных земельных наделов (см.: Aristot. Pol., II, 4, 4, p. 1266 b 14–24; VI, 2, 5, p. 1319 a 6–14). Однако, повторяем, эти законодательные нормы явятся уже выражением регулирующего полисного принципа, а до утверждения этого принципа разложение патриархального общинного строя было отмечено ростом индивидуалистических тенденций, что в конечном счете являлось всего лишь отражением возросшей жизнеспособности индивидуального хозяйства и самой личности — явления в ту пору, безусловно, прогрессивного.

Далее, в тесной связи с утверждением жизнеспособного парцеллярного хозяйства, существующего в условиях частной собственности, началось стремительное развитие частновладельческого рабства, причем не только в сфере домашнего хозяйства, но и в непосредственном производстве, а главное — за счет захваченных или вывезенных из-за рубежа чужеземцев-варваров. По преданию, первыми в широких масштабах стали пользоваться покупными рабами-варварами для различных работ, в том числе, по-видимому, и для земледельческих, греки на Хиосе, что было естественным в условиях быстрого экономического роста ионийских центров. Античная традиция выразительно подчеркивает отличительные черты того нового типа рабовладения — рабства не покоренных войною эллинов, а купленных за деньги варваров, и, добавили бы мы, не общинного, а вполне частновладельческого, — который впервые явился у ионийцев-хиосцев в качестве альтернативы более примитивному типу, утвердившемуся в свое время у завоевателей-дорийцев. «Хиосцы, — свидетельствует историк Феопомп, —

¹⁴Подробнее см.: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 89–90, 104 слл. Для общей оценки ср. также: *Bengtson H.* GG⁴. S. 69–71.

первыми из эллинов после фессалийцев и лакедемонян стали использовать рабов, приобретали же они их не тем же самым способом, что и те. Ведь лакедемоняне и фессалийцы окажутся поработившими эллинов из числа тех, кто ранее населял находящуюся ныне в их владении землю: первые поработили ахейцев, фессалийцы же — перребов и магнетов, и одни называли поработенных илотами, другие же — пенестами. Хиосцы же владеют рабами варварского происхождения, платя за них деньги» (Theopomp, ap. Athen., VI, 88, p. 265 b-c = FgrHist 115 F 122 a, перевод В. Г. Боруховича; ср.: Posidon. et Nic. Damasc. ap. Athen., VI, 91, p. 266 e-f = FgrHist 87 F 38 et 90 F 95).¹⁵

Нельзя не видеть в этих фактах начавшегося обращения греков на античный путь развития: индивидуализация экономического и социального быта, сопряженная с утверждением жизнеспособного парцеллярного хозяйства, открывала перспективу перехода от аристократических порядков к демократии, а использование покупных рабов-чужеземцев делало возможным реализацию этой перспективы форсированным способом, за чужой счет, за счет варварской периферии. Однако реализация этих возможностей оказалась делом не сиюминутным. На первых порах, как это не раз бывало в истории, экономический прогресс обернулся для греческого народа и некоторыми теневыми сторонами, осложнениями и трудностями, преодоление которых потребовало большого напряжения сил.

И прежде всего наступившие перемены до основания потрясли главную ячейку древнего общества — сельскую общину. В самом деле, интенсификация земледельческого хозяйства, все большая его ориентация на городской рынок и, после изобретения денег, все большие возможности накопления и обогащения, открывшиеся для крупных или крепких хозяев, имели своим ближайшим следствием усиление того слоя в общине, который по традиции оставался главным владельцем земли, — родовой знати. Напротив, значительная часть рядовых общинников, крестьян, поскольку она не могла выбиться в крепкие хозяева, беднела и разорялась, входила в долги и, ввиду отсутствия в тот период гарантий личной свободы, попадала в долговую кабалу, превращаясь в рабов-должников. Уже Гесиод, беотийский поэт рубежа VIII–VII вв. до н. э. сам бывший зажиточным землевладельцем, страшится тех опасностей, которые угрожают крестьянскому хозяйству, и противопоставляет им не только вечную панацею от всех зол — усиленный труд, но и такие, например, ухищрения, как ограничение

¹⁵См. далее: Шишова И. А. Рабство на Хиосе // Каллистов Д. П., Нейхардт А. А. Шифман И. Ш. Шишова И. А. Рабство на периферии античного мира. Л. 1968. С. 149–192. О развитии рабства в Греции в архаическую эпоху см. также: Starr Ch. G. The Economic and Social Growth. . P. 90–92, где, однако, роль и значение этого феномена сильно принижены.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

(ст. 25–26).

Основу — и притом здоровую основу — успеха на хозяйственном и вообще жизненном поприще поэт видит прежде всего в неустанном труде; с ним он связывает надежды на материальный достаток и соответствующее почетное положение в обществе:

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, — чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца...
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься — скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с
почетом...

Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу, —
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.

(ст. 298–302. 308–313. 317–319).

Вместе с тем поэт прекрасно понимает, что труд, чтобы быть успешным, должен быть рационально организован, и вот этой теме — рациональному ведению земледельческого хозяйства — он и посвящает вторую и большую, конкретно-паренетическую часть своего сочинения (ст. 293 сл.). Здесь не только обосновываются необходимость и значение труда, — выше мы только что привели подборку наиболее характерных отрывков из этого раздела (ст. 298–380), — но и методично преподносятся советы о том, как следует осуществлять конкретные виды сельскохозяйственных работ, связанных с двумя важнейшими отраслями — хлебопашеством и виноградарством (ст. 383–608 и 609–617), а затем, как реализовывать полученную сельскохозяйственную продукцию с помощью морских перевозок для последующей продажи на рынке (ст. 618–694). Напоследок приводятся различные житейские советы (ст. 695–764) и календарь дней, более всего пригодных для занятия тем или иным делом (ст. 765–825).

В излагаемой Гесиодом программе целесообразного хозяйствования показательны наличие таких моментов, которые выдают не про-

сто рациональный зачин, характерный для архаического времени, когда стремительно свершался переход от мифа к логосу, но именно сознательную установку на ведение хозяйства с должным размахом, с использованием чужого труда и прибыльной реализацией продукции на рынке, ради обогащения. И прежде всего показательно естественное допущение Гесиодом использования зажиточным и расчетливым хозяином чужого труда, а именно в двух, по всей видимости, формах: труда наемных работников, батраков-фетов, и труда рабов. Отвлекаясь сейчас от сложного и трудного вопроса о соотношении этих форм — вопроса, разрешение которого упирается, в частности, в правильное определение категории работников, скрывающихся за терминами $\delta\iota\omega\varsigma$ и $\delta\mu\omega\varsigma$, — отметим самый факт привлечения идеальным земледельцем Гесиода дополнительной рабочей силы, без чего и не мыслится нормальное ведение хозяйства.

С соответствующими упоминаниями в поэме мы сталкиваемся достаточно часто. Так, на пашне с плужными быками должны работать женщина, «покупная, а не жена», т. е. определенно рабыня ($\gamma\upsilon\nu\eta$ <...> $\chi\tau\eta\tau\eta$, $\omicron\upsilon$ $\gamma\alpha\mu\epsilon\tau\eta$, ст. 405–406), и сорокалетний крепкий работник, чье положение ближе не определяется (441). В другом месте говорится о том, что за работу на пашне своевременно должны приниматься все — и работники, и сам хозяин ($\delta\mu\omega\acute{\epsilon}\varsigma$ $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$, 459), а несколько ниже упоминается о помогающем при посеве мальчике-работнике ($\tau\upsilon\theta\tau\omicron\varsigma$ <...> $\delta\mu\omega\varsigma$, 469–470). Работники ($\delta\mu\omega\acute{\epsilon}\varsigma$) упоминаются и далее, при описании дел, связанных с хлебопашеством: в общей форме (502), на жатве (573), на молотье (597), на отдыхе после работ (608). Для времени по окончании главных сезонных работ рекомендуется обзавестись бездомным батраком-фетом и бездетной, также, по-видимому, наемной работницей ($\theta\eta\tau\alpha$ τ' $\alpha\omicron\iota\mu\omicron\nu$ $\rho\omicron\iota\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\tau\epsilon\chi\nu\omicron\nu$ $\epsilon\pi\iota\theta\omicron\nu$ $\delta\iota\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, 602–603). В общей форме работники — «домочадцы» ($\delta\mu\omega\acute{\epsilon}\varsigma$) упоминаются и в начале росписи дней, пригодных для разных работ (766).

Заметим, что неясность контекста, где у Гесиода упоминаются работники — $\delta\mu\omega\acute{\epsilon}\varsigma$, не позволяет безоговорочно рассматривать их, подобно аналогичной категории у Гомера, как рабов. Тем не менее, очевидно, что в хозяйстве милого сердцу Гесиода крепкого хозяина работали не только батраки, но и рабы, а главное, что штат всех этих дополнительно привлекаемых работников был достаточно велик.¹⁷

Таким образом, можно думать, что осуществлявшееся с использованием чужого труда идеальное земледельческое хозяйство Гесиода было достаточно крупным и что производило оно не только минимум необходимого для жизни, но и какую-то избыточную продукцию. Вто-

¹⁷ Об использовании чужого, в частности рабского, труда в идеальном хозяйстве Гесиода ср. также: *Ленцман Я. А.* Послегомеровский эпос... С. 61–67.

рым важным моментом, помимо привлечения дополнительной рабочей силы, и была широко уже практиковавшаяся реализация по крайней мере части произведенной продукции на рынке, по всей видимости в каком-либо городе, куда товар доставлялся морским путем. Об этом свидетельствуют достаточно подробные рекомендации о том, как надо совершать морские перевозки (а что они в принципе необходимы — это предполагается само собой разумеющимся, см. ст. 618–694). Подробно разъясняется, как следует содержать свой корабль (ναῦς), под которым, скорее всего, надо понимать небольшую парусную барку, как выбрать время для плавания, а главное, как лучше всего загрузить корабль ценным грузом (φόρτος, φορτία, φορτίζεσθαι), чтобы воротиться домой с наибольшей выгодой, с барышом (χέρδος) (см., в частности, ст. 631–634, 643–645, 671–673, 689–691).¹⁸

Заявленный, таким образом, интерес к барышу заставляет нас еще раз вернуться к вопросу о главной жизненной установке Гесиода. Очевидно, что ее надо видеть в стремлении к материальному преуспеянию, в стремлении к богатству. Чтобы не загружать наше изложение пересказом соответствующих рассыпанных в поэме признаний (а их предостаточно), ограничимся приведением двух характерных примеров — двух заявлений, одно из которых открывает, а другое заключает главный корпус практических советов Гесиода. Начальное обращение гласит:

Если к богатству (πλούτου) в груди твоей сердце стремится,
то делай,

Как говорю я, свершая работу одну за другою.

(ст. 381–382).

И та же, по сути, мысль выражена в заключении:

Тот меж людьми и блажен и богат (εὐδαίμων τε καὶ ὄλιβιος),
кто, все это усвоив,

Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

(ст. 826–828).¹⁹

Завершая обзор главных экономических идей или представлений Гесиода, подчеркнем, что его поэма «Труды и дни» вводит нас прямо

¹⁸О товарности гесиодовского хозяйства ср. также: *Ленцман Я. А.* О возникновении товарного производства. С. 59–62.

¹⁹Об ориентации на прибыль и стремлении к богатству ср. также: *Starr Ch. G.* A History of the Ancient World. P. 222.

и непосредственно в хозяйственную деятельность людей архаической эпохи. Мир этих людей рисуется охваченным яростной конкуренцией, суровой борьбой за выживание, полярными следствиями которой были обогащение одних и обеднение и обнищание других. Успех первых поэт склонен объяснять их трудолюбием и рассудительностью, неудачу вторых — соответственно ленью и недалковидностью.

Такая интерпретация, не учитывающая сложного сплетения объективных факторов, действующих в массе своей, в условиях частной собственности и товарного производства, против мелкого хозяина, страдает очевидной субъективностью и односторонностью, но она показательна для жизненной установки Гесиода, который сам был зажиточным земледельцем и стремился сохранить и приумножить свое состояние. Для него именно характерно полярное отношение: отвращение к бедности, с недвусмысленным осуждением тех, кто обеднел, и влечение к богатству, со столь же осознанным и открытым отождествлением материального преуспевания и счастья. Что может лучше подтвердить разложение традиционных общинных принципов и форм жизни, чем эти характерные, заявленные в поэме Гесиода со всею откровенностью, установки: признание закономерности и как бы естественности идущей среди людей конкурентной борьбы, которая сопровождается обогащением одних и обнищанием других, убеждение в решающем значении в этой жизненной борьбе за личной, исполненной надлежащей энергии и рационализма, инициативой, провозглашение не только материального, но и социального и даже этического превосходства богатства над бедностью.

Вообще характерной чертой времени была растущая имущественная дифференциация, углубляющаяся поляризация собственности. Темы богатства и бедности являются одними из заглавных в архаической поэзии, нашем главном литературном первоисточнике. Стремление людей к наживе, вечный страх перед разорением и нищетой, способы обогащения, необходимость соблюдения разумной, справедливой меры в делах собственности — все эти сюжеты социальной действительности на разные лады обсуждаются различными поэтами, крестьянином Гесиодом и родовитыми аристократами Алкеем и Феогнидом, авантюристом Архилохом и исполненным уравновешенной мудрости Солоном. О воззрениях Гесиода было сказано уже достаточно. Разве что следовало бы упомянуть еще одну его сентенцию, в которой признание общего стремления к богатству сопровождается характерной оговоркой относительно безрассудства чрезмерного влечения, оговоркой, выдающей ориентацию также и Гесиода, при всем его индивидуализме, на некую норму, диктуемую этикой складывающегося гражданского общества. Порицая стремление иных людей совершать

плавания ради прибыли даже весной, в не установившуюся еще погоду, поэт замечает:

Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
Ныне богатство для смертных самою душою их стало
(*χρήματα γὰρ ψυχή πέλεται δειλοῖσι βροτοῖσιν*).

(ст. 684–686).

Нашедшая, таким образом, известное отражение уже у Гесиода, эта тема меры достигает своего полного развития в архаической поэзии на рубеже VII–VI вв., когда формирование гражданского общества, полиса, с его принципами социальной справедливости и законности, вступает в решающую фазу. Подтверждения можно найти в особенности в произведениях Солона, а затем также и Феогнида.

Но тема меры — тема, так сказать, вторичная, определяемая корректирующим воздействием полисной этики на исконное влечение людей к богатству. А первоначальным заглавным мотивом было именно самое это влечение, воспринимаемое как естественное и вечное, равно как и убеждение в определяющем значении богатства для общественного положения человека. Отголоски этих распространенных мнений мы обнаруживаем и у названных только что представителей высокой, проникнутой гражданскими мотивами лирики Солона и Феогнида. Вот элегия Солона, условно именуемая «К самому себе» (fr. 1 Diehl³).²⁰ Афинский поэт отмечает всеобщность влечения к богатству:

Если иной небогат и томится от бедности тяжкой,
Все же мечтает всегда деньги большие (*χρήματα πολλά*)
иметь.

Ищут по-разному все: тог по рыбообильному морю
Плавает на кораблях, думая в дом привезти
Прибыль (*χέρδος*); он носится всюду, ветрами по свету
гонимый,

И не жалеет ничуть собственной жизни нигде;
Этот батрачит год за год, взрывая садовую землю;
Будет иному удел — плугом работать кривым;
Тот же искусство Афины и мастера, бога Гефеста,
Тонко усвоив, рукой хлеб добывает себе.

(ст. 41 слл., пер. С. И. Радецига).

²⁰О мотивах поэтического творчества Солона ср. также: *Новосадский Н. И.* Лирика // История греческой литературы. Т. I. М.; Л., 1946. С. 197–202; *Ziegler H.* Solon als Mensch und Dichter // NJb. Bd XXV 1922. H. 1. S. 193–205; *Reinhardt K.* Solons Elegie εις εαυτόν // RhM. Bd 71. 1916. S. 128–135; *Christes J.* Solons Musenelegie // Hermes. Bd 114. 1986. H. 1. S. 1–19.

При этом Солон подчеркивает ненасытность свойственной людям страсти к обогащению:

Ясных пределов нигде не положено людям в наживе
(πλούτου δ' οὐδὲν τέρμα πεφασμένον ἀνδράσι χεῖται).

Кто между нами сейчас разбогател больше всех,
Вдвое еще тот стремится. И кто же насытить всех мог бы?

(ст. 71–73).

Поэт признает, что и сам он охвачен желанием разбогатеть, но только честным путем, на чем и делается в элегии особенный акцент:

Также стремлюсь и богатство (χρήματα) иметь, но владеть
им нечестно

Я не хочу: наконец Правда (δίκη) ведь все же придет.

Ежели боги богатство (πλοῦτον) дадут, оно прочным бывает

От глубочайших корней вплоть до вершины самой.

Если же дерзостью (ὑφ' ὕβριος) люди берут, не по чести приходит,

Несправедливым делам будет служить и тогда

Против желания. Но быстро приходит беда роковая.

(ст. 7 сл.).

В том же духе высказывался веком позже мегарский поэт Феогнид, в элегиях которого темы бедности и богатства представлены столь же, если даже не более, выпукло, как и у Солона.²¹ Феогнид признает достойным благородного человека лишь один способ обогащения — тот, что согласуется со справедливостью, и он даже заявляет, что честная бедность предпочтительнее дурно нажитого богатства (ср.: ст. 29–30, 145–158, 197–208 Diehl³). Вместе с тем он сетует, что на практике несправедливый и бесчестный чаще обретает богатство, а удел справедливого — бедность (743–752). Сам он, лишившись во время смут на родине своих наследственных владений (ср.: 345–350, 667–670, 1197–1202), более всего страшится бедности (173–182, 351–354, 649–652) и мечтает на старости обладать хотя бы скромным достатком, чтобы, помимо немощи, не испытывать других мук (1155–1156). И он, разумеется, хорошо представляет себе могущество богатства, способного и приукрасить и облагородить кого угодно:

²¹О Феогниде ср.: Новосадский Н. И. Лирика. С. 202–207; Доватур А. И. 1) Феогнид Мегарский // ВДИ. 1970. № 2. С. 41–59; 2) Феогнид и Мегары // ВДИ. 1971. № 3. С. 38–46; 3) Аргирида (Феогнид, 1211–1216) // Античность и современность / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова, Т. И. Кузнецовой. М., 1972. С. 223–229.

Всех ты божеств, о Богатство, желаннее, всех ты прекрасней!
Как бы кто ни был дурен, будет с тобою хорош.

(ст. 1117–1118,
пер. В. В. Вересаева).

Но, быть может, самым точным образом выразил всеобщее убеждение во всемогуществе богатства, в прямой зависимости социального значения человека от его имущественного состояния лесбосский поэт Алкей, живший, как и Солон, на рубеже VII–VI вв. Алкей повторяет суждение, высказанное будто бы легендарным царем Спарты Аристодемом, но, на самом деле, отражающее дух современной поэту эпохи:

Помнят в Спарте Аристодема

Крылатое слово: в силе слово то.

Царь сказал: «Человек — богатство (χρήματ' ἀντήρ)».

Нет бедному славы, чести нищему.

(Alcaeus, fr. 360 Lobel—Page,
пер. Вяч. Иванова).

Надо, однако, заметить, что богатство чаще было спутником знатности; характерное обязательное сочетание этих двух моментов и определяло высокое положение аристократии в архаическом обществе (ср. указания Аристотеля на принцип замещения должностей в досолоновских Афинах — по благородству происхождения и по богатству, ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην, Aristot. Ath. pol., 3, 1 и 6). Разумеется, и аристократы могли беднеть, и простолюдины становиться богатыми. Однако разорение знатного человека не означало для него полной и, во всяком случае, немедленной социальной гибели: у него оставались важные родовые связи, традиционный престиж, возможность, наконец, поправить свои дела, женившись на богатой простолюдинке (ср. по этому поводу: Theogn., 183–196 Diehl³). Между тем состоятельность, обретенная человеком из народа, в условиях традиционного господства аристократии не повышала существенным образом его социально-политического статуса, тогда как обеднение и обнищание буквально бросали его на самое дно, ибо это было сопряжено для него с утратою даже тех небольших прав, которые знать еще оставляла на долю народа, а нередко, в случае большой задолженности и невозможности выплатить долг, — с утратою самой свободы.

Замечательным подтверждением массового обнищания и закабаления простого народа в архаической Греции может служить афинский материал, и прежде всего те данные, которые могут быть извлечены

из показаний такого важного современного свидетеля, каким был Солон. А он определенно ставил себе в заслугу избавление родной страны от двух страшных бед — от задолженности, метками которой были усеявшие поля аттических земледельцев закладные столбы (*δροι*), и от внутреннего, очевидно, кабального рабства (см.: Sol., fr. 24, 1–15 Diehl³).

Позднее Аристотель следующим образом — кратко, но четко — охарактеризовал состояние афинского общества на рубеже VII–VI вв. до н. э., накануне выступления Солона: «Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелатами (*πελάται*, что буквально означает «соседи», но здесь, по-видимому, также и «батраки». — Э. Ф.) и шестидольниками (*ἑκτῆμοροι*), потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона... Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был также недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (Aristot. Ath. pol., 2, 2, пер. С. И. Радцига).²²

Недовольство массы общинников социальными тяготами, которые время обрушило на их головы, находило естественное выражение в неприязни к тем, кто на первых порах оказался в выигрыше, — к землевладельческой аристократии. Последняя, сильная экономически, обладала и вовсе подавляющим превосходством в сфере политической. В начале архаической эпохи — в основном, по-видимому, еще в VIII в. до н. э. — знать почти повсеместно ликвидировала патриархальную царскую власть, тяготившую ее своею опекою и страшившую возмож-

²²О характере социально-экономических отношений в Афинах накануне выступления Солона и, в частности, о положении аттического крестьянства и сущности, недостаточно определенной, таких его категорий, как пелаты и шестидольники-гектеморы (крепостные? арендаторы? батраки?), подробнее см. также: Колобова К. М. 1) Издольщина в Аттике // ПИДО. 1934. № 11–12. С. 5–18; 2) Революция Солона // Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. 1939. С. 25 слл.; Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958. С. 114–117; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. С. 158 слл. (гл. III — «Некоторые основные черты экономики и социальных отношений в Аттике VI в. до н. э.»); Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 187–191 (оба последних с чрезмерным, на наш взгляд, гиперкритицизмом и недоверием в отношении к позднейшей традиции, т. е. в первую очередь к Аристотелю); Bengtson H. GG⁴, S. 119–120; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 90–92; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. P. 181–184.

ностями союза с сельским демосом и превращением в тиранию (как именно и случилось с Фидоном Аргосским).²³

К власти приходят аристократические кланы — на первых порах, как правило, те, которые прежде поставляли царей, а затем, по их устранении, гордились своим происхождением от них. Так, в Афинах стал править царский род Кодридов (Медонтидов), в Коринфе — также ведшие свое происхождение от царей Бакхиады, в фессалийской Лариссе — Алевады, в Митилене на Лесбосе — Пенфилиды, на Хиосе, в Эрифрах и в Эфесе — Басилиды, в Милете — Нелеиды и проч.

Отняв у царей высшую власть, знать вручала ее отныне избраным из своей среды на известный срок должностным лицам — одному (притан в Коринфе) или нескольким, которые, таким образом, делили между собою прерогативы ранее единой исполнительной власти (коллегия архонтов в Афинах). Из этого же круга лиц — на практике из отслуживших свой срок высших магистратов — комплектовался и государственный совет, значение которого непрерывно возрастало, причем в той именно степени, в какой падало значение народного собрания.²⁴

Материальной основой господствующего положения аристократии было прежде всего наследственное крупное землевладение. Недаром, например, на Самосе господствующее аристократическое сословие так и называлось — «геоморы», буквально «обладающие долей земли» (Thuc., VIII, 21; Plut. Aet. Gr., 57, p. 303 e — 304 c). Обладая материальным достатком, позволявшим содержать боевых коней, аристократы поставляли главную воинскую силу архаического времени — конницу. Соответственно понятие «всадники» (ἵπκεις, ἵπκροῦται) также нередко использовалось для обозначения правящего аристократического сословия. Это засвидетельствовано Аристотелем, который выразительно подчеркивает связь первенствующей роли конницы в архаические времена с господствующим положением аристократии, причем подчеркивает это не только в общей форме, но и специально для Эретрии и Халкиды на Эвбее, для Магнесии-на-Меандре и других греческих общин в Малой Азии (Aristot. Pol., IV, 3, 2, p. 1289 b 36–40; V, 10, 10, p. 1297 b 16 слл.; ср. также: для Эретрии — *ibid.*, V, 5, 10, p. 1306 a 35–36; для Халкиды — Her., V, 77; VI, 100; Aristot. ap. Strab., X, 1, 8, p. 447

²³Об исторических судьбах царской власти героического типа см. также: *Glutz G. La cité grecque.* Paris, 1928. P. 70–73; *Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings // Historia.* Bd X. 1961. P. 129–138; *Bengtson H. GG⁴ S. 65–66; Jeffery L. H. Archaic Greece.* P. 39–40.

²⁴О господстве аристократии подробнее см.: *Glutz G. La cité grecque.* P. 73 ss.; *Ehrenberg V Der Staat der Griechen.* Tl. I. Leipzig, 1957 S. 14–17; *Bengtson H. GG⁴ S. 65–66, 107 ff.; Jeffery L. H. Archaic Greece.* P. 40–42 (а, кроме того, см. по индексу для отдельных общин); *Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society.* London, 1977. P. 39 ff.

= fr. 603 Rose³; для Колофона — Strab., XIV 1, 28, p. 643).²⁵

Осознание знатью своего высшего привилегированного положения в архаическом обществе нашло яркое выражение в соответствующей, разработанной в русле аристократических традиций гомеровского эпоса, этико-социальной терминологии, образцы которой в изобилии рассыпаны в античной литературной традиции, и в первую очередь в лирической поэзии, творцами которой нередко были выходцы из той же аристократической среды. Представители высшего сословия величаются здесь людьми благородными (γενναῖοι, εὐγενεῖς, εὐπατρίδα), лучшими (ἀγαθοί, ἄριστοι, βέλτιστοι), достойными (ἐσθλοί), тогда как простолюдины, наоборот, — дурными (κακοί), низкими (δειλοί), подлыми (πονηροί). И это величание не было пустым звуком — оно отражало вполне реальную жизненную ситуацию. Сосредоточив всю полноту административной и судебной власти в своих руках, превратив общинные органы управления — совет старейшин и народное собрание — в орудия своего исключительного господства, оперев это господство, как на своего рода фундамент, на традиционное свое лидерство в исконных родо-племенных подразделениях, система которых, в виде цепи род — фратрия — фила, продолжала оставаться единственной формой организации общества, землевладельческая аристократия вела дело к созданию настоящего кастового государства, где народной массе была уготована самая жалкая роль.

Народ, естественно, остро реагировал на происходящее. Уже Гесиод — мы имеем в виду все ту же его поэму «Труды и дни» — воспринимал современную ему действительность как сугубое воплощение социальной несправедливости. Идеализируя далекое прошлое и сетуя на зло настоящего, он изображал развитие человечества как непрерывную социальную деградацию — от блаженного золотого века к все более ущербным векам серебряному, медному, героическому, пока, наконец, в современном ему поколении железного века кумуляция зла не достигла своего апогея:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.

²⁵ О военной аристократии всадников см. также: *Alföldi A. Die Herrschaft der Reiterei in Griechenland und Rom nach dem Sturz der Könige // Gestalt und Geschichte. Festschrift für K. Scheffold (Antike Kunst, Beiheft 4). Bern, 1967. S. 13 ff.; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 67–68; Arnheim M. T. W. Aristocracy... P. 54.*

Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

(Op. et dies, 174 сл.).

Это потрясающее по силе общее описание подкрепляется целым рядом более конкретных сетований на засилие знати. Самоуправство «царей-дароядцев» (βασιλῆες δωροφάγοι, ст. 38–39, 263–264) поэт иллюстрирует красноречивой притчей, где ястреб, схвативший соловья, поучает свою жертву:

Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!

(ibid., 207–211).

Однако Гесиод не ограничивается сетованием на нарушение сильными людьми социального порядка. Он предупреждает о божественном возмездии, о тех бедствиях, которые вездесущие и всевидящие боги посылают людям за проступки их правителей:

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.
Беды великие сводит им с неба владыка Кронион, —
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы...

(ст. 240–243).

И ниже еще раз, с прямым указанием на виновников этих бедствий, не чтущих правды царей:

. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде

(ст. 260–264).

Разумеется, реакция народа не ограничивалась сетованиями и предупреждениями. Рано или поздно наставал момент, когда долго накапливавшееся недовольство выплескивалось в более или менее стихийное выступление. При этом нередко было достаточно какого-либо внешнего толчка, чтобы всколыхнуть все общество. Так, в Афинах попытка захватить тираническую власть, предпринятая в 30-е годы VII в. до н. э. аристократом-олимпиоником Килоном (см.: Her. V, 70–71; Thuc. I, 126; Plut. Sol., 12),²⁶ хотя и окончилась неудачей, тем не менее имела большой политический резонанс. Показав отсутствие единства в правящем сословии, шаткость традиционного порядка, она развязала политическую активность народной массы. «После этого,²⁷ — свидетельствует Аристотель, — в течение долгого времени происходили раздоры (συνέβη στασιάσαι) между знатью и народом» (Ath. pol., 2,1).

И ниже, характеризуя обстановку в Афинах накануне выступления Солона, Аристотель еще раз указывает на засилие знати, недовольство народа и естественный результат всего этого — социальную смуту: «Ввиду того, что существовал такой государственный порядок и большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал (ἀντέστη) против знатных. Смута была сильная (ισχυράς δὲ τῆς στάσεως οὖσης), и долгое время одни боролись против других. . . » (ibid., 5, 1–2). Надо обладать поистине безграничным недоверием к античной традиции, чтобы, как это делается теперь некоторыми историками, игнорировать эти свидетельства, подкрепленные массой других данных, и отрицать накал социальной борьбы и революционный характер всей ситуации века архаики. Такую именно позицию занимает В. П. Яйленко, автор общего очерка архаической эпохи, опубликованного в составе новейшего коллективного труда о Древней Греции.²⁸ Мы признаем за каждым право высказывать свое мнение, сколь бы парадоксальным

²⁶ См. также: Радциг С. И. Килонова смута в Афинах (эпизод из истории родовых отношений в Аттике) // ВДИ. 1964. № 3. С. 3–14; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I. S. 41–42; II. S. 539–540.

²⁷ Собственно после суда над теми, кто был виновником в кощунстве, т. е. в расправе над отдавшимися под покровительство богов сторонниками Килона, с чего именно и начинается сохранившийся текст «Афинской политики» (гл. 1). Суд этот позднейшая традиция связывала с началом политической деятельности Солона, т. е. относила — по-видимому, справедливо — к рубежу VII–VI вв. до н. э. (см.: Plut. Sol. 12). Однако ничто не мешает видеть в упоминании Аристотеля о суде над нечестивцами завершение общего рассказа о Килоновой смуте, коль скоро все это помещается им во времена до Солона и даже до Драконта. Тогда и слова «после этого» в начале 2-й главы можно толковать как общее указание на время после заговора Килона с его ближайшими последствиями. Ср.: Бузескул В. П. Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 176–177, 295 слл.

²⁸ Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128–193.

оно ни было, однако, со своей стороны, хотели бы воспользоваться не менее естественным правом и на возражение, коль скоро такое мнение переходит черту, отделяющую парадокс от заблуждения. Вместе с тем критическое изложение взглядов Яйленко может послужить хорошей иллюстрацией тому, к каким крайностям может привести увлечение модными сейчас среди части историков трактовками античности в примитивизирующем духе.

В самом деле, гиперкритицизм в отношении к античной традиции и принципиальный отказ от интерпретации исторического развития Греции в век архаики с позиций материалистической диалектики доведены в очерке В. П. Яйленко до степени *pes plus ultra*. Автор, солидаризируясь с мнением Ч. Старра и буквально повторяя его слова, подчеркивает, что «полис формировался в очень простом обществе, в котором бедные и богатые не слишком разнились друг от друга и чувствовали себя членами одного коллектива».²⁹ Он пытается доказать, что в архаическую эпоху у греков «разница между богатством и бедностью была минимальной» и что «имущественная дифференциация на массовом уровне в это время еще отсутствовала».³⁰ И он поступает вполне последовательно, когда свое «заключение об отсутствии существенной имущественной дифференциации в архаической Греции» делает основой для вывода, что «процесс возникновения и дальнейшего становления полиса происходил в основном эволюционно».³¹

Мало того, обращаясь к анализу социальной структуры архаического общества, В. П. Яйленко и здесь делает все возможное, чтобы затушевать существо исторической жизни — противостояние демоса и знати. Вслед за другим западным ученым Ю. Герлахом он готов признать, что отличительные признаки аристократизма в архаическое время сводились к «потенциально общечеловеческим свойствам», к таким моральным категориям, как обладание доблестью и стремление к славе, за которыми не скрывалось никакой сословной подоплеки.³² Спартанскую аристократию он растворяет в тиртеевском демосе, а знатные афинские роды попросту объявляет фикцией.³³ И он не устает и здесь повторять, что в архаическом греческом полисе «не было и не могло быть серьезных различий в социальном статусе отдельных групп индивидуумов» и что будто бы нет ничего естественнее заключения «об отсутствии существенных социальных различий в геосидовском обществе и в полисе эпохи его становления».³⁴

²⁹ Там же. С. 155; ср.: *Starr Ch. G. A History of the Ancient World*. P. 209.

³⁰ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 158.

³¹ Там же. С. 159.

³² Там же. С. 162–163; ср.: *Gerlach J. Aner Agathos*: Diss. München, 1932.

³³ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 162.

³⁴ Там же. С. 161 и 162.

Конечно, В. П. Яйленко не может не видеть реалий, противоречащих его позиции. Он вынужден признать, что в архаическую эпоху греческой истории «общая бедность страны являлась широким полем для социально-политических противоречий и столкновений»;³⁵ что «в каждом полисе имелась и своя аристократия по рождению, и свои богачи, и средние по достатку слои, и беднота»;³⁶ что защищаемое им положение о простоте и единстве архаического общества не может исключить вопроса: «а как же согласовать с таким тезисом угнетение человека человеком в досолоновских Афинах?».³⁷ Но в том-то и дело, что и этот и другие подобного же рода вопросы остаются в работе Яйленко без разъяснения.

Равным образом и при рассмотрении путей формирования полиса В. П. Яйленко делает важное признание, что «возникновению и становлению полиса сопутствовало развитие существенной социальной стратификации в части греческого архаического общества» и что обусловленные этим факторы «дестабилизировали отдельные полисы, создавая коллизионные ситуации, а иногда и вооруженные конфликты».³⁸ Однако это признание сразу же сводится на нет указанием на то, что «пути предотвращения полисами кризисного состояния или преодоления уже создавшейся конфликтной ситуации были многообразны и ни в коей мере не могут быть сведены только к радикальным формам социально-политической борьбы» и что, напротив того, «в источниках преобладают эволюционные пути разрешения противоречий».³⁹ И далее, вопреки исторической правде и, в частности, преданию о неоднократно вспыхивавших смутах и возникавших тираниях, утверждается, что и в ионийских городах, и в Афинах преобладал именно эволюционный путь становления полиса.

В. П. Яйленко не отказывает себе в удовольствии поиронизировать над распространенным, в частности, и в советской историографии мнением относительно накала социальных противоречий в архаическом обществе: «Сколько было сказано и написано о разорении, обнищании народных масс и их борьбе за свои права, сколько раз Аттика рубежа VII–VI вв. выдавалась за пример ожесточенной классовой борьбы народа с аристократией.»⁴⁰ Он убежден в противном: «Исходя из анализа афинских событий, едва ли можно говорить о классах, классовой борьбе и революции. Применительно к архаической эпохе упомянутые понятия не более чем модернизаторские фикции, в лучшем случае по-

³⁵ Там же. С. 159.

³⁶ Там же. С. 161.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 173.

³⁹ Там же. С. 173–174.

⁴⁰ Там же. С. 188.

вторяющие картину IV в. до н. э. и последующих столетий, механически перенесенную Аристотелем, Плутархом и другими античными авторами на архаическую эпоху. Приведенные данные показывают, что становление полиса осуществлялось на ином, гораздо более примитивном уровне. . Этот процесс происходил повсеместно на эволюционной основе, и хотя ему были свойственны отдельные междуусобицы и крайности тирании, это не более как издержки становления полиса». ⁴¹

Нетрудно, однако, убедиться, каким способом автор добывается нужного ему впечатления — односторонним подбором и тенденциозным перетолкованием исторических фактов. Показательно в этой связи и гиперкритическое отношение к античной традиции: то, что в ней не подходит к разрабатываемой схеме, отбрасывается как позднейшее измышление. Показательна, наконец, и манипуляция с обвинением в модернизаторстве — прием, который в последнее время широко используется такими защитниками сугубого своеобразия античности и противниками ее интерпретации в духе формационного учения, как М. Финли и Ч. Старр. На наш взгляд, предложенная Яйленко концепция — дань некритическому увлечению названным модным направлением. Мы позволим себе не согласиться с этой новейшей схемой и, не смущаясь возможными обвинениями в слепом следовании за античной традицией и в модернизаторстве, вернемся к рассмотрению так называемых «издержек становления полиса», т. е. той социальной напряженности, разрешавшейся вспышками сословной борьбы, которая, по нашему глубочайшему убеждению, составляла характерную черту, если угодно — суть общественной жизни греков в век архаики.

Итак, в какой-то момент архаической смуты недовольство народа стало выливаться в открытые формы. Трудно, однако, сказать, как сложилась бы судьба сельского демоса в Древней Греции и насколько успешно сумел бы он защитить свои права перед натиском всемогущих денег, долговой кабалы и произвола знати, если бы как раз в это время не пришла ему помощь со стороны. Дело в том, что одни и те же процессы вели и к расслоению сельской общины, к обогащению знати и разорению крестьянства, и к росту города, к формированию нового сословия горожан. Последнее непрерывно пополнялось благодаря притоку в город всех тех, кто надеялся разбогатеть, приспособившись к новым условиям жизни, обратившись к новым доходным занятиям — ремеслу и торговле. Насколько этот процесс был реальностью, в какой степени являвшимся в город новым людям удавалось там обосноваться и даже выдвинуться на первый план и с какой ревностью следила за этим старая знать, обо всем этом можно судить по следующим ха-

⁴¹ Там же. С. 193.

рактерным, хотя, быть может, и несколько утрированным, сетованиям мегарского поэта-аристократа Феогнида (VI в. до н. э.):

Город наш все еще город, о Кири, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасса, как дикий олень, —
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?

(Theogn., 53–58 Diehl³, пер. В. В. Вересаева).⁴²

Homines novi заставляли считаться с собою. Выходцы из сельской местности, эти изгои, утратившие связь с общиной, становясь богатыми и почтенными горожанами, заявляли претензии на уравнивание в правах с аристократами, на доступ к политической власти. И делали они это с тем большей решительностью, что, как изгоев, знать их ни во что не ставила, тогда как сами они, по мере роста их богатства, склонны были держаться о себе все более высокого мнения. Что могло быть более естественным в этих условиях, чем блок между двумя утесненными в ту пору сословиями крестьян и горожан, которые равно были недовольны засилием знати?

Складывавшийся таким образом общий демократический фронт получал благодаря объединению сил большие шансы на победу. К тому же в его пользу действовали еще два очень важных обстоятельства. Во-первых, свершилась важная перемена в военном деле — возросла роль народного ополчения, фаланги тяжеловооруженных пехотинцев, гоплитов, без которых правящая знать с какого-то момента не могла уже более обходиться. Причина заключалась прежде всего в крайне осложнившейся политической обстановке. Ведь в ту пору, в условиях демографического взрыва и обострившейся вследствие этого борьбы за жизненное пространство, защита или тем более расширение пределов своего отечества стало делом гораздо более трудным, чем в прежние, гомеровские, патриархальные времена. При этом надо принять во внимание, что и для самих земледельцев — а они-то и составляли массу народа — полноценное участие в воинской службе стало, в сравнении с гомеровским временем, гораздо более реальным вследствие продолжающегося совершенствования и удешевления оружия. Из афинского постановления конца VI в. до н. э. о клерухах (военных колонистах) на Саламине известно, что военная экипировка, которую клерух должен был производить на свой счет, оценивалась в 30 драхм (ML, № 14,

⁴² Более подробный разбор данных Феогнида, относящихся к сфере социальных отношений, см. в работе: *Доватур А. И. Феогнид Мегарский // ВДИ. 1970. № 2. С. 41–59.*

стк. 8–10), т. е., как здесь справедливо было отмечено В. П. Яйленко, в сумму не столь уже высокую.⁴³ Это означает, что даже люди среднего достатка могли обзаводиться паноплией, т. е. полным набором как наступательного (меч, копье), так и защитного вооружения (щит, шлем, панцирь, поножи).

Соответственно изменилась роль войск и тактика построения и боя. Как в свое время, с падением царской власти и установлением корпоративного правления знати, герои-аристократы, выступавшие на колесницах, должны были уступить место отрядам всадников, так теперь эти последние были оттеснены в сторону вооруженною массою гоплитов, которые компенсировали личные недостатки в выучке и вооружении новым сомкнутым построением — фалангой. Что все это свершилось уже в первые века архаики — это бесспорно. Подтверждение тому доставляют и литературные источники, в частности великолепные описания спартанской фаланги у Тиртея (середина VII в. до н. э.),⁴⁴ и данные археологии: элементы бронзовой паноплии нового типа — шлем и панцирь — обнаружены в погребении конца VIII в. до н. э. в Аргосе,⁴⁵ а первое изображение строя фаланги доставляет вазовая живопись, в частности роспись на коринфском сосуде — энохе, или ольпе, из коллекции Киджи — середины следующего столетия.⁴⁶

В выработке и усвоении новой гоплитской техники известную роль могли сыграть отдельные заимствования с Востока, от карийцев, лидян, ассирийцев, но в целом гоплитская реформа была оригинальным творением греков. Это, между прочим, с очевидностью следует из Геродотовой истории Греко-персидских войн, где тяжелое гоплитское вооружение и правильная тактика фаланги греков выразительно противопоставляются недостаточному вооружению и нестройному действию пехоты варваров (ср., в частности, при описании Платейской битвы, *Her.*, IX, 61–63).⁴⁷

Возможно, что изобретателями нового гоплитского вооружения и нового строя фаланги были в Греции армяне. В пользу этого говорят,

⁴³ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 172.

⁴⁴ См. в особенности отрывки из военных элегий Тиртея: fr. 6–9 Diehl³ и их перевод в кн.: Латышев В. В. На досуге: переводы из древних поэтов. СПб., 1898. С. 14.

⁴⁵ Courbin P. Une tombe géométrique d'Argos // BCH. T. 81. 1957. Pt 2. P. 322–386; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 133–134, 143. Pl. 17.

⁴⁶ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 86–88, илл. на с. 90; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. P. 33. Pl. III b; Snodgrass A. Archaic Greece. P. 102. Pl. 11. — Более обстоятельный обзор данных вазовой живописи (в сопоставлении с прочими археологическими и литературными данными) см. в работе: Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx (with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus) // ABSA. Vol. 42. 1947. P. 76–138.

⁴⁷ Ср. также: Starr Ch. G. A History of the Ancient World. P. 211.

во-первых, указанные только что археологические находки, свидетельствующие о появлении в Аргосе вооружения гоплитского типа уже на исходе VIII в., а, во-вторых, согласные с ними античные предания. Так, в древнейшем из дошедших до нас оракулов Аполлона Дельфийского лучшими из мужей признавались «аргивяне, одетые в льняные панцири, подлинными стрекала войны (Ἀργεῖοι λινοθώρακες, χέντρα πτολέμοιο)».⁴⁸ Согласно традиции, сохраненной у Павсания, именно аргивяне первыми всем войском приняли на вооружение большие круглые щиты, так называемые аргосские, или арголидские (ἀσπίδες Ἀργοδικαί, Paus., II, 25, 7; VIII, 50, 1), от которых пошло и самое название нового рода тяжеловооруженной пехоты (ὀπλίται — от ὄπλον, что значит оружие вообще, но также и большой щит определенного типа). Вместе с этими щитами, по всей видимости, усвоили они и тактику сомкнутого пехотного построения, фаланги.⁴⁹

Не исключено также, что решающие шаги в этом направлении были сделаны в Аргосе в правление Фидона, который вошел в историю как крупный воитель, пытавшийся восстановить аргосский контроль над всем «наследием Темена» (т. е. над всем северным и восточным Пелопоннесом), а вместе с тем и как крупный реформатор, с именем которого, как уже указывалось, был связан целый ряд преобразований.⁵⁰ Но если даже и в самом деле честь новаторов принадлежала аргивянам, то очень скоро эта новация стала достоянием всех греков. В Спарте, во всяком случае, как это следует из Тиртея, гоплитское вооружение и тактика утвердились не позднее середины VII в. а к концу этого столетия переворот в военном деле, выразившийся в утверждении в качестве главной военной силы гоплитского ополчения, стал практически повсеместно свершившимся фактом.

Вместе с тем очевидны огромные политические последствия этой по видимости чисто военной перемены. Уже Аристотель отметил, что у эллинов в древнейший период «с ростом государств и тяжеловооруженная пехота получила большее значение, а это повлекло за собой участие в государственном управлении большего числа граждан», т. е. переход от древнейшей аристократии, олигархии всадников, к древнейшему виду демократии — гоплитской политике (см. Aristot. Pol., IV, 10, 10, p. 1297 b 16–28).⁵¹ Таким образом, в фаланге гоплитов — сплоченной массе одинаково вооруженных и равных по выучке воинов-

⁴⁸Текст оракула, известный благодаря упоминаниям у древних историков Иона Хиосского и Мнасея из Патар (соответственно FHG, II, p. 51, fr. 17, и III, p. 157, fr. 50), приводится и комментируется в кн.: Parke H. W. Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. II. Oxford, 1956, P. 1–2, № 1 (издатели относят его к раннему периоду — «до конца 1-й Священной войны», т. е. до 590 г. до н. э.).

⁴⁹Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 133–134.

⁵⁰Ibid. P. 136.

⁵¹И в других местах Аристотель подчеркивает связь между существованием по-

земледельцев — уже проглядывало лицо гражданского коллектива, полиса, хотя, разумеется, до окончательного воплощения дело дошло не сразу. Во всяком случае, прежде чем стать воплощенным полисом, гоплитской фаланге пришлось еще пережить более или менее длительный период, когда она была инструментом тирании.⁵²

Между тем наряду с переворотом в военном деле в пользу подымающейся демократии действовал и другой вспомогательный фактор, чисто уже социального порядка. Именно складывавшаяся демократия тем скорее должна была обратиться к решительным действиям, что у нее с самого начала не было недостатка в политически развитых и энергичных лидерах. В самом деле, разъедающее воздействие денежного хозяйства испытывала не только масса сельского демоса, но и верхушка греческого архаического общества (ср. сетования на силу богатства и оскудение знати, в частности и собственное, у поэтов-аристократов вроде Феогнида). Члены захиревших аристократических родов или обойденные наследством младшие сыновья знатных семей также устремлялись в город, где они задавали тон оппозиционным настроениям и выступлениям. Именно эти отпрыски младших аристократических фамилий, достаточно образованные и предприимчивые, близкие по своему положению и к старой родовой знати, и к новому сословию горожан, с общего ли согласия, по желанию ли демоса, или, наконец, по собственному побуждению, становились инициаторами проведения различных мер, имевших в виду преобразовать общественные отношения с позиций разума, в интересах новых прогрессивных групп.

Можно без труда назвать целый ряд выдающихся представителей греческой знати, чье обращение к активной политической деятельности могло быть более или менее стимулировано ущербностью их общественного положения. Здесь достаточно будет привести три-четыре примера, чья хрестоматийная известность не должна служить препятствием к их использованию. Вот древний спартанский законодатель Ликург: прежде чем обратиться к реформаторской деятельности, он недолгое время был царем, но затем должен был уступить царство своему племяннику — сыну своего старшего брата (Plut. Lyc., 1–3). Другой

литии, т. е. умеренной цензовой демократии, и наличием достаточно многочисленного гоплитского ополчения. Ср.: Pol., II, 3, 9, p. 1265 b 26–29; III, 5, 3, p. 1279 b 2–4; III, 11, 11, p. 1288 a 12–15; IV, 10, 8, p. 1297 b 1–2; VI, 4, 3, p. 1321 a 11–13.

⁵²Относительно перемен в военном деле подробнее см. также: Snodgrass A. 1) The Hoplite Reform and History // JHS. Vol. 85. 1965. P. 110–122; 2) Archaic Greece. P. 97–107, 223 (библиография); о принципиальной связи фаланги с полисом — Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. Bd XXII. 1929. H. 3. S. 240–249; Detienne M. La phalange: problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Paris; La Haye, 1968. P. 119–142. Для общей оценки ср. также: Яценко В. П. Архаическая Греция. С. 171–173; Bengtson H. GG⁴, S. 110–111, 118–119; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 41, 67–68.

пример — коринфский тиран Кипсел: будучи по материнской линии, — но только по ней одной — Бакхиадом, он поначалу в силу нечистого происхождения был обречен на прозябание (Her. V, 92). В Афинах — Солон: этот, прежде чем стать законодателем, должен был заниматься торговлей, чтобы поправить пошатнувшееся семейное состояние, хотя и принадлежал к высшей афинской знати — был отпрыском рода Кодридов (Plut. Sol. 1, 2). В тех же Афинах уже на рубеже архаики и классики замечательным примером homo novus был Фемистокл: его крайнее честолюбие, болезненное стремление к первенству, равно как и его политический радикализм, в немалой степени объяснялись ущербностью происхождения, ибо хотя по отцу он принадлежал к знатному роду Ликомидов, но считался незаконнорожденным, поскольку мать была неафинячкой, а может быть, даже и негречанкой (Plut. Them. 1; Her. Them., 1).

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о самом явлении, о том, как это, собственно, было. Что же касается его значения, то оно очевидно: присоединение к демократическому движению части знати, младшей или обедневшей, доставило этому движению развитых интеллектуально и политически лидеров, внесших в стихийно разворачивавшуюся борьбу важный рациональный момент. Присутствием этого рационального духа объясняется то, что решение первоочередных социальных проблем, как, впрочем, и завершение всего дела, было осуществлено посредством законодательной реформы — кодификации права, разумной реорганизации социально-политического строя и достаточно организованной колонизации. Оговоримся: мы не отрицаем объективный характер демократического движения в архаической Греции, поставленных тогда самой жизнью проблем. Но мы хотели бы подчеркнуть весьма рациональный, т. е. субъективно осознанный, а потому и весьма конструктивный метод их решения греками, особенно на начальной и заключительной стадиях архаической революции.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

В самом деле, начало социально-политических преобразований, давших толчок к превращению аморфного, но социально уже нездорового позднеродового общества в гражданское общество античного типа, связано в Древней Греции с исполненными разумно-волевого принципа фигурами социальных посредников и устроителей (ἀποσπυῖται), законодателей (νομοθέται) и основателей колоний (οἰχισταί). Полубогатый Ликург в Спарте, деятельность которого древние относили к началу VIII в. до н.э. позднейшие, от VII–VI вв., исторически вполне достоверные Залевк в Локрах Эпизефирских (Южная Италия), Харонд в Катане (Сицилия), Драконт и Солон в Афинах, Питтак в Митилене на Лесбосе — вот имена лишь наиболее значительных и известных из этих первых устроителей греческого мира.

Все они, как правило, несмотря на нередко приниженный, «средний» реальный свой статус (на что только и обращает внимание Аристотель, *Pol.*, IV, 9, 10, p. 1296 a 18–21), были выходцами из старинных, уходящих своими корнями в микенское время, аристократических семей, стало быть, выступали носителями древнего, отстоявшегося социального опыта и мудрости. Нередко они и сами — особенно законодатели — являлись, по общему признанию, мудрецами. Во всяком случае, замечательно, что фигуры этих древних законодателей и реформаторов являются в античной традиции окруженными ореолом мудрости. Для древних они всегда были живым воплощением опыта и знания, носителями народной мудрости (σοφία), за которыми и закрепилось по преимуществу название мудрецов (σοφοί).

Позднее систематизирующий ум греков сложил даже канон семи мудрецов, состав которого весьма примечателен. Платон относил к числу семи мудрецов Фалеса Милетского, Бианта Приенского, Питтака Митиленского, Солона из Афин, Хилона из Спарты, Клеобула Линдского и Мисона Хенейского (*Plat. Protagor.*, p. 343 a). Диоген Лаэртский указывает на те же, в общем, имена, только вместо Мисона называет коринфского тирана Периандра (*Diog. L., praef.*, 13). Иногда же в канон семи мудрецов, согласно свидетельству того же Диогена, включали и другого тирана — афинянина Писистрата (*Diog. L., I. c.*).¹ Во всяком случае, показательное присутствие в ряду важней-

¹Подробнее о формировании и составе канона семи мудрецов см.: *Barkowski. Ieben Weise // RE. 2. Reihe. Bd II. Hbbd 4. 1923. Sp. 2242–2264; Snell B. Leben und*

ших представителей развивавшейся рациональной мысли тех, кто, подобно Питтаку и Солону, одновременно прославился и на поприще государственного строительства. Наконец, замечательно и то, что почти всегда, начиная дело, эти ранние устроители припадали к старинному авторитету, ставшему в это время, благодаря своей древней мудрости, своего рода координатором всех важных начинаний, — к оракулу Аполлона в Дельфах.²

Первоочередными требованиями демоса в век архаики были сложение долгов и запрещение долговой кабалы, передел земли, установление политического равноправия и фиксация его гарантий в писаных законах. Обычно начинали с последнего — с записи законов — как дела более легкого для осуществления и вместе с тем очень важного для придания политической жизни правильного, упорядоченного характера. Первоначальная законодательная реформа, включавшая в себя как систематизацию и запись обычного права, так и проведение ряда сопряженных с этим социально-политических преобразований, и была первым шагом по рациональному устроению стихийно складывавшихся общественных (классовых) отношений, по созданию правильного государства. Нередко это было делом специально избранных в момент смуты общественных посредников — эсимнетов, наделявшихся чрезвычайными полномочиями. Сам факт возникновения в архаическую эпоху такого института социального посредничества чрезвычайно показателен. Он свидетельствует о большой роли рационального момента в архаической революции. И в самом деле, многие из этих эсимнетов оказывались важными устроителями, творцами конструктивного правопорядка и в таком качестве видными законодателями. В свою очередь, многие из законодателей выполняли функции социальных посредников, примирителей в смуте. Словом, речь идет, скорее, о двуедином явлении, где не следует слишком строго разграничивать законодательство и реформу.³

Meinungen der Sieben Weisen. 4. Aufl. München, 1971.

²Воздействие дельфийского оракула на общественную жизнь архаической и раннеклассической Греции, как и многие другие факты античной истории, в которых сами древние не сомневались, в новое время стало предметом дискуссии. Конечно, было бы прямолинейным, как это делал некогда Эрнст Курциус (см. его «Греческую историю» / Пер. с 4-го нем. изд. А. Веселовского. Т. I. М. 1880. С. 416 сл.), говорить о форменном руководстве важнейшими предприятиями греков, в частности их колонизацией, со стороны Дельф, но и чрезмерное скептическое отношение, укоренившееся в новейшей литературе по примеру Р. Пельмана (см. его «Очерк греческой истории и источниковедения» / Пер. с 4-го нем. изд. С. Князькова. СПб., 1910. С. 62; ср.: *Bengtson H. Griechische Geschichte*. 4. Aufl. München, 1969. S. 88–89, с указанием более специальных работ), едва ли до конца справедливо.

³Ср. заметки об эсимнетии в специальных словарях: *Toepffer J. Aisymnetes* (1) // RE. Bd I. 1893. Sp. 1088–1091; *Mannzmann A. Aisymnetai* // Der Kleine Pauly. Bd I. 1979. Sp. 200. — В обоих случаях отмечается, что с преобразованием полити-

Эсимнетия — важный феномен архаической революции, но ее значение не исчерпывается ее реальным содержанием. Тема эсимнетии — это своего рода пробный камень, на котором поверяется принципиальное отношение современной науки к античной традиции о событиях архаической поры, а стало быть, и к возможностям их идейной интерпретации в том духе, как это делали древние ученые, и в первую очередь Аристотель, и опиравшаяся на них классическая историография нового времени в лице, например, Р. Пёльмана или Г. Глотца. Действительно, отношение к традиции об архаической эсимнетии, а она представлена главным образом Аристотелем, различно: большая часть специалистов оценивает ее позитивно (например, Г. Глотц, В. Эренберг, Г. Берве, Л. Джеффри, в отечественной историографии — В. В. Латышев, А. И. Тюменев),⁴ но имеются и скептики, решительно отвергающие свидетельства Аристотеля, а вместе с тем и самое представление об архаическом институте социального посредничества (Ф. Гшнитцер).⁵ Это заставляет нас обратиться еще раз к теме эсимнетии и в сжатой форме рассмотреть главные ее аспекты.

Начать надо с того, что, безусловно, является реальностью. Это — самое существование эсимнетии как известного политического института, подтвержденное античной традицией, в частности и документальной, помимо Аристотеля. Действительно, существование эсимнетии как ординарной полисной магистратуры высокого ранга хорошо засвидетельствовано для классического и эллинистического времени. У ионийцев эсимнеты были высшими должностными лицами, нередко эпонимного характера. Из надписей нам известны, в частности: в Теосе — эсимнет в качестве высокого должностного лица (Ditt. Syll.³, I, № 38, после 479 г. до н. э.), в Милете — эсимнет мольпов в качестве

ческого строя в деятельности эсимнетов, как правило, связывалась и письменная фиксация обычного права. Ср. также: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. Изд. 3-е. СПб. 1897. С. 59, где, в свою очередь, указывается, что древнейшие законодатели «по роду своей деятельности могут быть названы эсимнетами». Классическим примером является, конечно, случай с Солоном, который, будучи избран архонтом и посредником в смуте, осуществил всеобъемлющую реформу и законодательство. Схожесть или идентичность положения Солона с положением эсимнета типа Питтака Митиленского подчеркивается не только В. В. Латышевым, но и другими, например Г. Бенгтсоном (см.: *Bengtson H.* GG⁴ S. 122).

⁴ *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Tl. I. Leipzig, 1957; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. München, 1967; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. New York, 1976 (во всех этих работах см. предметный указатель под соответствующим словом); *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. I³ С. 58–59; *Тюменев А. И.* Революция VII–VI вв. Афины в VI в. // История Древней Греции. Ч. I (История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева. Т. II). М., 1937. С. 174. — К этому надо добавить указанные выше (прим. 3) статьи И. Тёпффера и А. Маннцманн.

⁵ *Gschnitzer F.* Aisymneten // Lexikon der Antike. IV. Geschichte. Bd I. München, 1971. S. 93.

№ 272 и 322, содержащие списки эсимнетов молыпов за 555/4-511/0 и 313/2-260/59 гг.), на Накосе — два эсимнета в качестве эпонимных магистратов (*ibid.*, III, № 955, рубеж IV-III вв.). У дорийцев эсимнеты являются в роли дежурной части государственного совета, аналогичной афинским пританам. В таком качестве они засвидетельствованы надписями, в частности в Мегарах (*ibid.*, II, № 642, около 175/4 г.) и ее колониях, в том числе и в дочерней колонии — в основанном переселенцами из Гераклеи Понтийской Херсонесе Таврическом (JOSPE, I², № 352 и 690, где упоминается проэсимнет, т. е. председатель коллегии эсимнетов, II в. до н. э.). По-видимому, были эсимнеты и у эолийцев, в частности в малоазийской Киме, где, согласно свидетельству Аристотеля в «Кимской политике», эсимнетом назывался (высший?) магистрат (Aristot., fr. 524 Rose³).⁶

Таким образом, нет оснований сомневаться в реальности существования эсимнетии в сравнительно поздние классическую и эллинистическую эпохи. Однако в нашем распоряжении имеются данные, которые позволяют выявить элементы гораздо более древней природы этого института. Так, обнаруживается связь эсимнетии с позднемикенским-раннеархаическим временем по линии политико-религиозной. Это — два свидетельства Павсания: передаваемая им этимологическая сага об Эсимнии (τὸ Αἰσίμνιον) — гробнице героев в мегарском булеветрии, будто бы сооруженной после свержения древней царской власти при посредстве некоего Эсимна (Αἰσίμνος) (Paus., I, 43,3), и другое сохраненное им предание о древнем, еще до дорийского вторжения в Пелопоннес, культе Диониса Эсимнета в Патрах (в Ахайе) (*ibid.*, VII, 19, 6; 20, 1-2; 21, 6). Если первое свидетельство Павсания позволяет заключить о явлении эсимнетии в качестве особого политического института на смену древней царской власти на исходе микенского времени, то второе подсказывает предположение о бытовании эсимнетии в качестве высшей теократической власти в собственно микенскую эпоху (ср. ситуацию с пилосским ванакой, в котором тоже находят теократическое качество).⁷

Но можно обнаружить связь эсимнетии и с еще более глубинными временными пластами по линии религиозно-агональной. Это, прежде всего, уже использовавшиеся свидетельства надписей об эсимнетах

⁶Для правильного истолкования свидетельства Аристотеля, сохраненного в двух позднейших переложениях, ср.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.: Л., 1965. С. 269; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. I. S. 91; II, S. 571-572.

⁷О пилосском царе-ванаке см.: *Полякова Г. Ф.* Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тыс. до н.э. // *Античная Греция.* Т. I. М., 1983. С. 62-64.

мольпов в Милете. В особенности важна надпись 450/49 г. с текстом принятого корпорацией мольпов постановления, которое регулировало проведение важнейших религиозных церемоний (Ditt. Syll.³, I, № 57). Милетские мольпы (буквально — «певцы», а точнее — исполнители ритуальных песен и плясок), как считают специалисты, — институт древнейшего религиозно-атонального корня, приобретший в историческое время также и политическое значение. Сопоставление эпиграфических свидетельств об эсимнетах мольпов в Милете с упоминанием у Гомера об эсимнетах — девяти избранных народом судьях танцевальных состязаний юношей у феаков (Od., VIII, 258–260), делает весьма вероятным заключение о связи эсимнетии в древнейшую, доисторическую эпоху с первобытным ритуалом инициативного агона.⁸

Таким образом, оказывается возможным как установление природы и, во всяком случае, принципиальной линии развития, так и определение самого понятия эсимнетии. Развитие шло, по-видимому, от обязанности устроителя-судьи в инициативном агоне через должность судьи в любом состязании или споре к правильной магистратуре с широким спектром власти. Что же касается понятия эсимнетии, то оно, очевидно, сложного состава. Первый корень, скорее всего, αἶσα, что значит «судьба», «(пред)определение», «(справедливая) доля». Второй определяется по-разному: μνα-, ср. μνησκειν — «помнить», или μέμεν «разделять», «уделять», или наконец, ὕμνος — «песнь», «гимн».⁹ Так или иначе, в слове «эсимнет» отчетливо проступает исконное значение «блуститель права», что вполне соответствует усвоенной эсимнетом функции судьи. В итоге складывается представление о древнем, традиционном, авторитетном, но вместе с тем и консервативном институте судьи-устроителя, вполне способного к выступлению, в частности, и в роли социального посредника в критический момент смуты.¹⁰

Все это подводит нас к заключению о несомненной достоверности свидетельств Аристотеля об архаической эсимнетии как о своего рода выборной тирании, чрезвычайной единоличной власти, ненаследственной, но законной, с особенной функцией социального посредничества в

⁸Для суждения о древних корнях института эсимнетии ср. также: Luria S. Kureten, Molpen, Aisymneten // ААН. Т. XI. 1963. Fasc. 1–2. С. 31–36, где, однако, проскальзывает скептическое отношение к аристотелевской концепции архаической эсимнетии. «Аристотелевское толкование этого имени как обозначения экстраординарного законного руководителя государства, — говорится мельком в конце статьи, — отражает лишь позднейшее словоупотребление и не находит подтверждения в исторических фактах» (с. 35).

⁹Первый вариант находим, например, у В. В. Латышева и А. Маннцманн, второй — у И. Теллфера, третий — у С. Я. Лурье.

¹⁰Сходный путь рассуждений — у А. Маннцманн, которая вдобавок указывает на отличную историческую параллель — институт судей в древнем Израиле.

условиях смуты, ради скорейшего рационального устройства гражданских дел. Высказывания Аристотеля об архаической эсимнетии все находятся в «Политике», в тех ее частях, где исследуются формы государственного устройства: три — в 3-й книге, в разделе, посвященном монархии, и еще одно — в 4-й книге, в разделе, посвященном тирании. Надо подчеркнуть это обстоятельство — то, что в «Политике» об эсимнетии упоминается среди различных реально существующих или существовавших государственных форм, т. е. что у Аристотеля об эсимнетии говорится не как о какой-то философской фикции, а как о действительном факте политической жизни греков в древнейшую эпоху.

Но приведем эти высказывания полностью, чтобы можно было с должным основанием судить о ценности передаваемой Аристотелем исторической информации. Первое из них — одновременно и самое развернутое и самое ценное. В 3-й книге, определяя виды монархии, Аристотель, вслед за царской властью героических времен и царской властью у варваров, специально выделяет эсимнетию: «Другой вид, существовавший у древних эллинов (ἐν τοῖς ἀρχαίοις Ἑλλήσιν), носит название эсимнетии. Она, так сказать, представляет собою выборную тиранию (αἵρετὴ τυραννίς); отличается она от варварской монархии не тем, что основывается не на законе, а только тем, что не является наследственной. Одни обладали ею пожизненно, другие избирались на определенное время или для выполнения определенных поручений; так, например, граждане Митилены некогда избрали эсимнетом Пিতака для защиты от изгнанников, во главе которых стояли Антименид и поэт Алкей. . . Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно» (Aristot. Pol., III, 9, 5–6, p. 1285 a 29–b 3, перевод С. А. Жебелева—А. И. Доватура).

Несколько ниже, при повторном перечислении видов царской власти, опять, вслед за царской властью героических времен у эллинов и царской властью у варваров, упоминается эсимнетия: «. в-третьих, так называемая эсимнетия — выборная тирания» (III, 10, 1, p. 1285 b 25–26). И дальше, при рассмотрении вопроса о целесообразности для правителя обладать вооруженной силой, Аристотель еще раз наряду с царской властью и тиранией упоминает об эсимнетии: «Правда, по отношению к (законному) царю вопрос этот может быть решен быстро и без затруднения: такой царь должен владеть вооруженной силой, и она должна быть настолько значительной, чтобы царь, опираясь на нее, оказывался сильнее каждого отдельного человека и даже нескольких человек, но слабее массы граждан. Такую именно охрану давали

древние (οἱ ἀρχαῖοι), когда они назначали править государством какого-либо эсимнета или тирана» (III, 10, 10, p. 1286 b 34–40).

Наконец, в 4-й книге, при рассмотрении тирании, Аристотель специально касается таких ее видов, которые, будучи именно тираническими, в то же время близки и к царской власти: «В той же части нашего исследования, где речь шла о царской власти (т. е. в III, 9–11. Э. Ф.), мы установили различие двух видов тирании, так как свойства их обеих до известной степени совпадают со свойствами царской власти: и та и другая покоятся на законном основании (у некоторых варварских племен избирают самодержцев-монархов, и в старину и у древних эллинов [καὶ τὸ παλαιὸν ἐν τοῖς ἀρχαίοις Ἑλλήσιν] избирались такого же рода монархи, которые назывались эсимнетами). Упомянутые два вида тирании имеют некоторые отличия: с одной стороны, оба они были видами монархического строя, как основанные на законе и на добровольном признании их со стороны подданных; с другой стороны, это были виды тирании, так как власть в них осуществлялась деспотически по произволу властителя» (IV, 8, 2, p. 1295 a 7–17).

Перед нами, таким образом, цепь свидетельств, исходящих от такого авторитетнейшего в вопросах теории и истории ума Древней Греции, каким был Аристотель, — свидетельств, указывающих на существование у греков в древнейшую, а именно, судя по примеру с Пит-таком, в так называемую архаическую эпоху особого вида единоличной власти, близкой одновременно и к царской власти, и к тирании, — эсимнетии. С ними обеими ее роднили авторитарный, монархический характер и опора на вооруженную силу. С царской властью особо ее сближали установление посредством народного избрания и отправление в соответствии с волей граждан, ради определенной цели и в течение определенного (пусть даже пожизненного) времени, а с тиранией — ненаследственность и неограниченность (деспотичность).

Коротко Аристотель определял этот вид авторитарной власти как выборную тиранию, подчеркивая, таким образом, ее чрезвычайный характер народной диктатуры, призванной осуществить целесообразное устройство общественных дел, ввести порядок в неустроенное и охваченное смутой общество. Кстати, с диктатурой у римлян выразительно сопоставлял эсимнетию другой видный древнегреческий ученый Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom., V, 75), хотя это сопоставление и страдает некоторой неточностью: римская диктатура являлась чаще всего для исполнения внешнеполитических задач, тогда как греческая эсимнетия была исключительно формой внутреннего социального посредничества. Первая — по крайней мере в собственно республиканское время — воплощала в себе исполнительную власть, но и только, между тем как вторая наделялась полномочиями самого всеобъемлю-

шего свойства, включая и исполнительную власть, и законодательную.

Так или иначе, нет никаких оснований не доверять ясным и обстоятельным свидетельствам Аристотеля, ценным тем именно, что они указывают на существование особого, важного звена в типологически едином ряду древних греческих эсимнетий — на существование архаической эсимнетии, или своего рода выборной тирании. Свидетельства эти выглядят тем более достоверными, что они подкрепляются другими данными, помимо «Политики» и даже помимо Аристотеля. Последний в «Политике» выразительно называет эсимнетом только Питтака в Митиле (III, 9, 5–6, р. 1285 а 35–b 1), но в «Афинской политике» в роли посредника-эсимнета, только с другим названием (*διαλλακτήης*, что тоже значит «примиритель», «посредник»), выступает также и Солон (5, 1–2). А в традиции помимо Аристотеля можно найти сведения и о других эсимнетах архаического времени. Назовем примеры, которые в качестве достоверных фигурируют и в работе такого новейшего авторитета, как Г. Берве: Пасикл в Эфесе (*Aelian. V h., III, 26; Callimach., fr. 102 Pfeiffer*), Эпимен в Милете (*Nic. Damasc., FgrHist 90 F 53*), Фэбий на Самосе (*Theodor. Metochit. Miscell., 10*).¹¹

Завершая рассмотрение этого сюжета, подчеркнем еще раз значение рационального момента в архаической революции VIII–VI вв. до н. э. а именно — сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел. Эсимнетия была, по выражению Аристотеля, выборной тиранией; в отличие от обычной тирании, также являвшейся на гребне социальных смут, но служившей низменным наклонностям отдельных честолюбцев (об этом см. следующую главу), она должна была обладать повышенным гражданским авторитетом, следовательно опираться на святость традиции, что и нашло отражение в ее имени: в отличие от заимствованного у восточных, малоазийских соседей понятия тирании эсимнетия была словом исконных греческих корней. Наконец, показательна природа самого института: эсимнет — судья-устроитель в первобытном агоне, и отсюда его роль судьи-правителя в более сложных политических ситуациях исторического времени. Таким образом, в теме эсимнетии, как в фокусе, сходятся важнейшие черты древней греческой цивилизации: агон, традиция, рационализм, и это отражение эсимнетией существа греческого духа уже само по себе может служить порукой ее исконности.

Переходя от этой несколько особенной темы эсимнетии к более широкому сюжету древнейшей законодательной реформы, ограничимся

¹¹Ср.: *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. I. S. 99, 100–101, 107; II. S. 577, 578, 582.*

поначалу кратким перечнем наиболее ярких исторических примеров, из которых какой-либо один можно будет выбрать затем в качестве предмета более обстоятельного рассмотрения.¹² Самый ранний в ряду этих примеров — это Ликург в Спарте, деятельность которого, как было сказано, древние относили к началу VIII в. до н. э. (важнейшие источники — Her., I, 65–66; Xen. Lac. pol.; Aristot. Pol., II, 6, 8, p. 1270 a 6–8; 7, 1, p. 1271 b 24–27; 9, 1, p. 1273 b 27–35; 5, p. 1274 a 25–31; IV, 9, 10, p. 1296 a 18–21; fr. 533–538 Rose³, из «Лакедемонской политики»; Strab. VIII, 5, 5, p. 365–366; X, 4, 19, p. 482; XVI, 2, 38, p. 762; Plut. Lycurg.; Euseb. Chron., II, p. 180 Karst, под 795 г. до н. э.).¹³ Традиция приписывает ему проведение в Спарте первичного общественного устройства: наделение землею членов господствующего сословия спартиатов и зависимых и неполноправных перизков; оформление важнейших социально-политических институтов — илотии, рабства покоренного земледельческого населения, и сисситий, застольных товариществ спартиатов; создание правильной системы государственных органов в лице народного собрания — апеллы, совета старейшин — герусии и двойной царской власти; учреждение особенной системы воспитания (ἀγωγή) и пр.

Свою конституцию Ликург, по преданию, представил спартианцам после посещения Дельфийского оракула в качестве своеобразных рекомендаций изречений божества, ретр, которые позднее бережно сохранялись в Спарте. Плутарх в биографии Ликурга приводит текст так называемой Большой ретры, содержащей предписания относительно государственного строя, и текст этот своим архаичным, трудным для понимания языком выдает глубочайшую древность самого документа: «Воздвигнуть храм Зевса Силланийского и Афины Силланийской. Разделить на филы и обы. Учредить тридцать старей-

¹²В античной традиции систематический обзор деятельности древнейших законодателей дал Аристотель (Aristot. Pol., II, 9, p. 1273 b 27 sqq.). Из новейших исследований назовем: *Adcock F. E. Literary Tradition and Early Greek Codemakers // The Cambridge Historical Journal. Vol. II. 1927. №2. P. 95–109; Mühl M. Untersuchungen zur altorientalischen und althellenischen Gesetzgebung (Klio-Beiheft 29). Leipzig, 1933.* В плане общей оценки важны также: *Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. С. 174–179; Bengtson H. GG⁴, S. 111–112; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 42–44.*

¹³Проблема первоначального социально-политического устройства Спарты — одна из самых сложных и дискуссионных в античной истории. Для общей ориентации см.: *Шмидт Р. В. Спарта // История Древней Греции. Ч. I. М., 1937. С. 207–233; Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. I. С. 194–216; Bengtson H. GG⁴ S. 102–106, 115–119.* Специальные обзоры исследований по вопросу о законодательстве Ликурга: *Андреев Ю. В. К проблеме «Ликургова законодательства» // Проблемы античной государственности / Под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1982. С. 33–59; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 63–98.* — См. также следующее примечание.

шин с вождями совокупно. От времени до времени созывать собрание меж Бабиной и Кнакионом, и там предлагать и распускать, но господство и сила да принадлежат народу» (Plut. Lycurg., 6, 2, литературный перевод С. П. Маркиша).

В новое время вокруг личности и законодательства Ликурга развернулась дискуссия. Значительная часть исследователей отказывается верить античному преданию: в Ликурге хотят видеть персонаж древней легенды, иногда даже божество, а его законодательство признают творением ряда позднейших поколений, по эфора Хилона включительно (556/5 г. до н. э.).¹⁴ Мы должны признаться, что не разделяем этого скепсиса новейших критиков и на прямой вопрос, отчего в консервативной и отсталой Спарте реформатор-устроитель типа Солон явился на два века раньше, чем в Афинах, могли бы ответить указанием именно на более примитивный характер дорийской общины. Говоря яснее, мы считаем, что в условиях насильственного обоснования дорийцев-завоевателей в Лаконике и форсированного превращения их общины в классовое, рабовладельческое общество потребовалось немедленное и всеобъемлющее устройство государства, вылившееся в создание строго-корпоративного рабовладельческого единства — общины равных, гомеев. Это устройство в жестком стиле очень скоро должно было обернуться консерватизацией всего общественного быта в Спарте — окончательно, быть может, после реформ Хилона в сере-

¹⁴ Резко критическая позиция в отношении античной традиции, сопровождаемая доказательством мифичности Ликурга, представлена в работах: *Wilamowitz-Moellendorff U. v. Homerische Untersuchungen* (Philologische Untersuchungen. VII). Berlin, 1884. S. 267–285; *Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte*. Bd I. Halle, 1892. S. 211–286; *Beloch K. J. Griechische Geschichte*. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1–2, Strassburg, 1912–1913 (1, S. 350; 2, S. 253–256); *Kahrstedt U. Lykurgos* (7) // RE. Bd XIII. Hbbd. 26. 1927. Sp. 2442–2445, и др. — Соотнесение радикальной реформы общественного строя в Спарте с более поздним временем, и в частности с 1-й половиной VI в. до н. э. (тезис о перевороте VI в.), проводится в работах: *Dickins G. The Growth of Spartan Policy* // JHS. Vol. XXXII. 1912. P. 1–26; *Wade-Gery H. T. The Growth of the Dorian States* // CAH. Vol. III. 1925. P. 558–565; *Ehrenberg V. Neugründer des Staates*. München, 1925. S. 5–54 (с указанием на возможную роль Хилона как действительного законодателя, а заодно и первого творца легенды о Ликурге), и др. Эта точка зрения разделяется и некоторыми отечественными учеными. См.: *Лурье С. Я. История Греции*. Ч. I. Л. 1940. С. 176–181; *Андреев Ю. В.* 1) Спарта как тип полиса. С. 211 сл.; 2) К проблеме «Ликургова законодательства». С. 33 сл. — Однако ни раньше, ни особенно в последнее время не было недостатка и в сторонниках позитивного отношения к древнему преданию, в защитниках историчности реформатора Ликурга. См.: *Toepffer J. Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft*. Berlin, 1897. S. 347–362; *Niese B. Herodot-Studien* // Hermes. Bd XLII. 1907. S. 440–449; *Hammond N. G. L. The Lycurgean Reform at Sparta* // JHS. Vol. LXX. 1950. P. 42–64; *Chrimes K. M. T. Ancient Sparta*. New York; Aberdeen, 1952. P. 305–347; *Michell H. Sparta*. Cambridge, 1952. P. 22 ff.; *Huxley G. L. Early Sparta*. London, 1962. P. 37 ff.; *Forrest W. G. The Date of the Lykourgan Reforms in Sparta* // Phoenix. Vol. XVII. 1963. P. 157–179, и др.

дине VI в. до н.э. если только есть нужда в предположении таких реформ.¹⁵

Но вернемся к нашему перечню. В Балканской Греции к числу ранних законодателей относятся еще Фидон в Коринфе и Филолай в Фивах, оба выступившие еще в 1-й половине VII в. до н.э. и оба трактовавшие большой вопрос о землевладении граждан, одинаково добиваясь того, чтобы количество земельных наделов и соответственное число граждан всегда сохранялось на одном, неизменном уровне (о Фидоне Коринфском, которого следует отличать от одноименного аргосского царя, см. *Aristot. Pol.*, II, 3, 7, p. 1265 b 12–16; о Филолае — *ibid.*, II, 9, 6–7, p. 1274 a 31–b 5).¹⁶

Из периферийных примеров важны выступления Залевка в Локрах Эпизефирских (в 662 г., по Евсевию, см.: *Enseb. Chron.*, II, p. 185 Karst) и Харонда в Катане (несколько позже, по-видимому, уже в конце VII в. до н.э.). Обоим традиция приписывает составление сводов письменных законов, посвященных главным образом вопросам судопроизводства, охране гражданской собственности и нравственности (важнейшие источники — *Aristot. Pol.*, II, 9, 5, p. 1274 a 22–31; IV, 9, 10, p. 1296 a 18–21; *Ael. V h.*, III, 17; о Залевке см. также: *Aristot.*, fr. 548 Rose³, из «Локрской политики»; *Ephor. ap. Strab.*, VI, 1, 8, p. 259 и 260 = *FgrHist* 70 F 139; *Polyb.*, XII, 16; *Diod.*, XII, 19, 3–21, 3; о Харонде — *Aristot. Pol.*, II, 9, 8, p. 1274 b 5–8; IV, 10, 6, p. 1297 a 20–24; *Diod.* XII, 11, 3–19, 2).¹⁷ С аналогичного рода законами выступил и Питтак в Митиле (рубеж VII–VI вв. до н.э.), о котором мы уже упоминали в связи с темой эсимнетии (о его законах см.: *Aristot. Pol.*, II, 9, 9, p. 1274 b 18–23; *Cic. De leg.*, II, 26, 66).¹⁸

Но самым замечательным оказался афинский опыт, на котором нам и надлежит остановиться подробнее. Уже Ф. Энгельс указывал на образцовое значение афинского примера. Завершая в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» очерк становления классового общества и государства в Афинах, он писал: «Возникновение

¹⁵Хилон относился к кругу древних мудрецов (см.: *Her.* I, 59; VII, 235; *Plat. Protagor.* p. 343 a; *Plut. De aud. poet.* 14, p. 35 f; *Diog. L.*, praef. 13; I, 3, 69–73), и с ним, возможно, было связано усиление власти эфоров внутри Спартанского государства (*Diog. L.*, I, 3, 68) и, несомненно, — проведение антитиранической политики вовне (*Par. Rylands*, 18 = *FgrHist* 105 F 1), но в остальном он остается фигурой достаточно туманной. Ср.: *Kiechle F. Chilon* (1) // *Der Kleine Pauly*. Bd I. 1979. Sp. 1146.

¹⁶См. также: *Шушова И. А.* Реформы Филолая // ВДИ. 1970. №4. С. 64–72.

¹⁷См. также: *Mühl M.* Die Gesetze des Zaleukos und Charondas // *Klio*. Bd XXII. 1929. H. 1. S. 105–124; H. 4. S. 432–463; *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 68–75.

¹⁸См. также: *Schachermeyr F.* Pittakos // *RE*. Bd XX. Hbhd. 40, 1950. Sp. 1862–1873; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. I. S. 93–95; II. S. 574–575.

государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще». ¹⁹ И действительно, нигде так ярко не обозначились заглавные линии исторического развития, приведшего к утверждению античного рабовладельческого общества и государства, как в Афинах. Это в равной степени относится и к тому, составившему суть развития, социально-политическому кризису, который древние обозначали понятием «стасис» (смута), и к важнейшим этапам его преодоления. Одним из первых таких этапов явилось законодательство Драконта. Оно несомненно стояло в связи с усилившейся в Афинах после смуты Килона политической напряженностью и, надо думать, отражало стремление формирующейся демократии ограничить твердо фиксированными правовыми нормами самоуправство правящей знати. Показательно при этом, что сам Драконт был знатным человеком: в 621/20 г. он осуществил свою акцию в качестве одного из девяти архонтов, которые были высшими должностными лицами в архаических Афинах и назначались из числа знатных и богатых людей (ср.: Aristot. Ath. pol., 3, 1 и 6). Драконтом был составлен свод письменных законов для текущего судопроизводства. При этом особое внимание он обратил на улаживание личных распрей и в этой связи — на ограничение древнего права кровной мести, а также на защиту утверждавшейся частной собственности (см.: Andoc., I, 81–83; Aristot. Pol., II, 9, 9, p. 1274 b 15–18; Ath. pol., 4, 1; 41, 2; Euseb. Chron., II, p. 186 Karst, под 621 г.; ML, № 86 — афинский декрет 409/8 г. до н. э. с новой публикацией закона Драконта о непредумышленном убийстве). ²⁰

Законодательство Драконта не затронуло основ существующего строя. Поэтому борьба поднимающейся демократии с господствующим сословием знати продолжалась и на рубеже VII–VI вв. до н. э. достигла даже крайней степени ожесточения, Однако в критический момент борющиеся группировки оказались достаточно благоразумными, чтобы пойти на компромисс и согласиться на посредничество мудреца Солона, который, получив соответствующие полномочия, осуществил всеобъемлющее законодательство и реформу социально-политического строя. Его мероприятия отвечали всем основным требованиям демоса, хотя и с известными ограничениями крайних претензий, а вместе с тем заложили основы полисного строя, античного гражданства как свободной, правоспособной и самостоятельной социальной корпо-

¹⁹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 119.

²⁰ Важны также новые специальные исследования: Ruschenbusch E. Phonos. Zum Recht Drakons und seiner Bedeutung für das Werden athenischen Staates // Historia. Bd IX. 1960. H. 2. S. 129–154; Stroud R. 1) Drakon's Law on Homicide (Univ. of California Publications. Vol. III). Berkeley; Los Angeles, 1968; 2) The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon (Univ. of California Publications. Vol. XIX). Berkeley; Los Angeles, 1979.

рации. Солон прозорливо усматривал и не переставал подчеркивать как главный полисный принцип тему нормы, или закона, в силу чего, вопреки радикальным стремлениям народной массы, он, хотя и заложил устои демократии, все же сохранил и ряд опор прежнего режима, осуществив, таким образом, свой принцип меры до некоторой степени преждевременно (важнейшие источники — Diehl, *ALG*³, fasc. 1, фрагменты стихов Солона; Нег., I, 29–33; II, 177; V, 113; *Andoc.*, I, 81–83; *Aristot. Pol.*, II, 9, 1–4, p. 1273 b 27–1274 a 21; *Ath. pol.*, 5–12; 14, 2; 41, 2; *Plut. Solon*; *Diog. L.*, I, 2, 45–67).²¹

Солон принадлежал к той части старинной знати, которая, обладая большей долей здравого смысла, обращалась к новым, более жизненным видам занятий, сближалась, благодаря им, с народом и, понимая его нужды, пыталась, со своей стороны, содействовать упорядочению социальных отношений. Отпрыск царского рода Кодридов, Солон, как уже упоминалось, по необходимости, чтобы поправить пошатнувшееся состояние, обратился к занятиям торговлей и в силу этого сближился с новой городской верхушкой. По своему социальному происхождению и положению он, таким образом, как нельзя лучше подходил к той роли всеобщего гражданского посредника, к которой предназначила его судьба.

Важно, однако, подчеркнуть, что он подходил к этой роли не только так сказать, объективно, в силу реальной близости своей к главным группам складывавшегося афинского полиса, но и субъективно. Обладая от природы живым умом и любознательностью, много повидав и узнав во время своих путешествий, он беспредельно расширил и углубил круг представлений, унаследованных от своих аристократических предков. Поэт и купец, человек глубокой культуры и вместе с тем энергичный практический деятель, Солон не только оказался восприимчив к новым идеям, но и обнаружил замечательную способность к их претворению в жизнь. Мало того, его поэтические произведения не оставляют никаких сомнений насчет того, что он вполне был в состоянии осмыслить и обосновать собственное дело. Будучи реальным

²¹ Материалы, относящиеся к законодательству Солона, собраны в книге: *Ruschenbusch E. Solonos Nomoi. Die Fragmente der Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text und Überlieferungsgeschichte (Historia-Einzelschriften, N. 9). Wiesbaden, 1966.* — Из прочей специальной литературы назовем: *Колобова К. М. Революция Солона // Учен. зап. Ленингр. унта. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. 1939. С. 25–72; Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. // Там же. С. 73–88; Freeman K. The Work and Life of Solon. Cardiff; London, 1926; Woodhouse W. J. Solon the Liberator. Oxford; London, 1938; Masaracchia A. Solon. Firenze. 1958; Ferrara G. La politica di Solone. Napoli, 1964; Oliva P. Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene. Vol. XI. 1972. P. 31–65; Robertson N. Solon's Axones and Kyrbeis, and the Sixth-Century Background // Historia. Bd XXXV. 1986. N. 2. P. 147–176.**

политиком, он осуществил преобразования, продиктованные исторической необходимостью, но он осуществил их не в качестве слепого орудия объективного закона, а в полном сознании своей миссии, как сознательный творец нового порядка.

Солон выступил в Афинах в момент острого социального кризиса, когда распри между народом и знатью достигли того предела, за которым должна была начаться открытая гражданская война. Назначенный в 594 г. до н. э., по общему согласию, первым архонтом и посредником в смуте, он осуществил принципиальное переустройство общественных отношений, чем, по выражению Ф. Энгельса, «открыл ряд так называемых политических революций».²² С именем Солона связано проведение целого ряда коренных преобразований, определивших решительный поворот Афин на античный путь развития, положивших начало формированию афинского демократического полиса. И прежде всего в интересах широких слоев афинского народа Солон осуществил разовое сложение долгов и связанный с этим частичный передел земли, поскольку крестьянам были возвращены заложенные за долги и не выкупленные, стало быть, фактически ставшие собственностью кредиторов участки. Вместе с тем Солон позаботился и о тех несчастных, которые за долги были проданы в рабство: они были выкуплены на общественный счет, а впредь кабальное рабство в Афинах было запрещено.

Принципиальное значение этого комплекса мер, а особенно запрета долговой кабалы, что было равнозначно запрещению внутреннего, «эндогенного» рабства вообще, прекрасно сознавалось уже в древности — и позднейшим теоретиком полиса Аристотелем (ср.: *Ath. pol.* 9,1), и, разумеется, самим преобразователем. Недаром перечень своих заслуг перед афинским народом (в одном из дошедших до нас поэтических фрагментов) Солон начинает именно с этих только что названных мер:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов (βροῦς) поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул я многих, в рабство проданных (πραδέντας),
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую — странников таков удел, —

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 115.

Иных еще в позорном рабстве бывших здесь
(δουλίην ἀεικέα ἔχοντας)

И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил (ἐλευθέρους ἔθηκα)

(fr. 24, 1–15 Diehl³, перевод С. И. Радцига.)

Но, закладывая фундамент гражданского общества в Афинах, Солон не оставил без внимания и его политическую надстройку. И в сфере политической он покончил с односторонним преобладанием знати и сделал дело государственное если и не до конца, то в большой все же степени делом общественным, народным. В этих целях он провел широкую демократизацию как частного (посредством закона о свободе завещания), так и общественного права. Последнее нашло выражение в введении прогрессивного в ту пору имущественного цеззя, ставшего главным критерием политической правоспособности граждан, в возрождении деятельности народного собрания, в создании новых демократических органов — государственного Совета Четырехсот и массового народного суда, гелизи. В этом последнем тог же Аристотель справедливо видел наиболее демократичное из политических установлений Солона, — постольку именно, поскольку судьями, в отличие от прочих должностных лиц, могли быть все афиняне, независимо от своего имущественного положения. В постепенном возрастании роли и значения народного суда — параллельно с ростом военно-политического значения самого демоса — заключалась одна из главных пружин превращения солоновской умеренной, или отеческой, демократии (πάτριος δημοκρατία) в демократию радикальную — «нынешнюю», как ее определяет Аристотель ((εἰς τὴν νῦν δημοκρατίαν) (Pol., II, 9, 2, p. 1273 b 35–1274 a 21; ср.: Ath. pol., 9, 1)).

Реформы Солона были фундаментальны, но они не были радикальны в такой степени, в какой этого хотелось демократии: ни всеобщего передела земли, ни полного искоренения устоев аристократического порядка (в частности, системы родовых подразделений), ни тем более уничтожения самой знати Солон не произвел. В результате этот, может быть, самый замечательный из законодателей древности стал объектом нападков со всех сторон: радикально настроенная демократия порицала его за видимую непоследовательность, между тем как родовая знать не могла ему простить сделанных за ее счет уступок народу. На эти упреки Солон отвечал указанием на очевидное: сделанное им имело в виду пользу всех сословий и всего общества в целом:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.

Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

(fr. 5, 1-6 Diehl³).

Глубоко почитая и всячески утверждая основной устав полисной жизни — принцип золотой середины, принцип социального компромисса, поэт-мудрец опоры ему видел в разумном правопорядке, в благозаконии — эвномии, в честь которой сложил специальную элегию:

Сердце велит мне поведать афинянам эти заветы:
Что Беззаконье (Δυσνομίη) несет городу множество бед,
Но что Законность (Εὐνομίη) во всем и порядок, и лад водворяет,
Да и преступным сна на ноги путы кладет,
Гладит неровности, спесь прекращает, смиряет надменность;
Бедствий цветок роковой сушит, не давши расцвести;
Правду в неправых судах она вводит, дела укрощает
Высокомерных людей, тушит великий раздор;
Злобу жестокой вражды прекращает она, и повсюду
Дружно и мудро при ней люди живут меж собой.

(fr. 3, 30-39).

Из убеждения, что над всем должны царить право и закон, следовало и глубокое отвращение Солона к насилию и тирании. В позднейших своих стихах он не устал подчеркивать, что сознательно пренебрег возможностью узурпировать единоличную власть:

Мне равно не по душе —
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь.

(fr. 23, 19-21).

Своею политикой Солон не только заложил основы афинского гражданского общества, но и указал путь, следуя которому это общество могло далее успешно развиваться, — путь гражданского компромисса. Призывом к гражданскому соглашению, равно как и предупреждением относительно опасности тирании (ср. fr. 10), Солон забежал вперед — общество еще должно было пройти через полосу смут и насилий, чтобы выкорчевать остатки старого режима, но это мысленное опережение не умаляет реальной значимости опыта и наставлений афинского мудреца для античного полиса.

Завершая рассмотрение первоначальной законодательной реформы, связанной с именем Солона, мы должны особо выделить в ней тот элемент, который означал решительный поворот афинского общества на античный путь развития, именно запрещение кабального рабства соотечественников, ориентация тем самым дальнейшего социально-экономического развития на рабство экзогенное, существующее за счет ввозимых из-за границы покупных рабов-чужеземцев. И Афины в этом отношении не были исключением; наоборот, их опыт стал нормой для греческого мира, во всяком случае для большинства экономически и социально развитых общин. С этим было связано и другое — форсированная национальная консолидация греков, насколько, конечно, это допускалось их полисным партикуляризмом.

Первые контуры нового этнокультурного единства греков обнаруживаются уже на исходе гомеровского времени (или Темных веков): распространение в IX в. до н. э. из Аттики, а также из Арголиды и других районов Юго-восточной Греции на острова Архипелага и, далее, на побережье Малой Азии керамики более или менее единого геометрического стиля свидетельствовало о прогрессирующей унификации греческой культуры, о расширении и укреплении взаимных связей в том доскутном мире, который был населен греками.²³

Сильнейшим образом этому способствовало такое важное достижение, как возрождение у греков — примерно в то же время, на рубеже X–IX вв., — письменности, на этот раз в форме более прогрессивного, алфавитного письма, в основе своей заимствованного у финикийцев. Увоенная первоначально, по-видимому, греками Кипра и Малой Азии и быстро распространившаяся затем по всему греческому миру, эта новая письменность, — простая, легкоизучимая, доступная широким слоям общества, в чем заключалось огромное ее преимущество по сравнению с древнейшими, усложненными, доступными очень небольшому кругу избранных пиктографическими или слоговыми системами письма крито-микенского мира и Переднего Востока, — эта письменность стала мощным фактором культурного прогресса и духовной консолидации греческого мира.²⁴

Велико было в этой связи значение состоявшейся довольно скоро,

²³См.: *Starr Ch. G.* 1) *The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B. C.* New York, 1961. P. 107 ff.; 2) *La storia greca arcaica* // *RF* Vol. 92. 1964. P. 21–22; 3) *A History of the Ancient World.* 3rd ed. New York; Oxford, 1983. P. 189–190. Ср. также: *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 27, прим. 83.

²⁴Подробнее об усвоении греками алфавитного письма см.: *Дирингер Д.* Алфавит / Пер. с англ. М. 1963. С. 522 слл. *Jeffery L. H.* 1) *The Local Scripts of Archaic Greece.* Oxford, 1961; 2) *Archaic Greece.* P. 25–26; *Heubeck A.* *Schrift (Archaeologia Homerica.* Bd III. Kap. X). Göttingen, 1979. — Для общей оценки ср. также: *Bengtsson H.* GG⁴. S. 60–62; *Starr Ch. G.* *A History...* P. 201.

где-то на рубеже IX–VIII вв., письменной фиксации гомеровского эпоса. Письменность содействовала более широкому ознакомлению греков с этим, созданным также на малоазийской почве, героическим эпосом, а вместе с тем и приобщению их всех через его посредство к той системе высоких духовных ценностей, которой суждено было стать подлинным фундаментом греческой духовной культуры.²⁵

Но особенно крупными успехами процесс национальной консолидации греков ознаменовался в архаическую эпоху, отлившись — именно в эту пору — в особую же диалектически-заостренную форму. Именно утверждение почти повсеместно нового, античного рабовладельческого принципа, одновременно с ростом экономических, политических и культурных связей между греческими городами и воссозданием, в условиях цивилизации, древнего этнокультурного единства греческого народа, привело к появлению более или менее осознанной оппозиции эллинизма и варварства, оппозиции столь же национальной, сколь и социальной.²⁶

Конечно, окончательно эта оппозиция сформируется в ходе Греко-персидских войн, в результате победоносного отражения греками наступления, предпринятого на них восточной деспотией, более же всего — вследствие развернувшейся затем, особенно усилиями афинян, активной империалистической политики в сторону и за счет восточных соседей. У греческих писателей V в. до н. э. — современника войн с персами поэта Эсхила и жившего поколением позже историка Геродота — противопоставление эллинов и варваров является едва ли не основополагающим моментом мировоззрения. Особенно ярко это противопоставление проводится в политической сфере, в трактовке варваров как сугубых носителей деспотизма, а эллинов как защитников царства закона, республиканских и демократических начал (ср. у Эсхила в «Персах», ст. 176–201, 230–245; у Геродота, VII, 102 и 104, 135, 139).

Естественное у греческих писателей убеждение в превосходстве эллинского строя жизни над варварским конкретизируется — в частности, у того же Геродота — в описаниях военных столкновений. Не раз

²⁵Ср.: Bengtson H. GG⁴ S. 62–65; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 25, 27–28; Starr Ch. G. A History. P. 197–201.

²⁶О росте национального самосознания греков в век архаики см.: Bengtson H.: 1) Hellenen und Barbaren: Gedanken zum Problem des griechischen Nationalbewusstseins // Unser Geschichtsbild / Hrsg. von K. Rüdinger. München, 1954. S. 25 ff.; 2) GG⁴ S. 69, 86–88, 100–101; Schaefer H. Das Problem der griechischen Nationalität [1955] // Schaefer H. Probleme der alten Geschichte. Göttingen, 1963. S. 269–306. Специально об оппозиции эллинов и варваров см. также: Jüthner J. Hellenen und Barbaren (Das Erbe der Alten. N. F. H. 8). Leipzig, 1923; Grecs et barbares (Entretiens sur l'antiquité classique. T. VIII). Genève, 1962. — Для общей оценки ср.: Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции. С. 79.

древний историк подчеркивает, насколько выше во всех отношениях оказывались греки по сравнению с персами: и по части личной подготовки и вооружения, и в быстроте и маневренности кораблей, и в рациональной тактике боя (ср. соответствующие реплики Геродота в описаниях сражений: у Фермопил — VII, 211; у Артемисия — VIII, 9–11; у Саламина — VIII, 86 и 89; у Платей — IX, 62–63; у Микале — IX, 90).

Это сознание абсолютного превосходства эллинов над варварами чуть позже, у Эврипида, превращается в конкретную политическую формулу, исполненную агрессивного панэллинского звучания: «Прилично властвовать над варварами эллинам» (Eur. Iphig. Aul. 1400). А в следующем IV столетии философ Аристотель, отражая воззрения зрелого рабовладельческого общества, уже без обиняков заявит, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Aristot. Pol., I, 1, 5, p. 1252 b 9).

Разумеется, это — суждения позднейшего времени, однако бесспорно, что первые основания для выработки такого характерного для античности национал-империалистического отношения к чужеземцам-негрекам, которых стали называть и третировать как варваров, были заложены еще в архаическую эпоху — постольку именно, поскольку самое формирование рабовладельческого способа производства было осуществлено в Древней Греции, так сказать, за чужой счет — за счет других народов. В этой связи мы хотели бы подчеркнуть наше решительное несогласие с теми, кто из правильной посылки об окончательном формировании противопоставления эллинства и варварства в развитое классическое время делает вывод о совершенном отсутствии такого противопоставления в век архаики.²⁷

В самом деле, свойственная грекам, как впрочем и многим другим народам в пору быстрого возмужания, повышенная открытость к позитивным контактам с соседями (подтверждением может служить практика брачных связей, в частности аристократов), несомненная готовность к заимствованию чужих достижений (напомним о заимствовании с Востока чеканной монеты и алфавитного письма) не исключали достаточно раннего зарождения и укоренения диаметрально-противоположной ценностной установки — осознания своей особенной этнокультурной исключительности. Эта другая позиция нашла яркое выражение в греческой литературной традиции в обозначении и третировании иноплеменников-негреков как варваров. Для суждения о возникновении понятия варваров и формировании его социокультурного смысла в ранней греческой литературе основными опорами служат,

²⁷См.: Лурье С. Я. 1) История Греции. Ч. I. С. 120; 2) Геродот. М.; Л. 1947. С. 46–50; Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 152.

во-первых, Гомер, затем в какой-то степени лирическая поэзия и, наконец, первые философы (определенного, тяготеющего к социологии типа).

У Гомера мы впервые сталкиваемся с понятием варварского, а именно при языковой характеристике троянских союзников-карийцев, которые аттестуются как «говорящие наречием варварским» — βαρβαρῶφωνοι (II, II, 867). То, что впервые понятие варварского встречается именно в языковом определении, представляется симптоматичным. Этот факт свидетельствует в пользу высказанного уже в древности и принятого в новое время взгляда, что первоначально слово «варвар» появилось как звукоподражательное для обозначения человека с чужим, грубым говором.²⁸ Однако, можно утверждать, что у Гомера за языковым определением скрывается и некая более общая тенденция, которую можно оценить как ядро будущей всеохватной оппозиции. В используемом отрывке из «Илиады» не только карийцы в массе своей изъясняются по-варварски (в данном случае неважно — на вовсе чужом наречии или же на греческом с варваризмами), но и вожди их выступают на поле боя в нелепом, с точки зрения поэта, отягощенном золотыми украшениями снаряжении (II, II, 867–875). В другом месте поэт, описывая выход для боя враждебных армий, подчеркивает — вполне в том духе, как это позднее будет делать Геродот, — стройный порядок и дисциплину греков, грозное движение их молчаливой рати в противовес нестройному многоголосию троянского ополчения, сравниваемого со стадом блеющих овец (II, IV, 422–438).

Страбон был прав, когда, полемизируя с Фукидидом (ср.: Thuc. I, 3), находил у Гомера достаточно уже ясное обособление эллинов от варваров (см.: Strab., XIV, 2, 28, p. 661). При этом он справедливо ссылался на места в «Одиссее» (I, 344, и XV, 80), где слово «Эллада» определенно обозначает страну греков вообще, в отличие от текста «Илиады» (II, 683–684 — место, которое имел в виду Фукидид), где «Эллада» и «эллины» прилагаются, очевидно, в соответствии с древнейшим, изначальным обычаем лишь к области и жителям фтиотидской Ахайи (в юго-восточной Фессалии). Заметим также, что Гомеру известно и понятие панэллинов (II, II, 530), т. е. что ему, во всяком случае, присуще представление о греках как некоей общности.

Однажды усвоенные литературной традицией греков понятия Эллады и эллинов (или панэллинов) продолжают жить и в послегомеровском эпосе (у Гесиода в «Трудах и днях»: Эллада — ст. 653, панэллины — ст. 528), и в архаической лирике (у Архилоха: панэллины — fr. 54

²⁸См.: Strab., XIV, 2, 28, p. 662–663; ср. также: *Saglio E., Humbert G. Barbari* // DA. T I. Pt. 1. 1877 p. 670; *Ruge W. Barbari* // RE. Bd II. 1896. Sp. 2858; *Spoerri W. Barbaren* // Der Kleine Pauly. Bd I (1975) 1979. Sp. 1545.

Diehl³). И надо думать, что утверждению связанного с этими понятиями представления о греках как некой особенной общности способствовало именно дальнейшее развитие оппозиции эллинов и варваров. Свою лепту здесь должна была внести поэзия архаического времени — времени Великой колонизации, широкой экспансии греков в Средиземноморье и Причерноморье. Недаром у Архилоха, поэта с Пароса, ведшего жизнь свободного авантюриста, участвовавшего также и в выводе паросцами колоний на фракийские земли, мы находим не только красочные подробности этого предприятия, но и выработку характерного стереотипа иноплеменника-дикаря в зоне колонизации (см. fr. 79 a Diehl³, где выразительно обрисованы жестокие в обращении с пленными «чубатые фракийцы» — Ἐρήχες ἀχροχομοί) и даже бранливые выходки по адресу этих «дикарей» (см. fr. 51, 48, где брань адресована «фракийским собакам» — χυσι θρέξιυ).

Столетием-другим спустя развитие оппозиции эллинов и варваров достигает большой остроты. У Гераклита (рубеж VI–V вв.) встречаем характерный пассаж: «Глаза и уши — плохие свидетели у людей, имеющих варварские души (βαρβάρους ψυχάς) (Heracl. ap. Sext. Emp., VII, 128 = DK 22 [12] B 107, пер. А. Ф. Лосева). Здесь понятие варварского употреблено в переносном смысле, но это-то и показательно. Самая метафоричность использованного Гераклитом, этим ранним идеологом полиса, образа «варварские души» предполагает большое реальное основание, широкий спектр социокультурного, по сути классического, восприятия и трактовки мира негреческого, неполисного, стало быть, по меркам античности, не равняющегося на разум, нецивилизованного, как мира варварского.

Завершая этот экскурс, попытаемся определить те главные импульсы, которые обусловили развитие первоначального простейшего, очевидно, по языковому признаку обособления греков от их соседей в исполненную широкого социально-политического и культурного смысла оппозицию эллинов и варваров. Как нам представляется, таких импульсов в век архаики было три.

Во-первых, рано осознанный греками собственный особенный культурный потенциал, диктовавший отношение превосходства ко всему негреческому. Этот потенциал складывается из микенского наследия и нового, найденного к началу архаики, прогрессивного пути развития. Отражение этого раннего ощущения превосходства мы, естественно, находим у Гомера, стоящего в преддверии новой эпохи.

Во-вторых, колонизационная практика, усугубившая это отношение греков к негрекам (карийцам, сикулам, фракийцам), как это видно, в частности, у Архилоха применительно к фракийцам.

Наконец, начавшаяся в последний век архаики общая конфронта-

ция греков с практически единым миром варваров, объединенным под властью персидских царей Ахеменидов. Наверное, не случайно, что с характерным уничижительным перетолкованием понятия варварского, выдававшим глубинную духовную оппозицию, мы сталкиваемся именно у Гераклита, современника этой конфронтации.

КОЛОНИЗАЦИЯ И ТИРАНИЯ

Отметив важное исходное значение первоначальной законодательной реформы, продолжим обзор интересующего нас исторического поворота и перейдем к характеристике двух других важных явлений, с которыми конкретно был связан для греков переход на античный путь развития, — колонизации и тирании. В самом деле, в зависимости от степени социальной напряженности, а вместе с тем и готовности общества разрешать назревавшие конфликты преимущественно в духе рационального компромисса или, наоборот, путем вооруженной борьбы, дальнейшее развитие, дальнейшее преодоление трудностей, вставших на пути формирующегося у греков полисного строя жизни, могло реализовываться двумя различными способами: вынужденным, но более или менее обществено согласованным и организованным выселением за пределы отечества части населения, недовольной своим положением на родине, или же открытым столкновением приниженных и недовольных социальных групп, в первую очередь демоса, с господствующим слоем знати, следствием чего нередко было установление тиранических режимов. И как колонизация явилась форсированным методом разрешения социально-экономических проблем, так тирания фактически (на свой лад) становилась таким же методом разрешения проблем социально-политических.

1. ВЕЛИКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.

Начать естественно будет с колонизации, поскольку она была своеобразной формой продолжения открытой первичным законодательством политики рационального устройства гражданских дел. Наука нового времени много уже сделала для прояснения процесса колонизации в эпоху формирования у греков полисного строя.¹ Как справедливо теперь полагают, причину этого явления надо искать не в одном

¹Общий очерк и принципиальную оценку греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э. можно найти в трудах: *Жебелев С. А.* Греческая колонизация // История Древней Греции. Ч. I (История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева. Т. II). М. 1937. С. 146–170; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М. 1983. С. 128–154; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1–2. Strassburg, 1912–1913 (1, S. 229–264; 2, S. 218–238); *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 88–101; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. New York, 1976. P. 50–59; *Graham A. J.* The Colonial Expansion of Greece // *САИ²* Vol. III. Pt 3. 1982. P. 83–162. — Более подробное изложение см. в специальных работах: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н. э.). Л, 1951. С. 143–258

каком-то исключительном моменте, аграрном, торговом или социально-политическом, а в сложном сплетении различных, но взаимодействовавших факторов, порожденных социальной действительностью архаической Греции. Тем не менее заглавным моментом, несомненно, было относительное перенаселение, созданное нехваткой земли — этого главного в ту пору производственного основания — в условиях резкого роста народонаселения, при сохранении примитивных, сугубо экстенсивных форм хозяйствования. Именно это обстоятельство справедливо подчеркивал и К. Маркс (а заметке «Вынужденная эмиграция», опубликованной в 1853 г.): «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации. Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными. В противном случае им грозило подчинение игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция».²

Однако наряду с этим действовали и другие импульсы, хотя и не столь решающего свойства, но тоже немаловажные. Так, нужды рождающегося города, развивающихся городских промыслов и коммерции сообщали колонизационному процессу дополнительную экономическую направленность, говоря конкретнее, дополняли аграрный интерес интересом торговым. С другой стороны, растущее противостоя-

(текст) и 298–335 (примечания); Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М. 1982; *Bérard J. L'expansion et la colonisation grecques jusqu' aux guerres médiques.* Paris, 1960; Boardman J. *The Greeks Overseas.* Harmondsworth, 1964 (3rd ed. — London, 1980); Mossé C. *La colonisation dans l'antiquité.* Paris, 1970. Для оценки роли колонизации в формировании греческого полиса ср. также: Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений в античном мире // Археологический сборник. Вып. 14. Л. (Гос. Эрмитаж), 1972. С. 32–42; Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Кругликова И. Т. Полис и миграция греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 7–29; Андреев Ю. В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 8–9; Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 217–220.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1957. С. 567–568, 640 (прим. 363).

ние демоса и знати, младшей аристократии и господствующих кланов, поскольку оно разрешалось эмиграцией недовольных лиц или групп, придавало колонизационным предприятиям определенный политический акцент.

Соответственно этому представлению о сложной природе греческой колонизации должен решаться и другой вопрос — о характере греческих колоний, о том, какой преимущественно тип поселений они воплощали — аграрный или торговый. Надо думать, что новые поселения, которые создавались как дочерние гражданские общины, главным своим назначением имели, как и метрополии, обеспечение своих сочленов важнейшим средством жизни — достаточными земельными наделами. Но, однажды конституировавшись как земледельческие общины, эти новые поселения, которые в физическом плане, подобно метрополиям, являли собой агломерации сельских усадеб вокруг городского центра, — эти поселения, естественно, становились очагами дифференцированной экономики, функционировавшей в условиях непрерывного и все углублявшегося взаимодействия сельской округи с формирующимся городом. Более того, живой экономической диалог колоний и туземных племен, колоний и метрополий в высокой степени стимулировал подъем коммерческой деятельности, что неизбежно придавало этим аграрным поселениям черты также и торговых центров.

С этим связано ближайшим образом и значение того вклада, который колонизация внесла в экономический прогресс Древней Греции. Без сомнения, она дала мощный толчок развитию обмена, в русле которого из метрополий на колониальную периферию хлынули изделия ремесленного производства и престижная продукция сельского хозяйства (вино и масло в первую очередь), тогда как обратно, из колоний в метрополии, устремился поток товаров, жизненно необходимых для растущих городов Эллады, — массовых продуктов питания, в особенности хлеба, которого чем дальше, тем все более нехватало, затем различного сырья и, конечно же, рабов.

Очевидно, до какой степени справедливо видеть в колонизации важную предпосылку экономических успехов древних греков и, в частности, становления у них в архаическую эпоху настоящих, развитых городов. Вместе с тем не следует забывать и о той особенной роли, которую колонизация сыграла в социальной истории архаической Греции. Мы имеем в виду ее вклад в общий процесс формирования греческого полиса постольку, в частности, поскольку она явилась для греков важным дополнительным средством разрешения социальных трудностей, притом — скажем об этом со всею определенностью — методом столь же рациональным, сколь и разбойным, а именно за чужой счет, за счет варварской периферии. Необходимость оттенить эту роль

колонизации заставляет еще раз проанализировать это историческое явление, но именно с интересующей нас особенной точки зрения.

В самом деле, греческая колонизация VIII–VI вв. до н. э. которую по справедливости называют великой, сыграла огромную роль в жизни греческого народа, в переходе его именно на античный путь развития. Колонизация разрядила социальную обстановку в Греции, дав отток избыточному аграрному населению на неосвоенные — во всяком случае, по представлению самих греков — заморские земли. Она дала мощный импульс занятиям торговлей, ремеслами, товарными видами сельского хозяйства, связав цепью более или менее взаимовыгодных экономических сношений метрополии и колонии, греческие города и варварскую округу. Она дала выход накапливавшейся векам энергии, развязала инициативу, предоставила богатое поле деятельности для всех, в ком, подобно Одиссею или Архилоху, бродила закваска авантюризма, жила тяга к новому, неизведанному, сулившему успех, богатство, славу.

Наконец, — поистине *last but not least* — колонизация положила начало массовому обращению в рабство негреков-варваров, которых не только подчиняли, прикрепляли к земле и превращали в рабов наподобие илотов, но, надо думать, и вывозили за пределы «освоенной» территории, поскольку они брались в плен во время войн или пиратских рейдов в глубь материка, заселенного независимыми, непокоренными племенами. В этом отношении Великая колонизация стала первым этапом общего наступления античности на мир окрестных варваров. Последующими вехами этого процесса станут в особенности военные предприятия афинян (в заключительные десятилетия Греко-персидских войн) и поход Александра.

Колонизационная деятельность греков в век архаики развивалась бурно и по всем направлениям: как на восток — в сторону Малой Азии, куда дороги были проторены еще в микенское и субмикенское время, так и на запад — в Южную Италию и Сицилию и далее, к берегам Галлии и Иберии; как на север — в сторону Фракийского побережья (полуостров Халкидика), в зону проливов и далее, в Причерноморье, так и на юг — в Африку (Кирена и Египет). При этом колонизационное движение началось очень рано, собственно, на рубеже гомеровского и архаического времени. Об этом свидетельствуют, в частности, хорошо датированные ранние — от VIII в. до н. э. — предприятия греков на западе: основание халкидянами и эретрийцами поселения на острове Искья (еще, по-видимому, рубеж IX–VIII вв.), Кимы в Кампании (середина VIII в.) и — тоже халкидянами, но без эретрийцев — Наксоса в Сицилии (736 г.), а чуть позже вывод также и коринфянами колоний на Керкиру и в Сицилию, где ими были основаны Сиракузы (735 г.).

Это были, так сказать, первые ласточки, за которыми последовало основание в Сицилии и Южной Италии целого ряда других греческих колоний — еще, по крайней мере, десятка в последней трети VIII и более дюжины в течение последующих VII и VI вв. до н.э.³

Надо, впрочем, заметить, что не всегда и не сразу колонизационная деятельность формирующегося полиса выливалась в заморские предприятия. Бывали случаи, когда объектом колонизации становились земли более слабого соседа в самой Греции. Так именно поступили спартанцы: для них своеобразным вариантом колонизации, гораздо более важным, чем вывод колоний на остров Феру и в Южную Италию (Тарент), стало покорение Мессении в ходе двух Мессенских войн — первой, в 742—734 гг., и второй, начиная с 636 г. до н.э. (обсуждение — по Евсевию, *Chron.*, II, p. 182 Karst).⁴

Цель этих завоевательных войн великолепно отражена в заявлении, которое традиция приписывает спартанскому царю Полидору при открытии кампании против мессенцев: «Иду на неподеленные земли (ἐλὶ τῆν ἀκλήρωτον τῆς χώρας) (Plut. *Apopth. Lac.*, p. 231 d). В результате земли мессенцев были поделены на клеры между нуждающимися спартанцами, а жители превращены в илотов, приписанных к этим клерам. Завоевание Мессении доставило спартанцам возможность столь радикально и так широко решить за чужой счет свои большие проблемы, что это, в сочетании с особенной крепостью спартанского космоса, избавило Спарту от ярма тирании. Аналогичная попытка афинян с островом Саламином оказалась менее удачной и менее значимой, чем, возможно, и объясняются новый накал социальных страстей в Афинах после Солона и установление там тирании еще в середине VI в. до н.э.⁵

Но вернемся к основному варианту — к выводу греками колоний за пределы своей страны. В организации этого столь важного для формирования классической цивилизации процесса вновь видна выдающаяся роль сознательных и планомерных усилий тех, кто стоял тогда

³См.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948; Stauffenberg A. Schenk Graf v. Trinakria. Sizilien und Grossgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München; Wien, 1963.*

⁴Подробнее о Мессенских войнах см.: *Mandec M. И. Мессенские войны и восстановление Мессении. Одесса, 1898; Beloch K. J. GG² I. 1. S. 206–207, 333–334; 2, S. 262–273; Kiechle F. Messenische Studien. Kallmünz, 1959; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 102–114; Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. London; Boston; Henley, 1979. P. 112 ff.*

⁵Остров Саламин невелик (всего 93 км²) и важен преимущественно своим стратегическим положением. За обладание им Афинам пришлось в VII–VI вв. до н.э. выдержать долгую и трудную борьбу с Мегарами. См.: *Beloch K. J. GG² I. 2. S. 309–314; ML, № 14* (надпись, свидетельствующая о существовании на острове в конце VI в. афинской военно-земледельческой колонии).

во главе греческих общин, или кому граждане специально доверяли руководство ответственным делом вывода колоний. Как правило, это были представители знати, бравшие на себя инициативу либо из общего стремления содействовать разрешению трудностей, от которых страдала их община, либо из более конкретных личных побуждений, поскольку они тоже были недовольны своим положением на родине и стремились поправить его участием в заморском предприятии. В любом случае естественным было обращение этих инициаторов за советом и санкцией к какому-либо почтенному общегреческому святылищу. Таким в особенности было святилище Аполлона в Дельфах — не только религиозный патрон значительной части общин Балканской Греции, рано сплотившихся вокруг него в особое религиозно-политическое единство — Дельфийскую амфикионию, но и традиционный хранитель народного опыта и аристократической мудрости.

В организацию колонизационного движения в архаическую эпоху Дельфийский оракул, во всяком случае, внес свою лепту — если и не в роли форменного руководителя всем процессом, как это представлялось некоторым ученым в позапрошлом веке, то в качестве своеобразного консультационного центра, обращение к которому за общей санкцией или прямым советом считалось непременным условием (ср.: Нег., V, 42) и, надо думать, и на самом деле способствовало успеху колонизационного предприятия.⁶ Ярким примером может служить в данном случае ситуация, связанная с выводом колонии из Коринфа в Сицилию в 735 г. до н. э.: инициатива правящего клана Бакхиадов сочетается здесь с корректирующей ролью оракула Аполлона в Дельфах и планомерной деятельностью ойкистов Архия и Херсикрата.⁷

Сицилийский материал, поскольку он сравнительно хорошо отражен в общегреческой исторической традиции, опирающейся, кстати, и на добротное местное предание, замечателен своей образцовостью. Он доставляет нам возможность с уверенностью судить о всех важнейших аспектах греческой колонизации — о причинах и характере самого

⁶Организованный характер греческих колонизационных предприятий особенно подчеркивает В. Эренберг, который справедливо ставит это явление в связь с формированием полиса (*Ehrenberg V. When did the Polls rise? // JHS. Vol. 57. 1937 P. 155*). Относительно инициативной роли знати ср.: *Bengtson H. GG⁴ S. 91*; об участии Дельфийского оракула в колонизационном движении см. специальные обзоры и исследования: *Pease A. S. Notes on the Delphic Oracle and Greek Colonization // CIPh. Vol. XII. 1917 № 1. P. 1-20; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I-II. Oxford, 1956 (I, p. 49-81; II, № 2-3, 37-49, 60-62, 69-72)*.

⁷Об истории этого коринфского предприятия подробнее см.: *Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб. 1865. С. 176 слл.; Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum. Bd I. Leipzig, 1870. S. 116 ff. Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 8 ff.; Stauffenberg A. Trinakria. S. 109 ff. См. также ниже, гл. 7.*

колониационного движения, о судьбе вновь основанных поселений, о своеобразии их исторического развития, при котором становление города-государства свершалось в ходе внутренней колонизации (не синойкизма), а формирование гражданской общины происходило в условиях социально-политической борьбы, осложненной дополнительным воздействием новых партий колонистов-эпоиков и зависимого местного населения; наконец, о сущности взаимоотношений между греческими колонистами и местным населением.

В частности, на примере основания коринфянами Сиракуз мы можем убедиться в сложной природе колониационного движения: в данном случае массивное давление избыточного аграрного населения (ср. указание традиции на происхождение большей части переселенцев из сельской местности Тенеи) сочеталось с известной заинтересованностью в расширении сферы коммерческой деятельности (ввиду связи правящего клана Бакхиадов с торговлей) и разрешающей, стимулирующей ролью социальной распри (здесь именно распри в среде самой знати, между Мелиссом и Архием). Замечательна также и последующая судьба вновь основанного поселения, которое постепенно из преимущественно земледельческого, с преобладающим значением землевладельческой аристократии первопоселенцев-гаморов, превратилось в развитое аграрно-торговое, с возрастающей ролью и значением городского демоса. Наконец, сиракузский материал великолепно проясняет суть этно-социального взаимодействия в зоне греческой колонизации.

С характерными обстоятельствами основания и главными линиями развития колониального полиса мы еще познакомимся подробно при рассмотрении исторических судеб Леонтин, Сиракуз и Гераклеи Понтийской (см. ниже, часть III, гл. 6–8). Но на вопросе об отношениях греческих колонистов с туземным населением необходимо остановиться уже сейчас. Этого требует как логика самого изложения, необходимость подкрепить конкретными данными сформулированное выше принципиальное положение о греческой колонизации как способе решения своих проблем за чужой счет, так и историографическое состояние вопроса, поскольку устойчивого единого мнения здесь так и не достигнуто. В этом легко убедиться на примере отечественной литературы.

В самом деле, казалось бы, нет ничего естественнее заключения об империалистическом характере греческой колонизации. Ведь, за немногими исключениями (например, в отдельных районах Причерноморья), новые поселения основывались греками в местах, где было свое исконное население, для которого утверждение новых поселенцев означало более или менее очевидное утеснение, утрату своих вла-

дений и возможностей для самостоятельного развития. Такой именно взгляд, в полемике с бытовавшей идеализацией греко-варварских отношений, был развит в русской дореволюционной историографии Ф. Ф. Соколовым. Глубоко исследовав древнейший период истории Сицилии, русский ученый сумел показать, что местные сицилийские племена сикулов и сиканов, хотя и уступали во многом грекам, отнюдь все же не стояли на стадии «новозеландской дикости», как это рисовалось взору английского историка Дж. Грота, и что приход греков вовсе не обернулся для них благодетельной миссией, а наоборот, прервал спонтанный процесс собственного оригинального развития.⁸

Однако это простое и с виду естественное мнение в дальнейшем было пересмотрено, и на смену ему явилось иное и, как стало казаться, более верное воззрение на отношения греческих колонистов с местным населением как на своего рода положительное, с выгодами для обеих сторон, взаимодействие. Это воззрение нашло отражение, в частности, у С. А. Жебелева, который в одной из последних своих работ писал: «Было бы неправильно рассматривать греческую колонизацию как своего рода ряд разбойничьих набегов или вооруженных экспедиций. Последние были бы невысказанными, так как число являвшихся колонистов значительно уступало количеству туземного населения, окружавшего или жившего по соседству с основанной колонией. . Все усилия торговых колоний должны были быть направлены на то, чтобы обеспечить между греками и туземцами такой *modus vivendi*, при котором каждая сторона могла бы извлекать для себя наибольшие выгоды. И если греческие колонисты эксплуатировали туземцев в своих интересах, то со своей стороны и верхи туземного населения извлекали из общения с греками свои, хотя бы и меньшие, выгоды. В этом отношении было бы антиисторично переносить на греческую колонизацию отличительные свойства колониальной эксплуатации нового времени».⁹

Если бы дело ограничивалось у С. А. Жебелева оговоркою насчет выгод, которые извлекали для себя из контактов с греками верхи туземного населения, то с этим можно было бы согласиться. Однако изложенное им мнение клонило именно к принципиальному пересмотру прежнего взгляда на греческую колонизацию как на явление по существу разбойного характера. С этим нелегко было согласиться, и показательно, что несколько позже К. М. Колобова, хотя и с оговоркою относительно зависимости колонизационной инициативы греков от возможности конструктивного взаимодействия (в частности, торгового обмена) с местным населением, а следовательно, и от уровня развития последнего, все же вернулась к общей оценке греческой ко-

⁸ Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 227 слл.

⁹ Жебелев С. А. Греческая колонизация. С. 153.

лонизации как явления по сути дела империалистского. Указывая, что «колониционная экспансия является характерным и составным элементом развития рабовладельческого строя», она вполне справедливо усматривала природу этого явления в характере самого (античного) рабовладельческого общества: «Развитие за счет периферии характерно для всех рабовладельческих обществ. Прежде всего оно обусловлено необходимостью (при развитом рабовладении) приобретать рабов вне территории своего полиса, а на определенной стадии развития греческих полисов — и вне Греции».¹⁰

Тем не менее недавно взгляд, обнаружившийся уже у С. А. Жебелева, вновь был поддержан В. П. Яйленко, который, опираясь главным образом на археологический материал, развил этот взгляд до крайней степени.¹¹ Указывая на вовлечение туземных элементов в экономическую деятельность греческих колоний, отрицая при этом порабощение греками туземцев, да и вообще какое бы то ни было насилие греческих колонистов над местным населением, В. П. Яйленко считает возможным говорить о «трудовой кооперации» и «мирной конвергенции» греческого и туземного миров. «Результаты археологических исследований в Великой Греции и Нижнем Побужье, — пишет он, — показывают, что в экономическую деятельность греческих колоний широко вовлекались туземные элементы. При этом необязательно надо стремиться. повсюду видеть порабощение туземцев греками: твердых доказательств порабощения местных элементов в греческих колониях до конца VI в. у нас нет».¹²

И ниже он продолжает: «Одним из наиболее продуктивных, если не основным, вариантом экономического взаимодействия между греческим колониальным и туземным мирами была добровольная трудовая кооперация. Повсюду более высокий сравнительно с туземным уровень жизни в греческих колониях привлекал местные элементы. Архаическое греческое общество еще не знало противопоставления эллин — варвар, и это облегчало взаимодействие обоих миров. Трудовое участие туземцев в экономической деятельности греческих колоний предоставляло и им более высокий жизненный стандарт. Такая экономическая заинтересованность местных элементов в трудовой деятельности на полях и в мастерских греков в сочетании с потребностью греческих колоний в трудовых ресурсах и породила возникновение сельских поселений со смешанным населением, проникновение туземцев в греческие поселения и греков в туземные, а в конечном счете материальное и культурное сближение греческого и туземного миров».¹³

¹⁰ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. С. 154.

¹¹ См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 149–154.

¹² Там же. С. 149–150.

¹³ Там же. С. 152.

На каком основании делаются такие далеко идущие выводы? На что ссылается В. П. Яйленко? На результаты археологических исследований в Великой Греции и Нижнем Побужье, на возникновение кое-где поселений со смешанным населением (в расчет могут идти жившие по соседству с Ольвией каллипиды, или эллино-скифы, Геродота [IV, 17] и миксэллыны ольвийского декрета в честь Протогена [IOSPE, I², № 32, В 16–17]), но более всего на сицилийский материал. Однако археологические данные, не подкрепленные соответствующими письменными свидетельствами, могут допускать самое различное истолкование и, во всяком случае, не являются надежным источником для суждения об этно-социальных отношениях. Равным образом не имеет решающего значения и ссылка (кстати, использованная уже С. А. Жебелевым) на смешение греков с туземцами: такое смешение является обычным спутником этнических контактов, но не может служить показателем их характера (ср., например, наличие в Спарте категории мофаков, происходивших от сожительства спартиатов с илотками). Что же касается сицилийского материала, то он истолкован В. П. Яйленко отнюдь не лучшим образом: за переложением тенденциозных (или тенденциозно толкуемых) выводов некоторых современных археологов¹⁴ он проглядывает красноречивые указания античной традиции, которые в массе своей совершенно опровергают развитый им взгляд.

В самом деле, начнем с того, что нам известно об утверждении греков в Сицилии. В трех случаях из четырех, когда традиция фиксирует внимание на первоначальных контактах греческих переселенцев с туземцами, речь идет о насильственном изгнании последних с мест их обитания: Архий основал Сиракузы, «прежде всего прогнав сикулов (Σικελούς ἐξέλασας) с острова», т. е. с Ортигии, где греки и обосновались в первую очередь (Thuc., VI, 3, 2); халкидяне с Фукллом во главе, двинувшись из Наксоса, основали Леонтины, «войной прогнав оттуда сикулов (πολέμῳ τοὺς Σικελούς ἐξέλασαντες)» (ibid., VI, 3,

¹⁴В. П. Яйленко опирается, в частности, на выводы археологов П. Орландини и Э. Сьоквиста. Последнему принадлежит обобщающий труд: *Sjöqvist E. Sicily and the Greeks: Studies in the Interrelationship between the Indigenous Populations and the Greek Colonists*. Ann Arbor, 1973. — Надо, однако, заметить, что тема греко-туземных отношений трактуется в названном произведении отнюдь не однозначно, но по-разному для двух различных групп греческих колоний. Если отношения небольших ионийских (халкидских) поселений (Наксос, Леонтины, Катана) с сикулами строились, по мнению Сьоквиста, на началах мирного сосуществования и кооперации (с. 21 слл.), то для мощных дорийских городов (Сиракузы, Гела, Акрагант) он придерживается более традиционного взгляда: их политика в отношении туземцев отличалась враждебностью, вела к подавлению и порабощению греками сикулов и сиканов (с. 36 слл.). Последствия этих различий Сьоквист прослеживает вглубь, в классическое время, усматривает их, в частности, в позиции, занятой сикулами во время афинского вторжения на остров, когда они поддержали ионийцев — халкидян и афинян — против дорийцев-сиракузян (с. 53 слл.).

3); ойкист Гелы Антифем утвердился с товарищами в новых владениях, «разорив (πορθήσας) городок сиканов Омфаку» (Paus. VIII, 46, 2). И только в одном случае сообщается, что греческие колонисты обосновались при содействии туземцев: это были переселенцы из Мегар, которым после первых их мытарств удалось заручиться поддержкой сиккульского царька Гиблона и на его земле и под его руководством основать городок Мегары Гиблейские (см.: Thuc. VI, 4, 1). Но в данном случае «конструктивное сотрудничество» греческих колонистов с туземным правителем объяснялось, несомненно, только лишь их ослабленностью; там, где они чувствовали себя сильными, они и действовали вполне однозначно — путем насилия, не оставлявшего места для сотрудничества.

Далее, показательна судьба туземного населения, оставшегося на территории вновь основанных греческих полисов. Об этом можно судить на примере Сиракуз, чья история особенно хорошо представлена в античной традиции и наиболее обстоятельно изучена учеными нового времени. Так вот, на основании археологического обследования сиракузской хоры можно заключить о скорой деградации местной культуры, об исчезновении всех ранее процветавших сиккульских поселений, за исключением одной сравнительно далеко отстоявшей от Сиракуз Гиблы Герейской (у нынешней Рагузы). При этом население самих Сиракуз, равно как и основанных ими в округе новых, дочерних колоний, судя по археологическим находкам, оставалось чисто греческим. Спрашивается: что же случилось с жителями названных сиккульских поселений? Ответ оказывается один: поскольку они не были прогнаны или истреблены, они стали киллириями — земледельческими рабами наподобие илотов, закрепленными за клерами греческих первопоселенцев, землевладельцев-гаморов.¹⁵

Два с лишним столетия удавалось сиракузской аристократии сохранять эту систему земледельческого рабства. Однако ситуация была чревата взрывом: огромное количество киллириев, вошедшее даже в поговорку, родственная близость их племенам независимых сиккулов, потесненных, но не сокрушенных совершенно, наконец, возможность также при случае объединения этих порабощенных и, несомненно, эллинизированных туземцев с политически неполноправным сиракузским демосом — все это таило в себе большую опасность для сложившегося в Сиракузах строя аристократической рабовладельческой республики.

¹⁵К такому именно выводу на основании сопоставления археологических данных со свидетельствами античной традиции приходит Т. Данбэбин, один из самых трезвых и авторитетнейших исследователей греческой колонизации в Сицилии и Южной Италии. См.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 95-112.* — О статусе киллириев подробнее см. ниже, гл. 7.

Взрыв заставил себя ждать, но, в конце концов, он все же разразился, приняв характер радикального социального переворота. В 491 г. до н. э. власть землевладельческой знати гаморов была свергнута в Сиракузах совместным выступлением демоса и киллириев; при этом гаморы были изгнаны, а киллирии получили свободу и даже вошли в состав гражданства.¹⁶ Это событие — едва ли не уникальный пример совместных действий греческого городского демоса и туземных земледельческих рабов, т. е. пример формирования единого демократического фронта и достигнутого таким образом успеха в демократической революции. Вместе с тем это — ярчайшее свидетельство антагонизма, существовавшего между киллириями и гаморами, а следовательно, и самое убедительное опровержение теорий «трудовой кооперации» и «мирной конвергенции».

Но мало того, что греческими колонистами в Сицилии подавлялось туземное население в ближайшей, освоенной ими округе. Источники свидетельствуют об их непрерывной борьбе и со свободными сицилийскими племенами, т. е. с теми туземными общинами, которые остались за пределами первоначально захваченной греками территории и сохранили свою независимость. Здесь опять-таки замечателен пример Сиракуз, история которых вообще стоит в центре внимания античной традиции, когда она повествует о судьбах греческих городов в Сицилии.

Показательна неуклонность агрессивных устремлений сиракузян в отношении свободных сикулов во все времена, независимо от порядков, которые существовали в самом Сиракузском государстве. Первоначальная аристократическая республика гаморов последовательно осуществляла экспансию во внутренние сицилийские земли, этап за этапом осваивая их посредством внутренней колонизации. В архаический период, в VII в. до н. э. сиракузянами были основаны, в частности, Акры (к западу от Сиракуз, в верховьях реки Анап) и Энна (в самом центре острова), Касмены и Камарина (на юго-востоке), не считая ряда небольших фортов, закреплявших их господство над освоенной таким образом обширной территорией.¹⁷

С утверждением сначала в Геле, а затем и в Сиракузах тирании наступление на сикулов не прекратилось. Тиран Гелы Гиппократ (498–491 гг.) неоднократно совершал походы в земли сикулов, осаждал и захватывал их городки (см.: Нег., VII, 154; Polyaeu. V, 6) и под сте-

¹⁶Подробнее о времени и обстоятельствах этого переворота см.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 414–415; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 177–179. См. также ниже, гл. 7.

¹⁷Об этой осуществлявшейся сиракузянами внутренней колонизации подробнее см.: *Соколов Ф. Ф. Критические исследования*. С. 189–191; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 95–112; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 121–126, а также ниже, гл. 7.

нами одного из них — Гиблы Гелеатской — в конце концов нашел себе смерть (Нег., VII, 155).¹⁸ Сменивший его в Геле, а затем утвердившийся и в Сиракузах Дейномеид Гелон (годы правления в Сиракузах — 485–478), бывший ранее соратником Гиппократата во всех его войнах, надо думать, продолжал держаться твердого курса в отношении сикулов. Наследовавший Гелону его брат Гиерон (478–466 гг.) без церемоний отбирал у сикулов земли. Так он поступил, например, при выводе военно-земледельческой колонии в Катану (Diod., IX, 49, 1, и 76, 2).¹⁹

Падение тирании и восстановление в Сиракузах республиканского строя (466 г.) ничего не изменили в отношениях сиракузян с сикулами. Правда, у сикулов в это время явился талантливый руководитель Дукетий, который, начав с борьбы за возвращение земель, отнятых у туземцев Гиероном, добился исключительных успехов (драгоценные сведения об этом движении сопротивления сохранил Диодор, XI, 76, 2–3; 78, 5; 88, 6–90, 2; 91–92; XII, 8 и 29). Дукетию удалось сплотить сикулов в политическое единство наподобие федерации с центром в городе Палике, основанном по его инициативе вблизи святилища сикульских богов-близнецов Паликов, в центре восточной части острова. Опираясь на объединенные силы сикульских общин, Дукетий в течение целого ряда лет — с 461 до 451 г. — вел успешную борьбу с греками, отвоевывая у них обратно сикульские земли и закрепляясь на них посредством основания новых городов. Однако, в конце концов, сиракузяне и акрагантяне совместными усилиями положили конец успехам сикулов: Дукетий был разбит и должен был сдаться сиракузянам, которые выслали его в Коринф (451 г.). Правда, спустя некоторое время Дукетий нашел способ вернуться в Сицилию (446 г.) и вновь возглавил сопротивление сикулов, однако на этот раз болезнь и смерть остановили его в самом начале нового пути (440 г.).²⁰

После смерти Дукетия сиракузяне перешли в решительное наступление на сикулов. Подчинение их общин они завершили штурмом последней сикульской твердыни — города Тринакии. Сам город был разрушен, а уцелевшие жители проданы в рабство. За счет добычи торжествующие сиракузяне отправили богатые посвященные дары общему духовному патрону греческих колонистов — Аполлону Дельфийскому (Diod., XII, 29, 2–4). Подчиненные сиракузянам сикульские об-

¹⁸Ср.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 403–404.

¹⁹Об основании и устройстве этой новой колонии, получившей название Этна, см. также: Pind. *Pyth.*, I cum schol.; fr. 105; Strab., IV, 2, 3, p. 268; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 260–273; Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd I–II. München, 1967 (I, S. 149; II, S. 604–605).

²⁰О выступлении Дукетия см. также: *Adamesteanu D. L'ellenizzazione della Sicilia e il momento di Ducezio // Kokalos*. Vol. VIII. 1962. P. 167–198; *Sjövqvist E. Sicily and the Greeks*. P. 50–53.

щины были обложены большой данью (Diod. XII, 30. 1; Thuc. VI, 20, 4), и это положение не изменилось в принципе и при новой тирании Дионисия Старшего (405–367 гг.).²¹ Более того, есть основания думать, что именно тогда, в результате последовательно проводимой нивелирующей державной политики, сикульские общины утратили последние остатки своей внутренней самостоятельности и самобытности и подверглись сильнейшей эллинизации.²² Во всяком случае, в последующие века мы практически ничего уже не слышим о сикулах и единственным, хотя, впрочем, и знаменательным, воспоминанием о былой независимости местного сицилийского населения явится, уже в римское время, использование святилища Паликов сицилийскими рабами при подготовке и осуществлении ими своего второго восстания (см.: Diod., fr. XXXVI, 3, 3; 7, 1).²³

Уже этого обзора истории отношений греческих колонистов с местным населением в Сицилии достаточно, чтобы показать всю неосновательность утверждений о «мирной конвергенции». Однако при желании можно было бы привести массу параллельных свидетельств из истории контактов греков с туземным населением в других районах колонизации. За недостатком места мы ограничимся лишь одним дополнением — краткой сводкой данных из истории ближайшего к Сицилии и исторически тесно связанного с ней южноиталийского региона. Сделать это тем более естественно и удобно, что используемая нами античная литературная традиция о греках в Италии столь же добротна и представлена по существу теми же ветвями универсальной и локальной историографии, что и традиция о греках в Сицилии.

Выше мы уже упоминали о раннем обращении греческого колонизационного потока на запад. Результатом было основание в Южной Италии, по берегам Адриатического, Ионийского и Тирренского морей нескольких десятков поселений, ставших отправными или опорными пунктами длительного и многообразного общения греков с миром италийских народов. Масштаб и значение этих контактов трудно переоценить. Ведь они по большому счету стали прелюдией глобального взаимодействия двух главных этнокультурных очагов античности, мира греческого и мира римско-италийского, на фоне которого стерлись прочие взаимодействия (греков с финикийцами и этрусками, римлян — с этрусками и карфагенянами). При этом несомненной является продуктивность контактов в целом ряде отношений: греки получили землю, источники хлеба, сырья и рабов, колоссально расширили сферу

²¹ См.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979. С. 141.

²² Там же. С. 152–153.

²³ Значение этого факта справедливо было подчеркнуто К. М. Колобовой. См. ее статью: Второе сицилийское восстание рабов // Eirene. Vol. II. 1964. С. 111–135.

своей торговой и политической активности; на долю италиков в целом выпало приобщение к более развитой цивилизации полисного типа, воздействие которой стимулировало, например, римлян к переходу на античный путь развития, равно как и приобщение к культурным достижениям этой цивилизации (заимствование алфавитного письма и чеканной монеты).

В плане этого взаимодействия символичен даже исторический обмен этническими обозначениями: именно италики, по-видимому, окрестили эллинов греками (вероятно, по названию одного из греческих племен, живших в Эпире, у Отрантского пролива), между тем как эти последние назвали новую открывшуюся им страну Италией (от оскского *Viteliu* — «Страна телят»). Для самих греков значение обоснования в Италии было несомненно — оно отражено в рано усвоенном ими (возможно, уже в VI в. до н. э.) метафорическом обозначении этого нового их доминиона (иногда вместе с Сицилией) как Великая Греция (*Μεγάλη Ἑλλάς*, Polyb., II, 39, 1; Strab., VI, 1, 2, p. 253).²⁴

И тем не менее, при всей масштабности и значимости контактов греков с туземным миром Италии, очевидным является общий враждебный характер этого взаимодействия. Более того, в отличие от Сицилии, здесь, в населенной многочисленными и воинственными племенами Италии, грекам очень скоро после первоначального обоснования пришлось перейти к обороне, к отражению жесткой реакции италийских народов на их вторжение. И оборона эта была отмечена непрерывным рядом конечных поражений, перечень которых легко составить, в частности, по историко-географическому обзору Страбона (в 5-й и 6-й книгах его «Географии»).

Страбон и в общей форме отмечает враждебность отношений греков с италийскими варварами, за которыми он и признает конечный успех: ... Эллины и варвары долгое время воевали друг с другом. Сицилийские тираны и впоследствии карфагеняне, ведя войны с римлянами сначала за Сицилию, а затем за самую Италию, причинили вред всем народностям этих мест, в особенности эллинам. Правда, раньше, со времен Троянской войны, эллины отняли у местных жителей большую часть внутренних областей и до такой степени усилились, что назвали эту часть Италии вместе с Сицилией Великой Элладой. Теперь, однако, все части страны, за исключением Таранта, Регия и Неаполя, приняли совершенно варварский облик; одни области заняли луканы и бруттии, другие — кампанцы; впрочем, последние заняли только по имени, а в действительности — римляне, так как сами кам-

²⁴О понятии «Великая Греция» ср.: *Beloch K. J.* GG², I, 1, S. 236; *Ciaceri E.* *Storia della Magna Grecia*. Vol. II. Milano; Roma; Napoli, 1927. P. 184 sgg.; *Bengtson H.* GG⁴. S. 96.

панцы стали римлянами» (VI, 1, 2, p. 253, пер. Г. А. Стратановского с некоторыми нашими исправлениями).

Но важны, конечно, и конкретные судьбы отдельных греческих колоний. При этом показательно, что лишь дважды Страбон упоминает об успехах греков в столкновениях с варварами в начале колонизации: при основании ахейцами Кротона и спартамцами Тарента, когда оба раза была отнята земля у япигов (мессапиев) (см.: для Кротона — VI, 1, 12, p. 262; для Тарента — VI, 3, 2 и 3, p. 279 и 280; 6, p. 282). Зато перечень греческих неудач при контраступлении варваров выглядит неизмеримо внушительнее:

Кима и Неаполь — заполнены кампанцами и утратили свой греческий облик; по буквальному выражению античного автора, сохранились только следы (ἵχνη) греческой культуры (V, 4, 4, p. 243, и 7, p. 246);

Посидония — захвачена луканами (VI, 1, 3, p. 254);

Гиппоний — захвачен бруттиями (VI, 1, 5, p. 256);

Регий — разгромлен кампанцами (VI, 1, 6, p. 258);

Кавлония — оставлена греками под натиском варваров (VI, 1, 10, p. 261);

Фурии — порабощены луканами (VI, 1, 13, p. 263);

Метапонтий — разрушен самнитами (VI, 1, 15, p. 264);

Тарент — непрерывно испытывал трудности в борьбе с наседавшими варварами и потому вынужден был приглашать на помощь полководцев с войсками из Балканской Греции (VI, 3, 4, p. 280), в конце концов достался римлянам и должен был принять римскую колонию (VI, 3, 4, p. 281).

Общее впечатление от рассказа Страбона таково, что грекам-италиотам непрерывно и в общем безуспешно приходилось отбиваться от наседавших варваров. При этом можно даже, по данным универсальной историографии, отметить характерные яркие вспышки, своего рода кульминационные точки этой борьбы. Первая такая точка падает на начало V в. до н. э.: в 473/2 г. тарентинцы, действовавшие в союзе с регинцами, потерпели страшное поражение от япигов, причем одних регинцев пало до 3 тыс. (Her. VII, 170; Diod., XI, 52).²⁵

Следующая кульминация — самое начало IV в. когда ситуация осложнилась вмешательством в италийские дела сиракузского тирана Дионисия Старшего, который в пику независимым италиотам стал поддерживать варваров-луканов. В ходе очередного обострения борьбы в 390/89 г. фурийцы, которых поддерживали остальные италиоты, потерпели сокрушительное поражение от луканов при Лаосе, причем

²⁵Подробнее см.: *Ciaceri E. Storia della Magna Grecia. II. P. 276 sgg.*

греков погибло до 10 тыс. (Diod., XIV, 101–102; Strab., VI, 1, 1, p. 253).²⁶

Наконец, на рубеже IV–III вв. когда среди ослабленного сиракузскими тиранами эллинизма Италии единственно сильным остался Тарент, борьба обострилась до предела. Тарент, не выдерживая натиска луканов и япигов, неоднократно обращался за помощью к грекам метрополии, однако являвшиеся оттуда по его призыву полководцы успеха в Италии не имели: спартанский царь Архидам III, сын Агесилая, погиб здесь в 338 г.; эпирский (молосский) царь Александр, брат Олимпиады, погиб в 330 г.; спартанский царевич Клеоним, сын Клеомена II, действовал неудачно в 303 г.: сиракузский тиран Агафокл в 90-х годах следующего столетия мог добиться лишь временного успеха.²⁷ Чуть позже, когда над Тарентом нависла еще более страшная угроза — со стороны Рима, тарентинцы, как известно, призвали на помощь эпирского царя Пирра, племянника Александра Молосского. Его борьба и поражение в Италии (280–275 гг.) знаменовали конец независимого существования греков-италиотов. А вскоре наступил черед и сикелиотам: по итогам 1-й Пунической войны Сицилия стала римской провинцией (241 г.).

Оценивая причины исторической неудачи греков в Италии, необходимо прежде всего отметить слабость и неэффективность их собственных действий, на которых пагубно сказывались традиции полисного партикуляризма. Правда, время от времени италиоты делали попытки преодолеть свою политическую разобщенность и даже в какой-то момент, на рубеже V–IV вв., сумели сорганизоваться в единый союз (см.: Diod., XIV, 91, 1, под 393 г.),²⁸ что явно стояло в русле известных федеративных или державных объединительных тенденций греческой политики в зоне колонизации, перед лицом варварского окружения (ср. образование Ионийского союза в Западной Малой Азии, объединение городов Боспора в Северном Причерноморье, не говоря уже о Сицилийской державе Дионисия). Однако в Италии эти усилия обнаружились сравнительно поздно и вдобавок были парализованы соперничающим выступлением сиракузской тирании. Вместе с тем очевидна и особенная сила варварского противостояния: грозными противниками греков в Италии явились местные племенные союзы кампанцев, луканов, бруттиев, япигов (мессапиев), а когда вслед за ними на гре-

²⁶ См. также: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. С. 78 слл.; *Ciaceri E. Storia della Magna Grecia*. II. 394 sgg., 413 sgg.

²⁷ См. также: Моммзен Т. История Рима / Пер. с нем. под ред. Ф. В. Кипарисова. Т. I. М., 1936. С. 341 слл.; Ковалев С. И. История Рима. Изд. 2-е. Л., 1986. С. 139; *Ciaceri E. Storia della Magna Grecia*. Vol. III. 1932. P. 1 sgg.

²⁸ О союзе италиотов ср. также: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. С. 77; Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*. Bd V Stuttgart; Berlin, 1902. S. 127–128; *Ciaceri E. Storia della Magna Grecia*. Vol. II. P. 413–414; *Stroheker K. F. Dionysios I*. Wiesbaden, 1958. S. 113–114.

ков-италиотов надвинулась мощь римлян, единой Римско-италийской державы, дело греков было окончательно проиграно.

Как бы там ни было, примеры, взятые из италийской и сицилийской истории, как, впрочем, и все то, что нам известно о греко-варварских отношениях в других областях Средиземноморья и Понта (ср. ожесточенную борьбу греков с карийцами, греческих городов Халкидики и Фасоса с фракийцами, Гераклеи Понтийской с мариандинами, Боспора и Херсонеса Таврического со скифами и проч.), — весь этот материал в целом убедительно свидетельствует о далеко не мирном и не сотрудицеском характере контактов, которые буквально были навязаны одним миром другому, в конечном счете — скажем об этом со всею определенностью — об империалистском характере греческой колонизации.

При этом надо учитывать не только такие очевидные проявления колониального разбоя, как захват у местных жителей их земель и обращение их самих в рабов или зависимых данников, но и формы, так сказать, скрытые, и среди этих последних в особенности неэквивалентный характер обмена между греческим миром и варварской периферией.²⁹ Сбывая варварам изделия своего ремесла, предметы роскоши и, конечно же, вино, греки получали взамен гораздо более ценные вещи — разнообразное сырье, хлеб, рабов, т. е. все то, что буквально стало основой для развития и процветания их рабовладельческой экономики. Без преувеличения можно сказать, что так называемая великая колонизация и открытая ею эксплуатация варварской периферии явились для греков важнейшими материальными предпосылками реализации античного способа развития, с рабством иноплеменников, но зато с гражданскими правами и привилегиями для соотечественников.

2. РАННЕГРЕЧЕСКАЯ ТИРАНИЯ

Вывод колоний за море был важным средством предупреждения социального взрыва в греческих метрополиях. Тем не менее архаическое общество не было совершенно застраховано от жестких коллизий; напротив того, не взирая ни на какие предупредительные меры мудрых политиков, греческие общины нередко оказывались охвачены сильнейшим социальным брожением, или, как говорили древние, смуту (στάσις), которую непрерывно возбуждали древние неискоренимые противоречия между демосом и аристократией, равно как и соперничающее честолюбие знатных лидеров.

Вообще вступление на античный путь развития не было для греков столь гладким и простым делом, как могло бы показаться с первого

²⁹Ср.: Полянский Ф. Я. Экономическая мысль Древней Греции. М., 1974. С. 5–6.

взгляда. Первоначальной законодательной реформой были заложены первые опоры и намечены контуры, а колонизацией были обеспечены дальнейшие необходимые условия для форсированного возведения полисного здания. Однако в условиях объективно созревшей и разразившейся смуты субъективная готовность архаического греческого общества к завершению работы совместными усилиями оставляла желать лучшего. По большому счету ни аристократия не хотела поступиться в пользу народа традиционными своими привилегиями, ни демократия не намерена была соизмерять степень своего давления на знать с разумною мерою, диктуемую потребностями сохранения гражданского единства, сознанием необходимости социального компромисса. В этих условиях роль своеобразного общественного катализатора сыграла архаическая тирания (ее еще называют раннегреческой, или старшей, чтобы отличать от тирании, возродившейся в условиях кризиса полиса в позднеклассическое и эллинистическое время).³⁰

Строго говоря, древняя тирания не была конструктивным элементом демократического движения; она была, скорее, побочным явлением, порожденным смутою, и носила по преимуществу деструктивный характер. Далее, если первоначальная законодательная реформа и колонизация были подлинными воплощениями греческого рационализма, то в тирании реализовалось иррациональное стремление личности к власти, та самая глубинная человеческая спесь (ὕβρις), в которой греки рано усмотрели главного антагониста разумному общественному порядку, благозаконию (εὐνομία). Чужеродность этих древних, возникавших посредством узурпации в период обострения социальной смуты, режимов личной власти хорошо сознавалась современниками. Недаром они окрестили этот нетрадиционный, столь отличающийся от патриархальной царской власти, вид монархии чужим, заимство-

³⁰ Литература о греческой тирании достаточно обширна, и здесь мы ограничимся указаниями лишь на важнейшие работы. Наиболее полные фундаментальные исследования: *Plass H. G. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen*. Tl. I-II. Bremen, 1852 (2. Aufl. 1859); *Berve H. Die Tyrannen bei den Griechen*. Bd I-II. München, 1967 — Полезны также более краткие обзоры: *Lenschau Th. Tyrannis* // RE. 2 Reihe. Bd VIII. Hbbd. 14. 1948. Sp. 1821-1842; *Andrewes A. The Greek Tyrants*. London, 1956 (2nd ed., 1958); *Diesner H. J. Griechische Tyrannis und griechische Tyrannen*. Berlin, 1960; *Mossé C. La tyrannie dans la Grèce antique*. Paris, 1969. — Специально о старшей тирании: *Beloch K. J. GG² Bd I, Abt. 1-2. Strassburg, 1912-1913* (1, S. 347-371; 2, S. 274-318); *Ure P. N. The Origin of Tyranny*. Cambridge, 1922; *Nilsson M. P. The Age of the Early Greek Tyrants*. Belfast, 1936; *Oliva P. Rana recka tyrannis*. Praha, 1954; *Pleket H. W. The Archaic Tyrannis* // *Talanta*. Vol. I. 1969. P 19-61. — К этому надо добавить подборки материалов в кн.: *Problems in Ancient History* / Ed. by D. Kagan. Vol. I. New York, 1966. P 205-236; *Die ältere Tyrannis bis zu den Perserkriegen* / Hrsg. von K. H. Kinzl. Darmstadt, 1979. — В советской литературе особенно важны работы К. К. Зельина: 1) *Олимпоники и тираны* // ВДИ. 1962. № 4. С. 21-29; 2) *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.* М. 1964.

ваным, как считают, из Малой Азии, у лидийцев или фригийцев, словом «тирания» (впервые зафиксировано у Архилоха в характерном приложении к власти лидийского правителя-узурпатора Гигеса, fr. 22 Diehl³).³¹

Неконструктивность, иррациональность, чужеродность древней тирании не исключает, однако, возможности признания за ней известного исторического значения: на свой лад, так сказать, от противного, самим фактом своего насильственного возникновения и существования, она содействовала утверждению в греческом обществе полисного духа, с его культом разумной нормы, согласованного и общеобязательного для граждан закона.

Присмотримся, однако, пристальнее к этому явлению, сопутствовавшему и паразитировавшему на общем демократическом движении. Тирания являлась к жизни в какой-то момент после первого рационально спланированного и осуществленного устроения общественных дел, когда это устроение оказывалось в глазах общества недостаточным или неудовлетворительным, когда вновь вспыхивали раздоры и возникали условия для авторитетного выступления сильной личности, на которую, изверившись в реформе, народные массы возлагали теперь все свои надежды. Надо, однако, подчеркнуть, что корнем тирании была не демократия, а демагогия. На авансцену политической жизни выступали честолюбивые авантюристы, которые, как правило, были людьми знатного происхождения, нередко даже вождями целых кланов, но по каким-то причинам, чаще всего из-за соперничества с другими знатными вожаками, порывали со своим сословием, развязывали широкую демагогическую кампанию, при поддержке демоса добивались чрезвычайного назначения на высшую должность, а затем узурпировали власть.

Тирания была в архаической Греции широко распространенным явлением, особенно характерным для развитых в экономическом отношении районов, где острота внутренних социальных противоречий достигала особой силы. Здесь достаточно будет назвать наиболее значимые тиранические режимы, оставившие особенно яркий след и в исторической традиции древних. В Балканской Греции более всего известны тираны в городах вокруг Истма: в Коринфе — Кипсел, его сын Периандр и племянник последнего Псамметих (657–584), в Сикионе — Орфагор и ряд его преемников (приблизительно 655–555), в

³¹ О рождении тиранических режимов и появлении самого понятия тирании, помимо работ, указанных в предыдущем примечании, см. также: *Hegyí D. Notes on the Origin of Greek Tyrannis // ААН. Т. XIII. 1965. Fasc. 3–4. P. 303–318; Labarbe J. L'apparition de la notion de la tyrannie dans la Grèce archaïque // АСI. Т. XL. 1971. P. 471–504; Drews R. The First Tyrants in Greece // Historia. Bd. XXI. 1972. H. 2. P. 129–144.*

Мегарах — Феаген (около 630), в Афинах — Писистрат и два его сына Гиппий и Гиппарх (560—510 гг., с перерывами). Из периферийных областей особенно благодатными для возникновения тиранических режимов оказались Иония и Сицилия. Из ионийских тиранов заслуживают упоминания: в Милете — Фрасибул (около 600), на Самосе — Поликрат (538—522); из сицилийских: в Акраганте — Фаларис (570—554), а позднее Ферон и его сын Фрасидей (489—471); в Геле — Пантареиды Клеандр и Гиппократ (505—491), а затем Дейноменид Гелон; в Сиракузах — Дейномениды Гелон, Гиерон и Фрасибул (485—466 гг. до н. э.).³²

Тираны архаической поры, как правило, были выдающимися личностями. Сказанное об иррационализме тирании относится к существеннейшему внутреннему импульсу, направлявшему волю тиранов к власти, к их стремлению оседлать общественное развитие и на волне популярного демократического движения достичь осуществления — за счет и во вред этому движению — сугубо личной, эгоистической цели. Однако это не исключало возможности проведения ими при случае некоторых важных преобразований, постольку, конечно, поскольку этим обеспечивалась популярность их правления (отдельные административные реформы, меры по благоустройству городов, оборудование гаваней, координация колонизационного движения и проч.). При этом и государственная политика тиранов, и их личное поведение не были лишены — и в этом надо видеть знамение времени — известного, так сказать, частного рационализма. Недаром и их тоже, а не одних только законодателей и реформаторов, традиция изображает как людей, исполненных не только страсти и воли, но и выдающегося ума. Периандр и Писистрат по совокупности своей деятельности относились — по крайней мере некоторыми авторами — к числу семи мудрецов (см. выше, гл. 4).

Примечательны также в этой связи исполненные расчета манипуляции Писистрата с религиозными святынями своего родного города. Мы имеем в виду известную историю с вторичным его приходом к власти при непосредственном будто бы участии богини Афины. Именно, по свидетельству древних авторов, Писистрат въехал в город, стоя на колеснице рядом с красивой, статной женщиной, наряженной наподобие богини Афины, что должно было изображать или символизировать — разница в данном случае невелика — прямое содействие божества происходящему (см.: Her., I, 60; Aristot. Ath. pol., 14, 4).³³

³² Даты правления указаны по Г. Берве.

³³ Древние, а за ними и большинство новейших авторов видели в этой истории просто ловкую проделку расчетливого политика, спекулировавшего на религиозности народной массы. Иная трактовка предложена С. Я. Лурье, который усмотрел здесь случай религиозно-сценического действия, когда все знают, что роль бога исполняет человек, но это не мешает им воспринимать разыгрываемую сцену как

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на характерную личную направленность поступков тиранов. Отмеченная печатью сознательной воли и энергии, их деятельность направлялась прежде всего своекорыстным расчетом, а их политика была исполнена, по большому счету, эгоизма и произвола. Тирания архаической поры (как и вообще любая тирания) не была, как это доказывал в свое время С. Я. Лурье, видом демократической диктатуры,³⁴ а являлась всего лишь древним вариантом бонапартизма. Поэтому ни идеализировать, ни слишком подчеркивать значение этого явления не приходится. Показательно, наоборот, антидемократическое существо тирании (разоружение народа, политическое давление, фискальный гнет), равно как и то, что позитивный вклад тиранов в строение полисного государства, за немногими исключениями вроде Периандра, практически был ничтожен.

Из этого не следует, однако, что тирания вообще не имела никакого исторического значения. Отнюдь нет, только это значение реализовывалось на свой, весьма своеобразный лад. Будучи побочным продуктом распада древнего аристократического общества, тирания самым непосредственным образом содействовала крушению аристократии и этим, разумеется, подготовила торжество демократии. Более того, являя собой власть, стоящую выше сословных перегородок, она уже была, по меткому выражению Я. Буркхардта, «антиципированной, представленной одним человеком, демократией».³⁵ Так или иначе, посредством принудительной политической нивелировки она подготавливала общество к восприятию в будущем господства закона, и в ту же сторону вело осознание самим этим обществом, на опыте тирании, всей опасности личной спеси (ὕβρις), т. е. крайнего индивидуализма, сколь бы ни было естественным и закономерным развитие этого последнего в условиях кризиса патриархальных порядков и становления личности.

Можно сказать так, что тирания была необходимым этапом на пути к полису, особенно в плане преодоления сопротивления родовой знати, но что окончательное торжество полисных принципов стало возможным лишь по устранении этой тяжелой опеки, которую являли собой для общества охарактеризованные выше режимы личной власти. Как тирания сокрушила аристократию, так общество сокрушило тиранию, после чего рядом заключительных реформ были устранены реликты древнего порядка, приняты меры против опасного возвышения лич-

действительное явление божества. См.: Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. Л. 1940. С. 152.

³⁴ Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. С. 110–117 — Хотя и с оговорками относительно отрицательных черт, порождаемых индивидуальными амбициями, как «положительное явление» и, более того, как «орудие демоса» характеризует старшую тиранию также и В. П. Яйленко. См. его статью: Архаическая Греция. С. 180–184.

³⁵ Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd I. Berlin, S. a. S. 166.

ности и достроены последние этажи полисного здания. В этом отношении особенно показательны были реформы в Афинах, осуществленные после свержения тирании Писистратидов Алкмеонидом Клисфеном (508/7 г. до н. э., главные источники — Her. V, 66–73; VI, 131; Aristot. Ath. pol., 20–22).³⁶

Выдвинувшийся на передний план во время борьбы с Писистратидами, а особенно после их устранения, Клисфен объективно, по характеру и последствиям осуществленных им в 508 г. преобразований, был прямым продолжателем дела Солона. Более того, именно его и считают по праву родоначальником демократии: если Солон заложил общие основы полисного строя в Афинах, то Клисфен окончательно придал ему демократическую форму. При нем и в самом деле получили дальнейшее развитие правильные принципы государственной и демократической жизни. На смену древней родо-племенной организации общества (по филам и фратриям) пришла, наконец, новейшая административно-территориальная система — членение страны и народа на 10 новых территориальных фил с их местными подразделениями в виде небольших компактных городских и сельских ячеек-демов. Эта система, ставшая теперь основой всей государственной жизни, учитывала, по месту жительства, все свободное, включенное в состав гражданства, население Аттики, в том числе и такие его группы, которые давно утратили или никогда даже не имели связи с исконными родовыми подразделениями.

Соответственной реорганизации подверглась вся система строения государственных органов и должностей в древних Афинах. И прежде всего радикально изменилась структура созданного еще Солоном государственного совета. Ранее он состоял из 400 членов, набравшихся поровну от 4 древних фил, где преимущественным влиянием по традиции пользовалась родовая знать. Теперь состав совета был расширен до 500 членов, которые набирались — и это было решающим нововведением — по 50 от каждой из 10 новых территориальных фил, т. е. от

³⁶См. также специальные исследования: *Ehrenberg V. Neugründer des Staates.* München, 1925. S. 55–102; *Eliot C. W. J. 1) Coastal Demes of Attica. A Study of the Policy of Kleisthenes.* Toronto, 1962; 2) *Kleisthenes and the Creation of the Ten Phylai // Phoenix.* Vol. XXII. 1968. № 1. P. 3–17; *Lewis D. M. Cleisthenes and Attica // Historia.* Bd XII. 1963. H. 1. P. 22–40; *Leveque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien.* Paris, 1964; *McCargar D. J. 1) The Relative Date of Kleisthenes' Legislation // Historia.* Bd XXV. 1976. H. 4. P. 385–395; 2) *New Evidence for the Kleisthenic Boule // ClPh.* Vol. 71. 1976. № 3. P. 248–252; *Andrewes A. Kleisthenes' Reform Bill // ClQu.* N. S. Vol. XXVIII. 1977. № 2. P. 241–248. — В отечественной литературе: *Лурье С. Я. Клисфен и Писистратиды // ВДИ.* 1940. № 2. С. 45–51; *Строгоцкий В. М. Клисфен и Алкмеониды // ВДИ.* 1972. № 2. С. 99–106; *Карпюк С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ.* 1986. № 1. С. 17–35.

всего массива гражданского населения, что придало этому важнейшему после народного собрания государственному учреждению подлинно демократический характер.

Равным образом расширилась и демократизировалась система различных государственных коллегий, административных, финансовых, военных, которые теперь делили с архонтатом исполнительную власть и своим коллективным участием придавали ей последовательно демократический характер. В частности, в соответствии с возросшей ролью гоPLITского ополчения и для более эффективного коллегиального руководства военными делами была создана новая коллегия 10 высших военных руководителей — стратегов. Поначалу они были подчинены одному из 9 архонтов — архонту-полемарху, но вскоре стали самостоятельными и даже, более того, по мере возрастания роли войны и военной политики, приобрели значение главного правительственного органа.

Но самое, может быть, важное состояло в том, что при Клизфене утвердившаяся, наконец, демократия получила твердые гарантии своего дальнейшего существования. Были приняты эффективные меры против своеволия и необузданности отдельных знатных кланов и сильных личностей. Силу первых должна была подорвать административно-территориальная реформа Клизфена, имевшая в виду раздробление старинных родовых групп между новыми территориальными подразделениями. А против непомерного возвышения личности был направлен также учрежденный Клизфеном предупредительный «суд черепков» — остракизм (см.: Androtion, FgrHist 324 F 6; Aristot. Ath. pol., 22; Philochor., FgrHist 328 F 30; Diod., XI, 55; Ael. V. h., XIII, 24).³⁷

Суть процедуры состояла в том, что на специальном народном собрании, насчитывавшем не менее 6 тыс. человек, граждане подавали голоса — черепки с нацарапанными на них именами тех, кто, по их мнению, представлял опасность для общества. Получивший большинство голосов должен был уйти в изгнание на 10 или (позднее) 5 лет, и хотя в остальном он не подвергался никакому бесчестью или ограничению в правах, его политической активности и влиянию клался предел, по крайней мере на известное время.

Согласно свидетельствам древних, впервые закон об остракизме

³⁷Об остракизме см. также: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 167–168, 232–233. Специальные исследования: *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. 2-ème éd. Paris, 1935; *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia*. Vol. XXX. 1961. № 4. P. 393–401; *Keaney J. J.* The Text of Androtion F 6 and the Origin of Ostracism // *Historia*. Bd XIX. 1970. H. 1. P. 1–11; *Keaney J. J., Raubitschek A. E.* A Late Byzantine Account of Ostracism // *AJPh*. Vol. 93. 1972. № 1. P. 87–91; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism. A Synthesis. Copenhagen, 1972.

был применен спустя два года после первой победы над персами при Марафоне.³⁸ Тогда уверовавший в свою силу народ использовал серию остракизов для устранения из Афин родственников и сторонников свергнутых тиранов, дабы искоренить всякую возможность возрождения антидемократического режима личной власти. Но и позднее остракизм оставался эффективным орудием контроля в руках демоса по отношению к той аристократической прослойке, которая по традиции поставляла политических лидеров Афинскому государству. Посредством остракизма афинская гражданская община оберегала себя от нежелательных последствий чрезмерного успеха той или другой аристократической личности. Последовательным устранением политиков, чье влияние грозило превзойти допустимую при демократии норму, община и утверждала свое суверенное право, свое значение воплощенного государственного начала.³⁹

Конечно, нельзя отрицать того, что проведение Клисфеном важных государственных преобразований было обусловлено не только и даже на первых порах, может быть, не столько широкими демократическими устремлениями реформатора, сколько более частною, личною причиною — соперничеством его с другим влиятельным аристократом Исагором и необходимостью в борьбе с сильным противником опереться на поддержку народа. Это подчеркивается уже и в древней традиции, у Геродота, когда он повествует о борьбе за власть между Клисфеном и Исагором в Афинах, только что освободившихся от тирании Писистратидов: «Эти люди вели между собою распри из-за преобладания (ἑστασίασαν περὶ δύναμις), пока побежденный Клисфен не привлек на свою сторону народ (τὸν δῆμον προσεταιρίζεται) (Her. V, 66, пер. Ф. Г. Мищенко).

Однако, не забывая о том, что непосредственным исходным моментом деятельности Клисфена было честолюбивое соперничество с себе подобными из-за власти, мы не должны ставить под сомнение принципиальный характер содеянного им, отрицать объективную демократическую сущность осуществленных им реформ. Размышляя о месте Клисфена в ряду творцов афинского полисного строя, мы можем сказать так: величие его как политика состояло не в изначальном демократическом устремлении, а в гениальном постижении и реализации объективно необходимых задач в ходе развязанной личным честолюбием борьбы. Отлично сказано по этому поводу у Г. Бенгтсона: «Клисфеновский новый порядок родился из нужд сиюминутной политики. Но если он, тем не менее, своим лицом обращен в будущее, то

³⁸ Битва при Марафоне произошла в 490 г. до н. э.

³⁹ Подробнее см.: Фралов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

это отличает его как творение поистине государственного ума».

Впрочем, при более пристальном взглядывании в ход исторического развития убеждаешься, что доля объективной заданности в действиях Клисфена была даже большей, чем это представляется с первого взгляда. Ведь если его выступление и в самом деле находилось под воздействием личного честолюбия, стимулированного свержением тирании, то ход борьбы и ее конечный результат всецело уже определялись той решающей ролью, которую с высвобождением из-под опеки тирании стал играть в политической жизни демос. Время Солона и время Клисфена — две крайние точки в становлении афинской демократии; между ними для афинского народа пролегла длительная полоса политического возмужания. Если при Солоне демос являлся только одной из борющихся групп, то теперь, в конце VI в., после нивелирующей работы, проделанной тиранией, он остался единственной общественной силой, без опоры на которую любое политическое выступление было обречено на провал. Если Клисфен стремился к подлинному успеху, — а он был достаточно прозорлив, чтобы отличить прочный успех от скоротечного, — то его обращение к народу было предопределено. Но тогда неизбежным было и проведение всего того, что было им осуществлено в интересах демоса и что делает его реформы не только заключительным этапом в формировании афинского демократического полиса, но и отправной точкой в начавшемся становлении в Афинах строя радикальной демократии.

Мы лишний раз убеждаемся, таким образом, во внутренней связанности исторического процесса, в данном случае — в закономерности важнейших этапов архаической революции в Афинах. Первоначальная законодательная реформа разрешила главные трудности и заложила основания нового, гражданского общества, но она же, вследствие недостаточной своей радикальности, обусловила последующее обострение социальной борьбы и, таким образом, подготовила почву для рождения тирании. Последняя решительным подавлением аристократической оппозиции расчистила поле для будущего торжества демократии. Когда, по устранении тирании, на первый план вновь выступили честолюбивые лидеры уцелевших аристократических кланов, стало ясно, что решение их споров зависит от того, кто заступил теперь на освободившееся после аристократии и тирании заглавное место в социальной жизни Афин, — от демоса. И в угоду ему возводившееся в течение столетия здание афинского полиса было окончательно отделано в демократическом стиле.

ЧАСТЬ III. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА В ЗОНЕ КОЛОНИЗАЦИИ

Глава 6.

КОНТУРЫ ПРОЦЕССА НА ГРЕЧЕСКОМ ЗАПАДЕ. СМУТА В ЛЕОНТИНАХ

Истории греческих колоний в Западном Средиземноморье уделялось и уделяется до сих пор гораздо меньше внимания, чем истории их метрополий — городов Балканской Греции. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть стандартное современное пособие по греческой истории Г. Бенгтсона.¹ Основное содержание этой работы составляет обстоятельный обзор исторического развития Балканской Греции с примыкавшими к ней островами Эгейского архипелага и малоазийским побережьем, и лишь время от времени отдельные разделы дополняются весьма краткими, носящими характер формальной справки, параграфами по истории греческого Запада.

Между тем этот недостаток внимания едва ли может быть оправдан. Освоенные греками еще на заре архаического периода прибрежные области Южной Италии и Сицилии стали родиной новой, дочерней греческой цивилизации, чьи творческие достижения мало чем уступали великим свершениям метрополии. Не случайно обширную, цветущую область заселенной греками Южной Италии еще в древности (по-видимому, с VI в. до н.э.) стали называть Великой Грецией (см.: Polyb., II, 39, 1).²

В Сицилии, которую иногда тоже включали в понятие Великой Греции (Strab., VI, 1, 2, p. 253), основанные в 735 г. до н.э. переселенцами из Коринфа Сиракузы к исходу архаического периода выросли в огромный, по античным масштабам, город, может быть, самый большой в греческом мире (ср. свидетельство Тимея у Цицерона: Cic. De re publ. III, 31, 43). Уже при старшей тирании (при Дейноменидах Гелоне и Гиероне), затем при демократии (середина V в.) и, наконец,

¹ Bengtson H. Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969.

² Ср.: Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 236.

при Дионисии и Агафокле Сиракузы были центром обширной державы, возникшей и развивавшейся параллельно территориальным образованиям восточных эллинов — Афинской архэ, Греко-македонской державе Филиппа и Александра, эллинистическим царствам диадохов. Недаром честолюбивый и неугомонный Пирр, вошедший в историю как первый греческий соперник римлян, мечтал на базе греческой Италии и Сицилии создать новую империю наподобие той, что была создана Александром на Востоке.

Уже древним было присуще сознание той большой роли, которую сыграли Великая Греция и Сицилия в общегреческой истории. Один из крупнейших (и немногих хорошо нам известных) представителей греческой универсальной историографии Диодор стремился излагать параллельно историю обеих главных частей греческого мира — итало-сицилийского Запада и балкано-малоазийского Востока. И это его стремление было продиктовано не только сицилийским патриотизмом (Диодор был родом из сицилийского городка Агирия), но и несомненным пониманием того места и значения, которые принадлежали Великой Греции и Сицилии в общегреческой истории. Это понимание, естественное еще для Дж. Грота, было утрачено под влиянием общих обзоров греческой истории, вышедших из-под пера признанных мастеров — немецких историков рубежа XIX–XX вв. (Г. Бузольт, Эд. Мейер, К.-Ю. Белох, Р. Пёльман), которые все ориентировались преимущественно на историю собственно Эллады — Балканской Греции. И лишь сравнительно недавно, после II мировой войны, в особенности благодаря трудам итальянских археологов и историков, греческий Запад вновь занял достойное место в круге тех проблем, которые разрабатываются современными антиковедами.

Но история греческого Запада интересна не только потому, что она — неотъемлемая часть истории греческого народа и в этом своем качестве доставляет нам важный дополнительный материал в параллель признаваемому за основной восточногреческому. В некоторых отношениях, в силу естественной в дочерних государственных образованиях большей подвижности и переменчивости жизни, города-государства западных греков, как и вообще освоенной греками колониальной периферии, предлагают нам даже более яркие примеры, более выпуклые и четкие образцы того, что составляло самую суть античной цивилизации. Это верно, в частности, и в приложении к той теме, которую можно считать одной из важнейших — если не заглавной — в современном антиковедении. Мы имеем в виду проблему античного полиса, в особенности же проблему античной государственности — ее классических полисных форм, затем более развитых и сложных структур державно-территориального типа, наконец, тех, так сказать, анти-

форм, которые порождались кризисными ситуациями. Под последними — «антиформали» — мы разумеем различные режимы личной власти, или тирании, которые и в самом деле, как это было отмечено еще древними (Plat. Resp. VIII, p. 544 c; Leg. VIII, p. 832 c; Xen. Hell. II, 3, 17; VI, 3, 8), с точки зрения государственно-правовой являли собой отрицание любой более или менее правильной, т. е. основанной на известной сумме признанных законов, государственности.

Пожалуй, все сказанное особенно верно в приложении именно к тирании — форме особенной, исключительной, обязанной своим возникновением чрезвычайным, как правило, критическим обстоятельствам, которые чаще можно было наблюдать именно в городах колониальной периферии. В этом отношении замечательна была Сицилия. Уже древние обращали внимание на бурное возникновение здесь тиранических режимов (Diod., XIX, 1, 5; Justin. IV, 2, 3), и они же справедливо усматривали корень этого явления в избытке материальных благ, оборачивавшемся чрезмерной поляризацией собственности и напряженностью отношений, в обусловленной внутренними смутами и внешними воздействиями — переселениями и войнами — частой перемене политических форм (Thuc., VI, 38, 3; Plat. Ep. VII, p. 326 b-d). И, что особенно важно, справедливость этих суждений мы легко можем проверить на конкретном материале. Ведь для Сицилии, благодаря раннему развитию здесь исторической традиции и литературы, мы располагаем достаточно обширной и надежной информацией, причем не только для времени сравнительно позднего (мы имеем в виду дошедшее главным образом через Диодора предание о тираниях Дионисия и Агафокла), но и для самой ранней эпохи, для времени вполне архаичного.

Примером может служить сюжет, на который до сих пор не обращали особого внимания: выступление Панэтия Леонтинского, которого античная традиция относила к концу VII в. до н. э. (609 г., Euseb. Chron., vers. arm. II, p. 186 Karst) и считала первым по времени тираном в Сицилии (Euseb. Chron., II, p. 90 Schoene: Panaetius primus in Sicilia arripuit tyrannidem). Пример этот для нас вдвойне драгоценен, поскольку он представляет возможность судить не только о рождении тирании, но и о всем клубке противоречий, которыми было отмечено становление греческого полиса, в данном случае специально в зоне колонизации. Кроме того, обращаясь к этому эпизоду древней сицилийской истории, мы получаем возможность сразу, что называется, попасть *in medias res*, т. е. без долгих предваряющих рассуждений немедленно оказаться в русле интересующего нас исторического процесса.

Родина Панэтия Леонтины были одним из трех известных ионий-

ских городов в Сицилии, основанных переселенцами из Халкиды Эвбейской. Первым, в 736 г. до н. э., на северо-восточном побережье Сицилии, напротив южной оконечности Италии, был заложен Наксос. Это была вообще первая греческая колония в Сицилии, и основана она была ионийцами. Дорийцы, колонисты из Коринфа, явились годом позже и на другом, южном отрезке восточного побережья zaloжили город Сиракузы. А еще через 5 лет, в 730 г., колонистами из Наксоса все в той же восточной части острова, к северу от Сиракуз и в некотором отдалении от моря, были основаны Леонтины, а затем, уже на самом побережье, между Наксосом и Леонтинами, Катана (Thuc., VI, 3; Ps.-Scymn., 270 sqq.; Strab. VI, 2, 2, p. 267; Steph. Byz., s. v. Χαλκίς; дату основания Наксоса — исходную для дальнейших определений — указывает Евсевий [Euseb. Chron., II, p. 182 Karst]).³

Основание этих городов относится, таким образом, к древнейшему периоду греческой колонизации. Как и в случае с дорийским Коринфом,⁴ побудительным мотивом для вывода халкидянами колоний в Сицилию послужило прежде всего относительное, и главным образом аграрное, перенаселение, особенно острое в условиях господства землевладельческой аристократии всадников-гиппоботов (об аристократическом правлении в древние времена в Халкиде, как и в соседней Эретрии, см.: Aristot. Pol., IV, 3, 1–2, p. 1289 b 33–40; в связи с темой колонизации — Aristot. ap. Strab., X, 1, 8, p. 447 = Aristot., fr. 603 Rose³; для конца архаического периода — Her. V, 77).

Аграрные трудности, равно как и нужды развивавшегося города, а с другой стороны, стимулированные этими факторами противоречия между господствующей знатью и простым народом заставили складывавшийся халкидский полис искать выхода из внутренних осложнений в активной внешней политике. Следствием было обострение отношений с соседней Эретрией, спор с которой за обладание сопредельными землями вылился в затяжную Лелантскую войну (1-я половина VII в. до н. э.).⁵ Другим и еще более примечательным выражением этих уси-

³О начале греческой колонизации в Сицилии и, в частности, об основании там своих колоний халкидянами подробнее см.: Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 176 слл.; Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum. Bd I. Leipzig, 1870. S. 116 ff.; Freeman E. A. The History of Sicily. Vol. I. Oxford, 1891. P. 306 ff.; Ziegler K. Sicilia // RE. 2. Reihe. Bd II. Hbbd 4, 1923, Sp. 2491 ff.; Dunbabin T. J. The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 8 ff.; Stauffenberg A. Schenk Graf v. Trinakria. Sizilien und Grossgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München; Wien, 1963. S. 97 ff.

⁴См. ниже, гл. 7.

⁵О Лелантской войне более подробно см.: Mandes M. И. Традиция Лелантской войны // Charisteria. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896. С. 231–248; Burn A. R. The so-called «Trade-Leagues» in Early Greek History and the Lelantine War // JHS. Vol. 49. 1929. Part I. P. 14–37; Bradeen D. W. The Lelantine War and Pheidon of Argos // TAPhA. Vol. 78. 1947

лий явилось широкое колонизационное движение, в ходе которого халкидяне основали множество новых поселений, как на северо-востоке, на фракийском побережье (заселенный ими и названный по их имени полуостров Халкидика), так и на более далеком западе: на острове Искья, у входа в Неаполитанский залив, а затем и на самом итальянском материке (Кима, основанная в середине VIII в. до н. э. и считавшаяся древнейшей греческой колонией на западе),⁶ далее в Сицилии (названные выше Наксос, Леонтины и Катана) и, наконец, в зоне Мессинского пролива (Занкла, позднее переименованная в Мессану, на сицилийском берегу, и Регий — на итальянском).

Разумеется, как и во всех подобных случаях, при выводе Халкидою ее колоний известную роль сыграли и интересы коммерческие, торговые, и продиктованные ими соображения стратегического характера. Но главным было все-таки стремление дать отток избыточному аграрному населению. О преимущественно аграрном назначении первых халкидских колоний красноречиво говорит их местоположение: основывались ли они на островах, или на побережьях с удобными бухтами, или же в замкнутых, удобных для защиты горных лощинах, во всех случаях в их округе оказывались более или менее обширные, плодородные долины. Это верно, по-видимому, и для городов Халкидики, но совершенно несомненно для Кимы (Кампания!) и для городов, основанных в Сицилии. Возвращаясь к этим последним, заметим: если Наксос был скорее опорным пунктом, первым плацдармом халкидян в Сицилии, то Леонтины и Катана доставили им основание для дальнейшего внедрения в страну, соответственно с юга и с севера замкнув плодороднейшую в Сицилии долину реки Симэфа.⁷

Это были знаменитые Леонтинские поля, на которых еще во времена Диодора можно было видеть дикорастущую пшеницу. Неслыханное плодородие подобных сицилийских долин породило даже у части греков представление о том, что именно здесь — а не в Аттике, в Элевсине, как обычно считалось — богини Деметра и Кора впервые явились людям и научили их культуре хлеба (Diod. V, 2, 3–5). Зерновое хозяйство и виноделие, во всяком случае, стали основой богатства и процветания Леонтин, и именно они доставили возможность по крайней мере состоятельным из граждан вести тот роскошный образ жизни, который породил пословицу: ἀεὶ Λεοντῖνοι περὶ τοὺς κρατῆρας — «Леонтинцы всегда вокруг чаш с вином» (Diogenian. Paroem., II, 50).

Разумеется, возможность вести блаженную жизнь «вокруг крате-

P. 223–241; Donlan W. Archilochus, Strabo and the Lelantine War // TAPhA. Vol. 101. 1970. P. 131–143.

⁶Для суждения об этих аванпостах халкидской колонизации на западе ср.: Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 5 ff.; Stauffenberg A. Trinakria. S. 61, 64 f.

⁷Ср.: Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 68.

ров» была открыта в Леонтинах не для всех. Надо думать, что и здесь, как и в других греческих колониях, естественное поначалу равенство — равенство если и не в реальных средствах, то в одинаково для всех открытых возможностях — с течением времени должно было смениться более сложной и менее отрядной картиной.⁸ Прогнав живших здесь испокон веков туземцев-сикюлов и, таким образом, силой утвердившись в стране (ср. у Фукидида о действиях тех, кто основал Леонтины: VI, 3, 3 — *πολέμῳ τοὺς Σικελοὺς ἐξέλασαντες*), халкидские первооселенцы составили сплоченную общину воинов-землевладельцев, закрепивших за собою и своими потомками преимущественное право на владение землей и управление в новом полисе.

Первоначально эта община и составляла полис, однако довольно скоро, по мере того, как прибывали все новые и новые партии колонистов, для которых уже не открывалось тех же возможностей, слой первооселенцев стал превращаться в новую землевладельческую аристократию. По сравнению с ними позднейшие переселенцы оказывались людьми второго сорта; не имея доступа к земле, они обращались к занятию ремеслами и торговлей и пополняли непрерывно растущую, но умаленную в правах прослойку городского демоса. Во время сезонных сельскохозяйственных работ демос мог поставлять и наемных батраков для имений зажиточных землевладельцев. Положение этих работников могло сближаться с положением принадлежавших аристократам земледельческих рабов — покупных или из числа прикрепленных к земле сикюлов, поскольку они не были истреблены или прогнаны из страны.

Составленный из позднейших переселенцев-эпойков, а на какую-то часть, может быть, также и из эллинизированных туземцев-сикюлов, непрерывно возрастающий числом и, по мере роста города, также и значением, леонтинский демос, конечно же, привлекался государством к несению служб и повинностей: состоятельные горожане — к разного рода выплатам, а простой народ в целом — к воинской службе, хотя бы в качестве легковооруженных или матросов. В то же время демос оставался лишенным активных гражданских прав и не допускался ни к управлению государством, ни к главному его богатству — земле. Очевидное это противоречие должно было возбуждать недовольство простого народа и в какой-то момент привести к напряженности в отношениях между сословиями, не менее острой и чреватой

⁸ Дальнейший очерк социального развития Леонтин в архаический период опирается на более общую реконструкцию, предложенную для западных греческих колоний Ф. Ф. Соколовым и Ад. Гольмом. См.: *Соколов Ф. Ф.* Критические исследования. С. 194 слл.; *Holm Ad.* Geschichte Siziliens. I. S. 145 ff.; ср. также ниже, гл. 7.

осложнениями, чем это было в свое время на родине колонистов, в Халкиде.

Реконструируемая гипотетически на основании совокупного материала, относящегося к истории колониальной греческой периферии, эта картина в случае с Леонтинами может быть, однако, подкреплена и прямыми свидетельствами источников, тех именно, которые рассказывают об установлении в Леонтинах в конце VII в. до н. э. тирании Панэтия. Свидетельства эти принадлежат двум позднейшим писателям: знаменитому философу, специалисту по теории государства и права Аристотелю и автору сочинения о военных хитростях-стратегмах Полиэну (II в. н. э.). Писатели эти несоизмеримы по своим дарованиям и ученым заслугам, но в чем-то у них есть и сходство: оба, не будучи историками в точном смысле слова, интересовались важными историческими сюжетами, один — развитием государства, другой — становлением военного искусства; и оба, будучи начитаны в исторической литературе, умели выбирать, один в большинстве случаев, а другой по крайней мере во многих, надежные сведения по интересующим их вопросам. В данном случае, в истории с Панэтием Леонтинским, они несомненно опирались на добротную сицилийскую традицию, причем в расчет могут идти Антиох (V в.), Филист (IV в.), а для Полиэна еще и Тимей (рубеж IV—III вв. до н. э.).⁹

Аристотель в «Политике», рассматривая проблему государственных переворотов, дважды упоминает о выступлении Панэтия в Леонтинах. Первый раз случай с Панэтием приводится в качестве примера — наряду с другими и более известными — становления тирании из демагогии: «Панэтий в Леонтинах, Кипсел в Коринфе, Писистрат в Афинах, Дионисий в Сиракузах и другие таким же образом (достигли тирании) при помощи демагогии (ἐκ δημαγωγίας)» (Aristot. Pol., V, 8, 4, р. 1310 b 29–31, здесь и ниже пер. С. А. Жебелева—А. И. Доватура).

⁹Хотя дальнейшее уточнение источников, на которые опирались Аристотель и Полиэн, по-видимому, невозможно, общая надежность их сообщений ни у кого не вызывает сомнений. Впрочем, высокий авторитет Аристотеля не нуждается в особом обосновании. Что же касается Полиэна, то один из лучших знатоков его творчества, И. Мельбер, счел возможным специально подчеркнуть добротность его рассказа о Панэтии: как и в других эпизодах из древнейшей сицилийской истории, так и в данном случае Полиэн, по мнению Мельбера, должен был опираться на хорошо осведомленный сицилийский источник — Филиста или Тимея (Meiber J. Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyaeus // Jahrbücher für classische Philologie. Supplementbd XIV 1885. S. 518). Показательно, что даже Ф. Ф. Соколов, нередко настроенный весьма скептически по отношению к древней традиции, охарактеризовал рассказ Полиэна как «драгоценнейший» (Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 197). Для оценки традиции и реконструкции самого события, помимо работы Ф. Ф. Соколова и других трудов по истории Сицилии (их перечень см. выше, в прим. 3), ср. также: Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. München, 1967 (I, S. 129; II, S. 593).

В другой раз на случай с Панэтием дается ссылка для подтверждения возможности перемены государственного строя из олигархического в тиранический: «Также и олигархия может перейти в тиранию (καὶ εἰς τυρανίδα μεταβάλλει ἐξ ὀλιγαρχίας), как это произошло с большей частью древних олигархий в Сицилии, где олигархия в Леонтинах перешла в тиранию Панэтия, олигархия в Геле — в тиранию Клеандра, в Регии — в тиранию Анаксилая; то же самое и во многих других городах» (ibid. V, 10, 4, p. 1316 a 34–39).

Что же касается Полиэна, то у него мы находим целое связное повествование о Панэтии, которое ввиду его очевидной важности приведем здесь полностью: «Панэтий, будучи полемархом (πολεμάρχῶν) во время войны леонтинцев с мегарянами из-за границ страны, прежде всего натравил бедных и пехотинцев (τοὺς πένητας καὶ πεζοὺς) на богатых и всадников (τοῖς εὐπόροις καὶ ἵπλεῦσι), поскольку, дескать, эти последние в битвах получают выгоды, а они сами несут множество потерь. Затем, устроив перед городскими воротами смотр (ἐξόπλιον), он принялся считать и проверять оружие, а лошадей передал конюхам (τοῖς ἡνίοχοις) и велел вести на пастбище. Имея 600 пельтастов, готовых к восстанию, он поручил их командиру довершить подсчет оружия, а сам, словно ища тени, отошел под деревья и убедил конюхов напасть на своих господ (τοῖς δεσπόταις). Те, вскочив на коней, устремились на господ и, схватив подсчитываемое оружие, перебили их, лишенных доспехов и безоружных. Пельтасты также присоединились к избиению и, с великой поспешностью устремившись вперед, захватили город и провозгласили Панэтия тираном (καὶ Παναίτιον τύραννον ἀνηγόρευσαν)» (Polyaen., V, 47, пер. наш).

Как видим, традиция о выступлении Панэтия компактна, может быть даже лаконична, но вместе с тем весьма информативна. И прежде всего очевидно, что путч Панэтия не только относился к весьма древнему времени, — согласно уже приводившемуся месту из «Хроники» Евсевия (в армянской версии), к 609 г. до н. э., — но и вообще, по видимому, был первым ярким, отчетливым и потому запечатлевшимся в памяти последующих поколений событием такого рода. Евсевий прямо говорит, что Панэтий был первым по времени сицилийским тираном, но и Аристотель, наверное, не случайно каждый раз начинает ряды своих примеров (в цитированных отрывках) с имени Панэтия.

Надо думать, что яркость и отчетливость, способствовавшие закреплению памяти о Панэтии, объяснялись зрелостью формы, в которую вылилось его выступление, своеобразной образцовостью этого события, за которым в традиции стала выстраиваться вереница других, ему подобных. И действительно, классически отчетливой является уже самая исходная ситуация, породившая эту первую в истории

Сицилии известную нам политическую коллизию. Леонтины в конце VII в. до н. э. предстают как государство с типичной олигархической, или, как было бы лучше сказать применительно к этому раннему времени, аристократической, организацией. В полисе всем заправляют «богатые и всадники», т. е. такая же, по сути дела, военно-землевладельческая знать, и с тем же или близким обозначением, что и на родине колонистов, в Халкиде.¹⁰ Ей противостоит недовольная и готовая к возмущению масса простого народа — «бедные и пехотинцы», которые привлекаются к службе в войске, но не имеют равной доли ни в дележе добычи, ни в чем другом. Обозначившаяся, таким образом, конфронтация сословий в сочетании с внешними осложнениями (Леонтины ведут войну с соседним дорийским городком Мегарами Гиблейскими) создает условия для авторитетного выступления на авансцену сильной личности, которая развязывает смуту и захватывает власть в государстве.

Далее, показателен сам путь Панэтия к личной власти — он именно являет собою образец для подобного рода восхождений. Судя по всему, Панэтий — выходец из аристократической среды, поправший интересы своего сословия в угоду личному честолюбию. Трамплином к возвышению послужило высокое официальное назначение: как бы ни толковать выражение Полиэна о полемархии Панэтия, — как специальный термин или как более общее, необязательное обозначение должности командующего,¹¹ ясно, что Панэтий официально возглавлял леонтинское ополчение и этими своими полномочиями злоупотребил. Этому содействовали условия военного времени. Война, несомненно, должна была осложнить и без того напряженную обстановку в Леонтинах, и в то же время, дав возможность отличиться Панэтию, она могла способствовать его популярности и дальнейшему выступлению в качестве народного вождя. Методы, которыми он при этом воспользовался, стали с тех пор классическими. Это — комбинация демагогии и прямого вооруженного насилия. Относительно демагогии важно общее указа-

¹⁰Ф. Ф. Соколов, опираясь на принятое в старых изданиях Полиэна чтение кодекса-архетипа $\Phi \epsilon \lambda \tau \rho \omicron \iota \varsigma$, хотел видеть в этой леонтинской знати еще и купцов ($\omicron \iota \epsilon \lambda \tau \rho \omicron \iota$ — «купцы») (см.: Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 198). Однако странно было бы встретить в столь общем, неспецифическом контексте упоминание о купцах, да и принцип антитезы, на котором построена у Полиэна параллельная характеристика двух главных групп леонтинского воинства, очевиден: с одной стороны — бедные и пехотинцы, с другой — должны быть богатые и всадники. Поэтому новейшие издатели, в частности и И. Мельбер, следуя исправлениям в некоторых позднейших рукописях Полиэна, предпочитают — и совершенно справедливо — читать $\epsilon \lambda \tau \rho \omicron \iota \varsigma$ вместо $\epsilon \lambda \tau \rho \omicron \iota \varsigma$. На это чтение опираются и все новейшие исследователи, обращающиеся к истории Панэтия Леонтинского.

¹¹На невозможность решить этот вопрос указывает Т. Данбэбин (*Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 66*).

ние Аристотеля, а также свидетельство Полиэна о подстрекательстве Панэтием бедных против богатых. Что же касается насилия, то здесь предельно ясен Полиэн, и если что и требует уточнения в его рассказе, так это лишь упоминания о сателлитах Панэтия.

В рассказе Полиэна выступают две группы пособников Панэтия: так называемые конюхи (ἵπνίοχοι)¹² и пельтасты. Под последними надо, очевидно, понимать какую-то часть (может быть, отдельное формирование) тех самых «бедных и пехотинцев», к которым в принципе обращался Панэтий со своим подстрекательским словом. Использование Полиэном для обозначения этих воинов термина «пельтасты», которым с конца V в. обычно обозначали профессиональных наемных солдат с облегченным вооружением, надо отнести на счет небрежности античного автора. Наемниками они, во всяком случае, быть не могли, и если что и могло оправдать применение к ним термина «пельтасты», так это их легкое вооружение.

Что же касается «конюхов», то это, по всей видимости, были личные слуги аристократов-всадников. Использование для их обозначения несколько архаичного термина (ἵπνίοχος — слово, популярное в ранней поэзии, у Гомера и лириков, где оно обозначает возничего на колеснице), возможно, объясняется прямым заимствованием Полиэна из своего сицилийского источника. Так в Леонтинах по древней аристократической манере, заимствованной с родины, где некогда знать выступала в подход на колесницах, могли называться слуги конных воинов-аристократов. Из какого социального слоя вербовались эти слуги — из свободных людей или из рабов — решить трудно. Это могли быть свободные простолюдины, бедняки, связанные какими-нибудь клиентскими отношениями с всадниками.¹³ Но нельзя совершенно исключить и другую возможность, что эти «конюхи» комплектовались из людей подневольных,¹⁴ скажем, из туземных земледельческих рабов, наподобие того, как это было с илотами в Спарте (о привлечении этих последних к вспомогательной военной службе см., например, Нег. IX, 28–29).¹⁵

От частных деталей вернемся к рассмотрению предания о Панэтии по существу. Рассказ Полиэна завершается на том, что восстав-

¹²При переводе греческого ἵπνίοχοι русским «конюхи» следуем примеру Ф. Ф. Соколова (Критические исследования. С. 198).

¹³Свободными «безземельными людьми, наймитами» считает их Ф. Ф. Соколов. «Они не были рабами, — поясняет он, — потому что Панэтий именно бедный народ подымал, а не рабов» (Там же. С. 199).

¹⁴Так склонен думать Эд. Фримен (*Freeman E. A. The History of Sicily. Vol. II. Oxford, 1891. P. 57* — «seemingly slaves»).

¹⁵Ср. также: *Lotze D. Metaxy eleutheron kai doulon: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1959. S. 33 ff.*

шие, учинив избиение всадников, «захватили город и провозгласили Панэтия тираном». Последнее — конечно, преувеличение. Как уже было указано Эд Фрименом, ни тогда, ни в другом каком-либо подобном случае ни один узурпатор не мог позволить себе такого откровенного жеста — провозгласить (или распорядиться провозгласить) себя тираном.¹⁶ Принятие в качестве официального титула такого одиозного прозвища лишило бы свежеепеченного властителя всякой возможности продолжать демагогическую игру, вести политический диалог с подчиненной, но не упраздненной общиной граждан. На это не мог бы пойти ни один узурпатор!¹⁷

Но, за вычетом этой неточности, заключительный пассаж Полиэна вполне достоверен, и он подтверждает то, что как будто бы следует и из более общих упоминаний Аристотеля, — что Панэтий действительно сверг правящую в Леонтинах олигархию и сам утвердился у власти. О дальнейшем источники молчат. Поскольку о правлении Панэтия никаких воспоминаний не сохранилось, надо думать, что его тирания была непродолжительной, а затем, после смерти или устранения Панэтия, в городе вновь утвердилась олигархия.

Этим, однако, не перечеркивается историческое значение тирании Панэтия. Во-первых, в самих Леонтинах она могла привести — после Панэтия и под впечатлением от его выступления — к некоторой модификации старинного строго аристократического строя в сторону более умеренной олигархии. Можно допустить, что и в Леонтинах, как и в некоторых других аристократических полисах в подобной ситуации (в Сиракузах, в Геракле Понтийской),¹⁸ была расширена прослойка полноправных граждан за счет включения в их число наиболее видных представителей демоса, состоятельных граждан.

Далее, события в Леонтинах могли воздействовать в том же смысле и на правящие аристократические группировки в других халкидских городах Сицилии, т. е. в Катане и Наксосе. Замечательный факт: в Катане, по-видимому, вскоре после выступления Панэтия Леонтинского является в качестве избранного общиной законодателя Харонд, сам происходивший из средних слоев (τῶν μέσων πολιτῶν, см.: Aristot. Pol., IV, 9, 10, p. 1296 a 18–21), но действовавший в духе умеренно-аристократическом (ср.: *ibid.* IV, 10, p. 1297 a 8 sqq.).¹⁹ По свидетельству

¹⁶ Freeman E. A. The History of Sicily. II. P. 58.

¹⁷ Ср.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979. С. 62 (прим. 29) и 89 (прим. 12).

¹⁸ Ср. ниже, гл. 7 и 8.

¹⁹ Деятельность Харонда датируется достаточно широко временем с середины VII в. (после Залевка [663 г., согласно Евсевию], ср: Aristot. Pol., II, 9, 5, p. 1274 a 22 sqq.; Ephor. ap. Strab. VI, 1, 8, p. 259–260 = FgrHist 70 F 139) по начало VI в. до н. э. (до регийского тирана Анаксилая [494–476 гг.], ср.: Heraclid. Pont., fr. 25,

Аристотеля, разработанное Харондом законодательство было принято не только в Катане, но и в других западных халкидских городах (*ibid.*, II, 9, 5, p. 1274 a 23–25), т. е. стало быть, и в Леонтинах. И если правильно предположение о временной и логической связи между деятельностью Харонда и леонтинской «революцией», то выходит, что и таким опосредованным путем, через воспринятое позднее из Катаны законодательство Харонда, эта «революция» могла повлиять на последующее политическое развитие Леонтин.

И наконец, последнее по счету, но не по важности: выступление Панэтия имело важное значение исторического прецедента. Сохранение памяти об этом леонтинском авантюристе на протяжении ряда столетий должно рассматриваться как подтверждение того, что им интересовались и, разумеется, не только историки, но и политики. Панэтий показал пример — и по-своему образцовый — борьбы за единоличную власть, и на этот пример могли оглядываться и ему могли следовать последующие сицилийские тираны. А недостатка в тиранах — в прямом соответствии с обилием смут — в Сицилии не было, и среди тех, кто явился еще в архаическую эпоху, выделяется даже несколько весьма ярких фигур, таких, как Фаларис в Акраганте или Дейномениды Гелон и Гиерон в Сиракузах. Однако даже в сравнении с этими по-своему замечательными фигурами Панэтий выступает в особом освещении: для древних он остался первым известным тираном в Сицилии, а новейшая наука подчеркивает, что он был еще и единственным из старших сицилийских тиранов, кто определенно начинал свое восхождение с служения — пусть кратковременного и своекорыстного — народному делу.²⁰

4–5 Müller). В предположении связи между путчем Панэтия и законодательной деятельностью Харонда мы следуем за Ф. Ф. Соколовым (см.: *Соколов Ф. Ф. Критические исследования*. С. 201; о возможности отнесения деятельности Харонда к самому концу VII или даже началу VI в. до н. э. ср., впрочем: *Bengtson H. GG*⁴, S. 111). Для суждения о содержании и характере законодательства Харонда подробнее см.: *Mühl M. Die Gesetze des Zaleukos und Charondas // Klio. Bd XXII. 1929. H. 1. S. 105–124; H. 4. S. 432–463; Dunbabin T J. The Western Greeks. P 73–75; Stauffenberg A. Trinakria. S. 101–103.*

²⁰ *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. I. S. 129.*

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В АРХАИЧЕСКИХ
СИРАКУЗАХ

История крупнейшей греческой колонии в Западном Средиземноморье Сиракуз представляет исключительный интерес по многим причинам. Во-первых, потому, что эта колония была основана на Западе одной из первых и по ней можно судить о направлении, масштабах и характере ранней греческой колонизации. Во-вторых, потому, что городу этому суждено было стать важнейшим центром западных эллинов и в классический и эллинистический периоды авторитетно представлять греческий мир во всех областях жизни, в экономике, политике, культуре, перед лицом двух других ведущих народов Средиземноморья — карфагенян и римлян. Но более всего потому, что на примере Сиракуз мы можем изучать социальную структуру и развитие периферийного греческого города-государства, полиса, во всем его своеобразии, обусловленном насильственным внедрением греков в чужеземную среду.¹

Сиракузы были основаны, согласно наиболее авторитетной хронологии, представленной у Фукидида, Пиндара (со схолиями) и Евсевия, а восходящей, по всей видимости, к Антиоху Сиракузскому, в 735 г. до н. э. (Thuc., VI, 3–5; Pind. Ol., II, 93 Voeckh, cum schol.; Schol. ad Pind. Ol. V, 16; Euseb. Chron. vers. arm., II, p. 182 Karst).² Город был основан переселенцами из Коринфа, которых возглавлял Архий, сын Эвагета, из рода Гераклидов (Thuc. VI, 3, 2; Marmor Parium, ep. 31, vs. 47).

По преданию, поводом к выводу колонии послужило преступление, совершенное Архием на любовной почве. Он домогался красивого мальчика Актеона, сына Мелисса. Не добившись своего уговорами, он попытался увести мальчика из его дома силою, но Мелисс с сородичами и друзьями воспротивился этому и в возникшей свалке Актеон погиб. К просьбам несчастного отца отомстить насильнику за смерть

¹История ранних Сиракуз отражена в целом ряде работ, из которых здесь будет достаточно указать на следующие, наиболее важные: *Соколов Ф. Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 176 сл.; *Holm Ad.* Geschichte Siziliens im Altertum. Bd I. Leipzig, 1870. S. 116 ff.; *Freeman E. A.* History of Sicily. Vol. I–II. Oxford, 1891 (I, p. 306 ff.; II, p. 1 ff.); *Hüttl W.* Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929. S. 43 ff.; *Wickert L.* Syrakusai // RE. 2. Reihe. Bd IV Hbbd. 8. 1932. Sp. 1478 ff.; *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 8 ff., 48 ff. 95 ff.; *Stauffenberg A. Schenk Graf v.* Trinakria. Sizilien und Grossgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München; Wien, 1963. S. 109 ff.

²Cp.: *Ziegler K.* Sicilia // RE. 2. Reihe. Bd II. Hbbd. 4. 1923. Sp. 2491 ff.

сына народ, очевидно, из страха перед правящей аристократией, к которой принадлежал и Архий, остался глух, и тогда Мелисс, дождавшись очередных Истмийских празднеств, взшел на крышу храма Посейдона, проклял коринфян и, призвав в свидетели богов, бросился вниз на камни. Вскоре Коринф постигли засуха и голод, а когда коринфяне спросили Дельфийский оракул о причине несчастья, Пифия ответила, что они прогневали Посейдона и беды их не прекратятся до тех пор, пока они не отомстят за Актеона и Мелисса. Одним из фео-ров — членов священного посольства в Дельфы — был Архий, и вот он, то ли сразу же, даже не возвратившись в Коринф, то ли после дополнительных обсуждений и консультаций с оракулом, отплыл в Сицилию, где и основал Сиракузы (об истории, послужившей поводом к отплытию Архия в Сицилию, см.: Diod. fr. VIII, 8; Plut. Am. pag., 2, p. 772 c–773 b; о специальных консультациях с оракулом по поводу места нового поселения — Strab. VI, 2, 4, p. 269).

Эта романтическая история не может претендовать на достоверность, хотя общий колорит ее выглядит убедительно: засилье знати — в Коринфе тогда правил знатный клан Бакхиадов, возводивших свой род к потомку Геракла Бакхиду, — самовластные выходы не чувствовавших над собою никакой узды аристократов, робость народной массы, не решавшейся прийти на помощь обиженным, — все это черты, которые на самом деле могли быть присущи социальной жизни архаического Коринфа. Однако, сколь бы верно ни был передан в этой истории общий тон и сколь бы глубоко личными ни были мотивы, подвигнувшие Архия на отъезд в Сицилию, предприятие в целом носило не частный, а публичный характер: оно затронуло значительную часть народа и было организовано самой правящей аристократией.³

Судя по масштабам вновь основанного поселения и скорости освоения переселенцами окружающей территории, в колонию выселилось достаточно большое число коринфян. Согласно Страбону, большая часть была выходцами из сельской местности Тенеи (Strab. VIII, 6, 22, p. 380), где, очевидно, рост населения и нехватка земли, помноженные на неблагоприятные климатические условия, создали особенно напряженную ситуацию.⁴ Что относительное перенаселение действительно было большой проблемой для архаического Коринфа, подтверждается

³ *Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 15.*

⁴ Относительно причин и характера колонизации — в более общем контексте, но и с прямою ссылкой на случай с Коринфом — ср.: *Доманский Я. В. О характере ранних миграционных движений в античном мире // Археологический сборник (Гос. Эрмитаж). Вып. 14. Л. 1972. С. 32–42.* Из более старой литературы укажем полезную статью Обри Гвинна: *Gwynn A. The Character of Greek Colonization // JHS. Vol. XXXVIII. 1918. P. 88 ff.*

древним законодательством Фидона (его обычно датируют 1-й половиной VII в. до н. э.), согласно которому количество земельных наделов — независимо от их первоначальных размеров — и соответственное количество граждан должно было оставаться неизменным (Aristot. Pol., II, 3, 7, p. 1265 b 12–16).⁵

Помимо коринфян, предприятие увлекло и некоторых других дорийцев (ср.: Strab. VI, 2, 4, p. 270), возможно из Аргоса, судя по тому, что материальная культура архаических Сиракуз несет печать некоего аргосского влияния (вазы аргосского происхождения, а может быть и местные, выполненные в аргосском стиле), а легендарный сиракузский царь или тиран Поллид, о котором еще речь пойдет ниже, был родом из Аргоса.⁶

Вывод колонии в Сицилию был для коринфян частью более широкой и целенаправленной программы освоения Запада. Это видно из того, что по пути в Сицилию часть колонистов во главе с Херсикратом высадилась на Керкире и, прогнав оттуда обосновавшихся там ранее эретрийцев, основала собственную колонию (Strab., VI, 2, 4, p. 269; об эретрийцах — Plut. Aet. Gr. 11, p. 293 a–b). Несколько позже те, кто уже стал сиракузцами, но, разумеется, не терял связи и со своей метрополией Коринфом, принимали деятельное участие в основании переселенцами из Ахайи Кротона, а колонистами из Локриды — Локров Эпизефирских (соответственно в 708 и 674 гг. до н. э., Euseb. Chron., vers. arm., II, p. 183 и 184 Karst; об участии сиракузян — Strab. VI, 1, 12, p. 262, и 7, p. 259).

Трудно, таким образом, переоценить энергию и последовательность осуществлявшейся коринфянами колонизационной политики, и надо думать, что те, кто ее направлял, а это были коринфские Бакхиады, учитывали всю совокупность стоявших перед их городом проблем: необходимость дать отток избыточному аграрному населению и тем разрядить социальную обстановку в Коринфе; необходимость обеспечить условия для широкого развития коринфской торговли, в которой сами Бакхиады если и не принимали непосредственного участия, то все же были весьма заинтересованы как в одном из важнейших источников доходов (см.: Strab. VIII, 6, 20, p. 378);⁷ наконец, необходимость подкрепить и то и другое стратегически надежными опорами, создав посредством цепи собственных и дружеских с ними колоний, своего рода мост между Балканской Грецией и Сицилией.

⁵Ср.: Шлизова И. А. Реформы Филолая // ВДИ. 1970. № 4. С. 68–69.

⁶Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 14–15.

⁷Ср.: Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го нем. изд. С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 56; Dunbabin T. J. The Early History of Corinth // JHS. Vol. 68. 1948. P. 65–66; Will Ed. Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. Paris, 1955. P. 306 ss.

Что вывод колоний в Сицилию и на Керкиру носил вполне организованный характер, подтверждается, во-первых, официальным обращением к Дельфийскому оракулу, который был, так сказать, направляющим центром греческой колонизации (как бы ни мотивировалось это обращение в романтическом предании),⁸ а во-вторых, высоким положением самих основателей-ойкистов. Оба — и Архий, и Херсикрат — были Гераклидами, причем для Херсикрата прямо засвидетельствована его принадлежность к правящему роду Бакхиадов (Schol. ad Ap. Rhod., IV, 1212 и 1216), и это же с большой долей вероятности можно предполагать и для Архия.⁹ Во всяком случае, в последующей традиции прочно отложилось представление о том, что Сиракузы были основаны по инициативе коринфского рода Бакхиадов:

Et qua Bacchiadae, bimari gens orta Corintho,
Inter inaequales posuerunt moenia portus.

(Ovid. Metamorph. V, 407–408).

Новая колония в Сицилии была первоначально основана на близком прилегающем к восточному побережью островке Ортигии, откуда Архий, по выразительному свидетельству Фукидида, изгнал местных жителей — сикулов (Thuc. VI, 3, 2 — Σικελούς ἐξελάσας πρῶτον ἐκ τῆς νῆσου). Однако довольно скоро — и, возможно, еще при Архии — греческое поселение распространилось и на противоположный сицилийский берег (район так называемой Ахрадины). За заселенным в первую очередь островком закрепилось название Ортигии. Очевидно, он был назван так в честь острова Делоса, который в древности иногда назывался Ортигией (букв. — «Перепелиным островом»). Ведь Делос считался родиной Аполлона и Артемиды, божеств, которым колонисты в первую очередь наряду с Афиною соорудили святилища на отбитой у сикулов земле. Что же касается поселения на материке, то оно, возможно, было окрещено по расположенному здесь болоту Сирако,

⁸Разумеется, наша традиция погрешает против истины, заставляя Архия обращаться в Дельфы за советом по поводу вывода колонии одновременно с Мискеллом, будущим основателем Кротона (Strab. VI, 2, 4, p. 269; Steph. Buz. s. v. Συράκουσαι). Искусственность объединения этих двух ойкистов в одну вопрошающую пару очевидна, однако из-за этого не следует ставить под сомнение самый факт обращения коринфян к Дельфийскому оракулу в связи с выводом колонии в Сицилию (ср.: Paus. V, 7, 3, где приводится совет оракула Архию), равно как и отрицать значение этого оракула в колонизационном движении греков, — значение, которое подтверждается целым рядом исторических примеров. По этому поводу ср. выше, гл. 5, § 1.

⁹Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 180; Freeman E. A. History of Sicily. I. P. 572 ff. Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 14; Stauffenberg A. Trinakri ... S. 109.

и это название дало имя всему городу в целом, который ввиду его двусоставности стал называться во множественном числе Сиракузами (Ps.-Scymn., 279–282; Steph. Byz., s. v. Συράκουσαι).¹⁰

Новое поселение с самого начала конституировалось как самостоятельная гражданская община, как автономный полис с характерным для дорийских общин аристократически-землевладельческим строем. В самом деле, какие бы соображения ни приводились в пользу торговых интересов, которыми могла руководствоваться при выводе новой колонии в Сицилию правившая в Коринфе аристократия, фактом является ярко выраженный, преимущественно аграрный характер самой этой новой колонии.¹¹

Показателен состав первоначальных поселенцев. Верхушку составляли знатные аристократы вроде Гераклида Архия, эпического поэта Бакхиада Эвмела (Clem. Alex. Strom. I, 21, 131) и не названного по имени представителя знатного рода олимпийских жрецов-прорицателей Иамидов (Pind. Ol. VI, 6). Высокое общественное положение этих людей — или, во всяком случае, их отцов — обусловлено было в такой же степени их качеством крупных собственников-землевладельцев, как и их знатностью. Но и масса рядовых колонистов — выходцев из Теней — принадлежала к сословию земледельцев, и если на родине им угрожала опасность утратить это свое качество, то за морем, на новом месте, они безусловно рассчитывали поправить свои дела и в полной мере восстановить свое положение людей, владеющих и живущих землею.

Что колонисты уже заранее составили корпорацию новых земельных собственников, подтверждается любопытным эпизодом, о котором со слов Деметрия Скепсийского, который, в свою очередь, опирался на свидетельство Архилоха, рассказывает Афиней: один из коринфских колонистов по имени Эфиоп во время плавания за медовый пряник продал приятелю свой надел, тот самый, который он по жребию должен был получить в Сиракузах (Athen., IV, 63, p. 167 d — τῷ αὐτοῦ συσίτῳ μελιττοῦτης ἀπέδοτο τὸν κλήρον ὃν ἐν Συρακούσαις λαχὼν ἐμελλεν ἔξειν).

Вся эта масса первоначальных поселенцев составила в Сиракузах корпорацию привилегированных граждан-землевладельцев, за которыми в античной традиции закрепилось название гаморов, т. е. бук-

¹⁰Ср.: Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 182; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 17, 50, 53, n. 4; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 100.

¹¹Примат торговых интересов пытается обосновать Т. Данбэбин (*Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 15; ср. также: *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 109), однако его доводы не могут поколебать высказанной еще О. Гвинном точки зрения о преимущественно аграрном характере нового поселения (*Gwynn A. The Character of Greek Colonization*. P. 92–93).

важно «обладающих долей земли» (дорийская форма γαμόροι соответствует более употребительной аттической γεωμόροι). Эти первопоселенцы, занявшие и разделившие между собою большую и лучшую часть земли, противостояли всем последующим переселенцам именно как особое сословие землевладельцев и граждан по преимуществу. Новым партиям колонистов, или, как их обычно называют в греческой традиции, эпойкам, приходилось по необходимости довольствоваться меньшими и худшими участками земли или же и вовсе, не получив доступа к земле, заниматься сугубо городскими промыслами, которые в античности никогда не пользовались особым почетом. Из этих людей постепенно составила́сь масса простого народа, демоса, чье значение поначалу не шло ни в какое сравнение со значением гаморов и чье недовольство своим ущербным положением должно было стать со временем источником напряженности и смуты в государстве.¹²

Если, таким образом, различия в положении двух групп свободного населения — гаморов и демоса — таили в себе возможности развития в сиракузском обществе серьезного конфликта, то еще более опасным в этом отношении было противостояние — и притом изначальное — двух уже совершенных антиподов: гаморов и киллириев. В самом деле, когда один из античных лексикографов определяет гаморов как людей, «которые трудятся на земле или по жребию получили долю земли, или которые на основе земельного ценза управляют общественными делами» (Hesych., s. v. γαμόροι), то в этом ряду определений собственно лишь второе и третье относятся к сиракузским гаморам, между тем как первое надо отнести на счет их рабов — киллириев.

Существование киллириев (κυλλύριοι, κιλύριοι), или калликириев, либо килликириев (καλλιχύριοι, κιλlichύριοι), как особой категории сиракузских рабов, хорошо засвидетельствовано античной традицией. О них упоминают историки Геродот (VII, 155) и Тимей (FgrHist 566 F 8), философ, знаток государственного права Аристотель (в «Сиракузской политике», fr. 586 Rose³), лексикографы Гезихий, Фотий, Свида и ряд других авторов. Античная традиция выразительно называет их рабами гаморов, но рабами особого сорта, вроде спартанских илотов, фессалийских пенестов или критских кларотов (сравнение идет от Аристотеля).

Очевидно, как и все эти указанные категории (к ним мы могли бы еще добавить гераклейских мариандинов, о которых речь пойдет в следующей главе), киллирии были местным, сикульским, земледель-

¹²Как и в случае с Леонтинами, в реконструкции общей схемы социальных отношений в архаических Сиракузах мы следуем Ф. Ф. Соколову и особенно Ад. Гольму. См.: Соколов Ф. Ф. Критические исследования... С. 188 сл., 194 сл.; Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum. I. S. 145 ff.

ческим населением, которое было покорено греческими завоевателями и низведено на положение подневольных работников, прикрепленных к земле и обязанных работать на гаморов. Но при этом, однако, в отличие от обычных покупных рабов, но так же, как илоты, они сохраняли возможность жить своими семьями, вести хозяйство и, по исполнении положенных повинностей и внесении определенного оброка, распоряжаться оставшимся урожаем по собственному усмотрению.¹³

Порабощению подверглась, по-видимому, подавляющая часть сикульского населения сиракузской хоры. Относительную свободу сохранили лишь жители очень немногих поселений, расположенных в отдаленных и труднодоступных горных местностях, вроде Гиблы Герейской, локализуемой в районе нынешней Рагузы.¹⁴ Остальная масса была вся низведена на положение земледельческих рабов, и этим, очевидно, объясняется их невероятная многочисленность. Древние в один голос отмечали это обстоятельство, которое будто бы даже породило особую поговорку: когда хотели обозначить огромное число, говорили: «больше киллириев» (Zenob. Prov., IV, 54; Suidas, s. v. καλλιῤῥιοί).

При достаточной четкости общих суждений о киллириях неясным, однако, остается самый термин. Древними, возможно, по примеру Аристотеля, предлагалась этимология этого термина на основе его второго, более пространного варианта «калликирии» или «килликирии», где в последней части слова видится греческий корень χύριοι, «господа»: «А причина такого их названия состоит в том, что, несмотря на свою разнородность, они сплотились, чтобы напасть на господ» (Zenob. Prov. IV, 54; ср.: Phot. и Suid., s. v. καλλιῤῥιοί, где дается ссылка на Аристотеля).

Однако эта этимология — по крайней мере в том виде, в каком она донесена до нас — страдает незавершенностью: остается необъясненной первая часть слова. Ряд новейших исследователей пытался восполнить этот недостаток, предлагая свои целостные интерпретации термина с учетом возможного значения его первой части: от χέλλειν, «гнать», — «прогнавшие своих господ»; от κίλλος=ὄνος, «осел», — «повелители ослов».¹⁵ Всего лишь вариантом этого последнего предложения надо считать точку зрения Т. Данбэбина, который, справедливо отбрасывая, по примеру Эд. Фримэна и В. Хюттля, удлиненную фор-

¹³Ср.: Валлон А. История рабства в античном мире / Пер. с франц. С. П. Кондратьева. М., 1941. С. 49; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 305–306; Lotze D. Metaxy eleutheron kai doulon: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. Berlin, 1959. S. 58–59, 75, 79.

¹⁴Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 107.

¹⁵Мнения (первое — Ф. Велькера, а второе — Гёттлинга) приводит Ад. Гольм: Holm Ad. Geschichte Siziliens. I, S. 397.

му «калликирии» как порождение греческой народной этимологии,¹⁶ толкует более краткую и оригинальную форму «киллирии» (в варианте именно *καλλιύριοι*) как оскорбительную кличку от *κίλλος* («ослятники»?).¹⁷

Однако все эти попытки одинаково могут быть поставлены под сомнение именно потому, что в основе слова «киллирии», как указал еще Отфрид Мюллер, может лежать не греческий, а местный, сикульский корень.¹⁸ Можно думать, например, как это делает Ад. Гольм, что слово «киллирии» было первоначальным названием одного из покоренных греками сикульских племен. Гольм при этом ссылается на одно место из поэмы Нонна «О Дионисе», где о киллириях упоминается именно как о древнем народе наряду с элимами (Nonn. Dion., XIII, 311).¹⁹

Еще одна возможность — и, может быть, самая привлекательная из всех — указана итальянским ученым А. Чечи, который сближает греческое *καλλιύριοι* с латинским *culleus*, что значит «кожаный мешок», «мех».²⁰ При этом является возможность не только объяснить термин «киллирии» с позиций древнего итальянского языка, на одном из диалектов которого должны были изъясняться сикулы, но и истолковать его по аналогии с некоторыми другими известными нам у греков названиями земледельческих рабов. Возможно, что киллирии были прозваны так по своей одежде типа какого-нибудь кожуха (причем было использовано именно местное название), наподобие того, как сикионские рабы были прозваны катонакофорами (*κατωναχοφόροι*) по своей верхней меховой или кожаной одежде — катонаке (*κατωναχή*).²¹

Что одежда такого типа — «кожухи» — в принципе была характерна для простолюдинов в архаическое время, подтверждается превосходной параллелью, на которую нам указал А. И. Доватур. Это — отрывок из Феогида, где говорится о социальном перевороте на родине поэта, в Мегарах Нисейских:

Город наш все еще город, о Кири, но уж люди другие.

Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,

Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
(ἀλλ' ἄμφι πλευρῆσι δорὰς αἰγῶν κατέτριβον)

И за стеной городской пасса, как дикий олень, —

¹⁶Ср.: Freeman E. A. History of Sicily. II. P. 439; Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. S. 38, Anm. 29.

¹⁷Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 111, n. 1.

¹⁸Müller K. O. Die Dorier. 2. Aufl. Bd II, Breslau, 1844. S. 56.

¹⁹Holm Ad. Geschichte Siziliens. I. S. 147 и 397

²⁰Ceci A. Contributo alla storia della civiltà italiana // RAL. Serie VI. Vol. VIII. 1932. Fasc. 3-4. P. 51.

²¹Ср.: Lotze D. Metaxy eleutheron kai doulon. S. 58 f.

Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали, Ну, кто б всё это вытерпеть мог?

(Theogn., 53–58 Diehl³, пер. В. В. Вересаева).

Эта параллель вдвойне интересна — не только возможным подтверждением бытовой характеристики сиракузских киллириев, но и указанием на сходную социально-политическую ситуацию: ведь и в Сиракузах противостояние аристократии и демоса завершилось — при прямом участии киллириев — победоносной народной революцией.

Однако до этой революции дошли не сразу. Поначалу, и довольно длительное время, господствующее положение в Сиракузах безраздельно принадлежало первопоселенцам, присвоившим себе лучшую и большую часть земли, поработившим местное население и сплотившимся — перед лицом этих своих многочисленных рабов и в противовес формирующемуся городскому демосу — в сильное спаянное сословие аристократов-гаморов. Конечно, эта новая сиракузская аристократия не составляла такой монолитной касты, как спартанцы или фессалийцы. Их положение основывалось много более на реальном богатстве и могуществе, нежели на принадлежности к традиционной родовой организации, и оно не гарантировалось и не страховалось специальными ограничительными законоположениями. Например, как показывает история с Эфиопом, они обладали правом отчуждать свои надель, ²² и, следовательно, их слой не был так застрахован от размывания, как сословие спартиатов. И все же их богатство, их вооружение, их сплоченность надолго — почти на два с половиной столетия — сделали их господами в новой захваченной ими стране, и, конечно же, они успели за такой срок обрести собственные традиции и стать — в лице своих потомков — аристократией также и по рождению.

В соответствии с ведущей ролью землевладения и авторитетным положением монополизировавших этот вид занятий гаморов политический строй в Сиракузах, если и не с самого начала, то очень скоро, в той степени, в какой рано обнаружилось противостояние слоя первопоселенцев, ставших знатью, последующим эпохам, должен был стать аристократическим. Общим подтверждением этого может служить свидетельство Паросской хроники, которая для времени около 600 г. до н. э. когда в Сиракузах нашла себе убежище аристократическая лесбосская поэтесса Сапфо, отмечает: «в Сиракузах же власть держали в своих руках геоморы (ἐν Σιρακούσαις δὲ τῶν [γέω]μόρων κατεχόντων τὴν ἀρχήν)» (Marm. Par., ep. 36, vs. 52). Свидетельство это, разу-

²²На это справедливо обращают внимание: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 15; Stauffenberg A. Trinakria. S. 110.*

меется, надо истолковывать не в том смысле, что тогда впервые власть в Сиракузах захватили гаморы, а в том, что они уже давно или все еще ею обладали. Во всяком случае, подчеркивание этого обстоятельства хронистом говорит о том, что противоположность между землевладельческой знатью и остальным народом вполне уже обозначилась и строй носил ярко выраженный аристократический характер.²³

С этим свидетельством корреспондируют и указания Аристотеля (Pol. V, 3, 1, p. 1303 b 17—26); рассказывая о случившейся в Сиракузах в древние времена (ἐν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις) ссоре двух молодых людей, которая повлекла за собой общую смуту в государстве, он отмечает, что они были из числа граждан, исполняющих или, как лучше было бы толковать это место, могущих исполнять должности (ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων), и что эта их ссора расколола надвое всю корпорацию пользующихся гражданскими правами (τοὺς ἐν τῷ πολιτεύματι), что опять-таки предполагает наличие и другой, не обладавшей правами гражданства части народа.²⁴

В нашем распоряжении есть еще ряд свидетельств, позволяющих в какой-то степени воссоздать политическое устройство Сиракуз времени господства гаморов. Ведущую роль в государстве играл какой-то корпоративный орган гаморов, который принимал решения по всем важным вопросам и, в частности, вершил суд. Так, у Диодора гаморы представлены ведущими in corpore судебное разбирательство по делу некоего Агафокла, злоупотребившего общественным назначением (Diod., fr. VIII, 9, 2 — οἱ δὲ γεωμόροι ἔκριναν τὴν οὐσίαν αὐτοῦ δημοσίαν εἶναι κτλ.). Назывался ли этот корпоративный орган советом, как можно было бы заключить со слов Плутарха, рассказывающего в одном из своих сочинений о той же ссоре двух аристократов (Plut. Praec. ger. geir. 32, p. 825 с, где разбором дела занимается совет — βούλη), или же собранием привилегированных, о котором упоминает Гезихий (Hesych., s. v. ἔσκλητος — ἡ τῶν ἐξόχων συνάθροισις ἐν Συρακούσαις), сказать трудно.²⁵

Равным образом трудно решить, какую именно должность, исполнял тот Поллид, именем которого позднее обозначали в Сицилии сладкое вино, получавшееся из особого сорта винограда, им впервые перекаженного из Греции на почву Сицилии: (Pollux, VI, 16, со ссылкой

²³Ср.: Holm Ad. Geschichte Siziliens. I. S. 147 и 397; Freeman E. A. History of Sicily. II. P. 436 f.; Wickert L. Syrakusai. Sp. 1481.

²⁴Ср.: Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 57; Доватур А. И. «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л. 1965. С. 286 и прим. 54.

²⁵На свидетельство Гезихия обратил внимание Б. Кейль, который считает возможным отнести упомянутый у лексикографа «эсклет» к архаическому времени (Keil B. Griechische Staatsaltertümer // Gercke A., Norden E. Einleitung in die Altertumswissenschaft. 2. Aufl. Bd III. Leipzig; Berlin, 1914. S. 347 и 367).

на Аристотеля [= fr. 585 Rose³]; Hippys Rheg. ap. Athen. I, 56, p. 31 b; Aelian. V. h. XII, 31; Etym. Magn., s. v. βιβλιος οἶνος).

В надежности основной части свидетельства о сиракузском правителе Поллиде сомневаться, на наш взгляд, не приходится — она подтверждается высоким авторитетом Аристотеля, который, по всей видимости, касался этого сюжета в «Сиракузской политике».²⁶ Древнее предание гласило, что Поллид, происходивший, кажется, из Аргоса (об этом упоминается у Поллукса и Афиней), был в Сиракузах царем (так у всех античных авторов) или тираном (выражение более позднего «Большого этимологика»).

Истолковывать это свидетельство вместе с Отфридом Мюллером буквально, т. е. в том смысле, что в древнейший период в Сиракузах существовала царская власть героического типа,²⁷ по-видимому, невозможно. Трудно себе представить, чтобы коринфские колонисты учредили в основанном ими новом городе царскую власть, между тем как на их родине она была упразднена по крайней мере за 10 лет до вывода колонии в Сицилию (Diod., fr. VII, 9, 5 — за 90 лет до тирании Кипсела, т. е. в 747 г. до н. э.). Но если бы и учредили, то едва ли царем в Сиракузах стал бы кто-либо другой, кроме ойкиста Архия, а между тем о царской власти Архия или его потомков не говорится ни в одном источнике.²⁸

Все сказанное выше о гаморах диктует вывод о существовании в Сиракузах едва ли не с самого начала аристократической республики. Но кем же тогда мог быть Поллид? Ф. Ф. Соколов склонен был считать Поллида чем-то вроде эсимнета, назначенного по общему согласию граждан в период начавшихся смут, не столько, впрочем, уже между гаморами и демосом, сколько в среде самих гаморов. Соответственно он относил правление Поллида ко 2-й половине VII в. до н. э., связывая его назначение с какой-то смутой в Сиракузах, приведшей к изгнанию знатного рода Милетидов (Thuc. VI, 5, 1; см. также ниже).²⁹ Со своей стороны Георг Бузольт, а вслед за ним и Г. Свобода и В. Хюттль выдвинули предположение, что Поллид был выборным главой аристократического правительства в начальный период существования Сиракуз — именно был таким же пританом, какой ежегодно избирался в Коринфе при олигархии Бакхиадов (см.: Diod., fr. VII, 9, 5; Paus., II, 4, 4) и который засвидетельствован для ряда коринфских

²⁶ Сомневаются: *Holm Ad. Geschichte Siziliens. I. S. 147; Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 93–94.* Ср. однако: *Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 201 сл.; Freeman E. A. History of Sicily. II. P. 8 ff.; 431 ff.; Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. S. 44 ff.*

²⁷ *Müller K. O. Die Dorier. II². S. 104 f.;* ср. также: *Freeman E. A.*

²⁸ Ср.: *Соколов Ф. Ф. Критические исследования. ... С. 201–202.*

²⁹ Там же. С. 203.

колоний (на Керкире, в Аполлонии, в Эпидамне). При этом — и опять-таки по аналогии с Коринфом, где выборный глава Бакхиадов, как кажется, продолжал величаться царем (см.: Nic. Dam. fr. 57, 1 и 6 Jacoby), — была высказана догадка, что Поллид мог также носить царский титул.³⁰ Нам представляется, что эта версия с пританом-царем заслуживает предпочтения: предание о Поллиде отдает такую стариную, что лучше было бы отнести правление этого «царя» к самому раннему времени, когда могущество гаморов было непоколебимым и в эсимнетах еще не было потребности, нежели к периоду уже начавшихся смут.

Так или иначе, с единоличным пританом во главе или без него, но господство гаморов в Сиракузах рано стало решающим фактором политической действительности и, разумеется, было надлежащим образом оформлено, приобретя очень скоро черты укоренившегося режима. Однако, сколь бы прочным ни было положение гаморов, жизнь постепенно стала выдвигать перед ними все новые проблемы, которые от десятилетия к десятилетию все труднее становилось разрешать. Главными факторами, создававшими эти проблемы, были непрерывный приток новых колонистов и естественный экономический прогресс, связанный с освоением хоры и развитием городских промыслов. Вехами, которыми отмечено воздействие этих факторов на социально-политическую жизнь Сиракуз, являются вывод дочерних колоний, с одной стороны, и внутренние распри — с другой.

В особенности много проблем создавал, по всей видимости, приток новых колонистов, который должны были стимулировать те социально-политические пертурбации, что охватили Элладу в VII в. до н. э. и привели к падению традиционных аристократических режимов и установлению тираний (в Коринфе, в частности, это случилось в 657 г. до н. э.). Отчасти в силу затрудненности доступа к земле, преимущественным правом на которую, по крайней мере в ближайшей округе Сиракуз, пользовались первопоселенцы, отчасти же ввиду новых возможностей, которые открывало занятие ремеслами и торговлей, эпойки по большей части оседали в городе. За их счет рос демос — свободная, но в силу своей, так сказать, второстепенности лишенная активных гражданских прав прослойка народа. Вследствие своего неполноправного положения слой этот мог стать естественной опорой для происков всяких честолюбцев, а со временем, осознав свою силу, — ведь масса и значение городского демоса должны были неуклонно возрастать, — и сам мог выступить инициатором переворота.³¹

³⁰ Busolt G. Die korinthischen Prytanen // Hermes. Bd XXVIII. 1903. S. 318; Swoboda H. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. Tübingen, 1913. S. 45, Anm. 6; Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. S. 44–46.

³¹ На принципиальную связь вселения эпойков с развитием внутренних конфлик-

В ту же опасную для гаморов сторону действовал и общий экономический прогресс, обусловленный отчасти усилиями самих же крупных землевладельцев и проявлявшийся в расширении активно используемой сельскохозяйственной территории, в увеличении производства товарного зерна и других продуктов, предназначенных на продажу, в развитии в этой связи торговли и различных городских промыслов. Естественно, что все это должно было содействовать размываниюсловия гаморов, выделению из него более богатых, реально сохранявших свое значение привилегированного слоя в государстве, и обедневших, чьи амбиции становились источником напряженности и смуты. С другой стороны, экономический прогресс содействовал росту города, а вместе с тем и формированию городского демоса, масса которого непрерывно пополнялась, в особенности за счет новых партий переселенцев из Балканской Греции. Вбирая в себя изгоев всех сортов, но вместе с тем создавая постепенно и собственную, новую, преимущественно денежную знать, город становился средоточием потенциально опасных элементов, которые рано или поздно должны были поднять голову и выступить против засилия землевладельческой аристократии.

Нельзя сказать, чтобы правящая в Сиракузах группировка не ощущала опасности, которая могла исходить из этой скапливавшейся в городе массы, в особенности ввиду возможности для этой массы обрести энергичных лидеров в лице каких-либо аристократов младшей руки, мечтавших поправить свое положение любым способом. Одним из эффективных средств по предотвращению социального взрыва могло быть продолжение колонизационного движения — дальнейшая экспансия в область сикулов и вывод в их земли новых колоний, которые должны были вобрать в себя избытки сиракузского населения. И действительно, следуя примеру своей метрополии, сиракузяне уже два или три поколения спустя после основания собственного города приступили к выводу новых колоний. Разумеется, ближайшими поводами к их основанию служили чисто стратегические соображения — стремления закрепиться в отнятых у сикулов землях, но одновременно могли действовать и более общие побуждения, сводившиеся к тому, чтобы посредством вторичной, или внутренней, колонизации избавиться от опасных излишков собственного населения.

В VII в. до н. э. Сиракузы основали целый ряд таких дочерних колоний. В 665 г. в 30 км к западу от Сиракуз, в верховьях реки Анап, была заложена крепость Акры (Thuc. VI, 5, 2), и тогда же, если верить Стефану Византийскому, был заложен еще один форт Энна, вынесенный далеко на северо-запад, в глубь сикульских земель (Steph. Byz.

тов в государстве указывал уже Аристотель (см.: Pol., V, 2, 10–11, p. 1303 a 25–b 3; 5, 6, p. 1306 a 2–4).

s. v. Εὐνα). В 649 г. на северном побережье Сицилии при активном участии сиракузян Занклою (будущая Мессана) была основана новая колония Гимера (Thuc. VI, 5, 1), а четыре года спустя в 12 км к западу от Акр, на возвышенности Монте Казале, сиракузянами была заложена еще одна крепость Касмены (ibid., §2). Наконец, в 600 г. на южном побережье Сицилии, в устье реки Гиппариса, сиракузянами был основан город Камарина (ibid. §3; ср.: Schol. ad Pind. Ol. V, 16), — самая крупная из сиракузских колоний, которая, в отличие от своих сестер, оставшихся на положении контролируемых сиракузянами крепостей, сразу же обрела статус самостоятельного, хотя поначалу и тесно связанного с метрополией, полиса.³²

С основанием всех этих дочерних колоний обозначились главные контуры территории, поставленной сиракузянами под свою власть или контроль. Практически это был весь юго-восточный угол Сицилии площадью около 1500 кв. миль, благодаря чему Сиракузы стали большим полисным государством, уступавшим по своим размерам среди первых греческих полисов лишь Спарте.³³ В этой обширной области сами Сиракузы и основанные ими города и крепости возвышались оплотами греческого господства над морем небольших сиккульских поселений, население которых было подчинено, прикреплено к земле и низведено на положение рабов, обязанных обрабатывать наделы завователей.

Экспансия в сиккульские земли естественно должна была принести более всего выгоды тем, кто ее направлял, т. е. правящему сословию гаморов. И хотя вывод новых колоний содействовал рассасыванию избыточного сиракузского населения и удовлетворению в какой-то степени аграрных претензий эпойков, богатство и могущество гаморов возросли в еще большей степени, так что следствием должны были стать лишь усугубление противоположности и обострение отношений между землевладельческой аристократией и остальным народом. С достижением сиракузянами к началу VI в. конечных рубежей, — а ими были области других греческих городов, Леонтин на севере и Гелы на юго-западе, — и исчерпанием, таким образом, доступного их захватам земельного фонда, дело неизбежно должно было дойти до широкого социального конфликта. Однако еще раньше обнаружили трещины в самом правящем лагере — эти первые ласточки начинающейся в государстве смуты.

В 649 г. до н. э., как уже отмечалось, какое-то — и, возможно, даже весьма значительное — количество сиракузян приняло участие в осно-

³²О времени вывода, местоположении и статусе сиракузских колоний ср.: Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 189–191; Wickert L. Syrakusai. Sp. 1482 f.; Dunbabin T. J. The Western Greeks. P 95 ff.

³³Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 107.

вании халкидской Занклою Гимеры (Thuc. VI, 5, 1). Это были, по свидетельству Фукидида, представители знатного рода Милетидов, которые, очевидно, вместе со своими клиентами и приверженцами должны были покинуть родину, будучи побеждены в гражданской смуте своими противниками (φυγάδες στάσει νικηθέντες). Что ушедших в изгнание действительно было довольно много, доказывается указанием Фукидида на особенность основанного при их участии города: хотя установления в нем были приняты халкидские, язык сложился смешанным между халкидским (т. е. ионийским) и дорийским.

Тем не менее определение выселившихся исключительно по одному знатному роду должно служить подтверждением высказанной выше мысли, что конфликт в Сиракузах вспыхнул в среде самой знати; участие других слоев должно было быть пока еще чисто пассивным. Есть соблазн поставить эту первую смуту в Сиракузах в связь с политическими пертурбациями в метрополии сиракузян, в Коринфе, где незадолго до того также вспыхнула смута, завершившаяся падением Бакхиадов, изгнанием их из города и утверждением Кипселидов. Эхо этой революции должно было докатиться и до коринфских колоний, и если у власти в них стояли родственные Бакхиадам кланы, то, возможно, им пришлось испытать неприятности.³⁴

Однако, кем бы ни были побежденные и изгнанные Милетиды, общий аристократический характер сиракузской конституции остался без изменений. Справились гаморы и с другим потрясением, которое случилось, по-видимому, уже на рубеже VII–VI вв. до н. э. Диодор рассказывает, как некий Агафокл, человек, очевидно, знатный и богатый, будучи избран попечителем строительства храма Афины, воспользовался своим назначением и употребил камень, предназначенный для сооружения святилища, на возведение себе, — возможно, там же, на Ортигии, где строился храм, — роскошного дома. Разгневанное святотатством божество поразило молнией и спалило дом вместе с нечестивцем, что не помешало гаморам, со своей стороны, учинить посмертное разбирательство дела Агафокла и вынести суровый вердикт. Невзирая на протесты наследников, которые указывали, что Агафокл расплатился за взятый камень из своего кармана, гаморы присудили его имущество к конфискации, а участок из-под дома предали проклятию и запретили кому бы то ни было вступать на него (Diod., fr. VIII, 9).

Таков рассказ Диодора, в достоверности которого нет оснований сомневаться. Свидетельство это очень важно. Напрашивающаяся параллель с акрагантскими тиранами Фаларисом и Фероном, которые тоже начинали со строительных подрядов, а затем укреплялись на акрополе и захватывали власть, — параллель, которая подкрепляется

³⁴Ibid. P. 56 f.

непомерно суровой карой, постигшей Агафокла и его род, — говорит о серьезной политической подоплеке этого дела. Возможно, Агафокл метил в тираны, и гаморам пришлось принять чрезвычайные меры для пресечения подобных поползновений. Приблизительная дата события, во всяком случае его *terminus ante quem*, определяется указанием на строительство храма Афины из камня. Очевидно, речь идет об одном из древнейших сооружений на священном участке Афины, на смену которому пришел в начале VI в. до н. э. деревянный храм с керамическими покрытиями, который просуществовал уже до времени Дейноменидов (начало V в. до н. э.).³⁵

Менее определенно обстоит дело с датировкой еще одного события, тоже из числа внутрисословных распрей, но имевшего более серьезные последствия, — события, о котором рассказывают Аристотель (Pol., V, 3, 1, p. 1303 b 17–26) и Плутарх (Praec. ger. reip., 32, p. 825 c). Два молодых человека поссорились на любовной почве: один переманил к себе любимого мальчика другого, а тот, в отместку, соблазнил жену обидчика. Оба принадлежали к высшему правящему кругу и своею распрею вызвали раскол в среде активно пользующихся гражданскими правами (этих деталей мы уже касались выше). В результате в государстве произошел переворот (*μετέβαλε γάρ ἡ πολιτεία*, как сказано у Аристотеля), и политическое устройство потеряло свой сугубо аристократический характер (*τὴν ἀρίστην πολιτείαν ἀνέτρεψαν*, по словам Плутарха). Спрашивается, однако, сколь радикальным был этот переворот и к какому именно моменту в истории архаических Сиракуз его следует приурочить (что дело происходило именно в архаический период — сомневаться не приходится; на это указывают слова Аристотеля: *ἐν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις*).

Ф. Ф. Соколов считал, что эта история никак не отразилась на положении гаморов и что относить ее надо ко времени изгнания Милетидов или «диктаторства» Поллида, которые он, в свою очередь, склонен был сблизать друг с другом.³⁶ По-видимому, эта точка зрения неверна, ибо она игнорирует прямые указания источников на реальность свершившегося в связи с ссорой двух аристократов переворота. В этом отношении более прав Ад. Гольм, когда он подчеркивает роковой характер начавшейся распри и, признавая серьезность последовавших перемен, ставит их в связь с экономическими успехами Сиракуз в VI в. до н. э. и, в частности, с начавшимся, как считают, около 530 г. чеканом сиракузской монеты.³⁷ Гольм, однако, впадает в другую край-

³⁵ Для оценки и датировки дела Агафокла ср.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 58; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 113.

³⁶ Соколов Ф. Ф. Критические исследования. С. 203 сл.

³⁷ Ср.: *Boehring E. Die Münzen von Syrakus*. Berlin; Leipzig, 1929. S. 6, 91; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 62.

ность, думая, что власть гаморов уже тогда была свергнута.³⁸ Этому противоречит свидетельство Геродота о том, что гаморы были изгнаны в результате совместного выступления демоса и рабов-киллириев в 491 г. до н.э. (Her. VII, 155),³⁹ — свидетельство, которое естественнее связывать не с попытками гаморов вернуться к власти, как вынужден предполагать Гольм, чтобы свести концы с концами, а с случившимся именно тогда свержением их господства. Конечно, остается еще одна возможность — соотнести эпизод, о котором рассказывают Аристотель и Плутарх, с изложением Геродота и считать, что распря двух аристократов и развязала ту общую смуту, которая завершилась падением власти гаморов и их изгнанием из города в 491 г.⁴⁰ Однако этому противоречат два характерных умолчания: у Геродота — о роковой ссоре молодых людей, а у Аристотеля — о выступлении демоса и киллириев, а главное, как кажется, достаточно еще глубокая древность события, упоминаемого Аристотелем и Плутархом, не позволяющая спускаться ниже VI в.

Итак, мы склонны разделить мнение Гольма относительно *времени* засвидетельствованного Аристотелем и Плутархом происшествия — VI в. до н.э. точнее его третья четверть. Что же касается *сущности* вызванных этим происшествием перемен, то его верно разъяснили В. Хюттль и Т. Данбэбин (которые, впрочем, как и Соколов, самое событие относят еще к VII в.):⁴¹ ослабленная внутренними распрями правящая аристократия, чтобы предупредить возможное в этих условиях выступление народа, пошла на компромисс — на включение состоятельных, но не знатных сиракузян, очевидно из разряда эпойков, в сословие гаморов с предоставлением всех прав и привилегий, что для тех, кто доселе вынужден был ограничиваться занятиями городскими промыслами, могло означать допуск к земле. Расширенное таким образом сословие гаморов теряло свой исключительный характер и трансформировалось в более широкий слой имущественной знати; соответственно древний аристократический строй в Сиракузах преобразовывался в то, что в классическое время обычно именовалось олигархией.

³⁸ Holm Ad. Geschichte Siziliens. I. S. 148.

³⁹ Для датировки события, которое обычно ставят в связь с поражением, понесенном сиракузянами от гелойского тирана Гиппократа при реке Гелор в 492 г. до н.э., см.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 400 f., 414 f.; см. также ниже.

⁴⁰ Так именно считают: *Жебелев С. А.* в примечаниях к своему переводу Аристотеля (Аристотель. Политика. М. 1911. С. 216, прим. 1 — к V, 3, 1); *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 286; *How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus*. Vol. II. Oxford. (1912) 1957. P. 194 f. (ad VII, 155, 2); *Wickert L.* Syrakusai. Sp. 1483 f.

⁴¹ Cp.: *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus*. S. 48–52; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 57–58.

Что эта перемена должна была содействовать оздоровлению социальной обстановки и оживлению экономической жизни в Сиракузах, — это не требует особых разъяснений. Но столь же очевидно и то, что широкие слои демоса остались неудовлетворенными этой «революцией сверху» и стремились к радикальному перевороту. Он и случился в начале V в. до н. э.

В ту пору Сиракузы вынуждены были вести войну с гелойским тираном Гиппократом. В 492 г. Гиппократ наголову разгромил сиракузян в битве при реке Гелоре, после чего подступил к самим Сиракузам. Города гелойский тиран, правда, не взял, но за мир сиракузянам пришлось дорого заплатить: они должны были уступить Гиппократу область Камарины (Her. VII, 154; ср.: Pind. Nem. IX, 39 sqq. cum schol.; Diod., fr. X, 27; Thuc. VI, 5, 3).⁴²

Авторитет и могущество правящей в Сиракузах группировки были резко подорваны, и этим не преминула воспользоваться сиракузская демократия. Напрасно гаморы пытались противопоставить демосу киллириев, даровав им свободу (Diod., fr. X, 25, 3 в истолковании Э. Эндрьюса—Т. Данбэбина).⁴³ Те предпочли получить гражданские права из рук демоса и вместе с ним выступили единым фронтом против гаморов. В 491 г. олигархия в Сиракузах была свергнута, причем киллирии действительно получили гражданские права, а гаморы были изгнаны (Her., VII, 155; Dion. Hal. Ant. Rom., VI, 62; Zenob. Prov., IV, 54; Hesych., Phot. Suid., s. v. χαλικύριοι и κιλικύριοι, со ссылками — у Фотия и Свида — на Тимея и Аристотеля, причем у Фотия выразительно сказано о вхождении киллириев в состав гражданства: κιλικύριοι — οἱ ἀντὶ τῶν γεωμόρων μέρος καταλαβόντες τοῦ πολιτεύματος).⁴⁴

Изгнанные из Сиракуз гаморы удалились в Касмены и оставались там в течение ряда лет, ожидая перемены обстоятельств. При этом они могли рассчитывать на непрочность союза между демократами-греками и вчерашними рабами, варварами-киллириями. И если тако-вы были их расчеты, то они в какой-то степени оправдались. Когда в 485 г. преемник Гиппократа Гелон возобновил — возможно, по призыву гаморов — наступление на Сиракузы, там, по свидетельству Аристотеля, уже царили беспорядок и анархия (Aristot. Pol., V, 2, б, р. 1302 b 25—33). В этих условиях подступивший к городу Гелон без труда

⁴²Ср.: *Lenschau Th. Hippokrates (7) // RE. Bd VIII. Hbbd 16. 1913. Sp. 1778; Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 399 ff.; Stauffenberg A. Trinakria. S. 171 ff.; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I-II. München, 1967 (I. S. 138; II. S. 598).*

⁴³*Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 414, со ссылкой в прим. 3 на мнение Э. Эндрьюса, который отнес указанный пассаж из Диодора к истории Сиракуз.*

⁴⁴Для оценки достигнутого киллириями, равно как и характера и масштабов демократического движения в Сиракузах в целом, ср.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks. P. 414—415; Stauffenberg A. Trinakria, S. 177—179* вместе с примечаниями.

заставил сиракузский демос капитулировать (Her., VII, 155).⁴⁵

Вступление гелойского тирана в Сиракузы сопровождалось рядом важных акций, возможно, бывших следствием широкого социально-политического соглашения.⁴⁶ Первым делом были возвращены из изгнания гаморы (Her., VII, 155). По-видимому, они получили обратно свои земли, но к прежнему исключительному положению возврата не было: ни господства над киллириями, ни политической власти у них больше не было. Киллирии, надо думать, сохранили свободу и права гражданства. Судя по тому, что мы более не встречаемся с ними в сиракузской истории, они, должно быть, постепенно растворились в общей массе демоса.⁴⁷ Отныне владельцы крупных имений должны были использовать труд обычных, покупных рабов или прибегать к помощи наемных рабочих-батраков.

Самый слой крупных землевладельцев, среди которых меньше теперь было старых аристократов и больше выходцев из простого народа, утратил свой исключительный аристократический характер, а вместе с тем, как кажется, и свое древнее название. В дальнейшем, в соответствии с их состоянием и службою в войске, за ними закрепилось название, которым в классическое время обычно именовали высший имущественный слой — всадники (οἱ ἵππεῖς). Что же касается демоса, то он, должно быть, сохранил завоеванные в свое время права, но власти более не имел. Политическую власть сосредоточил в своих руках Гелон, который обосновался в Сиракузах и сделал их столицей своей обширной Сицилийской державы.

В заключение подчеркнем главные особенности социально-политического развития Сиракуз в архаический период. Прежде всего надо отметить длительность господства сложившегося из слоя первопосе-

⁴⁵Ср.: Niese B. Gelon (3) // RE. Bd VII. Hbhd. 13. 1912. Sp. 1007; *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 415; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 189; *Berve Die Tyrannis bei den Griechen I*. S. 141; II S. 599

⁴⁶*Niese B.* I. с.

⁴⁷О судьбе киллириев ср.: *Dunbabin T. J. The Western Greeks*. P. 415; *Stauffenberg A. Trinakria*. S. 189, 337 (прим. 6 к гл. 12), 338 (прим. 3 к гл. 13). - Более сдержанно судит Г. Берве, который полагает, что Гелон сохранил киллириям личную свободу, но исключил их из гражданского коллектива (*Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*. I. S. 142; II. S. 600). - Некоторые исследователи не верят и в возможность сохранения киллириями своей свободы при Гелоне и относят их окончательную эмансипацию к гораздо более позднему периоду — ко времени Дионисия Старшего (см.: *Scheele M. Strategos autokrator. Staatsrechtlich-Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4 Jh.*. Leipzig, 1932. S. 28, Anm. 1; *Wentker H. Sizilien und Athen*. Heidelberg, 1956. S. 32), однако этот скепсис представляется нам совершенно неоправданным. Ср.: *Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия*. Л., 1979. С. 95, прим. 21, где, впрочем, неудачно сказано что «о киллириях в античной традиции со времени их выступления вместе с сиракузским демосом против гаморов в самом начале V в. до н.э. (Her., VII, 155, 1) более не упоминается»: точнее следовало сказать, что о них нет упоминаний применительно к более позднему времени.

ленцев аристократического сословия гаморов, что должно указывать на силу и прочность позиций этого класса в государстве. С другой стороны, бросается в глаза особенная роль и судьба туземных земледельческих рабов-киллириев. В конце концов, примкнув к оппозиционно настроенному по отношению к гаморам сиракузскому демосу, они добились свободы и даже гражданских прав. Более того, именно выступление киллириев придало радикальный характер гражданской смуте в Сиракузах и привело к ниспровержению более чем двухсотлетнего господства гаморов. По этому обстоятельству мы можем судить о массе и силе восставшего класса рабов, которые, впрочем, могли быть сильны не только своею массою, но и тем, что могли опираться на сочувствие и поддержку родственных им по крови свободных сикулов. Напротив, обращает на себя внимание слабость сиракузского демоса, и поздно выступившего, и обязанного победою не столько самому себе, сколько чуждым полису рабам-варварам, и, наконец, неспособного удержать достигнутое: ведь первая сиракузская демократия просуществовала от силы 5–6 лет, не более!

Очевидно, объяснение всем этим особенностям надо искать в своеобразии социально-экономического быта архаических Сиракуз, где земледелие действительно и надолго стало основой основ всей жизни и где роль и значение связанных с этой главнейшей отраслью экономики слоев населения были гораздо выше, чем роль и значение городского демоса. Конечно, по мере роста города сила городских классов должна была возрастать, и, как мы видели, во 2-й половине VI в. до н. э. гаморы и в самом деле должны были пойти на уступки состоятельной верхушке демоса. Однако, трудно сказать, как развивались бы события без вмешательства киллириев; не случись этого, сиракузское общество, возможно, долго еще страдало бы от внутренней напряженности и неурядиц, — точно так, как это было в Гераклее Понтийской, где лишь к середине IV в. до н. э. был положен конец гражданским смутам, да и то лишь вследствие установления тирании.⁴⁸ В Сиракузах свершившаяся при активном участии киллириев народная революция положила конец господству гаморов, но непрочность — возможно, именно из-за его гетерогенности — народного блока и обусловленная этим, а также внешними осложнениями общая неустойчивость политического положения привели к скорому падению демократии, которую здесь сменила тирания. Эта последняя в Сиракузах пришла именно на смену демократии, а не аристократии, как бывало обычно, и потому с самого начала должна была ориентироваться на сотрудничество с землевладельческим классом.

Таким образом, к началу V в. Сиракузы являли собою причудли-

⁴⁸См. ниже, гл. 8.

вую картину сложного и своеобразного сплетения различных моментов: укоренившиеся традиции землевладельческо-аристократического строя; неразвитость и слабость городской демократии; несмотря на это, благодаря поддержке поработанного туземного населения, успех народной революции; неустойчивость нового демократического режима и в этих условиях запоздалое, навязанное скорее извне, явление тирании, перед которой стояла трудная задача удержаться в чужом городе, притом еще, что необходимо было блокироваться с землевладельческой аристократией ввиду сомнительной лояльности народной массы. Однако истекали последние годы архаического периода, когда греки по существу были предоставлены самим себе. На сицилийском горизонте сгущались тучи — надвигалась опасность карфагенского вторжения, и Гелон блестяще воспользовался этим для утверждения своей власти и своей династии в Сиракузах.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

Еще один наряду с Сиракузами великолепный пример становления полиса в зоне греческой колонизации демонстрирует Гераклея Понтийская — город, основанный колонистами из Мегар на южном побережье Черного моря примерно в середине VI в. до н.э. И здесь, как и в случае с Сиракузами, мы можем опереться на богатую историческую традицию, восходящую к глубокой древности. В самом деле, судьбы этого греческого города оказались отражены не только в общей исторической (Эфор, Феопомп, Диодор, Юстин) и политической литературе древних (Эней Тактик, Исократ, Платон, Аристотель), но и в содержательной местной, специально гераклеийской историографии в лице историков Проматида, Нимфида, Домития Каллистрата, Мемнона, от чьих трудов до нашего времени сохранились более или менее значительные фрагменты.¹ К этим остаткам некогда обширной античной литературной традиции добавляются материалы, доставляемые археологией: керамическая тара и данные керамической эпиграфики (амфорные и черепичные клейма), памятники лапидарной эпиграфики (в основном, впрочем, происходящие от позднеантичного, римского времени), наконец, монеты.²

Все вместе составляет сравнительно богатый источниковый фонд,

¹ Эти остатки собственно гераклеийской традиции собраны в изданиях: Memnonis Historiarum Heraclaeae Ponti excerpta servata a Photio / Edidit J. C. Orelli. Leipzig, 1816 (вместе с другими литературными свидетельствами, имеющими отношение к истории Гераклеи Понтийской); Müller C. FHG. Vol. III. Paris, 1849; Jacoby F. FgrHist. Tl. III B-b. Leiden, 1950-1955 (№ 430-435 с комментарием). Русский перевод важнейшего из этих источников — извлечения из труда Мемнона, сделанного патриархом Фотием: Мемнон. О Гераклее / Введение, перевод и комментарий В. П. Дзагуровой // ВДИ. 1951. № 1. С. 281-316.

² О материалах керамической эпиграфики см.: Граков Б. Н. Англифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды ГИМ. Вып. 1. 1926. С. 165-206; Зеест И. Б. О типах гераклеийских амфор // КСИИМК. Вып. 22. 1948. С. 48-52; Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. Т V 1965. С. 10-30; Пругло В. И. К хронологии англифических клейм Гераклеи Понтийской // СА. 1971. № 3. С. 76-90; Василенко Б. А. О характере клеймения гераклеийских амфор в первой половине IV в. до н.э. // НЭ. Т. XI. 1974. С. 3-28. К этому надо добавить более общий труд: Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л. 1984. — Издание надписей: Robert L. Etudes anatoliennes. Paris, 1937. P. 245-259. — Монеты: Waddington W. H., Babelon E. *Reinach Th. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure*. T I. Fasc. 2. Paris, 1908. P. 343-383; Head B. V. *Historia Numorum*. 2nd ed. Oxford, 1911. P. 514-516.

которым не преминула воспользоваться наука нового времени. История Гераклеи Понтийской, в особенности наиболее блестящий ее период, представленный тиранией Клеарха и его преемников (364–281 гг. до н. э.), нашла отражение и в общих трудах по истории Древней Греции (у Б. Низе, Эд. Мейера, К.-Ю. Белоха) и древнегреческой тирании (у Г.-Г. Пласса, Г. Берве, К. Моссе), и в специальных работах — статьях и монографиях, количество которых уже достаточно внушительно.³

Располагая такими материалами — древними источниками и новейшими пособиями, — мы можем попытаться выявить тенденции социально-политического развития Гераклеи в первые два века ее существования (до установления тирании Клеарха, что составляет отчетливую грань, отделяющую первоначальный, классический период от позднеклассического и эллинистического), а вместе с тем определить и линии становления гераклейского полиса.

На южном побережье Понта Гераклея была единственной колонией, выведенной дорийцами. По преданию, она была основана переселенцами из Мегар при некотором участии беотийцев около 560 г. до н. э. (о Гераклее как колонии мегарян говорят Ксенофонт, Диодор и Арриан: Xen. Anab. VI, 2, 1; Diod. XIV, 31, 3; Arrian. Peripl., 18; о совместном предприятии мегарян и беотийцев — Ephor. ap. Schol. ad Apoll. Rhod. II, 845 = FgrHist 70 F 44; Ps.-Scymn., 972–975; Paus., V, 26, 7; об одних беотийцах — Justin., XVI, 3, 4–7; ср. также: Steph. Byz. s. v. Πάνελος; Suidas, s. v. Ἡρακλείδης Εὐφρονος; дата указана у Псевдо-Скимна: 975 — καθ' οὗς χρόνους ἐκράτησε Κύρος Μηδίας). Участие беотийцев было, по-видимому, весьма незначительным; характерные дорийские установления (в частности, подразделение граждан на 3 дорийские филы, Aen. Tact., 11, 10 a) и диалект свидетельствуют, что Гераклея с самого начала была городом дорийским по преимуществу (ср. у Арриана, l. c. — Ἡράκλειαν πόλιν Ἑλληνίδα Δωρικὴν).⁴

³Из работ, специально посвященных истории Гераклеи Понтийской, отметим как важнейшие: *Нейхардт А. А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта // *Каллистов Д. П.* Нейхардт А. А., Шифман И. Ш., Шишова И. А. Рабство на периферии античного мира. Л. 1968. С. 135–148; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986; *Apel H.* Die Tyrannis von Heraklea. Halle, 1910; *Ruge W* 1) Herakleia (19) // RE. Bd VIII. Hbbd. 15. 1913. Sp. 433–434; 2) Mariandynoi // RE. Bd XIV Hbbd. 28. 1930. Sp. 1747–1749; Herakleia Pontike: Forschungen zur Geschichte und Topographie / Hrg. von F. K. Dörner (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd 106). Wien, 1972; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea (University of California Publications: Classical Studies. Vol. 14). Berkeley; Los Angeles; London, 1976.

⁴Стоящее особняком свидетельство Страбона о том, что Гераклея была колонией милетян (Strab. XII, 3, 4, p. 542), — явное недоразумение. Не вникая глубоко в историю Гераклеи, Страбон скорее всего заключает по аналогии с другими понтийскими городами, многие из которых действительно были основаны

Новое поселение было основано в месте, одинаково удобном для занятия и мореходством и земледелием. В этом пункте тянувшаяся от устья Понта ровная линия побережья неожиданно делает поворот на север и образует большую открытую на запад бухту, единственную на этом участке между Боспором и Синопой. Море здесь было богато рыбой, а прилегающая местность, сплошь состоящая из плодородных лощин, протянувшихся между невысокими лесистыми горами, создавала благоприятные условия для занятия земледелием и скотоводством (для суждения о местности и ее ресурсах ср.: Xen. Anab. VI, 2, 1 слл.; Ps.-Scylax, 91; Strab., XII, 3, 6–7, p. 542–543; Arrian, 1. c.; Pomp. Mela, I, 103; Plin. N. h. VI, 1, 4; IX, 57, 176 сл.; XV, 30, 131; XXI, 13, 74 слл.; Aelian. De nat. an., XV, 5).⁵

По-видимому, вновь основанное поселение с самого начала носило смешанный торгово-земледельческий характер. Выбор места безусловно указывает на заинтересованность колонистов в море, на их стремление сохранить и развивать контакты с внешним миром. С другой стороны, энергичное наступление, которое гераклеоты сразу же повели на местное население мариандинов, захват земель этих «варваров» и порабощение их самих свидетельствуют о большой заинтересованности в земле. Надо думать, что наряду с торговыми людьми в новую колонию выселились главным образом те, кто мечтал обзавестись новым участком земли. Среди этой массы могли быть самые различные люди, отпрыски знатных семей так же, как и простые крестьяне. Одних могла погнать за море грубая, неприкрытая нужда, других — действительное или кажущееся умаление их достоинства. Одно несомненно: масса этих переселенцев была внушительной, а их энергия достаточно целенаправленной, если в короткий срок они сумели утвердиться среди воинственных туземных племен и расширили свои владения далеко по побережью и в глубь материка.⁶

Милетом. Ср: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 259; Ruge W. Herakleia. Sp. 433; Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 128 f. Danoff Chr. M. Pontos Euxeinos // RE. Supplementbd. IX. 1962. Sp. 1065; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P 13 ff. — Новая попытка С. Ю. Сапрыкина доказать, что на месте Гераклеи первоначально существовало милетское поселение, которое затем уступило место мегарско-беотийскому (Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 18–23), не может быть признана удачной. Произвольным, в частности, выглядит истолкование С. Ю. Сапрыкиным текста Псевдо-Скимна (стихи 917–919), где слова «получила ионийское заселение (ἐλαβ' ἰωνικὴν χτίσιν)» должны относиться к Амису, но никак не к Гераклее. Ср.: *Максимова М. И. Античные города Юго-восточного Причерноморья. М.; Л. 1956. С. 55.**

⁵Ср. также: *Apel H. Die Tyrannis von Heraklea. S. 16 f.; Robert L. Etudes anatoliennes. P. 245–259; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P 4–6.*

⁶Преобладание земледельческих интересов при основании Гераклеи подчеркивает — в связи с суждением о гераклеийской колонии Каллатиде — Т. В. Блаватская (см.: Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 36):

Вообще Гераклея рано обрела черты большого периферийного государства. Первоначально колонистам пришлось выдержать упорную борьбу за землю с местным фрако-вифинским племенем мариандинов. Борьба эта была для гераклеотов успешна; они отвоевали большую полосу земли, а населявших ее варваров частью истребили или оттеснили в глубь материка, частью же поработили. Не следует забывать, что переселенцы в подавляющей массе были дорийцы. В новую страну они перенесли обычный для дорийских завоевателей способ распоряжаться завоеванным, тем более что сама ситуация была сходна с той, которая имела место при более раннем расселении дорийцев в Балканской Греции.

Если характер взаимоотношений гераклеотов с ближайшими племенами мариандинов представляется более или менее ясным, то труднее судить об отношениях нового города с более далекими, но более мощными соседями Лидией и Персией. Правда, Геродот определенно утверждает, что Крез успел покорить все народы, проживавшие западнее Галиса, за вычетом одних лишь ликийцев и киликийцев; среди покоренных были и мариандины (Her., I, 28). Позднее, после разгрома Лидии и установления персидского господства в западной части Малой Азии, мариандины входили в состав третьего из двадцати учрежденных Дарием I административно-податных округов (*ibid.*, III, 90) и даже принимали участие в походе Ксеркса в Грецию (*ibid.*, VII, 72).

Неясно, однако, в какой степени все эти указания могут быть отнесены к Гераклее. Под мариандинами, конечно, каждый раз могут разумеаться все жители мариандинской области, включая и новых греческих поселенцев. Однако при удаленности Гераклеи и слабой заинтересованности восточных держав в освоении побережья Понта прямое подчинение гераклеотов лидийцам или даже персам представляется маловероятным. Вообще контакты с лидийцами по необходимости могли быть лишь очень кратковременными. В расчет, стало быть, могут идти только персы, однако если им и удалось на какое-то время подчинить себе Гераклею, то подчинение это было чисто номинальным: никаких реальных следов его обнаружить невозможно.⁷

Между тем город рос, и кажется, что увеличение населения, очевидно главным образом за счет притока новых колонистов, соверша-

ср. также: *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический, с. 18.

⁷Ср. осторожную трактовку этого вопроса у К. Ю. Белоха: *Beloch K. J.* GG² III. 1. 1922. S. 136. Ср. также: *Максимова М. И.* Античные города Юго-восточного Причерноморья. С. 96 сл., где высказываются, тоже впрочем весьма осторожно, догадки о формах подчинения южнопонтийских городов Ахеменидам. — С. Бёрстейн пытается представить более обстоятельную картину отношений Гераклеи Понтийской с Персидской державой, что, однако, при отсутствии прямых свидетельств источников оборачивается эскалацией предположений (см.: *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 26—28).

лось гораздо быстрее, чем освоение новых территорий и развитие городских промыслов. Еще в том же VI столетии гераклеоты должны были приступить к выведению собственных колоний, и, очевидно, это было обусловлено не только потребностями развивающейся торговли, но и невозможностью обеспечить всех новых колонистов землей или предоставить им какое-либо другое занятие в городе. Около 520 г. большая группа гераклеотов покинула свой город и выселилась на западное побережье Черного моря, где основала город Каллатиду. Впрочем, непосредственным толчком к основанию Каллатиды могли послужить в Гераклею резкое обострение социальной борьбы и ниспровержение первоначально установившейся демократии (см. ниже). Возможно, что потерпевшие поражение демократы и стали инициаторами вывода новой колонии (об основании Каллатиды см.: Ps.-Scymn. 761–764, с указанием даты: ἡνίκα τὴν Μακεδόνων ἀρχὴν Ἀμίοντος παρέλαβεν; ср.: Strab., VII, 6, 1, p. 319, и XII, 3, 6, p. 542; Memnon, 21; один лишь Помпоний Мела утверждает, что Каллатида была основана милетцами: II, 22 — a Milesiis deducta Callatis, что, однако, не заслуживает никакого доверия).⁸

Как бы то ни было, период первоначального устройства был пройден гераклеотами достаточно быстро. Энергичная эксплуатация моря, быстрое освоение обширной сельскохозяйственной территории, способной поставлять в изобилии и продукты питания и различное сырье, развитие на этой основе городских промыслов и торговли скоро сделали Гераклею одним из самых богатых и процветающих городов Причерноморья (ср. свидетельство Юстина о быстрых успехах колонистов: XVI, 3, 7 — *brevi tempore magnas opes paravere*).

В V в. Гераклея должна была уже играть видную роль в экономической и политической жизни Причерноморья. К сожалению, античная традиция, более всего интересовавшаяся временем тирании, как раз об этом периоде гераклейской истории сообщает очень скудные сведения. Судя по одному замечанию Юстина (см. ниже), гераклеотам удалось установить хорошие отношения с Персией. Это было необходимым условием дальнейшего безопасного существования колонии, однако осуществление этого условия не могло остаться без последствий для внутренней жизни самой Гераклеи. Контакты с Персией, которая всегда ориентировалась на аристократические слои, должны были укрепить позиции этих последних и в Гераклею. Когда усилилось афинское проникновение в Причерноморье, противодействие Афинам со стороны Гераклеи определялось не только дружбою гераклеотов с

⁸Ср.: Блаватская Т. В. Западнопонтийские города. С. 30–32 и 51; Beloch K. J. GG² I. 1. S. 260; 2, S. 234; Vulic. Kallatis // RE. Bd X. Hbbd. 20. 1919. Sp. 1611; Hanell K. Megarische Studien. S. 130; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 25–26.

персами (см. у Юстина: XVI, 3, 9 — ob amicitiam regum Persicorum) и интересами их собственной торговли, но и позицией влиятельной гераклейской знати, которая, естественно, не питала никаких симпатий к афинской демократии.

Опираясь на поддержку персов, Гераклея могла долго противиться вступлению в Афинский морской союз и смирилась, по-видимому, лишь после того, как по инициативе Перикла афинянами были приняты энергичные шаги к утверждению своего влияния в Понте. В начале 30-х годов V в. до н. э. сам Перикл с большим флотом побывал в Понте (Plut. Per., 20, 1–2),⁹ за этим последовал вывод афинских клерухий в Синопу и Амис (Plut., l. c.: Theoromp. ap. Strab. XII, 3, 14, p. 547 FgrHist 115 F 389),¹⁰ и, очевидно, тогда же состоялось присоединение к Афинской архе и Гераклеи. К середине 20-х годов Гераклея, во всяком случае, уже входила в состав Афинского союза: в одном из фрагментов (№ 38) афинской надписи, содержащей декрет об обложении союзников от 425/4 г., с большой долей вероятности восстанавливается имя гераклеотов — [ἐρ]αχλειῶτα[ι]¹¹

Однако афинский контроль над Гераклеей был непрочным. В 424 г. афиняне должны были отрядить часть кораблей, занимавшихся сбором подати с союзных городов, против Гераклеи ввиду ее отказа вносить свою долю. Экспедиция, которой командовал небезызвестный Ла-

⁹Подробнее см.: *Брашинский И. Б.* 1) Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110–121; 2) Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. С. 56–70; *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 65 слл.

¹⁰См. также: *Максимова М. И.* Античные города Юго-восточного Причерноморья. С. 97 слл.

¹¹*Meritt B. D. West A. B.* The Athenian Assessment of 425 B. C. Ann Arbor, 1934. P. 26, 28, 29, 68, 87; *Meritt B. D., Wade-Gery H. T. McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1939. P. 116, 157, 489–490. — Реконструкция Меритта и Уэста вызвала оживленный спор, который, однако, не затронул Гераклеи: восстановление имени гераклеотов и соответственно вывод о вхождении Гераклеи в Афинский союз признаются большинством исследователей бесспорными. Ср.: *Блаватская Т. В.* 1) Западнопонтийские города. С. 67 слл.; 2) Южное и Западное Причерноморье // Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов. М., 1956. С. 352; 3) Очерки политической истории Восточного Босфора в V–IV вв. до н. э. М. 1959. С. 65 слл.; *Брашинский И. Б.* 1) К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148–161; 2) Афины и Северное Причерноморье. С. 97; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 46 слл. *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 30 ff. — С. Бёрстейн, впрочем, пытается доказать, что экспедиция Перикла не повлекла за собой никаких перемен в статусе Гераклеи Понтийской, и что вхождение этого города в Афинский союз, несмотря на упоминание в афинском декрете 425/4 г., состоялось практически только после экспедиции Ламаха летом 424 г. в результате происшедшего тогда в Гераклее демократического переворота. Однако неудачный исход акции Ламаха делает это предположение маловероятным.

мах, едва не окончилась для афинян катастрофой. Ламах высадился недалеко от Гераклеи, в устье реки Калета, и принялся уже опустошать поля гераклеотов, как вдруг разразилась буря и вздувшаяся от дождей река унесла в море причаленные корабли. Лишившись флота, Ламах попал в отчаянное положение. Однако гераклеоты не стали злоупотреблять неожиданной удачей. Они вступили с Ламахом в переговоры и, очевидно добившись для себя важных уступок, содействовали возвращению афинян по суше в Калхедон (Thuc., IV, 75; Diod. XII, 72, 4, с опозданием, под годом архонта Аминия = 423/2 г.; Justin. XVI, 3, 8–12).¹²

Возможно, впрочем, что умеренность гераклеотов была вынужденной ввиду наличия у Ламаха все еще значительных сил и напряженной обстановки в самой Гераклее, где появление афинян могло возбудить активность дружественных им демократов. Однако если даже выступление этих демократов и состоялось, то ввиду несчастья, постигшего Ламаха, оно не имело шансов на прочный успех. В таком случае кажется правомерным предположить, что именно тогда, в связи с новым поражением демократии, состоялось очередное выселение значительной части гераклеотов, на этот раз в Крым, где они основали новую колонию Херсонес Таврический (об основании Херсонеса см.: Ps.-Scymn., 822–827, с указанием на участие делосцев; ср.: Strab. VII, 4, 2, p. 308, и XII, 3, 6, p. 542).¹³

По-видимому, после неудачи Ламаха афиняне не возобновляли попыток подчинить Гераклею. Город, таким образом, остался свободным

¹²Для суждения о времени и цели экспедиции Ламаха ср.: *Казажевич Э. Л., Рижский М. И.* Комментарий к переводу Юстина // ВДИ. 1954. №3. С. 240, прим. 1; *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxford, 1956. P. 536 f.; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 33–34.

¹³Что появление афинян должно было сопровождаться обострением социально-политической борьбы в Гераклее, за которым последовало выведение колонии в Херсонес Таврический, — это предположение А. И. Тюменева, развившего, таким образом, гипотезу И. Г. Шнейдервирта. Последний еще в 80-х годах прошлого века поставил в связь основание Херсонеса Таврического — по преданию, совместно гераклеотами и делосцами — с изгнанием афинянами делосцев с их острова в 422/1 г. до н. э. (ср.: *Schneiderwirth J. H.* Heraclea am Pontus. Neiligenstadt, 1882. S. 15; *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды (I) // ВДИ. 1938. №2. С. 256 сл.). Приурочение Тюменевым основания Херсонеса к этому моменту гераклийской истории стало установившимся мнением, хотя нет недостатка и в попытках дальнейшего уточнения причин и обстоятельств этого события. Ср. далее: *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л. 1948. С. 33 сл.; *Гайдужевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Т. I. М. Л., 1955. С. 67 сл.; *Блаватская Т. В.* Южное и Западное Причерноморье. С. 352 сл.; *Доманский Я. В.* К предыстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. Вып. 2 / Под ред. В. Г. Боруковича. Саратов, 1974. С. 37–46; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 52–69; *Danoff Chr. M.* Pontos Euxeinus. Sp. 1106; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 34–35.

и независимым. Более того, очень скоро, с крушением Афинской державы и сокращением торговой и политической активности афинян в Причерноморье, для Гераклеи открылись новые широкие возможности. Обладая великолепными гаванями (ср.: Strab., XII, 3, 6, p. 542 — ἡ μὲν οὖν Ἡράκλεια πόλις ἐστὶν εὐλίμενος), располагая богатыми природными ресурсами и развитыми сельским хозяйством и ремеслом, Гераклея стала крупнейшим экономическим центром Причерноморья. О широком размахе гераклейской торговли свидетельствуют повсеместные в Причерноморье находки гераклейской керамической тары (от времени как раз начиная с рубежа V–IV вв.).¹⁴ Торговля эта, в особенности активная с городами Западного и Северного Причерноморья, где у гераклеотов были надежные опорные пункты в лице их колоний Каллатиды и Херсонеса, приносила гераклейским предпринимателям крупные барыши.

О богатствах Гераклеи могут дать представление не только осуществлявшиеся ею добровольно поставки продовольствия возвращавшимся из похода наемникам Кира (Xen. Anab. VI, 2, 3, и 5, 1), но и те требования, с которыми наемники сами обратились к гераклеотам: на продолжение пути они потребовали от жителей города не то 3000, не то 10000 кизикских статеров. Решительный отказ и энергичное противодействие гераклеотов этому вымогательству, несомненно, говорят о силе и неустрашимости дорийских колонистов (ibid., VI, 2, 4 слл.).

Вообще Гераклея была одним из самых сильных в военном отношении государств Причерноморья. Город был хорошо укреплен, в доках хранилось много военных кораблей, а из граждан в случае нужды можно было составить большое и боеспособное ополчение (для суждения о военной мощи Гераклеи, и в частности о гераклейском флоте, ср.: Ps.-Aristot. Oec., II, 2, 8, p. 1347 b 3 слл.; Polyæn., VI, 9, 4; Memnon, 23). Опираясь на эти силы, Гераклейское государство проводило активную внешнюю политику, обеспечивая свободу мореплавания для своих купцов, практикуя каперство для устранения конкурентов, во всех случаях зорко следя за тем, чтобы никто не умалял интересов его собственных или связанных с ним деловыми отношениями других городов.

В IV в. именно эти опасения за безопасность своей колонии Херсонеса и, более широко, за сохранность своих позиций, своего торгового и политического влияния в Крыму и Прикубанье, которому стало угрожать растущее могущество Восточного государства, вызвали вмеша-

¹⁴Начало распространения гераклийских острононных амфор с энглифическими клеймами, отнесенное первоначально Б. Н. Граковым к последней четверти IV в. было позднее им же существенно отодвинуто — до середины IV и даже до рубежа V–IV вв. См.: *Зеест И. Б.* О типах гераклийских амфор. С. 48; *Брашинский И. Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской. С. 20.

тельство Гераклеи в войну Боспора с Феодосией. Война эта, порожденная аннексионистскими устремлениями боспорских Спартокидов, затянулась именно благодаря вмешательству Гераклеи, которая стала оказывать активную поддержку Феодосии. Гераклеяский флот не раз появлялся у берегов Крыма и заставлял боспорцев отступать от стен Феодосии, а высаживавшиеся гераклеотами в различных пунктах побережья десанты наносили серьезный урон боспорской экономике (Ps.-Aristot. Оес., II, 2, 8, p. 1347 b 3–15; Polyae. V, 23, и 44, 1; VI, 9, 3–4).¹⁵

Однако эта война оказалась тяжким испытанием не только для Боспора, но и для Гераклеи. Не по силам античного города было вести длительную заморскую войну (об экономических трудностях Гераклеи во время войны с Боспором см.: Ps.-Aristot., l. c.). Тяготы военного времени резко обострили социальную и политическую обстановку в

¹⁵Время этого конфликта может быть определено лишь в самой общей форме. Война началась еще при Сатире I (433/2–389/8 гг.), который умер при осаде Феодосии (Нагросгат., s. v. *Φεοδοσία*). Город был включен в состав Боспорского государства именуется спартокидом Левконе I (389/8–349/8 гг.), который официально становится архонтом Боспора и Феодосии (КБН, № 6–6 а, 8, 1037–1038, 1111). Ко времени речи Демосфена «Против Лептина», т. е. к 355/4 г., Феодосия во всяком случае уже находилась под властью Спартокидов, ибо Демосфен упоминает об оборудовании здесь Левконом I новой гавани (Dem., XX, 33 со схолиями). Возможно, что Левкон добился успеха еще в 60-х годах IV в., когда в Гераклее вспыхнули новые смуты (перед выступлением Клеарха) и она не смогла более оказывать помощи Феодосии. Таким образом, время борьбы Боспора и Гераклеи из-за Феодосии может быть определено приблизительно между 389 и 364 гг. Ср.: Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 74–75 и 76–77; Жебелев С. А. Боспорские этюды (1 [1935]) // Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 168–170; Каллистроп Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 209 сл.; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 58–59; Сапрыхин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 70 сл.; Beloch K. J. GG² III. 1. S. 134; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 42–45. — Весьма вероятно, что с присоединением Феодосии к Боспору при Левконе I возможности конфликта между Гераклеей и Боспором не были исчерпаны, и что столкновения между ними, а вместе с тем и вспышки автономистского движения в Феодосии могли иметь место и в более позднее время. Так, хитрость Мемнона, о которой упоминает Полиен (V, 44, 1), возможно, должна быть связана с каким-то новым обострением в отношениях между Гераклеей и Боспором уже после аннексии Феодосии. Однако едва ли есть основания, как это делал в свое время М. И. Ростовцев, относить всю массу свидетельств о войне Гераклеи с Боспором ко времени Левкона II, т. е. к середине или второй половине III в. См.: Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // ЗОО. Т. XXXII. 1915. С. 68 сл. Ср. также: Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 168–178, где признается возможность столкновений между Гераклеей и Боспором еще в IV в. во время большой войны между ними относится опять-таки к середине следующего столетия. Справедливые возражения против такой тенденции были сделаны уже В. Ф. Гайдукевичем. См. его книгу: Боспорское царство. С. 498 (прим. 53 к гл. IV); подробнее в немецком издании: Gajdukevic V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 92.

Гераклее и, сделав невозможным для гераклейской республики продолжение военных операций в Крыму, одновременно расчистили путь тирании.¹⁶

Впрочем, надо помнить, что связь войны с Боспором с началом новой смуты в Гераклее достаточно гипотетична. У нас нет определенных данных о том, что эта война затянулась до 60-х годов IV в. Кроме того, война в любом случае могла дать лишь толчок к развязыванию социального конфликта, причины которого должны были корениться в более естественных основаниях, прежде всего и главным образом в социальной структуре гераклейского общества. К рассмотрению этого нового вопроса, как необходимой предпосылки для понимания природы и характера социально-политических метаморфоз в Гераклее, нам и необходимо теперь обратиться.

О социальном и политическом строе Гераклеи мы располагаем немногими, но содержательными указаниями Энея Тактика и Аристотеля. Город конституировался как дорийское поселение. Граждане, как и у себя на родине в Мегарах, подразделялись на три филы. Однако наряду с этим традиционным для дорийцев членением существовало, тоже вероятно с самого начала, и другое деление, характерное именно для Мегар и их колоний, — на сотни (ἑκατοστῦες). Последних было четыре, и, в отличие от фил, они служили, по-видимому, не кровнородственными, а военно-политическими подразделениями общины, такими примерно, какими были центурии у древних римлян (существование фил и сотен в Гераклее удостоверяет Эней Тактик, 11, 10 а; при истолковании текста Энея мы, вслед за Г. Апелем, исходим из рукописного чтения οὐσῶν αὐτοῖς τριῶν φυλῶν καὶ τεσσάρων ἑκατοστῶν).¹⁷

О первоначальном политическом устройстве и социальной ситуации в Гераклее ценные указания дает Аристотель. В «Политике», обосновывая положение о том, что причину свержения демократии ча-

¹⁶Связь войны в Крыму с началом новой смуты в Гераклее подчеркивает Т. В. Блаватская. См. ее статью: Южное и Западное Причерноморье. С. 356.

¹⁷Ср.: *Apel H.* Die Tyranis von Heraklea. S. 22, Anm. 2, где правильно, на наш взгляд, обосновано исконное различие фил и сотен в Гераклее: «Die Einteilung nach Hekatostyen ist wohl aus einer ursprünglichen Heeresenteilung entstanden, die mit den Phylen, wie die Zahl zeigt, nichts zu tun hat». Нет нужды, таким образом, видеть в сотнях подразделения фил и подвергать вивисекциям текст Энея (ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd I. München, 1920. S. 261, Anm. 1; полный перечень вносимых в текст Энея исправлений см. в издании: *Aeneas Tacticus.* De obsidione toleranda commentarius / Edidit R. Schoene. Leipzig, 1911. P. 25). — О дорийском характере Гераклеи ср. также: *Beloch K. J.* GG² I. 1. S. 259, Anm. 5. — Об институте сотен, зафиксированном прежде всего для Мегар и их колоний, но отмеченном также и для некоторых других общин (Самос, Лампсак), см. еще: *Hanell K.* Megarische Studien. S. 140–144, где дается систематический обзор всего относящегося сюда материала.

ще всего бывает наглость демагогов, Аристотель ссылается и на пример Гераклеи: «Упразднена была демократия (ὁ δῆμος) и в Гераклее; тотчас же после основания этой колонии (μετὰ τὸν ἀποικισμὸν εὐθύς) притеснявшаяся демагогами знать (οἱ γυνώριμοι) удалась в изгнание, затем изгнанники объединились и, возвратившись, упразднили демократию (τὸν δῆμον)» (Pol. V, 4, 2, p. 1304 b 31–34, пер. С. А. Жебелева — А. И. Доватура).

Очевидно, основную массу переселенцев в Гераклее составили представители демоса, торговцы и земледельцы, по воле которых первоначальный строй стал демократическим. Однако насильственное утверждение и освоение чужой страны, ставшей отныне вместе со своим поработанным населением доменом гераклеотов, их хорой, имели далеко идущие последствия для социального развития вновь основанного города: в новой общине рано обнаружилось тенденции к социальному расслоению и розни. Как и в других местах, при основании Гераклеи активную роль вожаков могли сыграть выходцы из аристократических кругов. Завоевание прилегающей к городу территории и порабощение мариандинов сразу должны были превратить их самих и их ближайшее окружение в мощный слой военно-землевладельческой знати. Эта группа теперь противостояла остальной массе парода — земледельцам, оказавшимся менее предприимчивыми и получившим меньшую долю при разделе завоеванных земель, горожанам, торговцам и ремесленникам, самоустранившимся от участия в этом предприятии, позднейшим переселенцам, для которых это участие и вовсе было исключено.

Создававшаяся, таким образом, уже на первоначальной стадии социальная ситуация в Гераклее Понтийской была закреплена в последующем рядом объективных факторов. Развитое гераклеотами на завоеванной хоре высокопродуктивное сельское хозяйство — главным образом зерновое земледелие и виноградарство — стало важнейшей отраслью их экономики; даже развитие городских ремесел и морской торговли было обусловлено в Гераклее Понтийской успехами этой основной отрасли хозяйства.¹⁸ Ведущая экономическая роль земледелия, в свою очередь, определила политическое засилие аристократии и относительную консервативность общественной жизни. Благодаря своему исключительному экономическому положению, благодаря своей многочисленности и сплоченности, а также связям с персидскими царями и сатрапами, всегда поддерживавшими аристократию, военно-землевладельческая знать добилась и долго сохраняла господствующее положение в гераклейском полисе. Она, как это следует из Аристотеля,

¹⁸Решающую роль земледелия в экономике Гераклеи справедливо подчеркивают и другие авторы. См.: *Нейхардт А. А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта. С. 145; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 35.

рано свергла утвердившуюся первоначально в Гераклее демократию и, несмотря на некоторые уступки демократам в последующем, еще в середине IV в. до н. э. сохраняла значение господствующего сословия.

По своей природе этот класс гераклеяского общества вполне, таким образом, соответствовал сиракузским гаморам. Но параллель с Сиракузами не ограничивается в данном случае только вершиною гражданского общества — она вполне распространяется и на его фундамент. Если военно-землевладельческая знать составляла высшее, в течение длительного времени господствующее сословие в Гераклее Понтийской, то местные варвары-мариандины являлись слоём-антиподом, той порабощенной земледельческой массой, на эксплуатации которой зиждилось и богатство и могущество гераклеяских аристократов. Мариандины составляли туземное население гераклеяской хоры. Это была, как теперь полагают, этническая группа смешанного анатолийско-фракийского происхождения. Ее первоначальное ядро составляли выходцы из северо-западной Анатолии, поселившиеся в стране, позднее названной «Мариандиния», еще на рубеже II–I тыс. до н. э. а затем смешавшиеся с массой хлынувших с запада фрако-вифинцев, которые постепенно поглотили их, но которым они успели передать свое имя.¹⁹

Античная традиция о мариандинах, достаточно богатая, представляет их как исконный туземный этнос, входивший в состав пестрых восточных монархий — Лидийского, а затем Персидского царств (см., в частности: Нег., I, 28; III, 90; VII, 72). Ко времени появления греков на южном берегу Понта мариандины давно уже были оседлым земледельческим народом, как об этом можно судить, например, на основании легенды о Борме, сохраненной гераклеяским историком Нимфидом (*Nymphis ap. Athen.*, XIV, 11, p. 619 f–620 a = *FgrHist* 432 F 5). Они жили деревнями, причем некоторые из них, как, например, то поселение на месте будущей Гераклеи, о котором упоминается у Аполлония Родосского (II, 760), достигали уже значительных размеров, вследствие чего греки могли обозначать их своим словом «полис». Об этих «полисах» мариандинов, помимо Аполлония Родосского, упоминают также Гекатей Милетский (*FgrHist* 1 F 198) и Стефан Византийский (*Steph. Byz.*, s. v. *Πρίολα*). Этнополитическая структура мариандинов была, по-видимому, еще очень рыхлой: народ членился на племена, во главе которых стояли независимые друг от друга правители (ср. свидетельство Феопомпа — *Theopomp. ap. Strab.*, XII, 3, 4, p. 542 = *FgrHist* 115 F 388), и все вместе должно было напоминать варварское общество на стадии «военной демократии».

С поселившимися на их земле греческими колонистами марианди-

¹⁹ *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 6–12.*

ны вели упорные, длительные войны, как об этом можно заключить со слов Юстина, который, рассказав об основании Гераклеи, замечает затем: «Впоследствии этот город вел много войн с соседями (*multa deinde huius urbis adversus finitimos bella*)» (Justin., XVI, 3, 8). С этим заявлением надо сопоставить упоминание Павсания о посвящениях, доставленных гераклеотами в Олимпию после какого-то набега на земли «соседних варваров-мариандинов (*Μαριανδυνῶν διόρων βαρβάρων*)» (Paus. V, 26, 7). Победа осталась за более сплоченными и организованными греческими колонистами: сопротивление мариандинов было сломлено силою оружия, их земля была превращена в собственность гераклейского полиса, а они сами — поскольку остались на этой земле, а не были истреблены или отеснены в глубь материка — были поражены.

Своеобразная судьба мариандинов вызывала интерес у древних писателей, и этому интересу мы обязаны рядом свидетельств о положении их после покорения греками, о характере и форме их зависимости от гераклейских колонистов. По существу положение покоренных мариандинов приравнивалось к рабскому, и эта тенденция обнаруживается уже у Платона, но у него же рабское состояние мариандинов сопоставляется не с рабским состоянием вообще, а с положением таких своеобразных категорий зависимого населения, как спартанские илоты и фессалийские пенесты. «Чуть ли не всем эллинам, — замечает Платон, — лакедемонская илотия доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: по мнению одних, это хорошее учреждение, по мнению других — плохое. Меньше споров было бы о рабском положении мариандинов, поработанных гераклеяцами, а также о фессалийском племени пенестов» (Plat. Leg., VI, 19, p. 776 c-d, пер. А. Н. Егунова).

В последующей литературной традиции это сопоставление, а затем и приравнивание мариандинов к зависимому населению типа илотов становится общепринятым; можно сослаться на ученика Аристофана Византийского, историка Каллистрата (Callistrat. ap. Athen. VI, 84, p. 263 e = FgrHist 348 F 4), на географа Страбона (XII, 3, 4, p. 542). При этом античные авторы видели своеобразие рабского положения мариандинов в том, что они, подобно спартанским илотам, были обязаны трудиться на своих господ, но норма их повинности была фиксирована — она выражалась в исполнении определенного оброка, взамен чего мариандинам гарантировалась возможность жить своими семьями и не быть проданными за границу. Согласно некоторым свидетельствам, их даже называли, подчеркивая их отличное от обычных рабов положение, нарочито мягким словом «дорифоры» — «дароносцы»; это засвидетельствовано эпическим (позднего, эллинистического времени)

позтом Эвфорионом (Euphor. ap. Athen. VI, 84, p. 263 d-e) и тем же Каллистратом (l. c.), а также лексикографами Поллуксом и Гезихием Александрийским (Pollux, III, 83; Hesych., s. v. δωροφόρος).

Эта фиксация отношений и наличие известных гарантий для порабощенного населения наводила на мысль о заключении в древнейшую эпоху специального договора между победителями-гераклеотами и побежденными и покоренными мариандинами. И действительно, в наличной традиции мы встречаемся с утверждениями о существовании такого договора. Известный историк и философ-стоик Посидоний, согласно Афинею, отмечал, что «многие, не будучи в состоянии постоять за себя вследствие слабости разума, передают себя в услужение более умным с тем, чтобы, получая от них заботу обо всем необходимым, самим, в свою очередь, оказывать им все те услуги, на какие будут способны. Таким вот именно образом мариандины подчинились гераклеотам, пообещав вечно батрачить на них, если они будут доставлять им необходимое, но оговорив (προδιαστελάμενοι), что ни один из них не будет продаваться за пределы страны гераклеотов, а только в самой этой стране» (Posidon. ap. Athen. VI, 84, p. 263 c-d = FgrHist 87 F 8). Аналогично свидетельство Страбона: «Передают также, что первые основатели Гераклеи... заставили мариандинов, прежних властителей страны, служить себе в качестве илотов, так что последних они даже продавали, однако не за пределы страны, — ибо об этом они договорились друг с другом (συμφῆσαι γὰρ ἐπὶ τοῦτο), — подобно тому, как так называемая община мноев была батраками у критян, а у фессалийцев — пенесты» (Strab., XII, 3, 4, p. 542, пер. Г. А. Стратановского с некоторыми нашими изменениями).

Однако вернемся к главной теме античной традиции о мариандинах — сопоставлению их с илотами. Развитие этой темы находит логическое завершение в поздней лексикографической литературе, которая в лице Поллукса окончательно сформулировала положение об особом классе зависимого населения, занимающем среднее положение между рабами и свободными: «Между свободными и рабами находятся илоты лакедемонян, пенесты фессалийцев, клароты и мноиты критян, дорофоры мариандинов, гимнеты аргивян, коринефоры сикионян» (Pollux, III, 83).²⁰

Историография нового времени в трактовке интересующего нас сюжета естественно отталкивалась от развитого еще в древности взгляда. Обычно мариандинов сопоставляли с более известными спартанскими

²⁰ У Поллукса сказано: *Μαριανθύνων δωροφόροι*. Сказано, по-видимому, неточно; во всяком случае, как правильно указал С. М. Бёрстейн, слова эти не должны истолковываться в том смысле, что, помимо обязательных данью, существовала еще и какая-то другая категория мариандинов. См.: *Burstein S. M. Outpost of Hellenism*. P. 114 (прим. 50 к гл. II).

илотами и, как и этих последних, относили к особой группе полурабского — полукрепостнического состояния. Всего лишь вариантом этой «усередненной» характеристики надо считать и обозначение мариандинов как крепостных.²¹

При всей ее очевидной простоте и видимом соответствии античной традиции эта версия отличалась, однако, схематизмом и не давала убедительного объяснения своеобразных черт рассматриваемого исторического явления. Большим шагом вперед в плане уточнения наших представлений о своеобразных «промежуточных» формах зависимости в Древней Греции явилась работа немецкого историка Д. Лотце.²² Им был систематически развит и обоснован взгляд на мариандинов как на вариант коллективного рабства, возникающего в условиях завоевания одним народом, придерживающимся форм общинной организации, а стало быть, и собственности, территории другого, именно в период дорийского переселения и в эпоху колонизации. Согласно этому взгляду, мариандины, как и илоты и другие схожие группы, были низведены завоевателями на положение зависимых от всей общины рабов, прикреплены к земле и обязаны вносить оброк своим новым хозяевам — владельцам соответствующих уступленных общиной наделов. Именно этим их качеством, т. е. тем, что они принадлежали всей общине завоевателей и являлись атрибутом отдельных пожалованных клеров, а не собственностью владельцев этих участков, объяснялось и то, что их нельзя было отрывать от наделов и отчуждать на сторону как обычных рабов.²³

Этот взгляд, бесспорно предлагающий более глубокую интерпретацию рассматриваемого явления, находит все больше последователей. Среди тех, кто занимался темой гераклейских мариандинов, близкого мнения держится А. А. Нейхардт²⁴ и совершенно адекватного — С. М. Бёрстейн.²⁵ Приобретший уже репутацию установившегося мнения этот взгляд был, однако, недавно оспорен И. С. Свенцицкой.²⁶

²¹ См., в частности: *Валлон А.* История рабства в античном мире / Пер. с франц. С. П. Кондратьева. М. 1941. С. 49; *Beloch K. J.* GG² I. 1. S. 259 f., 305 f.; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Oxford, 1941. P. 591.

²² *Lotze D.* Metaxy eleutheron kai doulon: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. Berlin, 1959.

²³ *Ibid.* S. 56–57 (анализ традиции и определение фактического положения зависимого земледельческого населения в Гераклее Понтийской) и 69–78 (принципиальные выводы, имеющие в виду, наряду с прочими, также и гераклейских мариандинов).

²⁴ *Нейхардт А. А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта. С. 142 сл.

²⁵ *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 28 ff.

²⁶ *Свенцицкая И. С.* Положение зависимого населения в Малой Азии V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 80–87.

Начав с критики наиболее уязвимого пункта — предания о договорных отношениях, И. С. Свенцицкая отвергла затем всю совокупность свидетельств о мариандинах как категории зависимого населения под стать илотам. Этой традиции она противопоставила другую, представленную, в частности, Ксенофонтом (в «Анабасисе») и Аристотелем (в «Политике»): у первого в соответствующей части рассказа (Anab. VI, 2 sqq.) ни слова не говорится о рабской или крепостной зависимости мариандинов от гераклеотов, у второго применительно к Гераклее Понтийской (Pol. VII, 5, 7, p. 1327 b 7–15) упоминается о массе пезризов и работающих на хоре земледельцев, лишенных гражданских прав и не более. Сопоставляя далее гераклейских мариандинов с другими малоазийскими племенами, жившими на территориях греческих полисов в условиях большей или меньшей зависимости, сводившейся, однако, лишь к обязанности вносить подать, И. С. Свенцицкая приходит к выводу, что зависимость мариандинов и других малоазийских племен от греков в доэллинистический период носила достаточно растяжимый характер, оставляя им возможность жить своим племенным бытом, и что поэтому «кажется невозможным проводить аналогию между малоазийскими зависимыми племенами и илотами или называть их зависимость “коллективным рабством”». ²⁷

На все эти критические замечания можно, однако, ответить контр-возражениями. Во-первых, что касается предания о договорных отношениях, то оно составляет лишь частный сюжет более обширной традиции, которая вследствие сомнительности — кажущейся или действительной, все равно — этого отдельного пункта не может утратить своего значения в целом. Далее, умолчание Ксенофонта не имеет особой цены, и ссылка на него — всего лишь *argumentum ex silentio*, ²⁸ тогда как свидетельство Аристотеля может быть истолковано и другим, подтверждающим общую традицию способом. Аристотель говорит о возможности привлечения для службы во флоте лишенных гражданских прав и, более того, несвободных земледельцев хоры, и по аналогии, например, с фессалийскими пенестами, которых привлекали для службы в войске (Dem., XXIII, 199; XIII, 23), а Ясон Ферский собирался привлечь и для службы во флоте (Xen. Hell., VI, 1, 11), эти земледельцы могут быть представлены и как зависимые от всей общины люди типа илотов. ²⁹

²⁷ Там же. С. 86.

²⁸ На это — в рамках более подробной критики — указала уже А. А. Нейхардт (Рабство в греческих городах. С. 141 сл.).

²⁹ В понимании упомянутых у Аристотеля *οἱ τῆν χώραν ἑσρωγούντες* мы, таким образом, солидаризуемся с А. А. Нейхардт (Там же. С. 146). Что же касается стоящих перед этим в тексте Аристотеля *περίοχοι*, то под ними во всяком случае следует понимать не категорию неполноправного населения типа пезризов в Спарте, а ско-

Наконец, известия о положении других малоазийских племен могут быть истолкованы самым различным образом, между тем как в нашем распоряжении имеется более близкий для сопоставления материал, который использовался уже и античной традицией. Это — многочисленные свидетельства о сходных категориях зависимого населения как в Балканской Греции (пенесты в Фессалии, илоты в Спарте, клароты и мноиты на Крите и др.), так и на периферии греческого мира, в зоне колонизации (киллирии в Сиракузах и, что особенно интересно, какая-то безымянная категория вифинцев в Византии, который, как и Гераклея Понтийская, также был колонией Мегар).³⁰

При этом бросается в глаза особенное использование этих форм зависимости именно дорийцами, что, по-видимому, отражает старинную, однажды выработанную и затем использовавшуюся по традиции практику организации социальных отношений примитивными общинами дорийских переселенцев-завоевателей. Трудно, однако, объяснить, почему искусственная модель такого рода отношений — если это была именно фикция — была выработана историко-философской мыслью древних специально или предпочтительно для дорийцев, а не для всех греков одинаково.

Все это заставляет признать критическое выступление И. С. Свеницкой, не лишенное ряда интересных частных наблюдений, в целом неудачным. По-видимому, в настоящее время концепция, разработанная Д. Лотце, является наиболее приемлемой, такой, которая наиболее убедительно объясняет суть дела.³¹

рее, по аналогии с некоторыми другими местами в «Политике», «окрест живущих варваров» (βαρβαροί περίοικοι), т. е., в данном случае, все тех же мариандинов (ср.: *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М.; Л. 1965. С. 75 слл. 181 и прим.; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 29–30). Надо ли видеть в перизаках и «тех, кто обрабатывает хору», две различные категории покоренных гераклеотами мариандинов, как это склонен думать Бёрстейн, или же считать, что здесь двумя понятиями выражена одна мысль и речь идет, стало быть, об одной и той же категории зависимых мариандинов, — об этом мы не решаемся судить.

³⁰О категории порабощенных вифинцев в Византии см. свидетельство Филарха: *Phylarch. ap. Athen.* VI, 101, p. 271 b–c = *FgrHist* 81 F 8 — «и византийцы также господствовали над вифинцами, как лакедемоняне — над илотами». Ср.: *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon.* S. 57 f.

³¹Еще раз проблема мариандинов была рассмотрена в недавно опубликованной книге С. Ю. Сапрыкина (см.: *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 23–35). Автор считает, что первоначально отношения греческих колонистов и мариандинов строились на основе равноправного договора, что наступление гераклеотов на туземцев развернулось лишь после утверждения в Гераклее крайней олигархии (в первой половине V в.), и что форма зависимости подчиненных гераклеотам мариандинов «была много мягче спартанской илотии»: в округе города мариандины лишились своих земель, но сохранили личную свободу и могли наниматься в батраки к захватившим их земли гераклейским олигархам или идти в матросы, а на более отдаленной «подконтрольной территории» они и вовсе про-

Особого рассмотрения заслуживает традиционная версия о договорных началах в отношениях между мариандинами и гераклеотами. Хотя этому преданию можно подобрать параллели, — мы имеем в виду, в частности, свидетельства Эфора о соглашении спартанцев с илотами (Ephor. ap. Strab., VIII, 5, 4, p. 364–365 = FgrHist 70 F 117) и Архемаха о соглашении фессалийцев с пенестами (Archemach. ap. Athen. VI, 85, p. 264 a–b = FgrHist 424 F 1), — есть некоторые основания ставить и его, и эти параллельные свидетельства под сомнение и считать их измышлениями позднеклассической или эллинистической философии, которая могла развивать далее высказанную еще Аристотелем (в 1-й книге «Политики») мысль о целесообразности «соединения попарно» существ разумных и неразумных, но обладающих физической силой, иначе говоря, господ и рабов. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии нет недостатка в тех, кто, принимая античную традицию о мариандинах в целом, отказывается верить преданию о договоре.³²

Повторяем: основания для сомнения есть. И все же справедливость требует заметить, что характер ситуаций, складывавшихся в результате длительной борьбы целостных этносов, не исключал возможности оформленных грубейшими договорами соглашений. Сошлемся на историю войн, которые Спарта вела в архаический период за обладание Мессенией, и, в частности, на урегулирование отношений с побежденными мессенцами после 1-й Мессенской войны, как оно представлено в не зависящей от Эфора традиции (Тиртей—Павсаний).

Последующая судьба гераклейских мариандинов неясна. Было бы соблазнительно предположить, что в период социальных смут, достигших апогея ко времени тирании Клеарха (середина IV в. до н. э.), мариандины могли выступить совместно с гераклейским демосом и добиться свободы, а может быть, и уравниения в правах, как это сделали в свое время киллирии в Сиракузах.³³ Однако анализ традиции — и

должали жить своими общинами, платя гераклеотам только дань. Эта точка зрения, по существу являющаяся модификацией взгляда, развитого И. С. Свенцицкой, представляется нам равно неприемлемой именно потому, что она практически игнорирует свидетельства античной традиции об илотском (или близком илотскому) статусе мариандинов.

³² *Heiẏardt A. A.* Рабство в греческих городах. С. 141, 143 слл.; *Lotze D.* *Metaxy eleutheron kai doulon.* S. 74 f.; *Burstein S. M.* *Outpost of Hellenism.* P. 29.

³³ К такому заключению могло бы подвести, в частности, соответствующее истолкование свидетельства Юстина о том, что Клеарх освобождал рабов репрессированных им аристократов и даже отдавал им в жены супруг и дочерей их бывших хозяев (Justin. XVI, 4, 17 sqq.; 5, 1 sqq.). С первого взгляда кажется естественным предположить, что этими освобожденными были не рабы обычного типа, а именно мариандины. Ср.: *Plass H. G.* *Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alien Griechen.* Bd I. Bremen, 1852. S. 258; *Berve H.* *Die Tyrannis bei den Griechen.* Bd I. München, 1967. S. 317; *Mossé C.* *La tyrannie dans la Grèce antique.*

прежде всего позднейших свидетельств Платона и Аристотеля, писавших о (рабской) зависимости мариандинов как о современном им явлении (см.: Plat. Leg., VI, 19, p. 776 c-d; Aristot. Pol., VII, 5, 7, p. 1327 b 7-15), — убеждает в том, что тирания в Гераклее Понтийской не посягнула на традиционную систему социальных отношений, и изжитие здесь примитивного земледельческого рабства если и произошло, то гораздо позднее.³⁴

Гераклейские мариандины — пример в высшей степени типический, который может служить моделью для реконструкции социальных отношений в колониальных дорийских полисах, ориентировавшихся на подчинение и эксплуатацию земледельческой хоры. Во всяком случае, теперь можно представить себе, какие важные источники обогащения — землю и рабов — сконцентрировал в своих руках сложившийся в Гераклее Понтийской еще в ранний период слой военно-землевладельческой знати, и как сильно это должно было раздражать остальную массу народа.

Социальное противостояние этих двух групп населения — новой знати и остального народа — неизбежно должно было перерасти в рознь, чему немало способствовало еще одно обстоятельство, тоже социального, хотя уже и не экономического порядка. Переселение сильно ускорило естественный, начавшийся еще на родине колонистов процесс размывания кровнородственных связей, следствием чего явилось накопление значительной части народа за пределами традиционных родо-племенных организаций — фил. Вдобавок в начале V в. в связи с усугублением греко-персидских распрей, в Гераклею должен был хлынуть поток переселенцев из Ионии и Эолиды, людей, которые искони были чужды дорийским филам. В этих условиях военно-землевладельческая знать Гераклеи оказалась преимущественной носителем древних кровнородственных связей. Она с презрением должна была относиться к массе народа, оказавшейся вне традиционных родо-племенных подразделений, и ее претензии на руководящее положение в государстве могли казаться ей самой тем более правомерными, что в основании первоначальной политической организации лежали главным образом, если не исключительно, именно эти естественно сложившиеся гентильные подразделения.

Однако в государстве с многочисленным и энергичным городским населением такие устремления знати не могли остаться безответными. В Гераклее ответом явилась консолидация сил демократии, которые выступили с требованием последовательного социального и политического равенства. Социальное противостояние переросло, таким обра-

Paris, 1969. P. 129–130.

³⁴Ср.: *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 58 ff.

зом, в политическое, и смута надолго должна была стать спутницей гераклейской истории.³⁵

И действительно, свершившееся в ранний период ниспровержение первоначального демократического строя было лишь первым звеном в длинной цепи политических конфликтов (ср. выразительное замечание Юстина: XVI, 3, 8 — *multa etiam domesticae dissensionis mala fuere*). Очевидно, результатом первого антидемократического переворота явилось установление крайней олигархии, или, как будет лучше сказать применительно к этому времени, аристократии. Власть целиком сосредоточилась в руках знати, и от участия в политической жизни оказалась устраненной не только масса народа, но и его зажиточная, но незначительная верхушка. Эта последняя спустя некоторое время стала инициатором нового движения и переворота, как об этом можно заключить из другого места Аристотелевой «Политики», где характеризуются причины государственных переворотов при олигархиях: «Иногда крушение государственного строя вызывают люди состоятельные (ἐξ αὐτῶν τῶν εὐπόρων <...> γίγνεται κατάλυσις), но не занимающие должностей (οὐ τῶν ὄντων δ' ἐν ταῖς ἀρχαῖς), когда лишь очень немногие имеют почетные права (ὅταν ὀλίγοι σφόδρα ᾧσιν οἱ ἐν ταῖς τιμαῖς), как это имело место в Массалии, в Истре, в Гераклее и в других государствах» (Pol., V, 5, 2, p. 1305 b 2–6).

Прежде всего было существенно ослаблено древнее патриархальное право, этот важнейший из устоев аристократического строя. Было признано, что доступ к государственным должностям должен быть открыт не только для отцов семейств, но и для их взрослых сыновей — сначала для старших братьев, а затем и для младших, «Здесь, — продолжает Аристотель свой рассказ, — люди, не имевшие доступа к должностям, возбуждали волнения (ἐκίνουον) до тех пор, пока доступ к ним не получили сначала старшие братья, а затем, в свою очередь, и младшие (дело в том, что в некоторых местах не могут одновременно занимать государственные должности отец и сын, в других — старший и младший братья)» (Pol., V, 5, 2, p. 1305 b 6–10).

Одновременно был значительно расширен круг лиц, пользующихся активными политическими правами; их стало теперь шестьсот. «В итоге, — заключает Аристотель, — в Массалии олигархический строй приблизился к политике, в Истре олигархия, в конце концов, обратилась в демократию, а в Гераклее власть от немногих перешла в руки

³⁵О первоначальном демократическом характере государственного устройства Гераклеи ср.: *Apel H. Die Tyrannis von Heraklea. S. 20–21; Burstein S. M. Outpost of Hellenism. P. 19 ff.*; о формировании военно-землевладельческой знати и ее притязаниях: *Beloch K. J. GG² III. 1. S. 137, Anm. 2*; о притоке новых колонистов из Ионии и возможном влиянии этого на сословную борьбу: *Plass H. G. Die Tyrannis. I. S. 84–85.*

шестисот граждан (ἐν Ἡρακλείᾳ δ' ἐξ ἐλαττώωνεις ἐξακοσίους ἦλθεν [sc. ἡ ὀλιγαρχία])» (Pol., V, 5, 2, p. 1305 b 10–12).

Возможно, что число 600 было достигнуто путем удвоения прежнего числа членов аристократического совета: к 300 представителям дорийской знати (по 100 от каждой из фил) было добавлено 300 новых членов из числа просто богатых людей, которые, таким образом, были включены в эту аристократическую корпорацию на правах младшей знати.³⁶

Возможно также, что именно тогда, если только это не было сделано в самом начале, знать должна была согласиться на учреждение новых военно-административных подразделений — сотен, которые, в отличие от фил, охватывали не только аристократов с их ближайшим окружением, но все вообще свободное население (Aen. Tact. 11, 10 a; ср. также выше).

Наконец, — впрочем совсем необязательно, что именно в это время, — знать должна была пойти еще на одну уступку: народ был допущен к участию в судебных разбирательствах. Более того, подобно тому, как это было в Афинах, развилась практика формирования судебных комиссий не из людей, непосредственно участвующих в управлении государством, занимающих правительственные должности, а из других и, должно быть, менее привилегированных лиц, что содействовало развитию демагогии и привело к новым потрясениям в государ-

³⁶Предположение, что свидетельство Аристотеля имеет в виду удвоение членов аристократического совета, находим мы у Г. Г. Пласса (*Plass H. G. Die Tyrannis*. I. S. 256 f.). У последующих исследователей господствует убеждение, что у Аристотеля речь идет об увеличении общего количества полноправных граждан (см.: *Apel H. Die Tyrannis von Heraklea*. S. 21–22; *Beloch K. J. GG²* III. 1. S. 137; *Bursolt G. Griechische Staatskunde*. I. S. 356; *Burstein S. M. Outpost of Hellenism*. P. 19 [с прим. 80] и 37; ср. также: *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen*. Tl. I. Leipzig, 1957. S. 39). Нам кажется, что текст Аристотеля, при своей неопределенности, не исключает возможности такого истолкования, какое дает Пласс: могло иметься в виду удвоение числа именно политически активных граждан, т. е. членов совета. В таком случае ситуация могла быть схожей с той, какая была в Массалии, где из массы полноправных граждан выделялись аристократы *par excellence*, которые составляли правящий совет. Последний, тоже, кстати сказать, в количестве 600 человек, являл собой замкнутую аристократическую корпорацию и управлял государством в строго олигархическом духе (см.: *Strab.*, IV, 1, 5, p. 179; *Cic. De ger.*, I, 27, 43; 28, 44; *Caes. De b. c.*, I, 35; ср.: *Ditt. Syll.*³, II, № 591; ср. также: *Циркин Ю. Б. Эволюция политического строя Массалии // Социальная структура и политическая организация античного общества / Под ред. Э. Д. Фролова. Л. 1982. С. 31–44*). Все же надо заметить, что предположению о доведении числа членов совета до 600 противоречит свидетельство Полиена о существовании в Геракле в момент выступления Клеарха Совета Трехсот (см.: *Polyaen.*, II, 30, 2 — τῆ βουλῆ τῶν τριακοσίων). Конечно, свидетельству Полиена можно не придавать решающего значения, но если считаться с ним, то, чтобы спасти версию об удвоении числа членов совета, придется допустить, что впоследствии состав совета вновь был сокращен вдвое.

стве. «Иногда, — свидетельствует по этому поводу Аристотель (все в том же контексте, при рассмотрении причин переворотов в олигархических государствах), — сами олигархи занимаются демагогией среди черни». Например, «там, где суды пополняются не из числа правящих граждан (ἄλλοι τὰ δικάστηρια μὴ ἐκ τοῦ πολιτεύματος εἰσι), последние демагогически заискивают перед судом и производят государственный переворот, как в Геракле Понтийской» (Pol. V, 5, 5, p. 1305 b 28, 33–36).

Все эти преобразования, совершенные на протяжении одного или нескольких отрезков времени, где-то в промежутке между концом VI и концом V в. до и. э., поколебали, но не уничтожили совершенно привилегированного положения гераклеяской знати. Дело, однако, осложнилось, когда обнаружился раскол в среде самой знати, как это могло быть уже в случае с только что упомянутым «заискиванием перед судом». Ведь этот случай упоминается Аристотелем именно в связи с разбором более общей ситуации, когда олигархический строй рушился вследствие обращения к демагогии самих олигархов. Распри в среде знати обыкновенно вспыхивали из-за стремления одних аристократов оттеснить других, причем поводом к взрыву бывал то оскорбительный отказ породниться, то злоупотребление правосудием. Последнее имело место в случае с неким Эветионом, или Эвритионом (имя персонажа передается по-разному в разных рукописях Аристотеля, который рассказывает об этом эпизоде). Политические противники обвинили его в прелюбодеянии и добились осуждения справедливого, но чрезмерного: выставили его на городской площади с колодкой на шее. У Эветиона, однако, судя по всему, нашлись заступники, и в результате в городе вспыхнула смута (Aristot. Pol., V, 5, 10, p. 1306 a 31 сл.).

Ослабляя знать, эти распри должны были содействовать успеху демократии. Возможно при этом, что в тот или иной момент в качестве переходной формы являлась к жизни и тирания. Свида (Элиан) упоминает о древнем тиране Эвопии, который якобы явился во сне Клеарху накануне возвращения этого последнего на родину (Suidas, s. v. Κλέαρχος = Aelian. fr. 86 Hercher: ὄναρ ὄρα ἡ παλαιὸν Ἡρακλεωτῶν τύραννον, Εὐώπιον ὄνομα κτλ.). Впрочем, других упоминаний об этом Эвопии не сохранилось, и надо думать, что древняя тирания в Геракле не была ни прочной, ни продолжительной.³⁷

³⁷О точной датировке тирании Эвопия говорить не приходится; все же, исходя из характера упоминания у Свида (Элиана), можно думать, что речь идет именно о древнем тиране, т. е. еще VI века (ср.: *Berve H. Die Tyrannis. I. S. 315*). При этом, вопреки Г. Апелю, совершенно необязательно отождествлять этого Эвопия с упоминаемым у Аристотеля Эветионом (см.: *Apel H. Die Tyrannis von Heraklea. S. 23, Anm. 1*; ср. однако: *Berve H. Die Tyrannis. II. S. 679 f.*). Равным образом не разделяем мы скепсиса и новейших исследователей С. М. Бёрштейна и С. Ю. Сапрыкина,

С помощью ли тирании, или без нее, но так или иначе народной партии временами удавалось добиться успеха. При этом известную роль в качестве дополнительного стимула могли играть и внешние воздействия, и, в частности, те, что без сомнения исходили от Афин в последней трети V в. до н. э. Напомним о резонансе, который могла иметь Понтийская экспедиция Перикла, о несомненном факте вхождения Гераклеи в Афинский союз в 425/4 г., наконец, о прямом вторжении афинян в Гераклеотиду (рейд Ламаха). Естественно предположить, что именно в этот период гераклеяская демократия могла добиться успеха, — возможно, только временного, буквально на год или около того, но, может быть (что все-таки до конца не исключено), и более прочного, приведшего к длительному демократическому правлению.

Первой точки зрения придерживается С. Ю. Сапрыкин, согласно которому крайними вехами демократического правления в Гераклее были: 425 г., когда город вошел в Афинский союз и, следовательно, там победила демократия, и 424 г., когда против Гераклеи афинянам пришлось посылать Ламаха и, следовательно, там уже произошла реставрация олигархии.³⁸ Второй точки зрения держится С. М. Бёрстейн, который полагает, что демократия утвердилась в Гераклее как раз в 424 г., во время рейда Ламаха, поскольку это подтверждается жестами доброй воли со стороны гераклеотов по отношению к потерпевшим бедствие афинянам, и что это демократическое правление продолжалось вплоть до начала 60-х годов IV в., когда к власти в Гераклее вновь пришла олигархия в лице Совета Трехсот.³⁹

Трудно решить, какое мнение более обоснованно, ибо прямых указаний традиция не содержит, а косвенные данные могут быть истолкованы по-разному. Кажется, что ввиду неудачи, постигшей Ламаха, первое мнение ближе к истине. Как бы то ни было, если даже выступление гераклеяских демократов в последней трети V в. до н. э. и было малоуспешным, то в следующем IV столетии им вновь (или наконец) удалось добиться успеха. Мы располагаем прямым свидетельством Энея Тактика (Aen. Tact. 11, 10 a–11) о том, что в Гераклее, по-видимому, в сравнительно позднее время, была демократия (οὐσὴς δημοκρατίας). Однако, судя по всему, существование и этой демократии также не было прочным, ибо ей непрерывно угрожали богачи (ἐπιβουλευόντων τῶν πλουσίων τῷ δήμῳ). Упреждая один из таких заговоров, руководители народа (οἱ προστάται τοῦ δήμου) провели важную

которые не только отказывают в существовании Эвопию, но и ставят под сомнение самое возможность явления тирании в Гераклее Понтийской в древнейший период (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 39–40; Burstein S. M. Outpost of Hellenism, p. 37 и 121 [прим. 138 к гл. II]).

³⁸ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 48.

³⁹ Burstein S. M. Outpost of Hellenism... P. 33–34.

реформу военно-административной системы: вместо первоначальных четырех было учреждено шестьдесят новых сотен с той целью, чтобы силы богачей были распылены по этим новым подразделениям. И действительно, заключает Эней, «богатые были рассеяны и находились в сотнях в малом числе среди многочисленных представителей народа» (пер. В. Ф. Беляева).⁴⁰

Тем не менее успех демократов не был прочным: ко времени выступления Клеарха зажиточная и знатная верхушка в гераклейском полисе вновь обрела силы и в лице аристократического Совета Трехсот открыто противостояла народной массе (Justin., XVI, 4, 1 слл.; для Совета Трехсот ср.: Polyae., II, 30, 2; ср. также выше, прим. 36).⁴¹ Эта смута в классическое время была последней; она завершилась установлением длительной и прочной тирании, которая представляет совершенно особый интерес: она просуществовала добрые три четверти века и в какой-то момент переросла в правильную монархию сродни эллинистической. Но здесь мы должны остановиться: история гераклейской тирании лежит уже за пределами того исторического времени, которое сейчас является предметом нашего специального рассмотрения.⁴² Теперь же подведем итог проделанному только что обзору. Это необходимо сделать прежде всего для того, чтобы уяснить себе главные линии, характерные черты и особенности становления гераклейского полиса. Вместе с тем такое уяснение особенностей гераклейской истории в период свободного развития, без сомнения, будет способствовать и лучшему пониманию пришедшей на смену этому периоду тирании.

Начнем с констатации очевидного: знакомство с имеющимися в

⁴⁰С. М. Бёрстейн достаточно убедительно датирует этот эпизод временем около 370 г. (ibid. P. 45, 46, 125 [прим. 62 к гл. III]).

⁴¹В определении формы правления, существовавшей в Гераклее к моменту выступления Клеарха, единства мнений среди ученых нет: одни говорят о демократии (*Beloch K. J.* GG² III. I. S. 137), другие — об умеренной олигархии или демократии (*Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. S. 402), третьи — об олигархии (*Блаватская Т. В.* Южное и Западное Причерноморье. С. 356; *Berve H.* Die Tyrannis. I. S. 315; II. S. 680). По существу дать здесь определение очень трудно, ибо наличная традиция вводит нас прямо in medias res, когда социальный и политический раскол зашел уже слишком далеко. Все же упорное противодействие, оказанное аристократическим Советом Трехсот радикальному движению масс, свидетельствует скорее о том, что накануне смуты положение в государстве контролировалось знатью. Ср. теперь вотик: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 48–50, 101 слл.; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 47 ff.

⁴²О гераклейской тирании см.: *Фролов Э. Д.* Младшая тирания // Античная Греция. Т. II. М. 1983. С. 149–153; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 101–123; *Plass H. G.* Die Tyrannis. I. S. 83–85, 256–260; II. S. 5 f., 89, 109, 139–142; *Apel H.* Die Tyrannis von Heraklea; *Berve H.* Die Tyrannis. I. S. 315–323; II. S. 679–882; *Mossé C.* La tyrannie. P. 128–131; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism. P. 47–89.

нашем распоряжении материалами по социальной истории Гераклеи в первые два века ее существования оставляет впечатление какой-то неясности. Мы не можем, в частности, с уверенностью соотнести отдельные моменты внутренней борьбы с событиями внешней истории, чтобы таким образом датировать их. Лишь о первом столкновении знати с народом мы располагаем определенным свидетельством Аристотеля, что оно случилось вскоре после основания города, и мы можем связать случившееся тогда поражение демократии с выводом колонии в Каллатиду, так что самую смуту можно будет отнести ко времени около 520 г. Для датировки последующих смут мы не располагаем уже никакими более или менее прямыми и надежными сведениями.

Разумеется, мысль современного исследователя не может удовлетвориться простой констатацией такого положения. Время от времени предлагаются стройные схемы свершавшихся в Гераклее Понтийской политических метаморфоз. Так, С. М. Бёрстейн устанавливает следующую череду правлений:⁴³

- 1) первоначальная демократия;
- 2) сменившая ее очень скоро, стало быть, еще в середине VI в. до н. э., олигархия, правление которой продолжалось до 424 г.;
- 3) установление в этом году демократии, власть которой длилась до начала 60-х годов IV в.;
- 4) новая олигархия — с начала 60-х годов и до выступления Клеарха, т. е. до 364/3 г.

У С. Ю. Сапрыкина картина получается еще более четкая и детальная:⁴⁴

- 1) первоначальная демократия;
- 2) около 520 г., синхронно с основанием Каллатиды, — установление умеренной олигархии;
- 3) во второй половине V или даже еще на рубеже VI–V вв. — утверждение крайней олигархии;
- 4) в 30-е годы V в. — переход к умеренной олигархии;
- 5) 425–424 гг. — краткая демократическая интерлюдия;
- 6) с 424 г. и до выступления Клеарха — вновь умеренная олигархия.

Оба построения опираются на остроумную комбинацию фактов и обладают собственной внутренней логикой. Но, хотя нам лично более приемлемой представляется схема Бёрстейна, — не столько, впрочем, в силу большей внутренней вероятности, сколько ввиду ее более общего, менее разработанного характера, — тем не менее справедливость требует признать, что и эта схема, и, конечно же, еще более детализированная картина Сапрыкина являются сугубыми гипотезами, по-

⁴³См.: *Burstein S. M. Outpost of Hellenism. Ch. I–III.*

⁴⁴См.: *Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Гл. I.*

сколько построены они не на прямых указаниях традиции, а на более или менее убедительном истолковании различных косвенных данных.

Внутренняя жизнь Гераклеи Понтийской остается, таким образом, в большой степени неясной. Однако неясность в данном случае, возможно, проистекает не от одного недостатка сведений; сама фактическая история внутренней борьбы в Гераклее — так, как она представлена совокупностью отдельных случаев — оставляет впечатление неопределенности и незавершенности. Действительно, социальные распри в Гераклее сильно затянулись. На протяжении двух столетий они шли непрерывно, однако ни одна из борющихся группировок так и не добилась решающего успеха. В отличие от ряда других греческих городов (Афины, Коринф, Сиракузы), здесь так и не наступил период стабилизации, и в 60-х годах IV в. ситуация оставалась столь же неясной и напряженной, как и в середине VI столетия.

Объяснение этому следует искать прежде всего в характере самого общества, отчасти — в особенностях внешнего положения Гераклеи. Условия жизни здесь способствовали формированию двух одинаково сильных антиподов. С одной стороны — военно-землевладельческая знать, сильная своим почти монопольным положением в земледельческой сфере, своей спаянностью ввиду необходимости совместными силами противостоять мариандинам, наконец, своими дорийскими традициями. С другой стороны — многочисленное сословие горожан, торговцев, ремесленников, вольнонаемных рабочих и матросов, чье значение непрерывно возрастало по мере развития Гераклеи как торгово-промышленного центра. Фактом, однако, остается то, что в экономике Гераклеи торговля и промышленность так и не смогли занять господствующего положения. Сельское хозяйство всегда оставалось здесь важной отраслью; более того, оно-то и было естественным основанием для развития городских промыслов.

Если, таким образом, в социальном и экономическом отношении положение гераклейской знати было достаточно прочным, то, с другой стороны, у нее было важное преимущество перед городской демократией и во внешней сфере. Она всегда могла рассчитывать на авторитетную поддержку сочувствовавших ей персидских царей или сатрапов, между тем как вероятность помощи извне для гераклейской демократии была практически ничтожна.

Сказанное, по-видимому, достаточно объясняет, почему социальные смуты в Гераклее так сильно затянулись и почему еще и в IV в. ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Вместе с тем надо учесть, что с течением времени характер этих смут мог измениться. Древняя сословная борьба могла модифицироваться или осложниться новыми моментами соответственно изменениям в структуре самого

общества. Уже в рассказе Энея Тактика о находчивости вождей демократии в Гераклее мы сталкиваемся с характерным для позднеклассического времени противопоставлением: богачи (οἱ πλούσιοι) и народ (ὁ δῆμος), а у Юстина обострение социальной борьбы накануне выступления Клеарха прямо ставится в зависимость от радикальных, именно в духе IV в. требований демоса произвести сложение долгов и раздел земли: *cum plebs et tabulas novas et divisionem agrorum divitum impotenter flagitarent, etc.* (Justin., XVI, 4, 2).

Очевидно, что в Гераклее, подобно тому, как это было в Риме, древний сословный антагонизм, не разрешившийся в ранний период радикальной революцией, с течением времени мог принять характер более широкого классового антагонизма. Иными словами, борьба землевладельческой знати с городской демократией могла трансформироваться в борьбу знатной и богатой верхушки полиса с массой простого народа, страдавшего от безземелия, неустроенности и долгов,

И последнее. Не следует забывать, что развитие социального конфликта совершалось в Гераклее в условиях сложной внешнеполитической обстановки. Жизненные интересы Гераклеи требовали непрерывного напряжения сил и, вопреки тенденциям внутреннего развития, консолидации общества для противодействия нажиму туземных племен и персидских сатрапов, с одной стороны, и для борьбы с торговцами и политическими конкурентами в Причерноморье — с другой. Развитие новой смуты в 60-х годах IV в. оказалось осложненным неприятностями сразу с обеих сторон: к затянувшемуся конфликту с Боспором грозила добавиться новая война, теперь уже на самом азиатском материке, ввиду открывшихся стремлений Митридата, сына сатрапа Геллеспонтской Фригии Ариобарзана, сделать Гераклею своим домом (Justin., XVI, 4, 7 слл.; ср. Suidas, s. v. Κλέαρχος).

Вот эта своеобразная комбинация древних сословных распрей, нового классового антагонизма и внешних осложнений и определила сложный характер обстановки, породившей гераклеюскую тиранию. Соответственно и сама эта тирания должна была отличаться существенным своеобразием. Априори мы можем ожидать здесь сплетения самых разнообразных черт социальной диктатуры, цезаристского режима и «национальной» монархии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая обзор становления классового общества, города и государства у древних греков, отметим еще раз, в общей форме, главные особенности как самого исторического процесса, так и его конечных результатов. Рождение цивилизации у греков свершилось не вдруг, не в результате одного резкого качественного скачка, а долгим и трудным путем. Фактически оно произошло в два этапа: на первом — микенском — движение завершилось катастрофой, но достижения этого этапа не пропали совершенно и послужили основанием для более стремительного и успешного продвижения во второй раз, в век архаики. При этом, по крайней мере здесь, на второй стадии, развитие протекало в острой внутренней борьбе. Проснувшись от летаргии Темных веков, греческое общество решительно покончило с наследием прошлых эпох, с пережитками микенского (традиции авторитарной монархической власти) и еще более древнего родового строя (засилье знати). Переход — теперь уже окончательный — на стадию цивилизации свершился в ходе подлинной социальной революции, важнейшей движущей силой которой был демос — широкая народная группировка, сумевшая сломить сопротивление цеплявшейся за свои наследственные привилегии родовой знати и построить новое, гражданское общество.

При этом, соответственно обстоятельствам и уровню исторического развития, политическое творчество греков в архаическую эпоху оказалось отмечено рядом весьма своеобразных черт. Именно следует подчеркнуть, что их новое общество явилось в известном смысле модификацией древнего, естественно сложившегося этнического единства; что формирование у них новых порядков было следствием столько же стихийно развивавшихся социальных конфликтов, сколько и сознательных политических урегулирований; и что свободное состояние исконных членов общины, ставших гражданами, было обеспечено укorenившейся и узаконенной практикой обращения в рабство чужезмцев.

Вообще интерес представляет не только самое объективное историческое движение, запечатлевшееся в определенных общественных явлениях, событиях и институтах, но и его субъективно-психологическая

мотивация и окрашенность. В этом плане историческое своеобразие движения греков к цивилизации нашло отражение в таких особенных, выработанных жизнью и ставших чертами национального характера, явлениях, как ярко выраженная склонность к соперничеству и состязанию, или то, что с легкой руки немецких ученых стали называть агональным духом (от ἀγων — состязание), как, далее, повышенная роль традиции и рационализма.

Корни агонального духа восходят к первобытной поре, к элементарному состязанию членов родового коллектива, в особенности в моменты инициаций, при переходе из одной возрастной группы в другую. Стойкое сохранение у греков этой черты объясняется длительным сохранением самой питавшей ее среды — общины. И в микенское, и в гомеровское время община оставалась основной социальной ячейкой, по крайней мере для большинства народа. Правда, в микенскую эпоху сельские общины подпали под опеку дворцов, а в гомеровское время они также, в конце концов, оказались под властью знати. С ограничением социального равенства утеснению подвергся и агональный дух — он стал по преимуществу проявлением аристократической доблести (ἀρετή). Однако с трансформацией позднеродовой общины в гражданское общество вновь обретенное всеми членами этого общества равенство привело к возрождению и общей конкурентивности, соревновательности (φιλοτιμία), что составляет неотъемлемую черту всякого, более или менее основанного на принципах равенства, коллектива. И если в архаическую эпоху эта агональная склонность поощряла социальную смуту, то в классическое время, в эпоху сравнительной стабилизации греческого общества, она оказалась мощным импульсом политического и культурного творчества.¹

Та же, по сути дела, причина лежит в основе и двух других названных выше черт — традиционализма и рационализма. Длительное, практически непрерывное существование общины в качестве главного структурообразующего элемента обернулось на практике сохранением некоего традиционного стержня, или начала, с известной присущей ему суммой социальных и духовных ценностей. Этим и объясняется удивительное с первого взгляда переплетение и взаимодействие консервативно-традиционалистских и новаторских, проникнутых духом рационализма мотивов, что так было характерно для развития греческой цивилизации и что, несомненно, придавало ей особенную глубину и устойчивость. Показательно, во всяком случае, что в век архаической революции новаторски-рационалистическое начало, носителем которо-

¹ Великолепный анализ проблемы агонального начала в жизни древних греков см. теперь в кн.: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 75 слл.

го в особенности выступала аристократическая, проникнутая агональным духом личность, корректировалось в своих действиях известной ориентацией на традиционную мудрость (*σοφία*), каковая корректировка была непременным условием успеха политических деятелей — строителей новой цивилизации.

Но что, собственно, представляла собой эта цивилизация? Здесь мы обращаемся к другой проблеме — к оценке, по существу, того главного итога, которым увенчалось развитие греческого народа в древнейшую пору его существования. Ответить на это можно коротко: к середине I тыс. до н. э. в ходе архаической революции в Греции сложился особый тип античного города, общества и государства — полис. В Европе это был первый вид цивилизации, и своеобразие его заключалось в удивительной, можно сказать, наивной простоте и чистоте главных структурообразующих элементов, равно как и в замечательном единстве этих элементов, составлявших — все вместе — удивительный по своей компактности и жизнестойкости организм.

В самом деле, полис являл собой прежде всего простейшее, элементарное экономическое единство города и сельской округи, достаточное для самодовлеющего существования исконного, обосновавшегося в данной местности этнического единства.

Как тип общественной организации полис, далее, являл собой простейшее взаимодействие немногих, четко различимых по своему статусу социальных групп, чье различие в положении, как, однако, и взаимодействие, было обусловлено исторически необходимым разделением труда. Иными словами, это была простейшая, но весьма эффективная форма классового общества, где этнически однородная масса граждан противостояла в качестве привилегированного, господствующего сословия массе угнетенных и бесправных чужеземцев — рабов и метеков. При этом четкости социального водораздела — особенно между полярными группами рабовладельцев и рабов — в большой степени способствовало именно характерное для античности коренное этническое различие, существовавшее в принципе между свободными (эллинами) и несвободными (варварами).

Наконец, в плане политическом полис представлял собой простую и вместе с тем весьма действенную форму государственности, республику, которая естественным образом венчала здание сословно-корпоративного гражданства и высший свой смысл находила в непрестанном поддержании и воспроизведении полисного строя жизни.

Суверенная гражданская городская община, основанная на рабстве иноплеменников, — так можно было бы определить кратким образом древнегреческий полис. Под это определение подходят все те многочисленные государственные организмы, которые возникли у греков к

исходу архаической эпохи. При этом в расчет должны идти как гражданские общины, возникшие более или менее естественным путем в Балканской Греции, так и их филиальные порождения — полисы колониальной периферии, становление которых свершалось форсированным путем, в порядке изначальной конституционной акции, определявшей статус нового поселения как независимой гражданской общины, в существенных своих чертах повторявшей структуру и организацию общины-метрополии.

Разумеется, историческое развитие колониального полиса обуславливалось не только законами, имманентно присущими полису как таковому, но и специфическими факторами и обстоятельствами, такими, как взаимоотношения с варварским окружением, воздействие дополнительного притока колонистов-эпойков, последствия внутренней колонизации и проч. Этим определялось своеобразие исторических судеб колониального полиса, конкретных форм, в которые выливалось его развитие на том или ином этапе. Чего стоит, например, своеобразие тиранических режимов, возникавших на периферии греческого мира, — и более ярких по форме выражения, и более определенных (хотя и не однозначных) по социальной направленности, и даже обладавших — по крайней мере временами — качеством национальной монархии.

Тем не менее основной тип полисной организации был един для всего греческого мира, как для метрополии, так и для зоны колонизации. И это имело важные последствия для жизни всего греческого народа. Ведь если становление государственности в форме независимых городских гражданских общин имело своим следствием политическую раздробленность греков, то однотипность социально-политической организации этих общин, подкрепляемая более глубинным этническим и культурным родством, создавала предпосылку для известного национального единения, особенно в моменты крайней внешней опасности, угрожавшей существованию всего народа. Как на практике могла реализовываться потенция к такому единению, показывает история Панэллинского союза, возникшего для отражения персидской агрессии в 481 г. до н. э.

При принципиальном типологическом единстве мир полисов не был, однако, лишен внутреннего разнообразия. В частности, при ближайшем рассмотрении можно выделить два главных вида полисов, соответственно двум различным формам рабовладения и принципам гражданской корпоративности, — демократический и олигархический. Их различие — продукт исторических условий и исторического развития.

Олигархические полисы возникли главным образом в зоне дорийского переселения, где завоевание диктовало раннее утверждение

жесткой сословной корпоративности, а следовательно, в перспективе, в силу естественного размывания гражданства и примитивности и неразвитости системы социальных гарантий, появление и рост неполноправной гражданской прослойки. Так, в позднейшей Спарте немногочисленной группе так называемых равных — гомеев, сохранивших наследственные клеры и возможность полноправного участия в общественной жизни (в застольных товариществах — сисситиях, в войске и проч.), противостояла обширная прослойка «умаленных» — гипомейонов, т. е. людей с неполным гражданским статусом, утративших свои клеры и, соответственно, активные политические права.

Наоборот, демократические полисы сформировались преимущественно в зоне первоначального греческого расселения, в особенности у ионийцев, в Аттике, на островах Архипелага, в Малой Азии, где складывание гражданской общины свершалось более или менее постепенно, в силу внутреннего развития, в ходе спонтанно развившегося демократического движения, а стало быть, и с более полным развитием демократических принципов и гарантий равноправия для граждан.

Исходными моментами, обусловившими специфическое качество олигархического полиса в отличие от демократического, были, следовательно, завоевание, покорение местного населения и форсированное учреждение у завоевателей гражданской общины и правильного государства. Таким образом, и у завоевателей-дорийцев, как и у афинян, также могла существовать гоплитская демократия, но именно гоплитская, а не крестьянская, как иногда неточно выражаются современные исследователи (ибо спартиаты — владельцы клеров, обрабатываемых илотами, крестьянами быть не могли),² и не долго, а лишь в самом начале.

Конечно, механически не следует прилагать эту схему ко всем случаям. Под влиянием различных конкретных обстоятельств у дорийцев иногда могла развиться демократия (например, в Аргосе, в Сиракузах), а у ионийцев — олигархия (на Самосе). В зоне колонизации и вообще развитие приобретало своеобразный характер, исполненный чрезвычайной социальной напряженности и резких политических перемен (ср. историю тех же Сиракуз или Гераклеи Понтийской). Сказанное выше о природе различий между полисами демократическими и олигархическими имеет в виду, таким образом, принципиальную сторону, а не универсальное правило.

²О крестьянской демократии в Спарте считает возможным говорить Ю. В. Андреев. См. его статьи: 1) Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979. С. 25; 2) Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. I. М. 1983. С. 215 (здесь эта мысль выражена более осторожно). Ср., однако: Lotze D. Aktuelle Aspekte der antiken Demokratie // Die Antike in der sozialistischen Kultur. Jena, 1974. S. 62–64.

И последний вопрос — об относительной значимости названных главных разновидностей полисного строя, демократии и олигархии. Представляется несомненным, что демократия более соответствовала тому коллективистическому принципу, который был заложен в природе полиса как гражданской общины, и с этой точки зрения справедливо говорить о нормативном значении демократии, и прежде всего такого ее яркого примера, как афинская демократия, для мира греческих полисов.

Однако и здесь тоже необходима осторожность, и едва ли правильно было бы абсолютизировать только что высказанное положение. Ведь природа полиса не исчерпывалась общинно-коллективистическими принципами; в ней, в силу этнической и классовой ограниченности гражданского общества, заключено было и другое, прямо противоположное начало — сословно-элитарное, которому гораздо больше соответствовала олигархия. Если афинская демократия была тем реальным образцом, на который более или менее равнялось социально-политическое развитие массы по крайней мере экономически развитых полисов, то для состоятельно-аристократической верхушки греческого общества идеалом всегда оставалась спартанская олигархия. В этом плане можно было бы даже говорить о некоей равновеликости двух главных видов полисного государства. Во всяком случае, к концу архаического времени демократические Афины и олигархическая Спарта представлялись в глазах греков двумя одинаково сильными и жизнеспособными политическими формами, — точно так же, как к исходу собственно классического периода, к рубежу V–IV вв. до н. э., одинаково ущербными и несостоятельными оказались и их крайние проявления — радикальная демократия в Афинах и кастовая олигархия в Спарте.

Приложение.

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС В ОТРАЖЕНИИ ДРЕВНЕЙШИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ¹

Естественным традиционным основанием для реконструкции важнейших этапов и явлений античной истории служит совокупная литературная традиция древних. В частности и для суждения о рождении и формировании греческого полиса главными опорами оказываются свидетельства древних историков, в первую очередь Геродота, дополняемые данными, почерпнутыми из эпической поэзии и архаической лирики, в особенности из творений Гомера и Гесиода, из стихотворных отрывков Архилоха, Тиртея и Солона, Алкея и Феогнида, Симонида Кеосского и др. Их сведения составляют и костяк и самую плоть архаической истории.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и данных древнейшей эпиграфической, т. е. собственно документальной традиции, сколь бы скудна и фрагментарна она ни была. Можно думать, что ее осколки могут доставить полезные иллюстрации, дополнения и коррективы к богатому массиву литературной традиции. Это убеждение опирается на плодотворную работу с эпиграфическими документами, выполняемую на протяжении вот уже ряда поколений специалистами в эпиграфике — историками и филологами. На Западе, если ограничиваться примерами из последнего (прошлого) столетия, это такие известные ученые, как В. Диттенбергер, У. фон Виламовиц-Мёллендорф, В. Эренберг, Г. Уэйд-Джери, М. Тод, Л. Джеффри, А. Грэхем, Р. Мейгс и Д. Льюис, М. Гвардуччи и др. Среди отечественных ученых выделим С. Я. Лурье, В. П. Яйленко и Ю. Г. Виноградова, также внесших существенный вклад в эпиграфические исследования, связанные с проблемой становления классической цивилизации.

Наше собственное обращение к эпиграфическим материалам греческой архаики обусловлено как естественной исторической любозна-

¹Первоначально опубликовано в сб.: MNEMES CHARIN. К 100-летию со дня рождения профессора А. И. Доватура (Philologica classica, вып. 5). СПб., 1997. С. 213–233.

тельностью, желанием, в дополнение к анализу литературной традиции, подробнее ознакомиться с данными традиции эпиграфической, так и убеждением, что в этой последней можно найти важные подтверждения тем общим идеям, которые были развиты нами ранее в специальной монографии, посвященной возникновению греческого полиса.² Мы пытались там обосновать правомерность взгляда — не столь уж оригинального и достаточно консервативного, высказанного ранее в полемике с адептами критического направления,³ — что рождение греческого полиса, понимаемого как своеобразное единство города, государства и гражданской общины, относится к сравнительно раннему времени, приблизительно к рубежу IX–VIII, а не VIII–VII или даже VI–V вв. до н. э., как это упорно доказывается представителями исторической гиперкритики.⁴

Мы указывали на объективные факторы и линии того исторического развития, которое в послемикенское время, в так называемую гомеровскую эпоху, или эпоху Темных веков (XII–IX вв.), привело греческий мир к подлинной исторической революции, результатом которой стало явление новой классической цивилизации. При этом мы подчеркивали большую степень исторической преемственности между микенским и классическим периодами и, соответственно, большую роль носительницы культурного континуитета — греческой аристократии, которая, выдвинув из своей среды необходимых обществу законодателей, реформаторов, ойкистов, доставила греческой архаической революции высокое рационалистическое начало.

Теперь мы собираемся подтвердить эти выводы, и прежде всего главнейший из них — о вероятном рождении греческого полиса на рубеже IX–VIII вв. до н. э., используя эпиграфический материал. Мы следуем здесь примеру В.Эренберга, лишь несколько расширив круг привлекаемых документов в соответствии с возможностями нашего времени, располагающего новыми превосходными подборками эпиграфического материала.

² Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л. 1988.

³ Мы имеем в виду статью В. Эренберга, написанную им в порядке полемического отклика на работы Г. Берве, посвященные греческой аристократии времени поздней архаики и ранней классики. См.: *Ehrenberg V When did the Polis Rise? // JHS. Vol. 57. 1937. P. 147–159*; ср.: *Berve H. 1) Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. Bd. XII. 1936. S. 1–28*; 2) *Miltiades: Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit (Hermes-Einzelschriften, H. 2). Berlin, 1937.*

⁴ Последняя дата, т. е. рубеж VI–V вв., предлагается Г. Берве в вышеназванных работах 1936–1937 гг.; в более раннем труде по греческой истории он указывал в этой связи на рубеж VII–VI вв. См.: *Berve H. Griechische Geschichte. Bd. I. Freiburg im Breisgau, 1931. S. 134–178.* Рубеж VIII–VII вв. обосновывается Ч. Г. Старром: *Starr Ch. G. 1) The Origin of Greek Civilization, 1100–650 B. C. New York, 1961*; 2) *The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C. New York, 1977*; 3) *A History of the Ancient World. 3rd ed. New York; Oxford, 1983. P. 183–272.*

Для первичного анализа мы взяли группу архаических документов из известного собрания Р. Мейггса и Д. Льюиса,⁵ а именно первые 17 номеров, датируемых VIII–VI вв. до н. э. (до 500 г.). Из них мы исключили затем, как практически не относящиеся к теме, два документа: № 12, письмо Дария I ионийскому сатрапу Гадату, и № 15, стихотворную надпись с базы памятника, посвященного афинянами своей богине-покровительнице после победы над беотийцами и халкидянами около 506 г.

Оставшиеся 15 документов представляют, на наш взгляд, репрезентативную выборку, позволяющую провести системный исторический анализ, а именно по трем рубрикам, материалы которых позволяют характеризовать соответственно три рода важных явлений: 1) традиции древнего аристократического порядка (в частности симпосий и агон); 2) элементы возникшего или формирующегося полисного строя (по двум, в свою очередь, подразделениям — внутренняя конституционная жизнь и внешние межобщинные отношения); и 3) явления, сопутствовавшие становлению классического полиса, такие, как колонизация, наемничество и тирания. Рассмотрим по порядку эти три рода материалов и соответствующих, рисуемых ими, явлений.

1. Традиции аристократического порядка

К этой рубрике мы отнесли надписи № 1 и 9. Первая — это знаменитая теперь надпись на так называемом кубке Нестора, скифосе геометрического стиля, найденном в погребении на острове Искья (древние Питекуссы). Датируемая в широком диапазоне от 750 до 700 г., эта надпись во всяком случае относится к VIII в., более того, это наиболее длинная из известных нам надписей первого века архаики, Надпись являет собой комбинацию прозаического вступления, характеризующего предмет (Νέστωρος ε[ἰ]ϛι εὔλοτ[ον] ποτέριο[v] — «я емь удобная для питья чаша Нестора»), и гекзаметрического двустишия, развивающего эту характеристику далее.

И очевидные эпические реминисценции (имя Нестора, гекзаметрические стихи, характерная возвышенная лексика), и самая изысканность надписи, контрастирующая, впрочем, с бедностью сосуда, свидетельствуют о продолжении в рассматриваемое раннеархаическое время симпосиальной аристократической традиции, но, возможно, если судить по качеству сосуда, уже на ином, более низком социальном уровне. Соглашаясь с мнением большинства исследователей, видящих в этой надписи реплику на гомеровское предание (ср.: II, XI, 624 сл.),

⁵ Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Vth Century B. C. Oxford, (1969) 1971.

мы получаем важный *terminus ante quem* для создания, письменной фиксации и распространения гомеровского эпоса, во всяком случае «Илиады», — 750 г. до н. э.⁶

Другой документ той же группы — посвятельная надпись Аристиса, сына Фидона, клеонейца, происходящая из Немей, из гимнасия, раполагавшегося близ храма Зевса, и датируемая около 560 г. Эта надпись, также древнейшая в своем жанре, свидетельствует о практике гимнических состязаний на Немейских играх, справлявшихся в возобновленном или вновь учрежденном виде во всяком случае с 573 г. (по датировке Евсевия — Гиеронима) и бывших существенным элементом общественной жизни классической Греции.

Вместе с тем ряд признаков говорит о сохранении аристократических традиций или колорита гимническим агонем в позднеархаическую эпоху. Посвятитель, четырежды побеждавший в панкратии Аристис, сын Фидона, из Клеон, если и не был сыном знаменитого аргосского царя или тирана Фидона (последнего теперь обычно относят к середине VII в.),⁷ то мог быть, по крайней мере, отпрыском того же царского рода, жившим в изгнании в Клеонах.⁸ Показательны также элементы старинной и вместе высокой культуры: обращение к Зевсу Крониону, именуемому притом владыкой-ванактом, попытка организации текста посвящения в элегический дистих (до середины 5-й строки надписи).

Как в первом, так и во втором случае мы сталкиваемся, таким образом, с чертами старой аристократической культуры (симпосий, агон), продолжающими свою жизнь в новой социальной среде, сплавленными с новой общественной практикой и новым бытом. Нельзя не видеть в этом подтверждения культурного и социального континуитета, отличающего, на наш взгляд, историческую жизнь Греции в век архаики.

⁶ В дополнение к литературе, указанной у Р. Мейггса и Д. Льюиса, укажем на работы отечественных антиковедов: *Чистякова Н. А.* Древнейшая греческая эпиграмма (надпись Нестора из Питекусс) // ВДИ. 1975. № 4. С. 28–40; *Зайцев А. И.* Лексико-стилистические особенности надписи на "Кубке Нестора" из Питекусс // Язык и стиль памятников античной литературы (Philologia classica, вып. 3). Л. 1987. С. 59–65.

⁷ Предание о Фидоне Аргосском см.: Her. VI, 127; Ephor. ap. Strab., VIII, 3, 33, p. 358; 6, 16, p. 376 = FgrHist 70 F 115, 176; Paus. VI, 22, 2; Marm. Par., ep. 30, vs. 45–47. Для датировки и истории см. также: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I. S. 6–7; II. S. 518–519; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. München, 1969. S. 83–84; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-states c. 700–500 B. C. New York, 1976. P. 134–136, 143–144.

⁸ Ср. также: *Jeffery L. H.* Archaic Greece. P. 137.

2. Элементы полисного строя

К этой рубрике можно отнести надписи № 2, 4, 6, 8, 10 и 17. Эти материалы, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы, относящиеся соответственно к темам внутренней, конституционной жизни и внешних межобщинных отношений.

а) Внутренняя конституционная жизнь

Надписи № 2, 6 и 8. Первые две надписи относятся к разряду чистых законоположений. Надпись № 2, найденная на Крите, на месте древнего городка Дрероса, в руинах святилища Аполлона Дельфиния, датируется временем между 650 и 600 гг. Она представляет собой древнейший сохранившийся на камне памятник греческого законодательства. Это — закон, устанавливающий правила отправления должности высших магистратов — космов.

Во вводной формуле ($\alpha\delta' \epsilon\phi\alpha\delta\epsilon \kappa\acute{o}\lambda\iota$ — «следующее угодно полису») замечательно присутствие — здесь именно впервые в эпиграфике — полиса вместо обычного в документах, происходящих из критских общин, этнонима. Что более конкретно подразумевается под решением полиса — воля высших магистратов или постановление народного собрания, — сказать трудно.

Заключительный перечень должностных лиц, приносящих клятву на верность закону, — космы, дамии и коллегия или совет двадцати ($\chi\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \delta\acute{\alpha}\mu\iota\omicron\iota \kappa\alpha\iota \iota\chi\alpha\tau\iota \omicron\iota \tau\acute{\alpha}\varsigma \rho\acute{o}\lambda\iota\omicron\varsigma$), — свидетельствует о развитой государственной структуре. При этом космы (в этом месте надписи названные собирательно $\chi\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$), как и в других общинах Крита, являли собой высших магистратов, дамии, по общему мнению издателей и толкователей надписи, — специальных финансовых контролеров (ср. очевидную связь понятий $\omicron\iota \delta\acute{\alpha}\mu\iota\omicron\iota$ и $\tau\acute{o} \delta\alpha\mu\acute{o}\sigma\iota\omicron\nu$ [$\delta\eta\mu\acute{o}\sigma\iota\omicron\nu$] — государственная казна), а «двадцать полиса», по убедительному предположению В. Эренберга, — государственный совет.⁹

Что же касается самого принятого закона, то содержащийся в нем запрет занимать повторно должность косма ранее чем через десять лет может указывать скорее всего на необходимость принятия превентивных мер против возможной узурпации и тирании, — мнение первоиздателей надписи П. Демарня и А. ван Эффантерра, нам представляющееся вполне убедительным.¹⁰

⁹ Ehrenberg V. An Early Source of Polis-Constitution // *CIQu.* Vol. XXXVII. 1943. № 1. P. 102–103.

¹⁰ Demargne P., Van Effenterre H. Recherches a Dreros, II // *BCH.* T. 61. 1937. P. 333–348.

В свою очередь, надпись № 8, происходящая с Хиоса и датированная чуть более поздним временем (прежними исследователями — около 600 г., но теперь, по примеру Л. Джеффери, между 575 и 550 гг.), содержит законоположения, регулирующие деятельность местных магистратов — демархов и басилевсов, устанавливающие их ответственность и наказание за взятки и, наконец, определяющие порядок апелляции (возможно, по поводу несправедливых действий магистратов) и рассмотрения апелляционных жалоб так называемым народным советом (βολή ή δημοσίη).

Этот документ рисует несомненно еще более развитый тип полисного демократического государства. Замечательно определение действующей конституции выражением «народные ретры» (δῆμο ῥήτραι). При этом особенно примечательно явление термина «ретра», обычно ассоциируемого с миром пелопоннесских общин или их колоний, в ионийской среде. Замечательно, далее, явление народного совета, избираемого по филам (по 50 представителей от каждой), собирающегося регулярно в 9-й день каждого месяца и рассматривающего как апелляции (δίκαι ἔκκλητοι), так и прочие дела народа (τὰ ἄλλα τὰ δῆμο). В этом совете надо, очевидно, видеть новый демократический институт, который возник в параллель и в противовес более древнему и более консервативному совету знати.

В целом документ представляет несомненную и важную параллель законодательствам Солона и Клисфена в Афинах. Неясным, однако, остается вопрос с приоритетом, а именно — предшествовало ли хиосское законодательство только Клисфеновым законам, или же и Солоновым тоже. Решить этот вопрос непросто ввиду сложностей с датировкой хиосской надписи.

В любом случае надпись с Хиоса чрезвычайно важна, поскольку приоткрывает для нас историческую ретроспективу. Новое исполненное демократической тенденции законодательство, принятое на Хиосе на рубеже VII–VI вв. до н. э., предполагает завершение известного этапа социально-политических смут, открывшихся с устранения или перерождения древней царской власти в тиранию (ср. свидетельства традиции о легендарном хиосском царе Амфикле [Hippias, FgrHist 421 F 1], и древних тиранах тоже Амфикле и Политекне [Ion, FgrHist 392 F 1]). Надо думать, что чередой этих исторических вех (древняя царская власть — тирания — демократическая или, по крайней мере, тяготевавшая к демократии конституция рубежа VII–VI вв.) начальная стадия формирования полисного государства на Хиосе отодвигается далеко в глубь веков.¹¹

¹¹Для общего исторического контекста см. также: *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 93 слл. *Jef-*

Что касается древности афинского государственного строя, то здесь у нас есть интересное свидетельство — надпись № 6, состоящая из нескольких фрагментов, найденных на афинской агоре и датируемых около 425 г. Судя по всему, эта надпись содержала список афинских архонтов-эпонимов, начиная с Креонта, который был первым годичным архонтом (683/2 г.) и кончая Исархом (424/3 г.). В надписи видят свидетельство возросшего историко-антикварного интереса и соответствующих ученых занятий, характерных для последней трети V в. времени Гелланика Лесбосского и Гиппия из Элиды, но в ней можно видеть и подтверждение древней хронографической традиции, восходившей по крайней мере к середине VII в. и таким образом подтверждавшей складывание у афинян уже к тому времени основ правильного государственного устройства.¹²

б) Межобщинные отношения

Надписи № 4, 10 и 17. Первая из них, надпись № 4, найденная на Керкире и датируемая приблизительно 625–600 гг., является стихотворной эпитафией, составленной из гекзаметров и высеченной на гробнице-кенотафе, воздвигнутом в память о погибшем в море керкирском проксене Менекрате, сыне Тласия, из Эанфии (городка в Локриде Озольской). Памятник воздвигли совместно народ керкирян и соотечественник и сородич погибшего Праксимен. Надпись выдает характерное смешение древних и новых черт: эпическая, гомеровская стилистика сопрягается с настойчивым повтором (4 раза!) новой демократической темы — темы народа: «эту гробницу соорудил народ (δῆμος)», покойный был «проксеном и другом народа», его гибель — «народная беда (δαμόσιον κακόν)», Праксимен воздвиг памятник «вместе с народом». Да и сама проксения, здесь именно впервые засвидетельствованная, являла собой генетически восходивший к временам родового быта, но приспособленный к новым межполисным отношениям институт полуобщественного-полуличного характера.

Две другие надписи представляют собой примеры первых правильных межгосударственных соглашений. Надпись № 10, найденная в Олимпии и датируемая примерно 550–525 гг., содержит договор о дружбе (φιλότης), верной и без обмана, — договор, заключаемый на вечные времена (αἰετίδιον) между общиной сибаритов и их союзниками

fery L. H. Archaic Greece. P. 230 ff. Специально для древней тирании на Хиосе: Berve H. Die Tyrannis. Bd. I. S. 106; II. S. 581.

¹²О формировании у греков, в частности и у афинян, хронографической традиции в связи с процессом становления полисных форм жизни подробнее см. в нашей книге: *Фролов Э. Д. Факел Прометея (очерки античной общественной мысли)*. Изд. 2-е. Л. 1991. С. 91–94.

(οἱ Συβαρίται καὶ οἱ σύνμαχοι), с одной стороны, и общиной неких сердайцев (Σερδαῖοι), с другой. При этом поручителями-проксенами (здесь это слово является именно в таком значении) выступают Зевс, Аполлон и другие боги, а кроме того, полис Посейдония (πόλις Ποσειδωνία), бывшая, как известно, колонией сибаритов (Scymn. 249; Strab. V, 4, 13, p. 251), но, по-видимому, не входившая в контролируемый последними союз. Местоположение упомянутой в надписи общины сердайцев в точности не известно, но предполагают — где-то в Южной Италии.

Текст памятника замечателен во многих отношениях: это — единственный документ, оставшийся от Сибариса и подтверждающий существование созданного им в Южной Италии обширного политического единства (ср.: Strab., VI, 1, 13, p. 263); вместе с тем это едва ли не самый древний из дошедших до нас межполисных договоров греков. И хотя сами договаривающиеся стороны определяются их этниконами, выступающая в конце в качестве гаранта Посейдония фигурирует под суверенным титулом полиса, который здесь, по-видимому, специально употреблен для более отчетливого обозначения независимого от метрополии статуса города посеидониатов.

Надпись № 17, также найденная в Олимпии и датируемая около 500 г., содержит договор-ретру о военном союзе (συνμαχία), заключаемый на сто лет (ἑκατὸν ἔτετα) между элейцами и герейцами (Герей — городок в Западной Аркадии).

Надо заметить, что в надписи ни община элейцев, ни община герейцев не именуются полисами, что, возможно, следует поставить в связь с свидетельством литературной традиции о сравнительно позднем синойкизме и возникновении городов Элеи и Герей (первой — в 70-х годах V в., а второй — еще на столетие позже [Strab. VIII, 3, 2, p. 336–337]). Однако предпринимаемая элейцами и герейцами политико-правовая акция без сомнения свидетельствует о том, что оба небольших народа воспринимали себя и реально выступали как целостные политические единства, полисы, доказывая этим, что в государственном плане полис мог быть реальностью и без соответствующего урбанистического основания.

Иными словами, данный случай подтверждает распространенное мнение, что существование полиса-государства без городского центра было хотя и не типичным, но и не абсолютно редкостным явлением. Другой пример, ставший хрестоматийным, — Спарта, которая еще и в V в. до н. э., по свидетельству Фукидида (I, 10, 2), являла собою тип старинного несинейкизированного полиса, т. е. государственного единства без достаточно оформленного городского ядра.¹³

Как бы то ни было, в VI в. общины элейцев и герейцев были уже

¹³Ср. также: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 5–7, 81–86.

государственными единствами с достаточно развитой политической структурой. В заключительной формуле санкций против возможных нарушителей соглашения выразительно перечислены три мыслимые их категории, а именно — будет ли это частное лицо (*ῥέτας*), магистрат (*τελεστά*) или же народ в целом (*δῆμος*). Здесь особенно интересно переплетение терминологических элементов, принадлежащих разным эпохам: если *ῥέτας* является наследием гомеровского времени, а *τελεστά* реликтом еще более отдаленного микенского периода, то *δῆμος* при всей своей древности звучит вполне актуально, воплощая важную, утвердившуюся именно в архаическое время, концепцию тождества народа и государства. И это же слово властно диктует новый смысл старым понятиям: *ῥέτας* уже более не родич или сосед в патриархальном значении этих слов, а любой близкий по соучастию в общем деле, в общем государстве, т. е. то же, что обычное станет обозначаться словом *πολίτης* — гражданин, а *τελεστά* — не чиновник времен ахейских царств, а должностное лицо, избранное народом, и все вместе — *ῥέται*, *τελεσταί*, *δῆμος* — составляют иерархически расчлененное единство новой гражданской общины, полиса.

Рассматриваемые в своей совокупности, материалы обеих подгрупп, как нам представляется, с достаточной полнотой свидетельствуют о формировании у греков уже к рубежу VII–VI вв. развитого полисного строя, с разработанной и закрепленной в законодательных актах государственной структурой, местами — с укоренившейся демократией, зорко оберегающей себя от узурпации и тирании, возводящей в высший принцип защиту прав гражданина и гражданства в целом, наконец, с цивилизованной практикой межгосударственных отношений, опирающихся на соответствующие соглашения и институты (напомним о проксении и межобщинных союзных договорах). Эти выводы находят дополнительное подкрепление в материалах следующей рубрики.

3. Явления, сопутствовавшие становлению полиса

К этой рубрике мы относим надписи № 3, 5, 6, 7, 11, 13, 14 и 16, иллюстрирующие процессы колонизации, развитие наемничества и явление старшей тирании. Рассмотрим по очереди каждую из соответствующих подгрупп этих документов.

а) Колонизация

Надписи № 3, 5, 13 и 14. Первая из них — памятная надпись в честь Главка, сына Лептина, вырезанная на базе алтаря, найденного на Фасосе, в районе фасосской агоры. Надпись датируется примерно 625–600 гг. Главк, память о котором здесь увековечивается, по-видимому,

идентичен тому Главку, к которому часто обращается в своих стихотворениях Архилох (fr. 13, 56, 59, 68; 51, IV A Diehl³). Установление Главку памятника (μνῆμα) на фасосской агоре напоминает почести, воздававшиеся обычно основателям колоний (ср. почести Брасиду в Амфиполе [Thuc., V, 11, 1]). Если Главк и не был ойкистом паросской колонии на Фасосе, — ибо она, как полагают, была выведена еще в конце VIII или в самом начале VII в., — то все же его заслуги перед колонистами были столь велики, что его могли чтить наравне с ойкистами.

Еще более богата содержанием надпись № 5, найденная в Кирене и представляющая собой декрет об исополитии между Киреной и ее метрополией Ферой. Надпись и декрет датируются IV в., но вместе с декретом на камне вырезана и древняя Клятва основателей (Ορκιον τῶν οἰκιστῆρων), принятая всеми гражданами Феры при отправке колонии в Ливию во второй половине VII в. Она-то и была правовым основанием заключения или, скорее, возобновления соглашения об исополитии между Киреной и Ферой в IV в.

О заселении колонистами с Феры ливийской территории и основании здесь в 631 г. города Кирены было хорошо известно и ранее благодаря обстоятельному рассказу Геродота (IV, 150–158). После находки надписи к этому сообщению литературной традиции добавилось важное документальное свидетельство. Вырезанный на камне текст, как это убедительно доказывают А. Грэхем и Л. Джеффери, в общем верно передает содержание древнего документа, проливающего яркий свет на колонизационную практику греков в VII в. в условиях уже сложившегося полисного строя.¹⁴

Действительно, вывод колонии с Феры в Ливию предстает перед нами как продуманная и организованная акция, как рациональная система мероприятий, включающих отбор колонистов-апойков и назначение руководителя апойкии, каковым стал Батт, наделенный, в этом качестве, званием архагета и царя-басилевса. Сама община ферян выразительно именуется полисом, ее члены — гражданами-полиатами, а их правовой гражданский статус — политеией. Правоспособность граждан определяется сопричастностью их к гражданскому статусу,

¹⁴ *Graham A. J.* The Authenticity of the Ορκιον τῶν οἰκιστῆρων of Cyrene // *JHS*. Vol. 70. 1960. P. 94–111; *Jeffery L. H.* The Pact of the First Settlers at Cyrene // *Historia*. Bd. X. 1961. N. 1. P. 139–147. См. также: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (по данным эпиграфических источников). М., 1982. С. 61–83, где в рамках нового историко-филологического анализа киренской надписи принята попытка выявить аутентичные части древнего документа. Отдавая себе отчет в сложности и спорности проблемы точной передачи в надписи IV в. текста древней клятвы основателей, рискнем, однако, принять версию об аутентичности имеющегося текста в целом и с этим допущением использовать его данные для заключения о политическом состоянии греческого общества в VII в. до н. э.

отправлению должностей и владению земельным наделом (πολιτίας καὶ τιμῶν πεδέχ[εν] καὶ γὰρ < . > ἀπολαγχάνεν).

Полисное государство по крайней мере внешне облечено в демократическую форму: присяга предваряется решением народного собрания ($\{\xi\}δοξε τῶν ἐκκλησίαι$), наказанием для неповинующихся объявляется как смертная казнь, так и обращение имущества в народное достояние, т. е. конфискация (καὶ τὰ χρήματα ἔστω < . . > δαμόσια). Вместе с тем показательно для полисного государства архаической эпохи сохранение и использование ритуальных реликтов первобытной поры: проклятия против нарушителей присяги подкрепляются — на официальном, государственном уровне! — самой что ни на есть черной магией, а именно сожжением вылепленных из воска фигур-колоссов, символизирующих преступников.

Следующие две надписи иллюстрируют особый вид так называемой внутренней колонизации. Первая из них, надпись № 13, происходит то ли из Этолии, то ли из окрестностей Навпакта: место находки в точности не известно, но второй вариант кажется более привлекательным. Надпись, датируемая примерно 525–500 гг., содержит закон (τέθμος), принятый какой-то общиной западных (озольских) локров — возможно, Навпакта — относительно землеустройства некоей новой территории. Документ содержит ценные сведения о процессе внутренней колонизации и вместе с тем высвечивает важные детали полисного государственного устройства самой не названной по имени общины.

Так, интересно, что земельный фонд новой осваиваемой территории подразделяется на частновладельческие наделы, с одной стороны, и общественные (храмовые и прочие) участки, с другой.¹⁵ Далее, в документе упоминаются различные государственные институты: совет старейшин (πρεῖτα), народное собрание, обозначенное как полис (т. е. совокупность граждан-политов), еще один совет, именуемый апоклесией, возможно, представлявший коллегия более широкого состава, чем совет старейшин. Процедура голосования в этих институтах определяется с помощью характерного термина «псефос» (так назывался счетный камешек, игравший роль бюллетеня в полисных собраниях или коллегиях). Упоминается еще один совет, избираемый по знатности (ἀριστίندان) числом 101 человек, который мог в военных нуждах расселить на означенной новой территории еще по меньшей мере 200 дополнительных колонистов-эпойков, способных к несению военной службы. Упоминаются должностные лица: архос (ἀρχός), дамиурги.

В целом перечисленные элементы государственной структуры со-

¹⁵В этом пункте мы следуем за В. П. Яйленко, чья интерпретация упомянутых в начале надписи категорий земли τὰ ἀπότοια и τὰ δαμόσια представляется нам и наиболее простой, и наиболее убедительной. См.: Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 87–89.

здают впечатление достаточно развитого, но скорее аристократического или олигархического полисного строя. Особенно показательны в этом плане упоминания о совете старейшин и совете ста одного, избираемом, как выразительно подчеркнуто в надписи, по принципу знатности. Надо думать, что ни жесткая регламентация аграрных отношений, ни политическое засилье землевладельческой знати не могли гарантировать безмянной общине внутреннего мира. Составители документа это отлично сознавали; более того, для определения возможного в будущем раздора по поводу раздела земли ими используется весьма выразительный и, кстати, хорошо нам известный из литературной традиции, в частности из произведений Солона и Феогида, термин «стасис», соответствующий новейшему понятию «революция».

Другая надпись (№ 14), происходящая с афинского Акрополя и датируемая предположительно самым концом VI в., содержит постановление афинского народного собрания (демоса) о поселении на Саламине военнообязанных колонистов-клерухов (термин не сохранился, но восстанавливается с большой долей вероятности). Для интересующей нас темы важны упоминания о принявшем решение народе (ἔδοχον τῶ δῆμοι) и государственной казне (θεμσίον), куда надлежало вносить штрафы, о специальном архонте, наблюдавшем за порядком землепользования и военной экипировкой поселенцев (ср. об этом должностном лице позднейшее свидетельство Аристотеля [Ath. pol., 54, 8]), наконец, об афинском государственном совете-булэ (в последней, 12-й строке, где это слово восстанавливается достаточно уверенно).

Все это — данные, документально подтверждающие сложение в Афинах к концу VI в. правильного государственного строя в его демократической форме. Но самым интересным, бесспорно, является то, что декрет содержит первое свидетельство об афинских клерухах. Если верна датировка постановления временем сразу же после Клисфеновых реформ (508/7 г.) и до победы над коалицией беотийцев и халкидян (506 г.), то перед нами — свидетельство об обращении только что утвердившейся в Афинах демократии к новому способу разрешения социальных и военно-стратегических задач посредством вывода на присоединяемые или так или иначе подчиняемые территории военно-земледельческих поселений-клерухий.

Вывод группы клерухов (скорее всего не слишком многочисленной) на Саламин был только первым шагом в этом направлении — следующим, буквально через год, стала отправка огромной партии таких поселенцев, если верить Геродоту (V, 77), числом до 4000, на земли побежденных халкидян. Эти акции Афинского государства указывают на важную особенность наиболее совершенной в античном мире

демократии, на ее неспособность обойтись внутренними ресурсами, на необходимость немедленного обращения на путь военно-землевладельческой экспансии, на неотделимость, иными словами, этой демократии от империализма, — особенность, о которой нам впервые приходится задумываться именно благодаря афинскому постановлению о поселенцах на Саламине.

б) Развитие наемничества

Сюда относится одна надпись, вернее — целая группа небольших надписей, объединенных под одним номером (№ 7). Это надписи, процарапанные на левой ноге колоссальной статуи Рамсеса II перед большим храмом в Абу-Симбеле, в Нубии. Их авторы — греческие наемники, состоявшие на египетской службе и участвовавшие в походе царя Псамметиха II в Эфиопию (591 г. до н. э.). Надписи свидетельствуют о большом развитии наемничества в архаической Греции, что было обусловлено в общем теми же причинами демографического и социального характера, что и колонизация.

Ближайшим образом эти свидетельства должны быть поставлены в связь с сообщениями Геродота (II, 152–154) о службе греческих наемников в Египте и их поселении в дельте Нила еще при Псамметихе I (664–610 гг.). Сопоставление этих источников наводит на мысль, что присутствие греков на египетской службе в это раннее время могло стать традиционным. Заметим, что среди оставивших свои автографы наемников некоторые являются вместе с их этниконами: Элесибий теосец, Телеф иалисиец, Пабис колофонец, Анаксанор иалисиец. Эти указания подтверждают ведущую роль греческих малоазийских и островных общин в «открытии» Египта (ср. рассказ Геродота о заселении греками Навкратиса [Нер., II, 178]). Что же касается тех, чьи имена приведены без этниконов, то в них, по мнению Л. Джеффери, можно видеть представителей второго или третьего поколения греческих военных поселенцев в Египте.¹⁶ Наконец, в этой же связи стоит отметить смешение греческого и египетского элементов в имени командира греческих наемников: Псамметих, (сын) Теокла, — что может говорить если не о прямом этническом смешении, то, во всяком случае, о культурном взаимодействии греков и египтян.

в) Явление старшей тирании

Надписи № 6, 11 и 16. Первая из этих надписей — уже упоминавшийся выше список афинских архонтов. Внимание привлекают имена

¹⁶ *Jeffery L. H. Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961. P. 355.*

архонтов, чья служба приходилась на время правления Писистрата, а затем его сыновей: Эрксихлид (548/7), Онеторид (527/6), Гиппий (526/5), Клисфен (525/4), Мильтиад (524/3), Каллиад (523/2), Писистрат (522/1). Этот перечень подтверждает свидетельства литературной традиции о сохранении тиранами — разумеется, скорее по видимости, чем по существу — республиканских институций, полисного фасада (ср., в частности, свидетельство Фукидида, VI, 54, 6).

Вместе с тем приведенный перечень говорит (и опять-таки в полном соответствии с указанным свидетельством Фукидида) о стремлении афинских тиранов, ради вящего своего контроля над государственными делами, замещать важнейшие должности представителями своего правящего семейства. Так, фигурирующий в списке Гиппий должен быть отождествлен со старшим сыном и фактическим преемником Писистрата, а упомянутый далее Писистрат — с сыном этого Гиппия и внуком Писистрата Старшего (о замещении Писистратом Младшим должности архонта выразительно упомянуто и Фукидидом все в том же пассаже).

Наконец, для политики лавирования и блокировки, отличавшей тиранию, показательное присутствие в ряду названных архонтов представителей знатнейших афинских родов, очевидно, не всегда или не в полном составе враждовавших с тиранами. Мы видим стоящие по соседству имена Клисфена и Мильтиада: первого с полным правом отождествляют с Клисфеном, сыном Мегакла, из рода Алкмеонидов, будущим демократическим преобразователем Афин, а второго — с Мильтиадам, сыном Кимона, из рода Филаидов, прославившимся позднее как победитель персов при Марафоне.¹⁷

Наблюдение о замещении членами правящего клана Писистратидов республиканских должностей подтверждается и следующей надписью (№ 11), являющейся посвятителем эпиграммой Писистрата, сына Гиппия, воздвигшего около 521 г. алтарь на теменосе Аполлона Пифийского (в южной части Афин, близ реки Илисс) в память о своем архонстве. Фукидид, как уже было сказано, ссылающийся на пример Писистрата Младшего (см.: *Thuc.*, VI, 54, 6–7), сообщает, что тот, в бытность свою архонтом в Афинах, воздвиг два алтаря: один — на агоре, для Двенадцати богов, а другой — для Аполлона Пифийского в его святилище, оба с соответствующими посвятельными надписями. Первый алтарь позднее подвергся перестройке и надпись на нем была уничтожена, но на втором надпись сохранялась еще и во времена Фукидида. Тексты обеих эпиграмм — дошедшей на камне и цитируемой Фукидидом — практически идентичны. В буквальном прозаическом переводе текст гласит: «Сей памятник (в честь) своего архонства

¹⁷Ср. также: *Berve H. Die Tyrannis*. Bd. I. S. 64–65; II. S. 555–556.

(μνῆμα τόδε ἡὲς ἀρχῆς) Писистрат, сын Гиппия, поставил на теменосе Аполлона Пифийского».

В том же историческом контексте большой интерес представляет и третья надпись (№ 16), происходящая из святилища Геры на Самосе и датируемая около 500 г. Это — вырезанная на основании статуи (возможно, Геры) посвятельная запись Эака, сына Брихона, который во время исполнения своей должности сделал подношение Гере от средств, добытых разбоем. Официальное положение посвятителя не очень ясно: под употребленным им выражением «во время эпистасии» (κατὰ τὴν ἐπίστασιν) может скрываться обозначение и какой-либо конкретной должности, например, эпистата, наблюдающего за разбоем и добычей, и более общего положения магистрата вообще (ср. употребляемые для этого в других случаях термины «архонты» и «демиурги»), и, наконец, высшего правительственного поста. В любом случае, однако, примечательно указание на то, что посвящающий обладал неким официальным статусом.¹⁸

Не удивляет нейтральное, так сказать, упоминание о разбое, который, как известно, широко и открыто практиковался и самосцами, в частности и тираном Поликратом (см.: Нег., I, 70; III, 47; для Поликрата — III, 39), и другими эллинами в раннюю и даже классическую эпохи (ср.: Thuc., I, 4–7, а для более позднего времени — надпись, датируемую около 450 г. и содержащую договор об отношениях между критскими городами Кноссом и Тилиссом, в том числе о регламентации разбоя и разделе добычи [Meiggs—Lewis, № 42 В, стк. 1–11]).

Неясно, впрочем, какое именно отношение имел инициатор посвящения к разбою, ибо выражение τὴν οὐλήν ἔπρῃσεν можно понимать и переводить по-разному в зависимости от определения глагольной формы, — и как «взыскивал налог с добычи» (от πρῆσσω), и как «продавал добычу» (от περᾶω или περύνω), и как «сжигал добычу» (от πίπτωμι), и, наконец, как «чинил разбой» (от того же πρῆσσω). Первое толкование — наиболее распространенное, но нам лично более нравится последнее, предложенное Ф. Билабелем и одобренное В. Эренбергом, ввиду его более акцентированного исторического и политического смысла.¹⁹ Ведь фактом является, что представители клана Поликрата, к которому, скорее всего, как мы сейчас убедимся, относился и наш посвятитель, не только занимались морским разбоем, но и откровенно

¹⁸В таком общем истолковании слова ἐπίστασις сходятся практически все исследователи. Особняком стоит мнение эпиграфиста Г. Дунста, известное в передаче Г. Берве, о том, что ἐπίστασις надо отличать от ἐπίσταται, и что употребленное в надписи выражение следует понимать так: «согласно (божьему) наказу» (*Berve H. Die Tyrannis. Bd. II. S. 582*).

¹⁹*Bilabel F. Polykrates von Samos und Amasis von Ägypten // Neue Heidelb. Jahrb. 1934. S.133; Ehrenberg V. When did the Polis Rise? P.149, n.7.*

похвалялись им, давая то одному, то другому своему сыну имя «Сило-сонт», что можно передать примерно как «оберегатель добычи» (Συ-λοσῶν от σύλη и σώζω). Так именно звались, во-первых, один из предшественников Поликрата, возможно его дед (Polyaen. VI, 45), а во-вторых, младший брат Поликрата, позднее и сам ставший тираном (Her., III, 39, 139–149; VI, 13 и 25).²⁰

Последний и наиболее интересный среди вопросов, возбуждаемых самосской надписью, касается личности самого посвяителя. Первые исследователи датировали эту надпись временем около 540 г. и в Эаке — авторе посвящения склонны были видеть одноименного отца знаменитого самосского тирана Поликрата.²¹ Однако затем датировка надписи (как и статуи, на которой она вырезана) была пересмотрена, и теперь ее относят к самому концу VI в. В таком случае фигурирующий в ней Эак, естественно, не может быть отцом Поликрата (напомним, что правление последнего датируется приблизительно 538–522 гг.). Тем не менее ничто не мешает видеть в нашем посвятителе отпрыска все того же семейства, продолжавшего традиционную линию поведения — стремление к личному обогащению и возвышению в сочетании с исполнением какой-либо высокой официальной должности.

Взятые в целом, материалы, рассмотренные в этом разделе, хорошо иллюстрируют знакомую нам по литературным источникам картину весьма непростых отношений древней авторитарной власти с гражданским обществом и государством. В любом случае важной является возможность заключения о стремлении тиранов сохранять республиканские государственные формы и оставаться, таким образом, под неким легальным прикрытием. Это, конечно, говорит о наличии известного политического диалога между порожденными смутю режимами личной власти и формирующимися гражданскими общинами, стало быть — о неоднозначности политической роли и значения неотлучной спутницы архаической революции — старшей тирании. Однако важно здесь и другое: необходимость для древних тиранов оглядываться на существующие традиции полисной государственной жизни говорит о силе этих традиций, следовательно, о развитии их уже в период, предшествующий явлению старшей тирании, т. е. до середины VII в. до н. э.

Завершая наш обзор, сформулируем ряд более общих выводов, которые, как нам кажется, напрашиваются после знакомства с эпиграфическими свидетельствами греческой архаики в той выборке, как они

²⁰См. также: *Berve H. Die Tyrannis. Bd. I. S. 107, 115; II. S. 581, 587*

²¹*Curtius L. Samiaca, I // Athenische Mitteilungen. Bd. XXXI. 1906. S. 151–165; Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Editio III. Vol. I. Leipzig, 1915. № 10. P. 9–10; Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol. I. Oxford, 1946. № 7. P. 10.*

представлены в сборнике Р. Мейггса и Д. Льюиса. При этом надо принять во внимание проводимое в этом издании, главным образом по примеру Л. Джеффери, систематическое снижение датировок на четверть и даже на половину столетия по сравнению с распространенными ранее мнениями первоиздателей, — тенденция отнюдь не обязательная, не исключающая возможности обратной передатировки и, таким образом, отодвижения в глубь веков целого ряда важных документов.

Итак, опираясь на приведенные материалы и соображения, можно постулировать прежде всего сравнительно раннее распространение в послемикенской Греции новой алфавитной письменности — не с VII столетия, как полагали в свое время радикальные последователи Ф.-А. Вольфа, а с IX, а может быть даже и с конца X в. до н. э.²² Соответственно и сложение и запись героического гомеровского эпоса могут быть уверенно приурочены к традиционному временному моменту — к рубежу IX–VIII вв. (ср.: Xenophon. ap. A. Gell., III, 11 = DK 21 B 13; Her., II, 53, и др.). Точно также развитие и укоренение практики документальных эпиграфических записей, равно как и прозаической историко-хронографической традиции, следует относить к тому же или чуть более позднему времени (ср. прочно зафиксированные в традиции начальные вехи списков: олимпийских — с 776, спартанских эфоров — с 755, афинских архонтов-эпонимов — с 663 г. до н. э.).

Далее, можно констатировать несомненное лексическое богатство официального политического языка греков в так называемое архаическое время, что видно даже в сравнении с языком ранней лирики. Во всяком случае, если последняя демонстрирует изощренную лексику этического и социального порядка, то документальные материалы содержат богатые россыпи лексики политической, изобилующей специальными терминами для понятий государства, гражданства, различных институтов, правовых норм и ситуаций и т. п.

Наконец, опираясь на эти доставляемые эпиграфикой данные и впечатления, можно заключить о сравнительно высоком уровне политической жизни греков уже в VII в. до н. э. Соответственно радикальные сдвиги в социально-экономической и политической сферах, обусловившие рождение у греков новой классической цивилизации, — а под этими сдвигами мы понимаем возникновение городов, формирование государственных структур, складывание гражданских общин полисного типа, — следует отнести не к рубежу VIII–VII или даже VII–VI вв., как это делают скептики вроде Г. Берве и Ч. Старра, а гораздо ранее, к рубежу IX–VIII вв. Только тогда нам будет понятен тот документальный взрыв, тот наплыв эпиграфических материалов, который, с первого взгляда, столь неожиданно является в VII столетии до н. э.

²²Ср.: Bengtson H. GG⁴. S. 60–62.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

К гл. 1 — Греческий полис как исторический и историографический феномен

Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998

Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Древний город и античный полис // Город как социокультурное явление исторического процесса / Под ред. Э. В. Сайко. М., 1995. С. 93–99

Molho A., Raaflaub K., Emlen J. (ed.). City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Stuttgart, 1991

Rich J., Wallace-Hadrill A. (ed.). City and Country in the Ancient World (Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol.2). London; New York, 1991

Owens E. J. The City in the Greek and Roman World. London; New York, 1991

Hansen M. H. (ed.). The Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1993

Hansen M. H., Raaflaub K. (ed.). Studies in the Ancient Greek Polis (Historia-Einzelschriften, H. 95). Stuttgart, 1995

Hansen M. H., Raaflaub K. (ed.). More Studies in the Ancient Greek Polis (Historia-Einzelschriften, H. 108). Stuttgart, 1996

Murray O., Price S. (ed.). The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1990

Nielsen Th. H. (ed.). Even More Studies in the Ancient Greek Polis (Historia-Einzelschriften, H. 162). Stuttgart, 2002

Rhodes P. J. The Greek City States. A Source Book. Norman; London, 1986

Sakellariou M. B. The Polis-State: Definition and Origin (Meletemata, 4). Athens, 1989

Snodgrass A. M. Archaeology and the Study of the Greek Polis // City and Country in the Ancient World. London; New York, 1991. P. 1–23

Welwei K. M. Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1983

К гл. 2 — Исторические предпосылки полиса (проблема генезиса)

Андреев Ю. В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002

Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003 (переиздание монографии, впервые опубликованной в 1976 г., приложением ряда статей, относящихся к той же теме)

Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады. СПб. 2003

Audring G. Zur Struktur des Territoriums griechischer Polis in archaischer Zeit (nach den schriftlichen Quellen) (Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike, 29). Berlin, 1989

Bockisch G. Heroenzeit und militärische Demokratie // Klio. Bd.69. 1987. H. 2. S. 374–387

Carruba O. L'arrivo dei Greci, le migrazioni indoeuropee e il torno degli Eraclidi // Athenaeum. Vol. 83. 1995. Fasc. 1. P. 5–44.

Coulson W. D. E. The Greek Dark Age. A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research. Athens, 1990

Donlan W. The Pre-State Community in Greece Symbolae Osloenses. Vol. 64. 1989. P. 5–29

К гл. 3 — Экономический прогресс и социальная борьба

1. Греческое общество в архаическую эпоху

Кондратьев М. А. Проблема происхождения греческого алфавита в современной историографии // Вестник Московского ун-та. Серия 8 — История. 1990. №5. С. 61–67

Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001

Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999

Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001

Снодграсс А. М. История Греции в свете археологии // ВДИ. 1992. № 2. С. 32–40

Согомонов А. Ю. Раннегреческий полис и «героический век»: столкновение двух эпох в VIII в. до н. э. (обзор материалов 2-го Меж-

дународного симпозиума при Шведском институте в Афинах) // ВДИ. 1988. № 1. С. 230–245

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002

Яўленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990

Mitchell L. G., Rhodes P. J. (ed.). The Development of the Polis in Archaic Greece. London; New York, 1997

Connor W. R. Tribes, Festivals and Processions; Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // JHS. Vol. 107. 1987. P. 40–50

Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History. The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003

Morris J. The Early Polis as City and State // City and Country in the Ancient World. London; New York, 1991. P.25–57

Mossé C. La Grèce archaïque d'Homère à Eschyle. Paris, 1984

Most G. W. Zur Archäologie der Archaik // Antike und Abendland. Bd. XXXV. 1989. S. 1–23

Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte (Historia-Einzelschriften. H.109). Stuttgart, 1997

Pecirka J. Probleme der Erforschung der frühen griechischen Polis // Klio. Bd. 69. 1987. H. 2. S. 351–373

Powell B. B. Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge; New York, 1991

Ruschenbusch E. Übervölkerung in archaischer Zeit // Historia. Bd.40. 1991. H. 3. S. 375–378

Schönert-Geiss E. Einige Bemerkungen zu den prämonetären Geldformen und zu den Anfängen der Münzprägung // Klio. Bd. 69. 1987. H. 2. S. 406–442

Snodgrass A. An Archaeology of Greece: the Present State and Future Scope of a Discipline (Sather Classical Lectures, 53). Berkeley; Los Angeles, 1988

Starr Ch. G. Individual and Community: the Rise of the Polis, 800–500 B. C. New York; Oxford, 1986

Wachter R. Zur Vorgeschichte des griechischen Alphabet // Kadmos. Bd. XXVIII. 1989. H. 1. S. 19–78

Walter U. An der Polis teilhaben: Bürgerstaat und Zugehörigkeit im archaischen Griechenland (Historia-Einzelschriften. H. 82). Stuttgart, 1993

2. Древняя царская власть

Перевалов С. М. Проблема гомеровской царской власти в современной историографии // Общество и государство в древности и средние века / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1986. С. 14–34

Barcelo P Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland (Historia-Einzelschriften. H. 79). Stuttgart, 1993

Musti D. Recenti studi sulla regalità greca: prospettivi sull' origine della città // RF Vol. 116. 1988. Fasc. 1. P. 99–121

3. Господство аристократии

Курбатов А.А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VII–VI вв. до н. э. // Античная гражданская община / Под ред. И. С. Свенцицкой. М. 1986. С. 3–29

Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000

Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart, 1987

Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zur griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1989

К гл. 4 — Первоначальная законодательная реформа

Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991

Gagarin M. Early Greek Law. Berkeley; Los Angeles; London, 1986

Link S. Die Gesetzgebung des Zaleukos im epizephyrischen Lokroi // Klio. Bd. 74. 1992. S. 11–24

К гл. 5 — Колонизация и тирания

1. Колонизация

Вонсович А. Сравнительный метод в изучении греческой колонизации // ВДИ. 1995. № 4. С. 108–110

Трейстер М. Ю. Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ. 1988. № 1. С. 17–43

Boruchovic V G. Die ägäische Kolonisation // Klio. Bd. 70. 1988. H. 1. S. 86–144

Casevitz M. Le vocabulaire de la colonisation en grec ancien. Etude lexicologique: les familles de κτίζω et de οἰκέω-οἰκίζω (Etudes et commentaires, 97). Paris, 1985

Cawkwell G. L. Early Colonisation // ClQu. N. S. Vol. 42. 1992. № 2. P. 289–303

Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece (Studies in Greek and Roman Religion, 3). Leiden, 1987

Norbert E. Probleme der griechischen Kolonisation am Beispiel der milesischen Gründungen // *Eos*. Vol. 73. 1985. Fasc. 1. S. 81–99

2. Τυραννία

Brandt H. Γῆς ἀναδασμός und ältere Tyrannis // *Chiron*. Bd. XIX. 1989. S. 207–220

Brandt H. Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron*. Bd. XXVIII. 1998. S. 193–212

Liberio L. de. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996

Κ γλ. 6 и 7 — Контуры процесса на греческом Западе (Леонтины и Сиракузы)

Luraghi N. Tirannidi arcaiche in Sicilia e Magna Grecia da Panezio di Leontini alla caduta dei Dinomenidi. Firenze, 1994

Κ γλ. 8 — Социально-политическое развитие Гераклеи Понтийской

Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike: eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung (Asia-Minor-Studien. Bd. 30). Bonn, 1998

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) сборники источников, справочные пособия, общие труды

КБН	— Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
ATL	— Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I-IV Cambridge (Mass.)—Princeton (N.Y.), 1939-1953
Bengtson SVA	— Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd. II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. München; Berlin, 1962 (2.Aufl. — 1975).
CAH	— The Cambridge Ancient History. Vol. I-XII. Cambridge, (1923) 1924-1939 (2 nd ed. 1970—)
CIA	— Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol. I-III. Berlin, 1873-1897
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. I-IV Berlin, 1828-1877
DA	Daremberg Ch. et Saglio E. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. T. I-V Paris, 1877-1919
Diehl ALG ³	Diehl E. Anthologia Lyrica Graeca. Editio III. Fasc. 1-3. Leipzig, 1954-1955.
Ditt. Syll. ³	— Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio III. Vol. I-IV Leipzig, 1915-1919
D-K	— Diels H. und Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. 5.Aufl. Bd. I-III. Berlin, 1934-1939.
F(ontenrose)	— Fontenrose J. Catalogue of Delphic Responses // Fontenrose J. The Delphic Oracle: its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. P 240-416 (H — Historical Responses; Q — Quasi-Historical Responses; L — Legendary Responses; F — Fictional Responses)
FgrHist	— Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I-III. Berlin; Leiden, 1923-1958
FHG	— Muelleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I-V Paris, 1841-1872
IG	— Inscriptiones Graecae. Vol. I-. Berlin, 1873-

- IG² — Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I-II/III. Berlin, 1913-1924
- IOSPE — Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I-II, IV Petropoli, 1885-1890, 1901 (Vol. I²: 1916)
- Kleine Pauly — Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I-V München, 1964-1975
- LSJ — Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford, (1940) 1996
- Ch. Michel — Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Paris, 1900. Supplement: Paris, 1912
- ML — Meiggs R. and Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, (1969) 1971
- Nauck TGF² — Nauck A. Tragicorum Graecorum Fragmenta. Editio II. Leipzig, 1889
- OGIS — Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I-II. Leipzig, 1903-1905
- P-W — Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I-II. Oxford, 1956 (I — The History; II — The Oracular Responses)
- RE — Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart; München, 1894-1978
- M. N. Tod — Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol. I-II. Oxford, 1946-1948

б) периодические издания

- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. VI серия
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
- СА — Советская археология
- Труды ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
- АААН — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
- Abh. Akad. Mainz — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse

ABSA	The Annual of the British School at Athens
ACI	L'Antiquite classique
AJA	— American Journal of Archaeology
AJPh	— American Journal of Philology
AM	Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
ASAW	Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wis- sensschaften
BCH	— Bulletin de correspondance hellenique
BJRL	— Bulletin of the John Rylands Library
CIPh	— Classical Philology
CIQu	— Classical Quarterly
CM	— Classica et mediaevalia
CRAI	— Comptes-rendus des seances de l'Academie des inscrip- tions et belles-lettres
EAZ	— Ethnographisch-archaeologische Zeitschrift
HSCIPh (HSPh)	— Harvard Studies in Classical Philology
HZ	— Historische Zeitschrift
JclPh	— Jahrbücher für classische Philologie
JDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
JHS	— The Journal of Hellenic Studies
JNG	— Jahrbücher für Numismatik und Geldgeschichte
JOAI	— Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen Insti- tutes in Wien
JRS	— The Journal of Roman Studies
MAL	— Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di scienze morali, storiche e filologiche
NGG	— Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
NJb	— Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Paedagogik
PP	— La parola del passato. Rivista di studi antichi
RA	— Revue archeologique
RAL	— Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti. Classe di scienze morali, storiche e filologiche
REA	— Revue des Etudes Anciennes
REG	— Revue des Etudes Grecques
RF	— Rivista di filologia e di istruzione classica
RH	— Revue historique
RhM	— Rheinisches Museum für Philologie
RPh	— Revue philosophique
SB Berlin	— Sitzungsberichte der (Preussischen) Akademie der Wis- sensschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse
SB Leipzig	— Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wis- sensschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse

- SB München — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Philosophisch-philologische und historische Klasse
- SB Wien — Sitzungsberichte der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse
- TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
- WS — Wiener Studien
- ZN — Zeitschrift für Numismatik
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к первому изданию.	3
Предисловие ко второму изданию.	5
Часть I. НА ПУТИ К ПОЛИСУ	6
Глава 1. Греческий полис как исторический и историографический феномен (к постановке вопроса)	
1. Классическая концепция полиса.	
2. Новейшее скептическое направление	19
3. Отечественная (советская) историография	44
Глава 2. Исторические предпосылки полиса (проблема генезиса)	56
1. Исходный момент. Ситуация рубежа II–I тыс. до н.э.	
2. На пути к полису. Гомеровское общество.	64
3. Становление (прото)полиса. Синойкизм.	84
Часть II. АРХАИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПОЛИСА.	94
Глава 3. Экономический прогресс и социальная борьба	
Глава 4. Первоначальная законодательная реформа..	124
Глава 5. Колонизация и тирания..	146
1. Великая колонизация VIII–VI вв. до н.э.	
2. Раннегреческая тирания	163
Часть III. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА В ЗОНЕ КОЛОНИЗАЦИИ	172
Глава 6. Контурь процесса на греческом Западе. Смута в Леонтинах.	
Глава 7. Социальная борьба в архаических Сиракузах	184
Глава 8. Социально-политическое развитие Гераклеи Понтийской	205

Заключение	232
Приложение. Греческий полис в отражении древнейших эпитафических документов	238
<i>Дополнительная библиография</i>	255
<i>Список сокращений</i>	260

Эдуард Давидович Фролов

РОЖДЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА

Директор Издательства проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 08.04.2004. Формат 60 × 90¹/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,75. Заказ 178.

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.